

NO. 1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

KRESLEY COLE

"The electrifying mix of
page-turning, postapocalyptic
adventure and sizzling romance."
—*P.C. CULT*, #1 New York
Times bestselling author of
the *House of Night* series

POISON PRINCESS

The Arcana Chronicles

Она могла спасти мир — или разрушить его.

Шестнадцатилетняя Эванджелин «Эви» Грин ведет спокойную жизнь, пока не начинает страдать от ужасающих галлюцинаций. Когда случившийся Апокалипсис опустошает ее родной город в Луизиане, Эви понимает, что ее галлюцинации, фактически, были видениями будущего — и они все еще продолжаются. Борясь за жизнь, и отчаянно нуждаясь в ответах, она вынуждена просить помощи у своего живущего на-неправильном-рукаве-реки одноклассника, Джека Дево.

Она, так или иначе, не может сделать этого в одиночку.

С его длинной в милю списком приводов в полицию, злой ухмылкой и плохим характером, Джек не похож ни на одного парня, которого когда-либо знала Эви. Даже притом, что он, как ей казалось, прежде призрачил ее, он соглашается защитить Эви в ее поисках. Она знает, что не может полностью рассчитывать на Джека.

Кому же сможет довериться Эви?

В погоне за источником ее видений, Джек и Эви встречают других, видевших те же самые предупреждения. Древнее пророчество сбывается, а Эви не единственная наделена особым даром. Группа из двадцати двух подростков была избрана, чтобы вступить в последнее сражение между добром и злом. Но не всегда ясно, кто на чьей стороне...

Кресли Коул

Принцесса яда

246 день после Апокалипсиса

РЕКВИЕМ. ТЕННЕССИ ПРЕДГОРЬЯ СМОКИ-МАУНТИНС

Она такая красивая, такая хрупкая. Прекрасные глаза. Этот розовый бутон губ... они будут так красиво кричать. Я глазел в дверной глазок, желая, чтобы девушка подошла ближе. Она так близко! Приди ко мне. В пепельных сумерках, она шагала по тротуару, ведущему к моему обугленному викторианскому дому, борясь с решением подойти ли ближе. Холодный ветер развеивал ее густые волосы. Она была одета в поношенные джинсы, потрепанные походные ботинки, и прятала руки в карманах старой толстовки. Ее одежда не подходила для температуры снаружи, лишь недавно снизившейся после изнывающей жары, которая была всю зиму. Погода ухудшалась с приближением лета...

Она подняла взгляд. Неужели она уловила запах еды идущий из моего дома? У меня была говяжья тушенка, медленно кипящая в дровяной печи. Она что заметила дымок выходящий из трубы? Она выглядит голодной; после Вспышки они всегда голодны.

Все в моем убежище предназначалось для того, чтобы заманить ее ко мне. Если ярко светящийся керосиновый фонарь не был достаточным маяком для путешественников, то у меня имелся указатель на плакате — написанный маркером и обернутый полиэтиленовой пленкой — прикрепленный к двери:

ГОЛОСА ВЗРЫВА.

ГОРЯЧАЯ ПИЦЦА, БЕЗОПАСНЫЙ КРОВ, ПРОСТО РАССКАЖИТЕ МНЕ СВОЮ ИСТОРИЮ АПОКАЛИПСИСА.

Мой дом идеально располагался на перекрестке в этом городе-призраке. Большинство моих гостей, говорили мне, что их жизнь тоже на перепутье. Эта девушка, очевидно, такая же. Ранее, она следовала за мной на расстоянии, наблюдая, как я срезал мертвые растения, пытаясь очистить знак на въезде в город. Реквием, Теннесси, население 1212.

Вспышка свела это число до однозначной цифры. Сейчас здесь был только я. В то время пока я работал над знаком, то напоказ насвистывал веселую мелодию. Она подумает, что я приличный человек, старающийся жить нормально.

Теперь она все еще смотрит на дверь. Она все обдумала. Я вижу это в ее застывших худеньких плечах. Когда она приближается к главному входу, я разглядываю ее черты более отчетливо. Возможно, она ростом на пару дюймов выше пяти футов. У нее стройная фигура, нежное лицо и на вид ей не больше шестнадцати лет. Но намек на женственные изгибы, которые я замечаю под толстовкой, дает мне понять, что она немного старше. Ее глаза васильково-синие — дерзкого цвета, по сравнению с бледными щеками, они наполнены горем. Эта бродяжка знала много потерь. Но у кого их не было после Апокалипсиса? Она намерена узнать больше. Подойдя ближе. Она не решается ступить на крыльцо. Нет, иди ко мне! Глубоко вздохнув, она подходит к моей двери; я дрожу в ожидании, словно паук, висящий в своей паутине. Я уже чувствую связь с этой девушкой. Я уже говорил об этом в прошлом — с другими вроде меня, умевшими выражать словами их связь с объектами — но на сей раз я действительно чувствую невиданную напряженность. Я хочу обладать ею так сильно, что еле сдерживаю стон. Если я смогу заманить ее внутрь, она будет поймана в ловушку. Внутренняя часть дверной ручки отсутствует; единственный способ открыть ее — с

помощью плоскогубцев. Окна сделаны из небьющихся прозрачных листов. Все остальные двери наружу, забиты гвоздями.

Она поднимает руку и тихонько стучит, затем пугливо отступает на шаг. Я жду в течение нескольких секунд — целую вечность — после чего топочу ногами, как будто приближаюсь.

Когда я открываю дверь с широкой улыбкой, она заметно расслабляется. Я не такой, как она ожидала. Я выгляжу значительно старше, чем в мои неполные двадцать. На самом деле, я моложе. Примерно ее возраста, как я полагаю. Но моя кожа стала обветренной после Вспышки. И мои опыты тоже взяли свою дань. Тем не менее, девушки в подвале, мои маленькие крысы, уверяют меня, что я самый красивый парень, которого они когда-либо видели. Поэтому у меня нет оснований думать иначе. Вот только мой разум чувствует себя старым. Мудрец в облике мальчика.

— Пожалуйста, входи, там холодно, — говорю я ей, делая широкий жест рукой. — Взгляни на себя, ты должно быть замерзла!

Она осторожно заглядывает внутрь, взгляд мечется от стены к стене. Интерьер выглядит дружелюбно при свете свечей. Самодельное стеганое одеяло расстелено на диване. Кресло-качалка стоит прямо перед потрескивающей топкой. Мое логово выглядит безопасным, теплым, и бабушкиным. Раньше здесь жила пожилая женщина, прежде чем я зарезал ее и сделал этот дом своим.

Девушка с тоской перевела глаза на кресло-качалку и огонь, но ее мышцы все еще были напряжены. Изображая печаль, — я говорю:

— Боюсь, что здесь только я. После Вспышки...

Я замолкаю, позволяя ей предположить, что мои близкие погибли в апокалипсисе. Пожалей меня. Пока ты не увидела свой новый ошейник.

Наконец, она переступает порог! Чтобы не взвыть от удовольствия, я прикусываю внутреннюю часть своей щеки, пока резкий вкус крови не попадает на язык. Каким-то образом мне удалось даже смягчить тон, когда говорю ей:

— Я — Артур. Пожалуйста, присядь у огня.

Ее хрупкое тело дрожит, а глаза полны решимости, когда она смотрит на меня.

— Сп-пасибо.

Она направляется к креслу-качалке.

— Я — Эванджелин. Эви.

За ее спиной, я украдкой достаю из кармана плоскогубцы и закрываю дверь. Когда защелкивается замок, я улыбаюсь. Она моя. Она больше никогда не покинет это место. Останется ли она в живых или умрет внутри, зависит от нее.

— Ты голодна, Эви? У меня есть подогретая тушенка. И, может быть, чашку горячего шоколада?

Я почти слышу, как она сглатывает слюну.

— Да, п-пожалуйста, если это не слишком вас затруднит. Она садится и протягивает руки к огню. — Я умираю от голода.

— Я скоро вернусь.

На кухне, я накладываю тушенку в миску, тщательно накрывая ужин на подносе. Это ее первая еда со мной. Все должно быть безукоризненно. В подобных вещах я скрупулезен. Моя одежда безупречна, а волосы аккуратно причесаны. Приготовленный мной скальпель аккуратно спрятан в кармане блейзера. Подвал, однако, это уже другая история.

Около миски, я ставлю чашку горячего шоколада, сделанного из моих иссякающих запасов воды. Из сахарного дозатора, я насыпаю одну чайную ложку белого порошка — это не подсластитель. С каждым глотком напитка она будет все больше и больше расслабляться, пока ее мышцы не откажут, но она будет оставаться в сознании. Неподвижная и все же осознающая. Важно то, чтобы она полностью вкусила наше общение. Мое домашнее варено никогда меня не подводило.

Вообще-то, пришло время для моего эликсира. Я взял пузырек с пробкой из своего кабинета, и опустошил его кислое содержимое. Мои мысли стали более сосредоточенными, а взгляд яснее.

— А вот и мы, — говорю я, возвращаясь. Ее глаза распахнулись от изобилия на подносе. Когда она облизнула основание своей пухлой губы, поднос заскрежетал, задрожав в моих руках. — Если бы ты взяла поднос...

Она почти подпрыгнула, помогая мне устроить его, и в тот же момент уткнулась туда. Я сажусь на диван — не слишком близко, осторожно, чтобы не потеснить ее.

— Итак, Эви, я уверен, что ты видела знак на передней части дома.

Она кивает, слишком занятая жеванием, чтобы произнести ответ.

— Я хочу, чтобы ты поняла, что я рад помочь тебе. Все, что я прошу, что бы ты поделилась со мной какой-то информацией. — И чтобы кричала, когда я касаюсь тебя, вздрагивая от боли всякий раз, когда я рядом. — Я записываю истории людей, пытаюсь сохранить их для будущего. Мне нужна история о том, как люди выживали после катастрофы.

По сути верно. Я записываю рассказы своих девушек — данные для моих сюжетов — а позже их крики.

— Ты заинтересована мне помочь?

Она настороженно следит за мной, заканчивая со своей тушенкой.

— Что бы вы хотели узнать?

— Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне, что произошло за несколько дней до Вспышки. И затем, как вы справились с последствиями. Я записал бы это. Я жестом показываю на магнитофон на батарейках, стоящий на краю стола, и смущенно улыбаюсь.

— Консервативно, понимаю.

Она дотягивается до своей кружки, поднимает ее, дуя сверху. Пей, малышка. Когда она делает глоток, я облегченно выдыхаю. Она пьет тост за свою гибель, или же за наше начало.

— Значит, вы просто запишите то, что рассказываю?

— Верно. — Когда я поднимаюсь, чтобы убрать поднос, она хватается свою кружку, прижимая к груди. — Эви, у меня еще есть на кухне. Я вернусь и принесу его целый котелок.

К тому времени, когда я вернулся с котелком и своей собственной кружкой, она допила свой шоколад. Ее толстовка сейчас была обмотана вокруг талии, и когда она подбрасывала топливо в огонь, футболка с короткими рукавами обтянула ее груди. Я так сильно сжал ручку кружки, что испугался как бы она не сломалась. Потом нахмурился. Я, обычно, не так соблазняюсь своими подданными. Смешивать работу и удовольствие — это... грязно. Но ее очарование опьяняет. Ранее в городе, когда впервые ее увидел, я возжелал ее, представляя ее в своей постели, раскрывшую мне объятья. Окажется ли она одиночкой? Она садится на место, притягивая мой взгляд.

— Почему вы хотите знать обо мне? — в ее голосе слышится тягучие нотки южного акцента.

Я прочищаю горло и отвечаю:

— У тех, кто бывает здесь, есть своя история выживания. Вы не исключение. — Я занимаю свое место на диване. — Я хочу узнать о вашей жизни. До и после Вспышки.

— Зачем до Вспышки?

Чтобы получить основную историю моего нового подопытного. Вместо этого я говорю:

— Апокалипсис вывернул жизнь наизнанку, изменяя людей. Для того чтобы выжить, им пришлось сделать много вещей, которые они никогда думали, что смогут совершить. Я хочу, по возможности, побольше подробностей... Ты не должна говорить свою фамилию, если это поможет тебе чувствовать себя более комфортно.

Держа губы над ободком кружки, она бормочет:

— Моя жизнь уже вывернулась наизнанку до Вспышки.

— Что ты имеешь в виду?

Я протягиваю руку и нажимаю на кнопку записи. Похоже, она не против.

— За несколько недель до этого, я вернулась домой после летних каникул. И все стало не таким.

— А где был твой дом? — спрашиваю я, почти не дыша, так как не спускаю с девушки глаз. Ее веки потяжелели, а светлые волны волос блестят в свете огня. Она перекидывает шелковистые пряди через плечо, и я улавливаю тонкий намек на ее аромат — чистый, цветочный. Даже через восемь месяцев после Вспышки, когда испарились все озера и реки, она умудрялась пахнуть, словно только вышла из ванной. Удивительно. В отличие от зловонных, маленьких крыс в моем подzemелье.

— Мой дом был в Луизиане, на красивой ферме выращивающей сахарный тростник — "Хейвен" — Она откидывается в кресле, мечтательно глядя в потолок, вспоминая: — все вокруг нас, было бесконечно простирающимся морем зеленого тростника.

Вдруг во мне открылось страстное желание узнать об этой девушке все. Почему она одна? Как она могла очутиться так далеко на севере без мужской защиты? Если Бэгмены не заполучили ее, то должны были поймать работорговцы или ополченцы. И я понимаю, что она, должно быть, совсем недавно потеряла своего защитника — иначе, почему столь симпатичная девушка одна. Мой выигрыш.

— Какие-то проблемы дома? — какой она будет — ее история — ссоры с родителями, наказание за нарушение комендантского часа или грязной разборкой с местными жеребчиками из средней школы? — ты можешь рассказать мне. Я усердно ей киваю.

Она делает глубокий вдох и прикусывает губу. В этот момент, я понимаю, она приняла решение, рассказать мне все.

— Артур, я... Меня только что выпустили из психиатрической клиники. — Она смотрит на меня из-под ресниц, оценивая мою реакцию, несмотря на видимую боязнь ее.

Я еле успеваю не позволить своей челюсти отвиснуть.

— Из психиатрической клиники?

— Я была больна последнюю четверть учебного года, поэтому мама заставила меня поехать в клинику в Атланте.

Эта девушка была послана мне небесами! Я тоже был болен. Пока не проверил свое варево на себе, в конечном счете, найдя лекарство. Ее представление о болезни и мое, вероятно, отличались в смертельной степени... но я мог бы научить ее, как подавить и принять тьму.

— Не могу поверить, что откровенничаю об этом. — Она хмурится, а потом шепчет: —

я не смогла рассказать ему свои секреты.

Ему — ее предыдущему защитнику? Я должен узнать эти секреты! Она дарит мне нежную улыбку.

— Почему я чувствую себя так легко с тобой?

Потому что наркотики действуют даже сейчас, расслабляя тебя.

— Пожалуйста, продолжай.

— Я пробыла дома всего лишь две недели, и со мной снова начали происходить странные вещи. Я проводила время в кошмарах и галлюцинациях, которые были настолько реальны, что я не могла сказать, происходит это во сне или наяву.

Эта встревоженная девочка, одинаково хрупка как умом, так и телом. Она моя. Посланная небесами. Я покрылся испариной от сдерживаемого нетерпения. Она этого не замечает, потому что снова изучает потолок, вспоминая.

— Учебный год начался за неделю до Вспышки, и за семь дней, до моего шестнадцатилетия.

— Твой день рождения был в один день с апокалипсисом? — Спрашиваю я, повисив от волнения голос. Она кивает.

— Что тогда произошло?

Она ставит ногу на кресло, и использует другую, чтобы легко качнуть себя.

— Помню, как в понедельник утром одевалась в школу — моя мама боялась, что я была не готова вернуться. — Она выдыхает. — Мама была права.

— Почему?

Эви встречается со мной взглядом.

— Я расскажу вам. всю свою историю. И я постараюсь вспомнить как можно больше. Но, Артур...

— Да?

Ее глаза сверкнули, а лицо покраснело. Она была изящно несчастной.

— То, что как я полагаю, произошло, не может быть тем, что на самом деле имело место.

6 ДНЕЙ ДО АПОКАЛИПСИСА СТЕРЛИНГ, ЛУИЗИАНА.

— Как твое самочувствие? — спросила мама, оценивая меня взглядом. — Ты уверена, что выдержишь это?

Я закончила укладывать волосы, приклеила на лицо улыбку и солгала сквозь зубы.

— Определенно. — Хотя мы уже говорили об этом, я терпеливо повторилась: — врачи сказали, что возвращение к нормальному режиму, может хорошо повлиять на такую как я. Ну, по крайней мере, так сказали трое из пяти. Двое других настаивали, что я все еще была неуравновешенной. Заряженным ружьем. С вероятностью того, что посыплются проблемы.

— Я просто должна вернуться в школу, в круг своих друзей. Всякий раз, когда я это ей цитировала, то прижималась к ней, мама чуть расслаблялась, будто это было доказательством, что я на самом деле слушала их.

Сцепив руки за спиной, мама начала бродить по моей комнате, ее глаза метались по моим пожиткам — привлекательный, светловолосый Шерлок Холмс, вынюхивающий любые секреты, которые она еще не знала. Она бы ничего не нашла; я успела спрятать свою контрабанду в сумке с книгами.

— У тебя были кошмары прошлой ночью?

Она слышала, как я вскочила ночью с криком?

— Не-а.

— Когда ты сталкивалась со своими друзьями, ты призналась кому-нибудь, где на самом деле была?

Мы с мамой всем говорили, что я уезжала в школу "хороших манер". В конце концов, не может быть слишком рано подготовить дочь для соперничества в женском обществе Юга.

На самом деле, я был заперта в Детском Исследовательском Центре, клинике для детей с психическими отклонениями. Также известной, как Последний Шанс Ребенка.

— Я никому не говорила о ПШР, — сказала я, в ужасе от мысли, что мои друзья или бойфренд, обо всем узнают. Только не он. Брэндон Рэдклифф. С его карими глазами, улыбкой кинозвезды, и вьющимися светло-каштановыми волосами.

— Хорошо. Это только наше дело.

Она остановилась у большого рисунка на стене, и с тревогой наклонила голову. Вместо симпатичной акварели или эскиза в стиле ретро, я нарисовала мрачный пейзаж из переплетенных виноградных лоз, угрожающих дубов, и потемневшего неба, нависшего над поверхностью тростника. Я знала, что она обдумывает нарисованное на картине, боясь, что я достигла своего предела и взбунтуюсь.

— Ты принимала этим утром лекарства?

— Как я всегда и делаю, мам.

Хотя я не сказала бы, что от маленьких горьких таблеток было много толку моим кошмарам, они всего лишь избавили от видений, изводивших меня прошлой весной. Эти страшные галлюцинации были настолько реалистичными, что я временно слепа для окружающего мира. Я еле закончила второй год обучения, отрицая видения, стараясь вести

себя так, словно ничего не произошло.

В одном из этих видений я видела пылающие на ночном небе огни. Под волнами огня, крысы и змеи сбились в кучу на лужайке перед Хейвеном, в то время как земля напоминала водную рябь.

В другом, солнце светило ночью, выжигая людям глаза, пока они не вытекали с гноем, их тела мутировали, а мозг разлагался. Они становились похожими на зомби, пьющих кровь, их кожа напоминала смятые бумажные пакеты и сочилась, пахнущей тухлятиной, слизью.

Моя ближайшая цель была проста: не оказаться сосланной обратно в ПШР. Моя долгосрочная цель была намного перспективней: пережить оставшуюся часть средней школы, чтобы я смогла сбежать в колледж.

— У вас с Брэндоном все так же?

В мамином голосе звучало сомнение, как будто она не понимала, почему он все еще собирался общаться со мной, после моего трехмесячного отсутствия.

— Он скоро будет здесь, — сказала я категоричным тоном. Теперь она заставила меня нервничать.

Нет-нет. Все лето он исправно писал мне, хотя мне разрешали отвечать только дважды в месяц. И с тех пор, как я вернулась на прошлой неделе, он был замечательным — мой веселый, улыбчивый бойфренд, приносящий мне цветы и водящий кино.

— Мне нравится Брэндон. Он очень хороший парень. — Наконец-то мама закончила этот утренний допрос. — Я рада что ты вернулась. Без тебя в Хейвене было слишком тихо.

Тихо? Мне очень хотелось сказать: — в самом деле, Карен? Ты хоть представляешь, что хуже тишины? Двадцатичетырехчасовой треск флуоресцентных ламп в центре, изо дня в день. Или быть может звуки, издаваемые моей изрезанной соседкой по комнате, наносящей удары в свое бедро соединенными вместе ложкой и вилкой? Как насчет отрывистого смеха без повода? В конце концов я ничего не сказала о центре. Всего пару лет и аут.

— Мам, у меня сегодня важный день. — Я перекинула через плечо рюкзак. — И я хочу быть снаружи, когда Брэнд появится. Я и так заставила его ждать меня все лето.

— О, конечно. — Она следовала за мной тенью вниз по парадной лестнице. У двери, убрав мои волосы за уши, поцеловала в лоб, будто я маленькая девочка. — Твой шампунь приятно пахнет, наверное, я позаимствую немного.

— Конечно. — Я еще раз натянуто улыбнулась, потом вышла на улицу. Туман в воздухе был такой неподвижный, словно земля выдохнула, но забыла вдохнуть еще раз.

Я спустилась с крыльца, и обернулась взглянуть на внушительный дом, в котором я отсутствовала чересчур долго. Хейвен Хаус был огромным особняком из двадцати двух комнат, с двенадцатью колоннами по фасаду. Его цвета — деревянная обшивка — легчайшие сливки, и штормовые ставни — темнейший зеленый лес — оставались неизменны с первоначальной постройки моей пра-пра-пра-бабушкой. Двенадцать массивных дубов окружали строение, их развесистые ветви местами переплетались, как у стотонной гидры, заманивающей добычу в ловушку. Местные жители думали, что Хейвен Хаус выглядит как населенный призраками. Учитывая, что это место купалось в тумане, я должна была согласиться, что это было справедливо.

Пока ждала, я побрела по лужайке поближе к ряду тростника, наклоняясь понюхать фиолетовый стебель. Ломкий, но не сладкий. Один из перистых зеленых листьев был завит так, что, казалось, будто он обхватил мою руку. Это заставило меня улыбнуться.

— Скоро ты получишь дождь, — пробормотала я, надеясь, что засуха в Стерлинге

наконец закончится.

Моя улыбка стала шире, когда я увидела, как блестящий Порш-кабриолет красным пятном, притормаживает на нашей устрично-ракушечной подъездной дороге. Брэндон. Он был самым завидным уловом в нашем приходе. Старшеклассник. Футбольный защитник. Богач. Тройной выгоды бойфренд.

Когда он подъехал, я с ухмылкой распахнула пассажирскую дверь:

— Привет, здоровяк.

Но он нахмурился:

— Ты выглядишь...усталой.

— Я допоздна не могла добраться до кровати, — ответила я, взглянув через плечо, бросая сумку на крохотное заднее сиденье. Когда кухонная занавеска колыхнулась сбоку, я еле удержалась чтобы не закатить глаза. Два года и аут...

— Ты хорошо себя чувствуешь? — его взгляд был полон беспокойства. — Мы можем прихватить по пути кофе.

Я закрыла за собой дверь.

— Непременно. Как-нибудь.

Он не похвалил мой внешний вид, ни мои волосы, ни наряд — мое нежно-голубое платье без рукавов от Хлои, с низом не более чем на четыре дюйма выше колен, шелковую черную ленту, удерживающую мои вьющиеся волосы в "конском хвосте", черные туфли в тон от Миу Миу закрывающие лодыжки и пятки. Бриллиантовые сережки и наручные часы Patek Philippe служили моими единственными драгоценностями. Я провела недели, планируя этот наряд, и два дня в Атланте, приобретая его, и последний час, убеждая саму себя, что я никогда не выглядела лучше.

Он расправил свои широкие плечи, предмет обсуждения был забыт. Когда мы продирались вниз по подъездной дороге Хейвена, шины выплевывали на кочках кусочки раковин, мы оставляли за собой акр за акром тростника. Как только мы достигли шоссе, морщинистого и изношенного участка старой Луизианской дороги, он сказал:

— Ты этим утром какая-то тихая.

— У меня были странные сны прошлой ночью.

Кошмары. Впрочем, ничего нового. Наверное, мои хорошие сны были бы наполнены растениями. Я видела бы плющ и розы, растущие на моих глазах, или всходы злаков со всех сторон. Но в последнее время в моих кошмарах, сумасшедшая рыжеволосая женщина с мерцающими зелеными глазами использовала эти самые растения чтобы... причинять боль людям, ужасными способами. Когда же ее жертвы просили о пощаде, она гоготала от восторга. Она была в мантии и частично скрыта капюшоном, поэтому я не могла разглядеть ее лица, но у нее была бледная кожа и зеленые татуировки в виде плюща, бегущие вниз по обеим щекам. А ее буйные рыжие волосы были усыпаны листьями. Я звала ее рыжей ведьмой.

— Извини, — с дрожью произнесла я. — Они, вроде как, заставляют меня впадать в панику.

— О-о.

Его поведение подсказало мне, что он был в полной отключке. Однажды, я спросила его, снились ли ему кошмары, он тупо глянул на меня, не в силах вспомнить. Было в Брэндоне нечто — он был самым беззаботным парнем, которого я когда-либо встречала. Хотя он был сложен как медведь или профессиональный футболист — его характер был

ближе к ласкающейся собаке, чем к гриззли.

Тайно, я потолкалась по куче магазинов, надеясь, что он сможет, как обычно, отвлечь меня от видений. Это стало причиной, почему я переживала, что он найдет другую девушку и порвет со мной, пока я была заперта в ПШР. Теперь мне казалось, что, по крайней мере, одна вещь уладилась. Брэндон остался верным мне. С каждой милей мы удалялись от Хейвена, солнце светило ярче и ярче, а туман рассеялся.

— Ладно, я знаю как поднять настроение своей девушке, — сказал он с озорной ухмылкой.

Я была слишком беспомощной, чтобы не поддаться очарованию.

— О, правда, здоровяк? И как же?

Он съехал с дороги в тень пеканового дерева, шины щелкали на упавших орехах. Дождавшись, когда пыль осядет, он нажал кнопку и опустил откидной верх.

— Как быстро ты хотела бы прокатиться, Эви?

Мало вещей могли взбодрить меня больше, чем полет вниз по шоссе под уклон. Я обдумывала примерно наносекунду как исправить непоправимый урон моей прическе — заплела свободную косу и перекинула ее через плечо — затем сказала ему: — газуй.

Взвизгнули шины, мотор мощно замурлыкал. Я вскинула вверх руки, откинула голову и закричала:

— Быстрее!

Он выжимал педаль, переключая скорость на максимум, пока машина не рванула вперед. Мимо со свистом мелькали дома, а я смеялась от восторга.

Последние месяцы были тусклыми воспоминаниями, по сравнению с этим — солнце, ветер, Брэндон со своими будоражащими улыбками. Он был прав — это было именно то, в чем я нуждалась. Я позволила своему плюшевому мишке-футболисту заставить чувствовать себя беззаботной и снова нормальной. И это не заслуживает поцелуя?

Отстегнув свой ремень безопасности, я встала на колени, подтянула платье выше на пару дюймов, чтобы иметь возможность наклониться к нему. Я прижалась губами к гладко выбритой коже его щеки.

— Именно то, что доктор прописал, Брэнд.

— Ты знаешь!

Я поцеловала его широкую челюсть, затем по совету моей опытной лучшей подруги, Мелиссы, потерлась носом о его ухо, позволяя ему чувствовать свое дыхание.

— Ах Эви, — проскрипел он. — Ты сводишь меня с ума, ты же знаешь это?

Я знала. Я знала, что играла с огнем, дразня его таким образом. Он уже напоминал мне про обещание, которое я дала прямо перед тем, как отправилась в школу хороших манер: если мы будем все еще встречаться, когда мне исполнится шестнадцать (я была самой молодой в классе), то я разыграю свою карту девственности. Мой день рождения будет в следующий понедельник...

— Какого черта тому парню надо? — внезапно воскликнул он.

Я отодвинула голову от Брэндона, и увидела, что он смотрит мимо меня. Я бросила взгляд назад, и у меня внутри все упало. Парень на мотоцикле тащился прямо рядом с нами и, держа скорость машины, изучал меня. На нем был тонированный шлем, поэтому я не могла видеть его лица, но я знала, что он пялился на мою задницу.

Первый инстинкт? Опустить задницу на сидение, желая, чтобы тело слилось с обивкой. Второй инстинкт? Остаться где и была и свирепо посмотреть на извращенца. Это было мое

утро, мой смех, моя быстрая езда с моим бойфрендом на роскошном спортивном автомобиле. После лета, проведенного в люминесцентном аду, я заслужила это утро.

Когда я развернулась, чтобы свирепо взглянуть через плечо, то увидела, что шлем парня опустился, он, несомненно, уделял внимание моей заднице. Потом он медленно поднял голову, будто процарапал взглядом по каждому дюйму моего тела. Казалось, что прошли часы, прежде чем он добрался до моих глаз. Я откинула волосы с лица и мы смотрели друг на друга так долго, что я задалась вопросом, когда же он съедет с дороги. Затем он коротко кивнул мне, и пронесся мимо нас, умело объезжая рытвины. Еще два мотоцикла последовали за ним, каждый неся двух человек. Они сигналили и одобрительно кричали, пока лицо Брэндона не стало таким же красным, как и его машина.

А я утешала себя мыслью, что вероятно никогда не увижу их снова.

Чтобы сохранить достойный вид, Брэнд припарковался на задних рядах парковки Стерлинга.

Даже среди множества Мерседесов и Бумеров его машина привлекала внимание. Я вышла и подобрала сумку с книгами, стелая от тяжести, надеясь, что Брэнд поймет намек. Но он не понял. Поэтому, уже этим душным утром, мне самой пришлось тащить свои вещи. Я убеждала себя в том, что нормально воспринимаю его нежелание помогать мне с книгами. Брэндон был современным человеком и относился ко мне как к равной. Я повторяла это себе всю дорогу по пути к центральному входу. Наверное, это даже к лучшему. У меня в сумке был тайный альбом, который я не хотела выпускать из поля зрения.

Когда мы добрались до свежесполитого двора, кто-то достал футбольный мяч, и глаза Брэнда замерли на нем, как у ретривера. Как-то он оторвал свой обученный взор, и вопросительно взглянул на меня. Я вздохнула, поправляя волосы, спутавшиеся по дороге к Стерлингу.

— Иди. Я буду ждать тебя внутри.

— Эви, ты лучшая. — Он улыбнулся, показывая свои ямочки на щеках, его карие глаза сияли. — Я думаю, что ты сможешь дойти туда отсюда!

Я напомнила себе, что у Брэндона было доброе сердце, только он искренне не понимал, как исправить. До меня начало доходить, что он был хорошим мальчиком, но все же не лучшим парнем. Возможно, я смогу вытащить его к финишной черте. Он подарил мне сладкий поцелуй в губы и побежал прочь, подбирая на ходу мяч.

Направляясь к передней двери, я прошла мимо куста роз красно-оранжевой двойной расцветки — моего любимого цвета. Подул бриз, и стало казаться, словно цветы склоняются передо мной.

Сколько я себя помню, я любила растения. Мне нравились розы, дубы, виноградные лозы, а ягоды шиповника очаровывали меня своей формой и защитными шипами. Мои веки мечтательно прикрывались при запахе свежеспаханых полей. Это было частью моей проблемы. Я не была нормальной. Девушки-подростки должны быть одержимы одеждой и мальчиками, а не запахом грязи и особенностями колючих кустарников. Подойди, дотронься... но заплатишь свою цену.

Бумер цвета синий металлик, заехал на парковку буквально в футе от меня, водитель резко нажал на тормоза.

Мелисса Уоррен была моей лучшей подругой и двоюродной сестрой. Мэл была очень подвижной, никогда ничего не стеснялась, и не знала, что такое смущение. Она всегда прыгала прежде, чем смотрела. Я действительно была удивлена, как она выжила без меня летом за границей. Мы дружили на протяжении десяти лет, и я всегда была мозгом операций. Я не могла отдалиться от нее сильнее чем в это лето.

Учитывая ее пять футов одиннадцать дюймов роста, Мэл выскочила из своей машины очень ловко, и подняв вверх руки, щелкнула пальцами.

— Вот как надо парковаться, сучки.

Мэл переживала период, в котором, последнее время, называла всех сучками. Ее мать работала методистом в нашей школе, поскольку папочка Мэл заплатил за новую библиотеку

Средней школы Стерлинга... и поэтому Миссис Уоррен нужно было хобби.

Большинство родителей считали, что Мелисса Уоррен была продуктом родительского воспитания, но думали, нужно добавить кучу всего к воспитательным навыкам миссис Уоррен.

Сегодня Мэл надела жесткую темно-синюю юбку и красную футболку с пупсами, которая наверняка стоила немалых денег и которая никогда больше не будет одета. Ее яркая помада от Диор была классически-красной, что отлично сочеталось с ее темно-рыжими волосами, связанными темно-синим бантом. Невероятный шик. Не теряя времени, она взяла свою дизайнерскую сумку с книгами и закрыла машину. Пожав плечами, она присоединилась ко мне.

— Эй, взгляни-ка через мое плечо. Разве это не Спенсер вместе с Брэндонем?

Спенсер Стивенс III, был лучшим другом Брэнда. Когда я кивнула в ответ, она продолжила.

— Он смотрит сейчас на меня, а? Наверняка тоскует?

Он совершенно не смотрел на Мэл.

— В этом году я подниму наши отношения на новый уровень. — Сообщила Мэл. — Его просто нужно подтолкнуть в правильном направлении.

К сожалению, Мэл не знала как подтолкнуть. Она играла жестко, по-женски безнаказанно, и не была выше случайной подножки. И это с теми, кто нравился ей. Понизив тон, она добавила:

— Может твой парень, наконец, сведет нас.

Брэндон рассмеялся в прошлый раз, когда я его спросила, и сказал, что как только ты ограбишь ее квартиру. — Заметка для себя: спросить его сегодня снова.

Еще две наших подружки заметили нас. Грейс Энн была в желтом атласном платье, подчеркивающим ее безупречную кожу цвета кофе с молоком. Драгоценности Кэтрин Эшли сверкали на милю. Наша четверка состояла из популярных болельщиц Гренландских Китов. И я гордилась этим. Они улыбались и взволнованно махали нам, будто я не видела их каждый день на прошлой неделе, когда мы обменивались впечатлениями о каникулах. Мэл была на модельных показах в Париже, Грейс отправилась на Гавайи, а Кэтрин путешествовала по Новой Зеландии.

После очередного моего заявления, что мое лето было самым скучным, они перестали меня расспрашивать. Я была недосыгаема и не имела ни единой фотографии на телефоне за три месяца, ни единой пересылки. Все было так, будто меня и не существовало. Но я покорно охала и ахала над их нечеткими снимками Эйфелевой башни и всего прочего. Фотографиями Брэндона, где он улыбался на пляже, или крутых тусовок его родителей, или яхты, совершающей круиз у побережья Мексиканского залива. Все это было как нож в сердце, потому как я должна была быть на каждой из них. Прошлой весной у меня тоже были фотографии. А на его телефоне была целая папка, забитая фотографиями и видео нашего совместного отдыха.

— Отличное платье, Эви. — Сказала Кэтрин Эшли.

Взгляд Грейс был оценивающим.

— Отлично все. Красиво заплетенная коса, изящное платье без излишеств и стильные туфли. Все просто идеально.

Я выдохнула, подшучивая над ними.

— Если бы мои подружки тоже умели так одеваться.

Пока мы шли к парадной двери, ученики останавливались и оборачивались, девушки — оценивая, во что мы одеты, парни — проверяя, сколько прибавилось за лето на изгибах. Самое забавное в нашей школе, что не было явных группировок, которые сейчас очень модны по ТВ-шоу, только уровень популярности. Я снова и снова махала разным людям, тут было много болельщиков Гренландских китов. А я была в дружеских отношениях почти со всеми. Никто никогда не сидел в одиночестве за обедом. Ни одну девушку я не критиковала за недостатки гардероба. Я даже помогала с увеличением продаж первокурсникам, в нашем одноэтажном кампусе.

Когда мы подошли ко входу белого оштукатуренного здания, я поняла, школа была тем, в чем я больше всего нуждалась. Заботы и друзья были для меня нормой. Здесь я забывала обо всем безумии, обо всех кошмарах. Это был мой мир, мое маленькое королевство...

Внезапный грохот мотоциклов, как иголка, царапающая по старой пластинке, заставил всех притихнуть. никоим образом, они не должны были оказаться теми самыми байкерами, которых я встретила раньше. Компания выглядела слишком взрослой для средней школы. И как мы могли их принять? Но с другой стороны, не похоже чтобы в благовоспитанном Стерлинге было много байкеров. Я, оглянувшись, разглядела их получше, и увидела ту же самую пятерку, что и раньше.

Теперь я вполне была готова слиться с обивкой.

Каждый из них был одет в темную одежду, на фоне студентов, одетых в модные яркие цвета и хаки, они выделялись как темное пятно. Самый высокий парень — тот, что косился на меня — перелез через ограду двора и направился прямо в сторону парка. Остальные последовали за ним. Я заметила, что на их мотоциклах, многие детали не соответствовали комплектации. Скорее всего краденные.

— Кто они? — спросила я. — Они пришли устраивать неприятности?

— Разве ты не слышала? Это кучка малолетних преступников из средней школы Бейсена. — Ответила Грейс.

Средняя школа Бейсена? Это был совсем другой округ, на другой стороне дамбы. В Бейсене жили кайджаны*.

(*Кайджан — житель южных районов штата Луизиана, потомок французов, некогда насильственно переселённых сюда из Канады. Кайджаны сохранили свой язык (вариант французского); славятся своей музыкой и своеобразной кухней: острыми блюдами и разнообразием даров моря.)

— Но что они тут делают?

— Они перевелись в Стерлинг! — сказала Кэтрин. — Из-за постройки нового моста через дамбу, детям, живущим на внешнем краю водосбора, теперь ближе к нам, чем к своей старой школе.

Без моста этим кайджанам пришлось бы ехать вокруг болота, как минимум миль пятьдесят. До последнего десятилетия или около того, народ с рукавов реки был изолирован. Они до сих пор говорили на кайджанском диалекте французского, и ели лягушачьи лапки. Хотя я никогда не была в Бейсене, вся помощь ферме Хейвен приходила оттуда, у моей сумасшедшей пра-бабушки все еще были там друзья. Ходило много слухов, что те места наполнены распутными женщинами, бандитами и ужасной бедностью.

— Моя мама ходила на внеочередное заседание факультета вчера вечером, о том, как помочь им быстрее освоится или что-то вроде. — Сказала Мэл.

Я почти пожалела этих детей. Чтобы перейти из их кайджанского, бедного и

непреклонно-католического округа в наш богатый город Луизианских протестантов..? Столкновение культур, раунд первый. Это фактически случилось. Мало того, что я снова встретила парня, который так бессовестно пялился меня, так мне придется учиться с ним в одной школе. Я сузила глаза в нетерпении, когда он снимет шлем. В отличие от меня у него было преимущество, и мне это не нравилось. Он стоял, развернувшись во все свое высоченное тело. Должно быть, он был выше шести футов, даже выше чем Брэндон. На нем были потертые ботинки, старые джинсы и черная футболка, обтягивающая грудь. Рядом с ним была пара на мотоцикле, парень, одетый в камуфляжные штаны и девушка в плиссированной мини юбке. Высокий парень без особых усилий помог ей слезть с байка.

— Вот черт, — произнесла Кэтрин, — занятно было увидеть ее ярко-розовые трусики. Потрясена, что она вообще их носит. Шикарно, с большой буквы Ш.

Мэл задумчиво кивнула. — Теперь я наконец-то поняла, кто покупает комплекты белья со стразами.

Грейс Энн, гордо носящая кольцо девственности, скривила лицо от отвращения.

— Конечно, она хочет, чтобы ее отправили домой из-за слишком короткой юбки.

Не говоря уже, что на ее, обнажающей живот рубашке, было написано: «МНЕ ПЛЕСНУЛИ БУРБОНОМ В ЛИЦО НА ДЕРЬМОВОЙ УЛИЦЕ!» Как только девушка встала на ноги, она сняла шлем, открывая длинные красновато-каштановые волосы и лицо, накрашенное, ужасно слепящей, помадой цвета фуксии. Худощавый парень, приехавший вместе с ней, тоже снял шлем. У него были темно-русые волосы и вытянутое лицо, грубое, но, тем не менее, напомнившее мне лису. Он взревел мотором, пугая прохожих, рассмешив этим своих друзей. Или скорее ласку. Пните, чувствующих к ним жалость. Наконец, высокий парень потянулся к шлему. Я ждала. Он сдернул его и, встряхнув волосами, поднял голову. У меня просто отпала челюсть. Мэл первая высказала мои мысли.

— Я этого и ожидала.

Путаница черных как смоль волос, подстриженных чуть выше ушей, падала на лоб. Его лицо было сильно загорелым, с ярко выраженной челюстью и сильным подбородком. Он выглядел гораздо старше восемнадцати лет. В общем и целом, черты его лица были приятными, даже красивыми.

Хотя он даже в подметки не годился Брэндону в Аберкромби, парень был привлекателен на свой собственный манер.

(Аберкромби (Abercrombie & Fitch) популярный магазин американской одежды, ведёт свою историю уже больше ста лет. Прим. ред.).

— Он великолепен, — сказала Кэтрин, ее глаза светились интересом. Мы называли ее Кэт-о-Боже, потому что она не умела скрывать своей реакции, выставляя ее на всеобщее обозрение.

Люди, проходившие мимо нас в дверь, обсуждали новичков.

— Моя горничная из Бейсена. Она говорила, что все пятеро состоят на учете.

— Я слышала, высокий парень зарезал двоих во Французском квартале. Он был досрочно освобожден после года в изоляторе исправительной тюрьмы!

— Светловолосый парень студент-второкурсник, для него это третья попытка...

"Ласка" и высокий направились ко входу, оставляя двух других и девушку курить прямо у всех на виду. Высокий достал фляжку из заднего кармана. На территории школы? Я заметила, что по какой-то причине, его пальцы были обмотаны медицинским пластырем. В то время как "Ласка" глумился над всеми, его друг только недовольно сузил глаза, будто

чувствуя отвращение ко всем ребятам в этой школе. Когда парни приблизились, я смогла различить некоторые слова. Они говорили на кайджанском диалекте французского. Моя бабушка научила меня ему прежде, чем ее отослали, и годами я слышала, как на ферме говорят на нем.

Пока рабочие ходили по полям Хейвена в своих рабочих ботинках, я бегала за ними в своих крошечных сапожках, жадно прислушиваясь к их диким рассказам о жизни в глубине дельты.

Я хорошо понимала диалект. Не то что бы этим стоило хвастаться, так как я едва ли понимала правильный французский.

Я заметила "Ласку" сердито стоящего у ближайшей компании из четырех болельщиц. Он подобрался ближе, к заметно нервничавшим девушкам, и заорал: — Бу! — а они закричали от страха. — "Ласка" расхохотался над реакцией девушек, а другой парень просто нахмурился в их сторону, бормоча под нос: — Couillonnes, — он произнес это как COO-yons. Что означало — идиоты.

Тогда "Ласка" взглянул на меня с ухмылкой.

— Разве это не та jolie (фр. красивая) девчонка в том Порше? — его кайджанский акцент был протяжнее, чем я когда-либо слышала. — Повернись и подними платье, что бы я смог точно сказать.

Шокированная реакцией моих друзей, я расправила плечи, не желая быть запуганной любым этих парней. Они приехали в наш город, и вели себя тут как хозяева. С лучезарной улыбкой я произнесла:

— Добро пожаловать в нашу школу. — Мой тон был отчасти дружелюбием и отчасти с издевкой — смесь сахара и фальши, который я довела до совершенства. — Я — Эви. Если вам нужно показать дорогу вокруг кампуса, только скажите, кто-нибудь еще — покажет.

Если это возможно, хитрый взгляд "Ласки" стал еще пронзительнее.

— Ладно, не сладкая Эви. Я — Лайонел. — Он произнес это как Ли-Нелл. — А это мой родна (фр. кж. друг) Джексон Дево, так же известный, как Джек Дениэлс. — Из-за фляжки! Как восхитительно.

(Джек Дэниэлс — название популярной марки виски. Прим. редактора).

Глаза Джексона были ярко-серыми, сильно выделявшимися на фоне загорелой кожи, они изучали мое лицо и фигуру, будто он не видел девушек годами, или не видел меня несколько минут назад. Лайонел продолжил:

— Мы, милашка, не нуждаемся в помощи, чтобы найти дорогу, нет, но есть и другие вещи, с которыми ты можешь нам помочь...

Джексон толкнул плечом Лайонела в спину, вынуждая его двинуться. Пока они шли по коридору, высокий кайджан бормотал себе под нос: — Соо-yon, tu vas pas draguer les putes inutiles (фр. Идиот, ты же не запал на этих бесполезных шлюх)?

Мои глаза распахнулись, когда понимание ударило меня. Кэтрин произнесла:

— Ты видела, как тот парень смотрел на Эви?

— Я не поняла ни слова, из той тарабарщины, что они несли, — сказала Мэл. — А я только что вернулась из Парижа. — Она повернулась ко мне. — Так о чем сказал здоровяк?

Грейс поинтересовалась:

— Ты говоришь на кайджанском?

— Немного. — До фига. На самом деле до фига, но я не хотела, что бы все в Стерлинге знали, что я говорю на "языке Бейсена", но перевела. — Идиот, ты же не собираешься

общаться ни с одной из этих бесполезных сучек?

Кэтрин ахнула:

— Ты лжешь.

Когда я смотрела на Джексона, шагающего по коридору, то с изумлением заметила, что фляжка была не единственным предметом в заднем кармане его джинсов. Я отчетливо различила складной нож, контур которого вырисовывался на линялой джинсе. Тогда я нахмурилась. Он что направлялся в мой класс для самоподготовки?

— Подожди секундочку. Что парень имел в виду, говоря о твоём задравшемся в Порше платье? — спросила Грейс.

5 ДНЕЙ ДО АПОКАЛИПСИСА

Во время обеда, я и Мэл лежали на одеяле, на солнышке во внутреннем дворе Идена, закатав рукава и юбки. Все вокруг нас, розы и гортензии, цвело. Булькал мраморный фонтан. Брэндон и Спенсер играли в мяч на соседнем дворе с другими парнями, смеясь на солнце. А Джексон Дево? Он слонялся возле нашего двора вместе с другими кайджанами, потягивая из фляжки, в то время как остальные курили. И он смотрел на меня.

Делая вид, что его здесь нет, я была полна решимости наслаждаться оставшейся частью обеденного отдыха с моей лучшей подругой, никогда не принимая как должное эту драгоценную свободу. Я вздохнула. Ладно, возможно я совсем не расслабилась. Я была на грани срыва, так как проснулась этим утром от очередного кошмара красной ведьмы. В каждом, казалось, я присутствовала вместе с ней, наблюдая вблизи, вынужденная быть свидетелем ее злых деяний. Прошлой ночью она была на красивом золотом поле, окруженная группой скрытых плащами людей, стоявших на коленях. Она была высокой, возвышаясь над их склоненными головами. Смеясь, она бросала перед ними кровавые зерна, требуя, что бы люди на коленях подбирали их, иначе она резала их плоть на ленты и душила виноградной лозой. Когда она обнажила в свои зловещие фиолетовые когти, походившие на шипы розы, ее жертвы взмолились о пощаде. Но она не дала ее никому. В конце концов, их содранная кожа действительно стала похожа на ленты...

Желая отвлечься, я повернулась к Мэл, но та была в наушниках, рассеянно напевая агрессивную песню из женского рока. Она любила петь, но ее голос звучал как две кошки в жару, дерущиеся в дорожном конусе (прим. шуки, которые ставят на дороге на случай ремонта). При правильном макияже и освещении, ее лицо выглядело потрясающе, надменные скулы и безупречная кожа. Прямо сейчас, она была милой, ее рот слишком пухлый, глаза чуть шире, чем нужно и выражение лица забавное, вместо соблазнительного. Мы были лучшими подругами, начиная с детского сада, когда какой-то маленький ребенок-панк пнул меня в колено. Мэл устремилась в тот день на мое спасение. Шепелявя из-за отсутствующих передних зубов, она потребовала:

— Он тебя шильно дошгал?

Я кивнула ей, ощущая сочувствующее объятие и устремляясь в него. Но она ушла прочь и надавала пацану по заднице.

Сейчас она откинулась на локти и, хмурясь, сняла наушники.

— Ладно, никто никогда не обвинял меня в проницательности или чем-то подобном, но даже я чувствую, как кайджан пялится на тебя.

Он был здесь полтора дня.

— Представь себе, у меня с ним три совместных урока. Английский, история и география. — Не говоря уже о том, что мы с Джексоном были практически соседями по шкафчикам.

— И самоподготовка. — Мэл все еще была раздражена, что она и я были не вместе, что я была сослана ото всех своих друзей. Но, эй, я выиграла обоих и Джексона и Клотиле Деклюет, девушку-кайджанку. Я села, скрутив волосы в тугий узел, тайком поглядывая в

сторону. В очередной раз я поняла, что нахожусь в поле его зрения. Он сидел со своими друзьями, собравшимися вокруг, на металлическом столе, пристроив потертые байкерские сапоги на скамье. Джексон оперся локтями о колени, и даже во время разговора на французском не отрывался от меня. Иногда Клотиль наклонялась, что-то шепча ему.

— Думаешь, она его подружка? — спросила я, сразу же сожалея об этом, когда Мэл приоткрыла глаза, явно изучая их.

— В обычном случае, я бы сказала, что они идеально подходят друг другу. — Но если они вместе, то почему он все время пялится на тебя?

Может сейчас он откладывает мысленные образы в своей шлепнутой голове?

— Это совершенно не заставляет меня чувствовать себя лучше в подобной ситуации, Мэл.

— О чем они говорят? — она была рада, что я обнажала почти всю грязь о наших очаровательных новых студентах.

Хотя я никогда не считала себя отличным соглядатаем, это было так, словно я не могла отключить свой французский, и кайджаны продолжали говорить при мне совершенно свободно.

— Они обсуждают, заложить ли им выданные школой ноутбуки.

Мэл фыркнула, а затем стала серьезной.

— Как думаешь, за сколько они уйдут...?

Вчера в классе самоподготовки, когда ТиЭй раздал компьютеры, Клотиль и Джек уставились на них в изумлении, а затем Клотиль погладила его пальцами и задумчиво пробормотала:

— *Quel une chose jolie* — какая красивая вещь.

Как будто это было самое ценное из того, что когда-либо ей принадлежало. С невольными угрызениями совести я поняла, что, наверное, так и было. Их город, был по существу большим болотом, со множеством протекающих крыш, и у многих не было даже электричества. Мне казалось ошеломляющим, что у этих детей не было компьютеров — не говоря уже о том, чтобы их собственных компьютеров. Когда я поняла, как, должно быть, трудно ей приспособиться к новой школе, я поймала ее взгляд и с улыбкой прошептала:

— Привет.

Она нахмурилась, взглянув через плечо, потом на Джека — который наклонил голову в замешательстве...

— Ну, и каков приговор? — спросила Мэл. — Отдают в залог или нет?

— Лайонел и Гастон планируют превратить их в наличные *tout de suite* (фр. немедленно). Клотиль и Ти-Бо намерены придержать. У Джексона проблемы с условно-досрочным освобождением.

— Я так и знала, что слухи о нем были правдой!

Когда они, в конце концов, закончили пить/курить и побрели прочь, внимание Мэл сосредоточилось на Спенсере.

— Я действительно нравлюсь ему. Я в этом уверена.

— Угу, дело — верняк. Я попросила Брэндона, чтобы он все-таки еще раз свел их, даже если просто на двойном дружеском свидании.

— Это я — верняк, — сказала Мэл. — Почему бы мне не нравиться Спенсеру?

Иногда, когда она говорит вещи вроде этого, мне сложно понять, шутит она или нет.

— Так что ты собираешься делать с охотой Брэндона на твою девственность?

— Понятия не имею. Уверена, что всем в школе интересно, появится ли у меня, с приходом шестнадцатого дня рождения, более взрослый и более опытный бойфренд.

Мэл подвела итог моему затруднительному положению:

— Как только скаковой конь научился скакать, можешь не рассчитывать, что он станет хромать слишком долго.

Я наблюдала за Брэндом, смеющимся с другими парнями, его лицо покраснело по сравнению с его белыми пуговицами. Он выглядел совершенно великолепно. Но все же я просто не чувствовала той великой страсти, даже никакого неодолимого любопытства, чтобы заняться сексом с Брэндом. Хотя я и не чувствовала к Брэнду ничего особенного, я не хотела его терять. Когда-то это должно случиться.

— Я просто не люблю давления. — Даже если я и пообещала это с самого начала. Но я была в отчаянии, храня ему верность все лето! — я... Я подумаю об этом позже, — я притихла с побежденным видом, чувствуя себя еще более опустошенной.

— Что с тобой? В тебе обычно полно энергии.

Я пожалала плечами, не в силах рассказать, что мои таблетки оставили меня без сил.

— Если ты собираешься оставаться вялой, то я пойду покручусь возле Спенсера.

— Развлекайся, — пробормотала я. — Не кусайся. Разбуди меня до звонка.

Она скрылась из вида, и вскоре я услышала ее наигранный смех над одной из шуток Спенсера.

Но мне не удавалось расслабиться, я все еще чувствовала, что за мной следят. Я снова осмотрела площадку. Все, как обычно, шли на обед. Я заставила себя закрыть глаза. Перестань быть параноиком, Эви. Наслаждайся этим местом, цветением... Их запах напомнил мне о моем любимом бабушкином розарии в Хейвене. Она посадила его под одним из водяных насосов ветряной мельницы, и добросовестно заботилась о нем, пока хватало сил. Я не помнила многого о своей бабушке, но после того как вернулась домой, я думала о ней все чаще. Мне было восемь, когда я последний раз видела ее. В душный летний день в Луизиане, она позвала меня съездить за мороженым. Я помню, думала, что это должно было быть лучшее мороженое в стране, потому что мы очень долго ехали за ним... Я нахмурилась. Запах роз становился все сильнее, подавляющим. Кто-то держал цветок перед моим лицом? Это Брэнд? Я украдкой приоткрыла глаза и в замешательстве моргнула. Два стебля розы тянулись ко мне, нежные цветы были по обе стороны от моей головы. Пока я смотрела, онемев, они медленно двигались ближе к моему лицу и прикасались к моим щекам. Влажные, мягкие лепестки ласкали меня, пока мой разум встал на место и я закричала...

— А-а-а! — я вскочила на ноги.

Они отпрянули так же быстро. Как будто испугались меня. Я подняла голову, заметив, что студенты уставились на меня. Мэл стрельнула в меня недоуменным взглядом.

— Т-там была... пчела!

О Боже, о Боже! Я схватила свою сумочку и бросилась внутрь, направляясь в туалет. Звуки в коридоре казались приглушенными. Я прошла мимо людей, не говоря с ними, игнорируя каждого, кто приближался ко мне. Когда я добралась до раковины, то снова и снова плескала в лицо водой. Возьми себя в руки. Отбрось иллюзию. Я снова заболела? Я думала, меня вылечили! Наклонившись вперед, я изучала свое лицо в зеркале. Я с трудом узнавала себя. Но я не выглядела сумасшедшей, я выглядела... испуганной. Неужели я снова все потеряю? Я схватилась за края раковины. Возможно, я заснула, и это был очередной

странный сон? Да! Так и было, я просто задремала. Мои лекарства прекратили видения. У меня не было их в Атланте. Ни единого случая. Это имеет смысл. В конце концов, у меня не было обычных симптомов галлюцинаций. Прошлой весной, всякий раз, когда у меня были видения, я чувствовала щиплющие ощущения в голове и носу, будто выпила залпом слишком много газировки...

— Что, за черт, Грин? — Мэл ворвалась внутрь. — Ты теперь боишься пчел?

Я пожала плечами, не желая ей лгать. Заметит ли она мою дрожь?

— Ты ведешь себя странно с тех пор как вернулась из Хотланта. Еще ты ме-е-дле-еннее соображаешь, и слишком нервная по сравнению с прошлой весной. — Глаза Мэл расширились.

— О, до меня дошло. Твои друзья в школе хороших манер приучили тебя к хорошим дорогостоящим наркотикам?

Я закатила глаза.

— Я серьезно. Да поможет мне Бог, если ты принимаешь наркотики, — Мэл указала на потолок, — без меня у тебя будут проблемы, Эви Грин!

— Клянусь тебе, что не употребляю нелегальных наркотиков.

— О, — она отступила, успокоившись. — Ты в порядке?

— Я уже в порядке. Я заснула, а когда проснулась, на моем лице была пчела. — Я чувствовала вкус лжи на губах.

— Вот дерьмо! Почему ты не сказала? Я уже собиралась назначить тебе реабилитацию.

— Я ничего не употребляю... это все пчелы...

Я замолчала, потому что заметила, как через открытое окно позади Мэл, ползет плющ. Он рос на моих глазах и скользил вниз по стене. словно длинная зеленая змея. Прозвенел звонок. Плющ исчез, унося с собой большинство моего здравомыслия.

— Я пойду, заберу наши вещи, — сказала Мэл. — Встретимся у твоего шкафчика. — Не возле двери она обернулась. — Эй, взбодрись. Ты выглядишь будто кто-то умер.

Когда я попыталась пошевелить губами в ответ, она умчалась за дверь.

4 ДНЯ ДО АПОКАЛИПСИСА

Пока я ждала начала урока истории мистера Бруссарда, я сделала пару набросков в своем секретном альбоме и попыталась игнорировать Джексона, сидящего на пару рядов позади меня.

Легче сказать, чем сделать. Казалось, все в нем требовало моего внимания. Тем более что он и другой парень, Гастон, начали говорить о девушках, а точнее о множестве подружек Джексона. Так значит в Бейсене Джексон был распутником? Теперь ты в другой лиге, кайджан.

Я снова рисовала свой последний кошмар. Три из трех последних ночей, мне снились ужасные убийства рыжеволосой ведьмы. Рисование, для меня, было большим чем простое увлечение, скорее необходимость — как если бы я хотела, чтобы плохие воспоминания отпечатались на странице, а не запятнали мой мозг. Пока я была полностью погружена в мысли, карандаш начал двигаться. Мое запястье мелькало, рисуя хлесткие линии, местами медленно оттеняя, и последняя жертва ведьмы обретала человеческие формы — мужчина висел вверх тормашками на ветке дуба, пойманный в ловушку колючей виноградной лозой. В отличие от изящного, застенчивого плюща, с которым я столкнулась вчера в туалете, лоза, которая его связывала, была толстой, с колючими шипами, и обвивалась вокруг человека, как анаконда. А ведьма контролировала ее, заставляя сжиматься сильнее каждый раз, когда мужчина делал вдох. Эти шипы врезались в плоть, тысячью жадных клыков. Я кропотливо вырисовывала края, затеняя эти шипы, заостряя их. Ведьма заставляла лозу сжиматься, крепче и крепче, пока его кости не треснули, и хлынула кровь. Она выжала этого человека, как воду выжимают из тряпки... Сломала, сдавила. Он не мог вдохнуть, чтобы закричать. Одно из его глазных яблок оторвалось от глазницы, связанное с его черепом венами. По мере того как я делала набросок, я задавалась вопросом, мог ли он все еще им видеть.

С рисунками вроде этого, было легче всего понять, почему из-за этого альбома у меня уже бывали проблемы. Когда я впервые пожаловалась на покалывание в голове и неясное зрение, мама отвела меня на полное обследование и тесты, к уйме докторов — все оказались отрицательными. На протяжении всего времени, я была в состоянии скрывать то, какими ужасными были мои галлюцинации. До тех пор пока мама не нашла мой альбом. Я доверилась ей, рассказав о своем апокалипсическом бреде. Что оказалось большой ошибкой. После просмотра ужасов страница за страницей — пепла и разрухи, гнусных страшилищ, избилующих среди почерневших руин, она начала сопоставлять факты.

— Разве ты не понимаешь, Эви? Твои галлюцинации — это вещи, которым обучала тебя бабушка, когда ты была маленькой. Видела чокнутых на улице, кричащих о конце света? Она не сильно отличалась от них! Оглядываясь назад, я понимаю, что она... она внушила тебе свои убеждения. Я знаю это потому, что она пыталась сделать это со мной!

Я была повержена. Ты можешь отрицать, что совершенно свихнулась, если хочешь, но когда у родителей есть копия твоих галлюцинаций на бумаге и есть семейная история психических заболеваний — ты пропала.

Мама выдернула меня со второго семестра, за пару недель до окончания, и отвезла в

ПШР. Доктора там лечили меня теми же методами, что и детей спасенных из сект. Моя перенастройка начиналась с единственного вопроса:

— Эви, ты понимаешь, что должна отвергнуть учение своей бабушки?..

Я отвечала тому доктору нечленораздельно из-за препаратов, которыми меня накачивали. Но я никак не могла вспомнить свои ответы...

Гастон снова отвлек меня, спрашивая Джексона о последней помеченной им самочке. Кайджан имеет успех? Я бросила взгляд на Джексона через плечо. На его столе лежал только конспект по истории, несколько вырванных листков бумаги и единственный карандаш, крепко зажатый в его большом, обмотанном пластырем, кулаке. Выражение его лица было самодовольным, когда он ответил:

— Embrasser et raconter? Jamais. (Поцелуи и разговоры? Никогда.)

Я с раздражением закатила глаза, а затем вернулась к своему альбому, заканчивая еще одну из деталей на эскизе — другое глазное яблоко человека, уступая давлению, повисло рядом с первым.

Но следующий вопрос Гастона снова привлек мое внимание.

— T'aimes l'une de ces filles? Нравилась ли Джексону какая-либо из здешних девчонок?

Он ответил басовитым голосом.

— Une fille, peut-etre. Пожалуй, одна.

Я снова почувствовала на себе его взгляд. Ранее Мэл уже спрашивала:

— Неужели он действительно думает, что у него есть шанс с тобой? — и я вроде как верила, что у него и правда есть.

Вчера, я решила его избегать. Не так уж легко это сделать. В отличие от большинства парней, Джексон возвращался к своему шкафчику после каждого урока. Если быть честной, его остановки, вероятно, служили для наполнения фляжки. Но иногда, сделав глоток, он поворачивался ко мне, приоткрывая рот, словно собирался что-то сказать. Я всегда награждала его холодной улыбкой и уходила прочь. И кайджанский бабник казался удивленным, что я была неуязвима к его чарам. Соглашусь, он был привлекательным — некоторые девушки вздыхали, когда он проходил мимо них...

Делая вид, словно я увлечена кучей карт, висевших на стене класса, я посмотрела через плечо, чтобы проверить, смотрит ли он еще на меня. Его взгляд был на мне. Мы меряли друг друга взглядами, солнечный свет, проникавший сквозь окно, падал на его красивое лицо, подчеркивая серые глаза и точеные черты лица. Его скулы, квадратная челюсть и черные, как вороново крыло волосы, вероятно имели Чоктаусское или Хоумское происхождение.

(Прим. редактора: Chahta и Houma — коренные народы США).

Неудивительно, что в нем было так много пикантности. Откуда взялись подобные мысли? Я отвернулась, покраснев. Даже если бы у меня не было парня, я никогда не стала бы встречаться с досрочно освобожденным байкером. Который, если верить слухам, был главарем, стоявшим за волной новых краж в Стерлинге.

Возвращаясь к рисунку, я побледнела от своего чудовищного наброска. Порезанный на ленты, задущенный виноградной лозой человек. Это было столь подавляюще тревожным знаком, но не было никого, кому бы я могла довериться, никого, кто сказал бы, что все наладится. Если моё сумасшествие было тем, через что пришлось пройти моей бабушке, я хотела бы поговорить с ней об этом. Но мама до сих пор запрещает мне не то что общаться, но даже думать о ней...

— Всем сесть, — сказал Бруссард. — Сегодня, мы собираемся немного узнать о

французских Акадийцах или Кадийцах — обычно более известных, как Кайджаны.

(прим. Кадийцы (Cadians) — французский вариант названия кайджан).

Он мог, пропиарить все кайджанское, если бы захотел; все уже составили свое мнение о прибывших. Всякий раз, когда Клотиль, виляя бедрами, шла по коридору в своей микромини юбке и обрезанной футболке, мальчики останавливались и пялились, создавая затор. Парни из этого города просто никогда не сталкивались с девушкой, так очевидно доступной в плане секса, и это заставляло их вести себя немного дико. Большинство студентов избегали Джексона, который своим стальным взглядом и складным ножом, даже и не пытался рассеять вокруг себя слух о карцере. Трое других кайджанов были не менее назойливыми, они выбивали книги из рук студентов или толкали их.

— Изначально они были французскими поселенцами в Акадии, — начал Бруссард, — теперь более известной, как Новая Шотландия. — Он поднял деревянную указку и показал на карте Канады.

— Когда английские протестанты, управлявшие этой областью, выставили им условия — либо сменить веру, рьяно католическую, либо уехать, акадийцы мигрировали в Луизиану, обосновавшись на заболоченных рукавах реки, которые все остальные считали ничего не стоящими.

Акадийцы-Кадийцы-Кайджаны. Дошло? Я не особо интересовалась этой темой. Поэтому включилась в работу только тогда, когда Бруссард закончил свою лекцию и перешел к раздаче небольших заданий по местной истории. Сорок процентов нашего балла составляла исследовательская работа в группе. Я безучастно слушала, как он объявлял о шестнадцати группах; я прекрасно могла сработаться почти любым в этом классе.

— Джексон Дево и Эви Грин.

Черт. Я в паре с парнем, который пялится на меня в течение нескольких дней? Я прикусила губу, оглядываясь на него. Он кивнул в подтверждение. Бруссард произнес:

— В последней половине этого семестра, вы будете сидеть с вашим партнером, совместно разрабатывая встречи и графики исследований за семестр.

Видеться с Джексоном весь семестр? Очевидно, мне придется делать всю бумажную работу. Но что-то мне подсказывало, что пьяный байкер, который пялился на мою задницу в Порше, будет настаивать на нашем совместном "исследовании". Когда все начали пересаживаться за указанные парты, он с нахальной ухмылкой похлопал по освободившемуся месту рядом с собой. Он ожидал, что я побегу вприпрыжку, чтобы сесть ближе к нему? Стану его помеченной самочкой? Мне это не нужно! Мое обучение и так было выматывающим и без развратного, досрочно освобожденного парня. Снижение моих баллов было одним из того, за чем следила мама, и это дало бы ей повод думать о рецидиве. Когда я представила свое возвращение в ПШР, моя рука дернулась вверх. Бруссард проигнорировал меня. Я прокашлялась:

— Мистер Бруссард, я могу... — Мой голос затих, когда он повернулся ко мне и с раздражением сдвинул свои густые брови.

— Эви, начинай работать над этим. Сейчас же. — Я решила потерпеть оставшиеся тридцать минут, а затем поговорить с Бруссардом после урока...

Джексон плюхнулся на парту рядом со мной, и его серые глаза были полны ярости. Я торопливо закрыла свой альбом, но он, должно быть, успел заглянуть в него, потому что на секунду нахмурился, прежде чем сказать:

— Ты, даже не знаешь меня, а закинула удочку на другого... podna?

Я знала, что ему было трудно произнести родна, потому что в кайджанском это означало друга. — Разве ты не предпочел бы работать с Гастоном?

— Я задал тебе вопрос. Почему ты хочешь пересесть?

— Отлично. Потому что когда ты проезжал мимо нас в понедельник, то пялился на меня так, словно имеешь на это право.

— Блондинка для меня наклонилась и задрала юбку? И я не должен обращать внимание.

Мои глаза метнулись по классу. Что если кто-нибудь слышал? Восстанавливая дыхание, я рывкнула:

— Я не наклонялась для тебя!

— Девочка, ты постоянно косишься на меня.

— Я? — Делая вдох, чтобы успокоиться я сказала. — Хватит, Джек, будь реалистом. Ты знаешь, что кто-то вроде тебя и кто-то вроде меня никогда не будут вместе.

Его голос стал резок, когда он ответил:

— Ты не должна называть меня Джеком. Так делают только мои друзья. — Проблемы с контролем гнева? Я начинаю верить местным слухам.

— Есть тысяча других вещей, которыми я предпочла бы назвать тебя.

Мой нос начал чесаться, отчего я пересела еще ближе к краю. В комнате потемнело. Возможно, наконец-то пойдет дождь. За все лето не упало ни капли. Для ровного счета, сверкнув глазами на Джексона, я выглянула наружу... Солнечный свет... исчез. Вечерело. По всему небу мерцали бесплотные огоньки, малиновые и фиолетовые, как вывески на Марди Гра. Я ахнула, когда пламя описало дугу над школой, эти жуткие огни были над ним словно корона. Поток змей пересекал сад, скользя друг по другу, их чешуйки отражали огни над ними. Крысы сновали в панике вместе с существами, которых обычно ели. Это пламя опустилось, сжигая их в пепел, испепеляя все. Апокалипсис. Те же видения что и прошлой весной. Я думала... Я думала, меня вылечили, по крайней мере, избавили от них. Не ужасные видения в моей голове, говорили об обратном. Отвергнуть обман. Сосредоточиться на себе, все под контролем, сконцентрироваться.

Я говорила это себе, но все о чем я могла думать, было: ты волнуешься, у тебя будет гипервентиляция, где, черт возьми, эта сосредоточенность? Проклятье, я же приняла лекарство!

Я отдернула взгляд, и запела про себя: не возможно, не возможно. Все остальные в классе говорят, Бруссард читает, пристукивая каблуками. Джексон уставился на свои кулаки и тяжело вздохнул. Сдерживает ярость? Он открыл рот, чтобы заговорить...

Я опять взглянула в окно. Мальчик снаружи прошел сквозь пламя и остановился в пятнадцати футах, или около того, от окон. Хотя пламя бушевало вокруг него, он оставался невредимым. У него были плавные черты лица, копна темно-каштановых волос и большие карие глаза. Он был высоким, с телосложением пловца и худошавым. Красивый парнишка. Я никогда прежде не видела в своих видениях людей! Если не считать пьющих кровь страшилищ...

— Эви! — воображаемый мальчик заговорил со мной?

— Где твои союзники? Столько выучить. И не знать правил игры! Используй преданность! — сказал он, его манеры бесили. — Остерегайся старых родословных, у других семей тоже есть летопись.

Они знают, кто ты! Остерегайся приманок: раненых существ, света во тьме, пира, когда ты голодна. Союзники, Эви! Остерегайся! — он... говорил... мне. Может это была

настоящая проверка на сумасшествие, а если бы я ответила? Кроме того, я смутно слышала как Джексон что-то мне говорил. Что? Что? Я почувствовала себя плохо, когда земля задрожала. Обычное дело, Эви. Помнишь, как это делается? Ответ кайджану, словно ничего не случилось.

— Я, э-э, я п-предлагаю поговорить с Бруссардом после занятий и получить себе перераспределение.

Он нахмурился.

— Ты же ничего не знаешь обо мне.

— Я знаю достаточно... — вынесла я приговор, — чтобы доверять тебе меньше, чем сорока процентам учащихся в классе. — Это прозвучало намного грубее, чем я хотела.

Его лицо стало угрожающим.

— Ты даже не слушала, что я тебе говорил?

— Ты не готова, — пробормотал воображаемый мальчик. — Я хожу по краю, пес следует за мной по пятам, но луна прибывает, Императрица. Ты должна быть готова. Поле боя. Арсенал. Препятствия. Противники. Это начнется прямо в Конце. И Начало близко.

Императрица? Слово, извлеченное из запретного воспоминания о бабушке, вопрошает:

— Хочет ли Императрица Эви мороженого?

Пейзаж за окном меняется. Школьные сады сожжены. Все мертво. Я могла бы так же смотреть на поверхность Луны. Скрутила тошнота.

— Видишь поле боя, — сказал мальчик, указывая на выгоревшую пустыню. — Арсенал? — спросил он с надеждой. — Препятствия? Врагов? Нет? Ах, ты плохо слушаешь! — потом его лицо прояснилось. — В следующий раз я буду говорить громче. И громче. И громче.

Он — и вся сцена — исчезли. Громче? Я не могу справиться с этим, и с намного меньшей громкостью! Я сжала свои трясущиеся руки на коленях, изо всех сил, пытаюсь скрыть панику. Джексон только что сказал что-то еще? Я повторила ему:

— Мы попросим сменить партнера.

Он замолчал на мгновение, а потом рыкнул:

— Ты думаешь, я не смогу справиться с заданием, думаешь, я не достаточно умен?

Мой третий день в школе. Апокалиптические видения вернулись. Я была сумасшедшей. Два года и все? Я же не преуспела и две недели. Я горько рассмеялась.

— Ты смеешься надо мной? — он сжал большие забинтованные кулаки, будто умирал от желания что-то ударить. А скорее всего мою физиономию.

— Над чем же еще я могла бы смеяться? — защищаясь, резко спросила я. У меня заняло секунду, чтобы понять, что я только что чертовски оскорбила кайджана. У меня возникло желание зарыдать. Лекарства не работали, я не удержусь два года до колледжа, и я только что вела себя отвратительно с Джексоном, даже если совсем не хотела этого. Возможно, я смогу позже извиниться перед ним, сказав, что плохо себя чувствовала...

— Tu p'tee pute, — усмехнулся он мне в лицо. Ты маленькая шлюха.

Я напряглась, вычеркнув это извинение из памяти.

Не в силах сдержаться я снова взглянула в окно. Тот мальчик ушел, и солнце снова светило, сияя над травой до боли яркими цветами. Возможно, мне привиделась та пустошь. Возможно, этот день всего лишь мое видение! Побочный эффект от лекарств, в смысле, что я чувствовала себя за пределами тела. Я чувствовала себя на расстоянии в миллион миль. Или возможно, эта сцена походила на остаточные явления с последней весны — знак, испытание

— чтобы понять, насколько я предана идее быть нормальной. Если бы это было испытанием огнем, то я прошла бы. Я превзошла бы других.

Джексон хмурился на меня, сжимая карандаш в кулаке, пока я не начала думать, что тот треснет. Напряженность между нами потрескивала, я боролась с побуждением вынуть альбом, и набросать лицо того загадочного мальчика. Часы на стене тикали как бомба. Как мне удалось бы скрыть это последнее обстоятельство от своей проницательной матери во время одного из ее допросов? Большую часть моей жизни, Карен Грин была идеальной мамой — забавной, доброй, трудолюбивой. Но в последнее время, казалось, что какая-то незнакомка взяла над ней верх, и та для чего-то решила сломать меня. Если она обнаружит, что у меня снова видения, то не сомневаюсь, что мама запрет меня в таком месте как ПШР на неопределенный срок. Потому как подобное она сделала с собственной матерью восемь лет назад.

Наконец-то раздался звонок. Как только последние студенты покинули класс, Бруссард подозвал меня и Джексона.

— Распределение остается тем же самым. Вы должны работать вместе.

Карандаш Джексона треснул в его кулаке.

Брэндон ждал меня возле шкафчика, небрежно поедая яблоко, имея блаженный иммунитет к драме или сомнениям. Между укусами, он произнес.

— В чем дело? Похоже ты в бешенстве?

День, день, день. Тогда я напомнила себе, что то, что я только что перенесла, было лишь остаточным видением. Так что из-за чего было беситься?

— Я в порядке. Я только что получила партнером по истории Джексона Дево. А Бруссард не станет перераспределять меня.

— Дево вчера толкнул меня плечом, — сказал Брэнд. — Не знаю, какие у него проблемы. Хочешь, чтобы я поговорил с ним?

Брэнд был любителем, а не бойцом.

— Я не хочу, чтобы ты делал что-нибудь, за что тебя выкинут из команды. — Плюс, я подозревала, что Джексон вытрет им пол. — Эти Бейсенские детишки привели меня в бешенство.

Он кивнул.

— Я ненавижу этих четырех панков. — Поразительные слова от Брэнда. Обычно он, как и я, ладил со всеми. — Хотя, девушка вроде в порядке.

Да неужели? Вчера после биологии, я улыбнулась, найдя Брэндона, ждущего меня, но тот даже не повернулся, с вождением рассматривая, проходившую мимо без бюстгальтера, Клотиль, пока я не прокашлялась ему на ухо. Могло ли быть что-то хуже? Джексон видел все это, ухмыляясь над горлышком фляжки. Теперь, Брэнд, казалось, ждал чего-то от меня. Чего? Мой мозг был словно каша.

Джексон пронесся к своему шкафчику, а Лайонел последовал за ним. Когда Джексон забросил внутрь свои конспекты по истории, то метнул в меня убийственный взгляд. Я недовольно сузила глаза, прежде чем снова повернуться к Брэнду.

— У меня есть идея, и я хочу осуществить ее с тобой, — пробормотал он, его веки потяжелели. О-о. Опять об этом. С тех пор как я вернулась, я избегала темы о моем обещании в надежде, что Брэнд поймет намек. В переписке, он фактически начал считать дни до моего дня рождения, как будто у него был обратный отсчет до конца моей девственности. Когда я поймала его на том, как он тайком таращится на мою грудь, с

выражением глубокой печали, то вспомнила фильм, где героиня сравнивала сиськи с часовыми бомбами. Я рассмеялась. Теперь же я поражалась, насколько она была права. Я натянула спокойную улыбку.

— Давай поговорим после занятий.

Он наклонился:

— Родители Спенсера уезжают из города не в эти выходные, а в следующие. Это будет как раз после твоего дня рождения... — Джексон был слишком близко и мог подслушать этот личный разговор! —...ты можешь сказать матери, что проведешь ночь с Мелиссой, затем остаться со мной.

— Брэндон, увидимся позже. Я дам тебе знать.

— Хорошо. Да, конечно.

Когда его позвали друзья, он наклонился, легко поцеловал меня в губы, после чего побежал прочь. Когда я собирала книги, то услышала Лайонела говорившего по-французски:

— Удивлен, что ты не избежал этого. — Он указал на меня кивком подбородка. — Она не твоего типа, но симпатичная.

Тип Джексона? Он, вероятно, предпочитает пьяных Бейсенских Бесси, которые проводят время, варя речных раков.

— Она холодная, высокомерная сука, — ответил Джексон по-французски, и его голос окрасился гневом. — Обычная никчемная маленькая кукла — симпатичная на вид но, черт возьми, ничего больше.

Пока Лайонел хихикал, я стиснула зубы, решив не позволить им догадаться, что я понимаю.

О, я более чем никчемная маленькая кукла, кайджан. Я больна. И если бы ты знал, что творится в моей голове, то давно бы крестясь, бросился прочь. И все же, Джексон заметил. Его взгляд охватил мои застывшие плечи и сжатые челюсти. С суженными глазами, он оказался передо мной, продолжая обращаться к Лайонелу на французском:

— Ты должен бежать от нее, и убедиться, что сбил с нее спесь, пока ты делаешь это. Никогда не встречал девушку, которая так сильно в этом нуждалась.

Я пыталась обуздать свою реакцию, но не знаю, удалось ли это. Когда раздался звонок и Лайонел свалил, Джексон припер меня к стенке:

— Tu parles le Francais Cadien? (фр. — Ты говоришь на французском кадийском?)

Я колебалась с минуту, потом подняла глаза и обернулась через плечо. Смущенным тоном сказала:

— Ты со мной говоришь? — превосходно, Эви. Джексон выглядел потрясенным.

— Tu parles Francais! (Ты говоришь по-французски!)

— А? Что ты сказал?

Он подошел ближе и выглядел устрашающе, заставив меня запрокинуть голову, чтобы выдержать его пристальный взгляд.

— Типа ты не знаешь о чем я.

Соответствуя его настойчивому тону, я заявила:

— Я не говорю по-бейсенски. — Это вышло даже более снобистски, чем я собиралась, но я была рада этому.

После нескольких мучительных минут, Джексон, развернувшись, пошел к своему классу, но по дороге он обернулся и указал на меня забинтованным пальцем.

— Je te guette. (Я слежу за тобой.)

3 ДНЯ ДО АПОКАЛИПСИСА

Я с ногами забралась на постель, разложив вокруг книги, мобильник зазвенел в моей руке, и я отключила звук телевизора. По четвергам ночью, я и Мэл вместе смотрели Топ-модель по-американски, обмениваясь сообщениями. Она написала: «я выбираю, рыжеволосую модель». Но у меня не было сил, чтобы ответить. Мэл: «Ты здесь?». В конце концов, я написала: «Мне нравится платье на манекене». «Ахахахаха, стерва». Я сонно улыбнулась, а затем вернулась к домашней работе. Я читала одно, и тоже предложение, снова и снова, не понимая смысла. В конце концов, я не выдержала и легла на спину. Растянувшись, я огляделась. После пребывания в мрачном, без излишеств ПШР, я все еще не могла привыкнуть к домашней роскоши. Моя комната была просторной, а в гардеробе вы легко смогли бы заблудиться и стоил он как на аукционе Сотбис антикварная мебель. Астрономическое количество, манящих простыней вызывало желание замурлыкать. И я даже не сразу заметила рисунки на стенах. Прежде чем я заболела прошлой весной, когда еще все было нормально, я нарисовала черные зловещие тучи озаренные молнией. Я поняла, что сейчас смотрю на них... Звон пришедшего сообщения отвлек меня. «Спенс не звонил. WTF Грин?». «Работаю над этим», написала я, широко зевая.

(прим. редактора: WTF — служба смс Висконсина.)

Хотя я сильно отставала по оценкам, я все еще не могла заставить себя учиться. Убеждая себя, что завтра не будет тестов — в смысле, какая разница? — Я решила лечь спать. Встав на вялые ноги, я убрала с кровати книги. Мой альбом уже был надежно запрятан под матрасом. Я напечатала: «Падаю в обморок, поговорим завтра?». Мои ответы на сообщения Брэндона были также неубедительными. Мэл: «Но ты никогда не пропускаешь ТМПА.». И хотя я заметила обиду в ее сообщении, все же написала: «Ночь. Выключай телефон и телевизор».

В ночной темноте, наш старый дом, окутанный туманом, начинал скрипеть. Доски разбухали от влаги, заставляя раму смещаться. Но этой ночью он был тихим, словно корабль в море. Хейвен был единственным домом, в котором я когда-либо жила. Я знала его историю и знала, что сейчас ферма испытывала тяжелые времена. С тех пор как я вернулась, погода была жаркой, дождевые облака над зданием появлялись и тут же рассеивались. Наступила засуха....

Но когда я закрыла глаза, то поняла, что мои мысли переключаются на другие проблемы.

Джексон Дево. С появлением кайджана, моя неделя еще больше ухудшилась. Как и обещал, он все время следил за мной, бросая недовольные взгляды. Как будто, он был вынужден исследовать то, что особенно ненавидел. Вчера на английском он сердито посмотрел на парня, сидевшего за моей спиной, и тот быстро освободил место. Он сидел неподвижно, наклонившись ко мне, пока не понял, что я не обращаю на него внимание. Я слышала его дыхание, чувствовала запах медицинского пластыря на его пальцах и мужской одеколон, который заставлял мою кожу покрываться испариной. В классе было темно и душно, так как к округу приближался штормовой фронт. Тогда он начал говорить со мной на

французском диалекте, так как знал, что я его понимаю и хотел это доказать. Желая помешать ему любым способом, я не реагировала, даже когда он хриплым голосом сказал: «Comme Une Fleur» — ты словно цветок.

Почему бы ему не оставить меня в покое? Так же как он изучал меня, я старалась изучить его. Первая особенность, которую я сразу заметила? Когда он был один, то постоянно что-то искал, его взгляд был беспокойным, как будто ему хотелось быть где угодно, но только не там где он находился в данный момент. И он рассеянно переклеивал пластырь на костяшках пальцев. Зачем он его носит? Я закрыла лицо рукой. Почему я думаю о Джексоне? Вместо того что бы думать о собственном парне? Я не могу нормально соображать! Боже, мне просто надо нормально выспаться

Хотя мои горькие таблетки и сдерживали видения, не считая вчерашнего случая, они все еще не помогали мне во время сна. Я взглянула на свою баночку с таблетками. Отчаянные времена...

Позже этой ночью я проснулась и обнаружила себя стоящей на дороге в одном нижнем белье, не помня как я там очутилась. Я несколько раз моргнула. Конечно, это всего лишь сон, или даже видение. Последнее что я помню, так это то, что я выпила таблетку и заснула в своей постели. Поэтому в любую минуту я по-настоящему проснусь. В любую минуту... Нет. Я все еще стояла там, босая на краю дороги, почти голая не считая коротеньких трусиков и старой футболки команды болельщиц. Вот черт. Я прищурилась сквозь туман, восстанавливая зрение, но едва ли могла видеть на несколько футов от себя. Туман был густой и влажный, как дыхание на зеркале, затемняя небо. Желтые кошачьи глаза смотрели на меня свысока.

Убеждая себя, что есть логичное объяснение, почему это видение, в отличие от других, было таким реалистичным, я отступила в сторону дома, вздрагивая, от острых как бритва ракушек, которые резали мои ноги. В действительности, дорога к нашему дому размещалась между двумя водяными канавами, проведенными к нашей лужайке. Это означало, что я оказалась на полпути вниз, на расстоянии где-то в полмили от дома. Нормальный человек поинтересовался бы о том, почему у него не было порезов, когда шел сюда; было похоже, будто я упала с неба. Что бы все стало еще хуже, я почувствовала, что за мной следят. Я провела рукой по волосам. Игнорируй это. Послышалось лошадиное ржание. Я огляделась, всматриваясь в туман, но не могла определиться с направлением. Послышался звук, который явно не мог доноситься от моей старой клячи, дремлющей в сарае. Я ускорила шаг. Мои глаза расширились, когда стук копыт стал яснее, лошадь мчалась ко мне. Это за моей спиной? Там, где поворот вниз? Я в растерянности! Это все не по-настоящему. Ты должна сориентироваться! Трудно было сконцентрироваться, когда мои ноги становились ватными! — Черт, Черт! — звук копыт слышался ближе... ближе, я подпрыгивала и бежала вниз по дороге, как персонаж мультфильма. Потом я услышала звон металла о металл, почти как звук доспехов? Мои инстинкты взяли верх. Не обращая внимания на боль, я побежала быстрее. Конца дороги не было видно. Справа от меня виднелся Хейвен Хаус. Слева наше тростниковое поле.

В доме должно быть безопасно. Но поле было намного ближе. Сколько железа было одето на всаднике? Чувствуя дыхание, я поняла, что лошадь была за моей спиной. Насколько он близко? Голос бабушки всплыл в моей памяти: «Туман лжет, Эви.» — Как только дорога перешла в лужайку у дома, я свернула и побежала в сторону тростника. Близился сезон сбора урожая, поэтому тростник был зрелым и в два раза выше меня. Я могу потеряться в этих

зарослях. Я обернулась и увидела силуэт всадника. Бежать... бежать... Я слышала свист, будто что-то рассекает воздух. Меч? Даже в панике, мысли роились в моей голове. Тростник был в двадцати футах. Десять футов. Когда я слышала свист за спиной и почувствовала ветер, бьющий в затылок, я нырнула в тростник, раскинув руки перед собой. Среди стеблей я упала на колени, но всадник за мной не последовал. Его лошадь встала на дыбы и с диким ржанием начала колотить острыми копытами о землю. Я взглянула на своего преследователя. На нем были черные доспехи и грозный шлем. Его оружием была коса, которая теперь висела в кобуре у седла. У его бледного жеребца были красные глаза. Когда он пришпорил его на границе стеблей, вдоль края поля, я почувствовала дурноту. Коса. Черные доспехи. Бледный конь. Это была... Смерть. Классический образ Грима Рипера.

(Грим Рипер (Мрачный Жнец) — персонаж массовой культуры XX века, воплощение образа смерти в разнообразных комиксах, фильмах ужасов, литературных произведениях англо-американской культуры. Берет начало в народных легендах, из которых вырос образ "смерти с косой". Прим. редактора).

Ветер раздувал гриву коня, но я его не чувствовала. Пористые листья тростника по-прежнему возвышались надо мной. Когда я смотрела на него, то слышала звук фермы — собственной лошади ржущей во сне, дзиньканье кузнечиков сменялось хрустом гравия под ногами, поднимался ветер и слышалось... шипение?

Хейвен Хаус позади Смерти начал исчезать, становясь большим и черным в пространстве, заваленном обломками столбов и кучей мусора. Подобно древним руинам города? Я ощущала его бесплодным, бездушным логовом, а его проекция, казалось, давила на меня. Считал ли он мою половину мира — всю зелень и туманность душного ночного воздуха — такой же непостижимой, как я его самого? Если он уйдет, станет ли мой дом прежним? Вернется ли моя мама, находящаяся внутри? Эти ужасающие мысли роились в моей голове. Я ничего не понимаю! Он мчался к полю, но не смог войти в тростник. Почему? Его смолянисто-черные доспехи явно были древними, но все еще выглядели новыми. Потому что никто не осмелился нанести ему удар? У него было два устрашающих меча в ножнах на каждом бедре.

Наконец-то я смогла произнести: «Кто ты?»

— Ты спрашиваешь, кто я? — почему мой вопрос его забавляет. — В твоей крови и прикосновении содержится жизнь, — его голос был скрипуч как сухие листья, а акцент иностранным, хотя я не могла определить его, — разве тебе не говорили ждать меня?

Я видела свет, пробивающийся сквозь щели шлема, казалось, что его глаза горели.

— О чем ты говоришь? — я требовательно повысила интонацию. — Что ты хочешь?

Другое шипение послышалось из логова, со стороны руин за его спиной.

Смерть снял перчатки с шипами, открывая человеческие руки, бледные и совершенные.

— Ты знала меня. Ты всегда знала меня, задолго до этой встречи.

— Ты с ума сошел, прошептала я, хотя чувствовала что-то очень знакомое.

Он опустился на одно колено у края тростника и протянул ко мне руку.

— Подойди ко мне, Императрица.

Императрица Эви... Императрица Эви... Его рука была в нескольких дюймах от моей, но я была словно парализована, смотря на свет, исходящий от шлема, он привлекал мое внимание.

Позади Смерти, я увидела отвратительного рогатого мальчика, больше похожего на горбатого зверя, прячущегося среди руин. Струйка вязкой слюны стекала с его нижней губы.

Смерть взглянул в том же направлении что и я.

— Не обращай внимание на Огена, — сказал он. — Он мой давний дьявольский союзник.

— Я полакомлюсь твоими костями, — зашипел Оген, выставляя вперед острые костяные рога.

Скрежет был невыносим, щебень встряхивало как при землетрясении, это заставляло меня хотеть кричать. — Я высосу твою сущность досуха, пока ты будешь смотреть.

Игнорируй его. Думай что ты одна. Смерть подошел ближе.

- Я так долго ждал, чтобы увидеть тебя еще раз. Разве ты не желаешь этого? — тростник неестественно склонился вокруг меня, как бы заключая меня в клетку. Не называла ли всегда бабушка стебли "солдатами на страже"? Неужели тростник пытался меня защитить?

— Это начнется прямо в Конце, Императрица. — Ищет другую лазейку.

Я отползла обратно, морщась от боли в ободранных ногах. Кровавые струи стекали вниз по моим бедрам. Когда я успела порезаться? Я подняла руки и ахнула от ужаса. Мои ногти были острыми как бритва и пурпурно-красного цвета. Я видела этот зловещий оттенок уже тысячу раз — эту трехгранную форму. Они выглядели, словно шипы розы.

— О Боже, о Боже...

Мое сердце разрывалось, дыхание участилось, и я начала задыхаться. Почему мои ногти как у рыжей ведьмы? Тьма появлялась в моих видениях, затуманивая Смерть, его логово и его отвратительных союзников. Я начала смеяться, истерические звуки вырывались из моей груди, заглушая обещания Смерти, что он вернется и мы сможем закончить битву раз и навсегда. Я все еще продолжала смеяться, когда рухнула на землю и ударилась головой. На этот раз я очнулась в своей постели, в вертикальном положении и покрытая потом. Мои глаза пробежали по комнате, останавливаясь на изображениях на стене. Смерти не было, Огена тоже. Это был сон?

Я уже собиралась сдернуть простынь и осмотреть свои ноги и ступни, когда услышала в холле шаги. Я упала на спину, закрыв глаза, перед тем как мама собралась войти в комнату. Даже не потрудившись для любезности постучать.

— Эви, ты проснулась? — послышалось из коридора.

— Мам? — сказала я, пытаюсь казаться сонной, в то время, как мысленно проводила инвентаризацию своего тела. Были ли мои ноги в крови? Была ли я грязная? И стали ли мои ногти прежними? Но единственное что я чувствовала, это то, что мое тело было парализовано, словно мне вкололи новокаин.

— Мне показалось, что я слышала, как ты кричала. — Ее тон был тревожным. Шерлок отдыхает.

— А? Наверно мне приснился плохой сон.

Все еще в дневной одежде, она сидела в конце моей кровати, ее бриллиантовые серьги-гвоздики вспыхивали.

— Ты такая бледная. Ты спускалась за чем-то?

— Нет. Это не я. — О, Господи, если на моих ногах была кровь, она может просочиться сквозь простыни. Если моя мама увидит эти параллельные порезы, она, скорее всего, подумает, что я порезала сама себя, как моя прежняя соседка по комнате.

— Я беспокоюсь о тебе, сказала она. — Мы должны поговорить о том, что ты будешь делать сейчас, когда вернулась домой.

— Мама, яговорила тебе, что все в порядке. — Мои ноги кровоточили.

Я незаметно поправила простынь. Три багровые полосы просочились насквозь. Она увидит, она увидит... Поправь простынь, прикрой ее. Так. Лучше.

— Ты вернулась две недели назад, но за это время я не слышала, чтобы ты хоть раз смеялась. — Ты всегда любила пошутить, как и твой отец. — Она сдвинула брови. — Эви что... Она приложила ладонь к моему потному лбу.

— Ты дрожишь? — она обняла меня и начала покачивать. — Детка, я здесь. Что случилось?

Что случилось? Я удвоила свою дозу лекарств и все стало хуже.

— Я думаю мне приснился плохой сон. Она под села ближе. — Видения?

— Нет! Я спала.

— Дорогая, скажи мне, я тебе помогу. — Ты не смогла в прошлый раз. Лечение не помогло! Я была так взволнована, что хотела опять рассказать ей все. Вместо этого я зарылась поглубже, решив сопротивляться этому желанию. Я встретилась в ее взглядом, мой тон стал успокаивающим.

— Я скажу тебе, когда понадобится помощь. — Она была озадачена моим поведением.

— О. — На краткое мгновение она стала такой же суровой как обычно. — Гм, хорошо.

— У меня завтра тяжелый день. И я хочу немного поспать. — Я уже успела убедить себя, что эти когти были видением.

Мама встала, ее взгляд был настороженным и взволнованным.

— Конечно. Ну, сладких снов, милая.

Как только за ней закрылась дверь, я убрала одеяло прочь, заранее морщась из-за того, что увижу. Кожа на бедрах покрылась коркой крови, но ноги были целыми, без ран. Возможно, я просто поцарапалась ногтями во сне. Я хотела остановиться на этом варианте, не обращая внимания, насколько Смерть был реалистичным. Когда я вспомнила о его броне, мои руки зачесались чтобы сделать набросок. Я залезла под матрас, доставая свой альбом. Карандаш летал по бумаге, а я, повторяясь, шептала: «Два года и все. Два года и все...»

Слеза упала на страницу, потом еще и еще, три размытых пятна на изображении Смерти. К тому времени, как я закончила рисунок, буря начала стихать, никакого дождя для наших посевов сегодня не было. И из-за своего безумия, я страдала с ними.

Я еще раз взглянула на ногу, убежденная, что просто порезалась во время кошмара. Проклиная все, я содрала кровавую корку. Кожа под ней была... без единой царапины.

2 ДНЯ ДО АПОКАЛИПСИСА.

В пятницу я проводила свое свободное время во дворе в Идене, сидя в одиночестве за цементным, покрытым плиткой, столом и зализывая свои раны. Будучи на грани слез, я старалась не замечать того, что ромашковая поляна повернула свои бутоны ко мне, а не к солнцу. По крайней мере, розы и плющ остались неподвижны!

Прошлой ночью, прежде чем я пошла спать, впервые мне стало просто интересно каковы мои шансы сдать тесты. Сегодня у меня не было ни единого. Чтобы добавить соли на раны, когда мы передавали по ряду тесты по английскому, на листе Джексона были все ответы, нацарапанные самоуверенным почерком. Хотя прежде я ни по какому предмету, никогда не набирала ниже В+ (прим. примерно наша 4), на этой неделе я накопила пару F (прим. это полный ноль). При этой мысли, мои глаза наполнились слезами. Я прижалась покрасневшим лицом к прохладной плитке, изо всех сил пытаюсь не заплакать.

Сегодня, когда я попросила своего учителя сделать поблажку... Гад сказал «Нет». Мой желудок скрутило. Понижение в балле. Я не могла вернуться в ПШР, никогда туда не вернусь! Я задавалась вопросом, чем все это кончится? Каким словом обозначают абсолютное дно? Надир? Где был мой Надир? Сколько еще можно терпеть неудачи, потери, галлюцинации, загадки? После встречи прошлой ночью со Смертью, я думала, что получу тайм-аут от этой жути. Как бы не так! Едва написав тест по английскому, я заснула, увидев во сне красную ведьму. Я начала набрасывать ее сейчас. Естественно, она совершала новое убийство. Виноградные лозы размазывали кровь своих жертв по ее коже. Она наслаждалась этим.

Я смогла разглядеть ее лучше, чем раньше. Ее бледное лицо было круглым, ее кожу омрачали лишь две татуировки, мерцающие по всей длине ее щек. Нет, не татуировки, но символы, как светящееся зеленое клеймо. Хоть у нее и были девчачьи веснушки на носу, выглядела она старше, может на 25? Ее глаза блестели зеленым чистым злом. Я наблюдала как она придвинулась к великолепному кусту роз, ее когти подобно шипам укололи один из стеблей. Каким-то образом она высасывала энергию из него, втягивая в себя его жизнь, она откинула голову и вскрикнула от удовольствия. Роза извивалась, словно в агонии, но ведьма была беспощадна, высосав ее досуха, оставив только сухую шелуху. Она была паразитом, поработавшим вещи, которые я любила. Когда я резко проснулась, все были заняты упаковкой книг — все кроме Джексона. Тут я поняла, что он смотрел не на мое лицо, а на мои руки, на мои побелевшие костяшки пальцев, сжавшие край стола. Я сразу же его отпустила.

— Кошмар? — спросил он кивнув.

Он, кажется, сочувствует? Не в состоянии удержаться, я спросила:

- У тебя... у тебя они бывают?

— Да. — Это прозвучало так, будто он хотел сказать что-то еще, но вспомнил, что мы не были друзьями. — Он просто повторил: — Да.

— И что ты делаешь?

— Я сплю с одним открытым глазом.

Он сделал глоток из фляжки и зашагал прочь. Я была бы счастлива просто хорошо

поспать.

На мой телефон пришло СМС от Брэндона. Если он продолжит давить — я закричу.

«Оттянемся в субботу. 4 пара. Твой друг и мой. Спенс и Мэл.». Он придет со Спенсером? Наконец что-то позитивное. Я быстро набрала текст: «Где?». Брэндон: «Сахарный завод». Я нахмурилась. На самой окраине Хейвена, на берегу протоки, находился разрушающийся завод. Он был очень старым, сохранились только кирпичные стены и дымовые трубы. Отсутствие в окнах стекол, делало его похожим на старый римский Колизей. Если люди подозревали, что Хейвен населен призраками, то на счет завода — были убеждены. Слухов о кровавой смерти внутри дробилки тростника было множество. Но думая о Мэл, я знала, что соглашусь пойти.

— И вы, Стерлингские девушки смеетесь над Клотиль за ее короткую юбку?

Сказал Джексон, проходя через двор, посылая мне взгляд в своей привычной манере. Я поспешила закрыть альбом, убрал его к остальным книгам.

— Эм, мм, Эви. Просто видя тебя в данном наряде, я чувствую себя гораздо... веселее.

Когда я сегодня утром вошла в класс, он бросил на меня взгляд и усмехнулся поверх своей фляжки. Он разговаривал со мной как с куклой.

Пока я готовилась к школе, надевая ярко-красную юбку, блузку с треугольной горловиной, с соответствующей пышной лентой для волос, я вроде чувствовала, что все нормально. За моей спиной он произнес в пол голоса: "Je t'aime En Rose." — Я люблю, когда ты в розовом.

Затем он без приглашения сел рядом. А? Я не носила ничего розового. Ничего кроме бюстгальтера. Он смотрел через плечо прямо в мой вырез! Неужели у него нет пределов? И я не могла ничего ему сказать, иначе я проиграла бы в нашей битве. Мне это не нужно! Но я отказывалась покинуть свой стол, чтобы ответить этому хулигану.

— Скажи, откуда ты знаешь наш язык? — спросил он, это звучало... не сердито.

— Еще раз, я не понимаю, что за смешной бред ты мне говоришь. И еще, я не хочу больше об этом разговаривать. — Я стала набирать сообщение для ответа Брэнду.

— Ты пишешь своему парню?

Снова на лице Джексона появилось разочарование. Его настроение было слишком изменчиво.

— Пишу. Да.

— Он не хочет надрать мне зад после того, как я назвал тебя сукой?

Звуки затихли — мои пальцы остановились на клавиатуре.

— Конечно, я сказал это на французском, — Джексон продолжал. — Но теперь я думаю, что должен был притормозить и подумать о том, что ты могла бы понять.

Я пыталась сохранить выражение лица нейтральным.

— Что бы ни было. Я только знаю, что Брэндон не будет драться с тобой.

— Потому, что он знает, я надеру ему его задницу. — Джексон одарил меня улыбкой.

— Нет, потому, что у него есть что-то, что он может проиграть в драке.

Джексону не понравилось данное высказывание. Его серые глаза загорелись. Я поняла где видела этот цвет раньше. На стене моей спальни. Эти зловещие тучи на моем рисунке, сверкающие молнии... все было серого цвета, цвета глаз Джексона, когда он был зол.

— Ты думаешь ты и Рэдклифф и все ваши заносчивые друзья гораздо лучше, чем все остальные.

Он сжал свои отекавшие руки в кулаки. Пластырь на одной руке разорвался, открывая

глубокую рану на его пальце. Вокруг раны сформировались ужасные шрамы. Забыв нашу ссору, я воскликнула:

- Что случилось с твоей рукой?

С жестоким взглядом, он схватил мой подбородок и замахнулся другим кулаком в сторону моего лица, будто делая удар в замедленной съемке.

— Зубы. Он усмехнулся, обнажая свои. — Они режут как лезвие ножа.

Он так часто участвовал в боях, что у него были шрамы на шрамах.

Я отшатнулась от него, задыхаясь, и он опустил руки, выражение его лица стало непроницаемым. Но я определенно поняла — этот парень был опасным. Я отвернулась, набирая свое сообщение.

Джексон подцепил мой альбом и взметнулся на ноги, создавая дистанцию между мной и его новым призом. Когда я подскочила со своего места, он открыл альбом, хмурясь, наклоняя страницу под разным углом.

— Отдай Джексон!

— Ай, ай, бебе. Он поднял его над головой, пытаясь дразнить меня им.

— Просто прошу, отдай его Джек. Я хочу его вернуть — СЕЙЧАС ЖЕ!

Неожиданно его зашатало, он попытался устоять, прежде чем упал. Альбом вылетел из его рук и упал на землю. Я бросилась вперед и схватила его.

— Чем выше сидишь...! — рявкнула я на него.

(Имеется ввиду поговорка: чем выше сидишь — тем больнее падать. Прим. редактора)

На мою удачу он упал. Возможно, он остутился в высокой траве. Я улыбнулась. Ее нити все еще туго обматывали его лодыжки, постепенно опуская его на землю. Позади него эта зеленая линия колыхалась, несмотря на то, что не было ветра.

Джексон не представлял, почему он упал, но я знала. Эти нити вылетели и связали его ноги. Растения контактировали с другим человеком? Движущиеся растения были моим безумием — связанным с моими реакциями, моим смятением. Мне было очень страшно на них смотреть. Но они помогли мне? Как и прошлой ночью, когда тростник создал клетку, защищая меня? Теперь травяные лианы повалили моего врага, спасая мой альбом. Я начала смеяться. Помогли девушке, а? Джексон снова подумал, что я смеялась над ним. Румянец распространился по его точеным скулам. Он выпрямился во весь рост, бросил на меня хмурый угрожающий взгляд, а затем удалился.

Как только он ушел, я встала на колени перед растениями, растопырив над ними пальцы, будучи все так же слишком напуганной. Я смотрела то на маргаритки, то на розы. Так как я снова свихнулась, я могла задавать себе по-настоящему странные вопросы. Что хотят травяные лианы в обмен на помощь мне? У плюща есть планы на день? Розы: друзья или враги? Так или иначе, я должна выяснить, что со мной происходит. Я решила, что как только вернусь домой, где меня никто не сможет видеть, то проверю тростник.

Когда Брэнд подвез меня домой после школы, он припарковался вне поля видимости из окна.

— Все в порядке Эви? — он барабанил пальцами по рычагу коробки передач.

— Ты ведешь себя странно с тех пор как вернулась.

— Все в порядке, сказала я, в нетерпении поскорее добраться до участка.

— Так тому и быть, — просто сказал он, поверив моим словам, хотя мое поведение кричало — все хреново!

Он положил руку мне на бедро, достаточно высоко, чтобы заставить меня

неодобрительно взглянуть. У него на лице была улыбка, хотя чувствовалось напряжение. Он очертил круг на моем колене.

— Так ты думала о том, чтобы встретиться в ближайшие выходные у Спенсера?

— Наверное, не так много как ты.

— Мой мозг заиклен, — сказал он, постукивая сильнее. — Эви, футбол, Эви, футбол.

— По крайней мере, я на первом месте.

— Всегда, — сказал он, подмигивая мне со своей фирменной улыбкой.

— Я скажу тебе свой ответ в эти выходные, обещаю.

Дать себе менее чем сорок восемь часов на решение?

Как только он уехал, чтобы подготовиться к игре сегодня вечером, я направилась в сторону тростника, теряя контроль над нервами. Я была полна решимости разобраться во всем этом. Два одинаково катастрофических последствия ожидали меня. Либо я просто бредила. Или... Я даже не хочу туда идти. Выпрямив плечи, я сглотнула и потянулась к тростнику. И, черт возьми, он придвинулся! Я отошла на несколько шагов. Глубокий вдох, еще глубокий вдох. Сосредоточься. Сконцентрируйся. Я заставила себя снова протянуть к нему руку. Еще раз он потянулся к моей руке. На этот раз, мягко сомкнувшись вокруг моей ладони. Тот выющийся лист не был просто изогнут. Он двигался, как ребенок хватаящий палец родителей. Вот черт. Я не испытывала чувства, наподобие покалывания в голове во время взаимодействия с растениями, потому что это не была галлюцинация. Это не было видением или бредом, это было реально. Верно? Расправив плечи, я зашла в поле, вглубь тростника. Тотчас, урожай, казалось, выдохнул, листья шептались вокруг меня. Я пошла по ряду, все дальше и дальше, листья ореолом нависали над моим лицом. Мои веки отяжелели, будто подруга расчесывала мои волосы. Тростник выгибался и тянулся ко мне, и у меня закружилась голова от удовольствия, от ошеломляющего чувства единения. Если они были действительно моими солдатами, то у меня была самая большая армия в мире — шесть миллионов сильных стеблей. Я могла представить, как они движутся, и то, как они реагируют. Сгибаются, колышутся, раскачиваются. Влево, вправо, вверх, вниз. Потому что мы были полностью связаны. Среди них я была в безопасности, как королева на шахматной доске в окружении своих пешек.

И с этим ослаблением напряженности, воспоминания начали просачиваться сквозь умственную дамбу, которую ПШР помог мне построить. Я вспомнила некоторые фрагменты рассказов моей бабушки.

Это был последний проведенный с ней день, она завезла нас на большое шоссе в сторону Техаса, и сказала: «Я Тарасова, Эви, летописец Таро. Я знаю вещи, которых никто не знает на земле. А ты Императрица. Как карта в моей колоде. В один прекрасный день, ты будешь контролировать все, у чего есть корень или цветок.»

Я почти не слушала ее, мечтая о мороженом, которое она мне пообещала. Императрица? Не из-за этого ли я так сильно люблю растения? Не потому ли они растут, чтобы быть рядом со мной? И Смерть, и загадочный мальчик так же называли меня Императрицей. Как же безумно это все звучит! Разве это может быть правдой? Растения движутся по команде? Или девушка с родовой психологической болезнью переживает видение? Я замедлила шаг из-за возникших сомнений. Разве мне не снились кошмары о красной ведьме, управляющей растениями, губящей их? Было ли это все связано с моим поврежденным мозгом? Может, все это было не реальным. Возможно, мне становилось хуже, потому что бабуля распространяла свое сумасшествие на меня, и я не слишком усердно

сражалась за жизнь, а всего лишь отчаянно хотела вернуться.

— Эви, ты понимаешь, почему должна отбросить учения твоей бабушки? — я взглянула на раскачивающиеся стебли. Я могла видеть галлюцинации прямо в этот момент. Словно в тумане я повернулась к дому. Я была готова увидеть на крыльце свою мать.

Легче сказать, чем сделать. Мама могла быть по-настоящему жесткой. Сущей фрау Плохая задница. Это было здорово, в некоторых случаях, например, когда она взяла на себя ферму бабушки и превратила ее крупнейшую в округе, менее чем за десятилетие. И не так замечательно в других — например, когда она решила взяться за мое благополучие.

У парадной двери, я остановилась на тридцать секунд, чтобы успокоиться. Мне нужно начать свистеть. Мой сосед по комнате в центре, научил меня этому трюку. Родители не подозревали, что их дети несчастны или бредят, когда ребенок свистел. Их умы просто не могли этого осмыслить. Когда я проскользнула внутрь, я сжала свои губы, выдувая воздух, вызвавший свист. Я слышала, что моя мама разговаривала по телефону на кухне. Она была расстроена? Я застыла на месте. Она, должно быть, разговаривала с бабушкой. Время от времени моей бабушке удавалось ускользнуть от санитаров и позвонить домой.

— Я буду бороться с этим зубами и ногтями. Не смей пытаться связаться с ней! — сказала мама, затем сделала паузу на несколько долгих мгновений, — ты не убедишь меня в этом! — молчание.

— Только послушай себя! Ты причинила боль, моей маленькой девочке, этому нет прощенья! Плачь сколько хочешь, завтра все изменится!

Когда она повесила трубку, я подошла к ней на кухню. — Бабушка?

Мама поправила волосы. — Да.

Я открыла рот, что бы спросить, что она хотела, но мама сказала: — ты ничего не хотела бы мне рассказать Эванджелин Грин?

Я ненавидела, когда она спрашивала меня подобным образом. Мне понравился этот вопрос настолько, насколько нравилось самообличение. С чего начать? Баллы-шмаллы, сучки думают, что я просто провалюсь на экзаменах в этом году. Впервые за несколько месяцев, у меня были видения. Или же я могу заставить растения делать трюки. Не могу решить на какой из этих сценариев надеяться. Я испытывала желание разыграть мою карту девственности, просто чтобы добраться до великолепного, чудесного старшеклассника и — черт возьми — не отступить.

Вместо этого, я сказала, «Хм, нет, а что?»

— Ты не разговаривала со своей бабушкой?

— Нет, вообще-то. — С тех пор как я была маленькой девочкой, и мама отправила ее в дом Аутер Бэнкс в Северной Каролине. Или, по крайней мере, так постановил суд, признавая ее вину. Я вспомнила, мама уже однажды пыталась меня успокоить, называя его "местом для отправки слабоумных родственников".

Я уставилась на нее в ужасе. Даже если бабушка позвонила бы на мой сотовый телефон, я никогда бы не ответила. Мое собственное освобождение из ПШР было обусловлено двумя вещами: правильные лекарства и никакого общения с ней. Я согласилась и с тем и с другим. Охотно. К концу моего пребывания в ПШР, меня запрограммировали, и я была убеждена, что у бабушки были психологические нарушения. Вместо того что бы быть пророчицей. Теперь я спокойно отвечала.

— Я не разговаривала с ней в течение восьми лет.

Мама успокоилась. — Она очень больна, Эви.

Тогда ей нужно быть дома с нами, почти сказала я. Нет, два года и все.

— Я понимаю.

— Не думаю. Она очень убедительна. У нее есть ответы на все. Черт возьми, она могла напугать любого, говоря о засухе, подключив к сумасшедшему сценарию конец света.

— Что она сказала? — быстро спросила я.

Мама прищурилась и ее голубые глаза моргнули.

— Неправильный вопрос. Нас не волнует то, что она говорит. — Она указала на меня пальцем.

— Она потеряла любое уважение с нашей стороны, в тот день, когда она пыталась... похитить тебя.

Я отвела взгляд, часть меня хотела вернуть воспоминания о том дне, часть меня боялась.

— Я знаю мама.

— Она везла тебя через Техас, когда полицейские поймали ее. Один Бог знает, куда она собиралась тебя увезти. Ты что-нибудь помнишь?

— Я помню арест.

К ее счастью, бабушка ушла с офицерами мирно, а выражение ее лица было удовлетворенное. Спокойным голосом, она пробормотала: «Я расскажу тебе все, что нужно знать Эви. Ты должна поступить правильно. Тогда все будет хорошо.» Но у меня была истерика. Когда на нее одевали наручники, я пнула мужчину и закричала.

Я взглянула на маму. — Я не помню большую часть произошедшего.

Я не помню всего, что мне нужно было знать. Если бы я верила бабушке, то это означало, что я должна сделать все правильно. Ничего не будет хорошо. Если я не помню. Но никакого давления, Эви.

— Я уверена, что она наполнила твою голову ерундой.

Да, конечно. Ерунда. Доктора сказали мне, что я усвоила некоторые вещи, которые она мне говорила. Это звучало примерно так. Может ли это быть правдой?

— Ее мать была больна до нее, и моя прабабушка тоже.

Я ненавидела напоминания об этом. Я отрезала:

- Я запомнила в ПШР историю семьи, мама. Я уже знаю, что я последнее поколение которому передалось безумие.

— Эви, послушай, мы на правильном пути. Мы можем все изменить. Просто доверься мне.

Ветерок всколыхнул тростник. — А что насчет фермы? Что будет если не пойдет дождь?

— Что бы ни произошло, твоя мать что-нибудь придумает. Не волнуйся ни о чем, кроме школы.

Школа. Обучение. Идея учиться и читать книги вызывала у меня отвращение.

— Но мам...

— Я что-нибудь придумаю. — Ее плечи выпрямились, подбородок поднялся, глаза сверкали решимостью подчинить природу. Фрау Плохая задница. Я почти чувствовала жалость к засухе. Друг семьи как-то рассказал мне, что когда мой отец исчез во время рыбалки в Бейсене, мама самостоятельно занялась поисками. Она отправилась вглубь миллиона акров болот, прочесывая каждый дюйм в поисках мужа, доброго, веселого человека которого она обожала. Безрезультатно. Он бесследно исчез. Мне было только два года. Не смотря на то, что Карен Грин выглядела благородно, с ее безупречными волосами и

манерами, я легко могла представить ее в болотных сапогах, сидящей на джонке, высматривающей аллигаторов в воде. И я думаю, что однажды стану похожа на нее. Я так ужасно хотела заставить ее гордиться. До моего помешательства. Сейчас я была всего лишь сумасшедшей девочкой в Хейвене

1 ДЕНЬ ДО АПОКАЛИПСИСА

После того, как Мэл усадила меня перед зеркалом, я спросила: «и это так я должна соперничать с Клотиль?» — в одолженной одежде — красной блестящей блузке от Версаче, черной микро-мини юбке, итальянских сапогах до колен, и с кричащим макияжем? Цвет помады — привет от проститутки.

Мэл была у меня дома, готовя меня к ночному свиданию, так как ощущала потребность сделать мой прикид более откровенным, чтобы у меня был шанс противостоять свободно колышущимся прелестям Клотиль. Девушка появилась на игре прошлой ночью в топе-трубе и обтягивающих мальчишеских шортиках. Я говорила себе, что Брэнд все равно пропустит эти игры. Эй, я все еще могла одержать победу. Но даже Грейс Энн подбежала ко мне на боковой линии и сказала: «Тебе придется переспать с Брэндом, чтобы удержать его».

Как будто больше было не о чем волноваться. У меня возникло еще одно видение. Посреди выступления я вдруг испытала это щипающее чувство в моей голове. На самом верху трибуны я заметила странную девушку, сидящую ко мне боком. Черты её лица было слишком размыты, чтобы различить детали. Коленями она удерживала длинный лук и колчан, и даже в свете стадионных софитов казалось, что она сияла. Её волосы были похожи на светящееся серебро — не серые, а мерцающие. Когда она натянула тетиву своего лука и прицелилась куда-то вдаль, по моей коже пробежали мурашки. Я чуть не оступилась. Натянув улыбку, я проигнорировала ее, прыгая вдоль боковой линии и выкрикивая "Вперед, Звезды!". Я схожу с ума! Такая быстрая смена видений означала, что у меня обострение. Двое из пяти врачей предсказывали, что возвращение домой не поможет. Можно было наслаждаться немногими оставшимися днями в Стерлинге. Все шло к тому, что мои дни здесь сочтены. Тогда я сказала Мэл:

- Может быть, мне одеть что-нибудь более удобное? А не это... — Я указала на мой топ — яркий кусок обтягивающего материала, завязывающийся на шее и с открытой спиной. Мэл усмехнулась:

- Эви, по шкале от милочки до шлюшки, ты практически амиша.*

(прим. редактора. А?миши (англ. Amish [??m??], нем. Amische, пенсил. — нем. Amisch), они же аманиты или амманиты (не путать с аммонитами и аманитовыми) — религиозное движение, зародившееся как самое консервативное направление в меннонитстве (разновидность анабаптизма) и затем ставшее отдельной протестантской религиозной деноминацией. Амиши отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать некоторые современные технологии и удобства).

Я уставилась на нее.

— У тебя два варианта, попрыгунчик. Или стать более распутной чем Клотиль или надрать ей задницу. Я тебя поддержу при любом раскладе.

Идея соперничать с Клотиль оставила неприятный привкус у меня во рту. И все же я последовала советам Мэл, так как она выбирала мой наряд и определялась с аксессуарами: черные свисающие сережки и широкая алая лента на голову, потому что так она решила сделать мои волосы более объемными. Когда она начала накручивать их диффузором,

превращая волны в экстравагантные кудряшки, я спросила:

- Мэл, это действительно необходимо?

Хотя я никогда не признаю этого, помада была прикольная.

— Погоди, Грин. Тебе повезло, что я не запихнула тебя в душ. Потому что я, возможно, сама собираюсь туда.

— Когда ты закончишь?

— Потерпи, это займет пять минут. Ты будешь само совершенство.

Затем она начала болтать и описывать свой план обольщения Спенсера.

Хотя и был комендантский час, достаточно было сказать маме, что я проведу ночь у Мэл, после нашего двойного свидания. Беспокоясь о том, что она будет дома, пока моя «счастливая» задница будет проходить через дверь — я очень переживала за сегодняшний вечер. Так как я устала выискивать причину своей неловкости, я просто неопределенно отвечала, слушая план Мэл. Да, звучит хорошо. Наверное.

— Серьезно, Эви. Что с тобой произошло? — она положила диффузор. — Ты вела себя странно всю неделю. Что-то произошло между тобой и мной?

— Ничего! Ты моя лучшая подруга.

— Да ладно, я же вижу. Ты ведешь себя прям как та героиня из "Прерванной жизни".

(Girl, Interrupted — фильм такой).

Она рассматривала мое отражение в зеркале, даже не представляя, как она близко она была к истине.

— Ты не переписываешься со мной. Ты пропустила ТМПА, обязательное к просмотру. Ты сбежала от меня после занятий. — Она села на мой туалетный столик. Я застонала в знак протеста. — И что случилось этим летом? Ты не могла ни разу позвонить? Все что я получала — это корявые письма от тебя. Кто, черт возьми, пишет письма? Ты бы еще посылала дымовые сигналы, или голубей с маленькими свернутыми посланиями!

Возникло жгучее желание все ей рассказать. Но даже, когда я просто представила, как все это объясняю, я начинала искать синоним слову "бредовые" ... психотические.

— Слушай, моя мама боится засухи. Брэнд давит на меня. Школа обещает быть невозможной в этом году. У меня уже две двойки! Я — кусок дерьма!

Давай-ка посчитаем. Галлюцинации: две точно, возможно больше. Кошмары: бесконечные. Завершение домашней работы: ноль. Новые сверхчеловеческие, возможно выдуманные, способности: я выращиваю острые когти-шпы, управляю растениями и спонтанно восстанавливаю свою кожу после повреждений. Возможно. Мэл отмахнулась от моих беспокойств.

— Игнорируй свою маму, брось Брэндона, улучшай свои оценки. Если не получится, я завалю вместе с тобой. Ты провалишься, я провалюсь. Делов-то.

Если бы это было так просто.

— Что, если я не хочу пока бросать Брэнда? А? Я не поддаюсь его давлению!

Сцена первая: я смотрю диким взглядом в зеркало. Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

— Просто у меня такое ощущение, будто все проскальзывает мимо. Я постоянно боюсь потерять его, потерять всех моих друзей.

— Ты имеешь в виду, потерять свою популярность? — спросила Мэл, с проницательным взглядом и я неохотно пожала плечами. — Это так важно для тебя... — она прервалась. — Если популярность является твоей сладкой мечтой, круглым леденцом, то так тому и быть.

Кто я такая, чтобы плевать на твои мечты? Но знай: долбанная школа не закроется без тебя, и она не изменится, только из-за того, что ты медленно соображаешь.

— Я хожу всю неделю мимо людей и даже не здороваюсь! Я хожу по коридорам как зомби.

— Всем просто будет ясно — на этой неделе Эви врубила "красный свет". Когда я так делаю, это сигнал, что я опасна как Годзилла.

Твоя выдуманная маленькая волшебная страна кажется очень симпатичной по сравнению с дыханием настоящего огня. На следующей неделе, возможно, все повторится. Черт, я почти привыкла к растениям. Убрать этот страх из уравнения, и возможно...

— Самое главное — запомни, что я твоя лучшая подруга. — Сказала Мэл, ее голос был самым милым из всех, которые я когда-либо слышала.

— Ты знаешь как поразительно то, что ты делаешь? — я вздохнула и повернулась чтобы обнять ее. — О, Мэл...

Но она потянула меня за волосы, перебирая их пальцами.

— Наши отношения были всегда честными и близкими, Грин. Не разрушь это или еще что-нибудь, договорились?

— Это адское место, — сказала Мэл, когда мы пробирались через высохший проток около фабрики. Мы подъехали так близко, насколько только отважились на своем Бумере, осталось пройти через высохший лес. Туман был настолько густым, что я едва различала куда иду. Другое бабушкино высказывание возникло в голове: остерегайся засухи — змеи ползают рядом.

— Это не моя идея, Мэл.

— Я очень серьезно надеюсь, что нет. Две болельщицы идут по ночному лесу, чтобы якобы попасть на фабрику?

— Не могу определиться, это звучит как анекдот или начало фильма ужасов.

— Эй, у тебя еще есть, находящаяся под угрозой исчезновения, девственная плева. А значит, ты можешь погасить свой "кредит".

— Думаешь остальные уже здесь? Может они припарковались на другой стороне? Попытаюсь позвонить.

И тут я вспомнила, что ранее оставила свои вещи и заблокированный телефон в своем автомобиле, вместе с моим драгоценным альбомом. Я обернулась, но не смогла увидеть сквозь туман Бумер.

— Позвонить? — торопливо сказала Мэл, — не будь такой глупой. Мы почти там, правильно?

Когда мы приблизились к тому, что осталось от завода, я пробормотала: «ты слышишь что-нибудь?». Я потеряла затылок, снова чувствуя, что за мной кто-то следит... Меня ослепили огни. На лицо упали тени, которые стремительно приближались. Из моей груди вырвался вопль. Крики: "Сюрприз!" затихали, десятки студентов стояли в тишине, пораженные моей реакцией. Грейс Энн, Кэтрин, Брэндон. Все они ошеломленно смотрели. О. Мой. Бог. Это вечеринка-сюрприз в честь дня рождения. Кто-то развесил огоньки на стенах. Динамики расположили на вершине ржавой тростниковой дробилки. На старом ржавом котле стоял бочонок. Я просто унилась перед всеми этими людьми. У Мэл отвисла челюсть от моего крика. И когда я уже была на грани истерики, она очнулась и громко сказала:

- Эви! Ты знала об этом, не правда ли, сучка? Хотела напугать тех, кто сделал для тебя

сюрприз? Затем она сымитировала мой вопль, сопровождая его шотландским йодлем "Лэй-хи-ху". Когда люди начали смеяться, я улыбнулась через силу.

— Да. Конечно, я знала. Весь день ждала этого! — улыбайся, Эви!

Теперь все расслабились, некоторые шутливо толкали меня в плечо, как будто я только что сделала что-то крутое, забавно пошутила.

— Спасибо за спасение, Мэл.

Уголкем рта она пробормотала:

— Ты ведь и не представляла, правда?

— Нет. Точно, нет!

— Проблемы?

— Обязательно будут.

— Ну, тогда веселись сегодня, попрыгунчик. Потому что завтра, дерьмо вернется в реальность.

Брэнд налетел на меня и кружил, пока я действительно не засмеялась.

— Я надеялся, что ты не догадаешься.

Я прикусила нижнюю губу. Возможно, если бы вечеринка была поменьше, или музыка потише.

Прозвучал гудок. И еще один. Мэл, Брэнд и я присматривались ко входу. Внизу сквозь туман, свет фар высветил старые следы трактора. Это выглядело как массовая эвакуация направленная непосредственно на завод. Последнее, что мне хотелось бы, чтобы моя мама вызвала полицию, не понимая, что это ее дочь безумствует.

— Послушайте, ребят, может это не такая уж хорошая идея.

Мэл и Брэндон посмотрели на меня в замешательстве. Эви Грин не часто такое произносила.

— Мы ведь не рушим твой дом, — сказал Брэнд, — Это снаружи.

— Моя мама...

— Она никогда не узнает. Мы в милях от твоего дома. Плюс стены удерживают звук.

Мэл сказала: «Он прав. И подумай о фото! Мы можем получить серию классных кадров». Затем она добавила: «Популярная девушка празднует свой день рождения, неистовствуя с привидениями сахарного завода».

Была ли я обеспокоена только потерей популярности? Не будет ли странно для меня не праздновать шестнадцатый день рождения? Черт, мама воспримет празднование как хороший знак. Она не слушала бабушку и была не слишком строга со мной. С другой стороны, она может пересмотреть свое "такой хороший мальчик" по отношению к Брэндону, или не так реагировать на шутки Мэл. Чуть ранее сегодня, Мэл назвала ее "женщиной, породившей Эви". Маме не понравилось. Я не знаю, что буду делать, если она объявит вне закона любого из них.

— Я обещаю тебе — все будет хорошо, — сказал Брэндон. — Честное скаутское. — Вместо трех пальцев скаутского приветствия, он изобразил знак мира. Я предпочитаю думать, что он шутит. Я вздрогнула, когда Брэнд полез в карман.

— О, я почти забыл! Твой подарок. Я хранил его до понедельника, но подумал, что ты захочешь надеть это сегодня.

Он протянул мне завернутую коробочку, связанную лентой. Я разорвала обертку, открывая, чтобы найти огромный кулон на цепочке из белого золота. Потрясающе. Он соответствовал моим серьгам с бриллиантами, прекрасно. Сложив руки на груди, Мэл

скептически проговорила: «И все, что он хочет, это побеситься на вашем сахарном заводе?»

Затем она нахмурилась:

— Вау. Это звучит сексуально.

— Тебе нравится? — спросил он, немного нервничая, что было восхитительно.

Игра. Сет. Матч.

— Мне очень нравится. И мне нравится моя вечеринка-сюрприз, я встала на носочки, чтобы быстро поцеловать его, — спасибо.

Он улыбнулся, протягивая мне запотевшую банку пива. — За Эви!

Я с сомнением подняла банку. Как алкоголь взаимодействует с моими таблетками? Эй, разве с моей головой может быть еще хуже? Возможно, у меня начались... галлюцинации? Ха-ха. Мое пребывание здесь было недолгим, в любом случае.

- За вас, ребята!

В течение следующего часа все пили из щедро разливаемого бочонка пива и уже приближались к Брэндовской оценке — "дошел!" Люди все приходили и приходили, превращая мою вечеринку в сумасшедшую и беспорядочную пивную тусовку. Я видела лица и не узнавала их, видела куртки Леттермана из других школ. В течение ночи, я видела несколько неудачных попыток заигрывания Мэл со Спенсером. Тем не менее, сейчас, когда она танцевала со мной на уступе, казалось, что он присматривался к ней. Она и я пели так громко, что я потеряла голос, танцевали так безумно, под ударную музыку, что мир вокруг кружился. На этот раз, я не боролась с этим. Мы смеялись над чем-то, когда я увидела Джексона Дево, прислонившегося плечом к разрушающейся кирпичной стене. Затем я заметила других прибывших, смешивающихся с толпой. Наряд Клотиль сегодня вечером сделал меня Амишей. Но я не стала возмущаться из-за того, что все они были здесь. Пожав плечами, я подумала, что все должно закончиться хорошо. В то время как я танцевала, взгляд Брэнда был прикован ко мне, а не к Клотиль. Я бросила самодовольный взгляд на Джексона; его темный пристальный взор также зафиксировался на мне. Взволнованная, я протянула обе руки Брэндону, чтобы он помог мне. Но вместо этого, он вдруг развернул меня, вращая в своих объятиях. Я засмеялась, откинув назад голову. Кружась и кружась...

Покалывание в носу? И тут я увидела загадочного мальчика. С вызывающим видом, глядя на меня, он пожал плечами, как будто сделал что-то, что могло меня разозлить. Мой следующий поворот, и он исчез, и я еще раз увидела размытое лицо девушки. Я задыхалась, затем заметила движение на ветках дерева наверху. Там был другой парень! Он был старомодно одет, с длинными черными волосами и угольно-черными крыльями. Последний ребенок, присоединился к вращению — мальчик с электрическими искрами вокруг всего тела. Девушка и оба мальчика выжидающе смотрели на меня, готовые к прыжку. Я выворачивалась из объятий Брэндона, пока он не отпустил меня. Смеясь от души, он спросил: — Эви, ты собираешься блевать или что?

Или что! Или что! Я положила руку на лоб, потому что сейчас, осматриваясь вокруг, я не видела ничего необычного. Эти существа растворились, как туман.

Кто-то поднимался по лестнице в мое укрытие. После того как я сбежала от Брэндона, уверяя, что мне необходима короткая передышка, а он снова взял с меня на слово, я просто поднялась на выступ недалеко от старой дымовой трубы, чувствуя необходимость побыть в одиночестве, все обдумать. Я уселась, осторожно свесив ноги, чтобы не раздавить клевер, растущий между кирпичами. Отсюда, я могла наблюдать за вечеринкой, похожей на живой кукольный театр. Время шло, а толпа все еще не рассеялась. Почему я не могу спуститься туда и веселиться, как все нормальные девушки-подростки? Почему я всегда должна чувствовать себя под угрозой? Под прицелом? И почему празднование моего дня рождения набирает обороты даже без меня? Как нарисованная, команда футболистов в свете полумесяца, жаждала грязной игры. Я вздохнула. Я не могла скрываться всю жизнь. Тут я почувствовала кого-то на ступенях. Кто мог знать, как добраться сюда? Джексон. С двумя пластиковыми стаканчиками в руках. Я разочарованно вздохнула.

— Как ты меня нашел?

— Не многие черные мини-юбки избежали моего внимания, дорогая.

Кайджанский врун. Он сел рядом со мной, предлагая мне стаканчик.

— Вот.

Я неохотно приняла его, глядя на содержимое.

— Это коктейль?

— Наверное. — Невнятно произнес он.

Определенно сегодня вечером он был взбудоражен, его акцент стал более выраженным, его темные волосы растрепались.

— Прекрасно. — У меня язык заплетается?

Видимо поэтому Джексон сказал:

— Ханжа Эви Грин конкретно напилась. Если бы я знал, что ты такая малолетняя нарушительница порядка, я бы втянул тебя в новую авантюру.

— Малолетняя нарушительница порядка? Хм. Разве это не твои инициалы Джей Ди? Они тебе подходят...

(прим. ред. Малолетний нарушитель на английском Juvenile delinquent, то есть первые буквы J.D.)

Он сделал глоток пива из своего стаканчика, я была уверена, что он сжал губы от раздражения.

— И вот, мы здесь, кайджан Джей Ди и богатая девочка из Стерлинга, которая рисует странное готское дерьмо. Я раскусил всех остальных дураков достаточно легко, но тебя... — Он покачал головой. — Что-то с тобой не так. Ты для меня, как нерешаемая загадка, Эванджелин, — добавил он значительно. — У тебя кайджанское имя, ты частично кайджанка? Вот почему ты можешь говорить на моем языке?

— Откуда ты узнал мое полное имя?

Он пожал плечами, подняв ладонь вверх — неопределенный жест кайджанов, затем снова вышел.

— Что ты здесь делаешь, Джексон?

— Эта часть Стерлинга закрыта для кайджанов?

— Я просто не ждала тебя и твоих друзей на вечеринке по случаю моего дня рождения.

— Это твой? Мы были в другом районе, когда услышали о сборище и бесплатных напитках.

Пытаясь успокоиться, я перекинула волосы через плечо. Когда он замолчал, я повернулась к нему. Он смотрел на мою шею полуприкрытыми глазами.

— Черт, Эви, ты хорошо пахнешь.

Почему все продолжают говорить о моем запахе? Даже Мэл ранее попросила одолжить мои духи. Одна проблема: я ничем не пользуюсь. Джексон все еще смотрел на меня. Опасаясь его немигающего взгляда, я отодвинулась подальше. Он моргнул, затем кашлянул в кулак.

— Почему ты не внизу, на своей собственной вечеринке?

— Мне нужен был тайм-аут.

— Угу. — Он осушил стаканчик, запивая его глотком из своей фляжки. Я почувствовала запах виски в его дыхании, но не нашла его неприятным.

— Ты делаешь это постоянно. И все же я никогда не видела тебя действительно пьяным.

— Ты хочешь увидеть меня пьяным? Воспользоваться стариной Джеком?

— Я умру раньше, чем воспользуюсь тобой, Джексон.

— Хех. Так что, *cher* (дорогая), теперь, когда ты устроила это свидание со мной, каковы твои намерения?

Я пила из стаканчика.

— Ты непробиваемый, как эта труба.

— Я вижу, как ты смотришь на меня, раздевая меня глазами.

— Неправда. У меня есть парень.

— Тогда почему он не с тобой прямо сейчас? Почему он не помогает тебе носить книги в школе? Почему Джексон обратил внимание на это? Следовало ли Брэнду? Просто потому, что я девушка?

— Мы с ним равны, поэтому я могу носить его книги, так же как он может носить мои.

— Там, откуда я родом, мужчина несет вещи женщины, потому что это вежливо и чтобы другие знали, что она занята. Как по-другому сделать так, чтобы все знали, что ты принадлежишь ему?

— Я не принадлежу никому. Ты что выбрался из болота или из временной капсулы? Он двинулся вперед, пока наши лица не оказались в нескольких дюймах друг от друга, затем промурлыкал:

— Сказанное тобой невежливо, Эванджелин. Ты не хочешь быть *doix a moi*?

Сладкой для него. Он просунул палец за мой короткий топ между моих грудей.

— Джексон! — тут я поняла, что он поднял мое новое ожерелье.

— Стоит немалых денег, не так ли? — он отвел взгляд.

— Это Брэндон подарил мне раньше на день рождения.

— И я знаю, что ты собираешься отдать ему. — Он отбросил цепочку.

— Ты ничего не знаешь обо мне, понимаешь? Ничего.

Побег клевера обвился вокруг костяшек пальцев, это было удивительно успокаивающе.

— Я думаю, что начинаю узнавать. А Рэдклифф тебя знает?

— Конечно, — сказала я, хотя у меня были сомнения. Почему он не чувствует, под каким давлением я нахожусь? Зачем усиливать его?

— *Une menteri*. — Ложь.

— Ничто из сказанного тобой не имеет значения. Я очень хорошо знаю своего парня, и я в нем уверена.

Он презрительно рассмеялся.

- До тех пор пока ты не будешь против, делить его с кайджанской брюнеткой. Он принохивается к Клотиль, это правда. И ты тоже это знаешь. Вот почему ты так оделась. — Он махнул рукой в мою сторону.

— Как именно?

Снова взгляд из-под ресниц. Еще глоток из фляги.

— По-другому.

— Брэндон не делает этого... не принохивается. Он любит меня. Он сказал мне, что он думает обо мне постоянно.

Так же часто, как и о футболе!

— А ты не волнуешься о своей девушке?

— Девушке? Черт, Клотиль, возможно, моя сестра.

Мои губы приоткрылись. Возможно? Джексон и я были не просто из разных миров, но из разных вселенных.

— Посмотри на Рэдклиффа. Как ты думаешь, что у него на уме прямо сейчас?

Брэндон был окружен стайкой поклонниц, пока пил из бочонка, словно из фонтана. Он жил вечеринками, поклонением и обожанием. А где Мэл? Как правило, она расталкивала локтями других девушек. Я не видела ее или Спенсера некоторое время. Я сразу поднялась, переступая через Джексона, чтобы пойти найти ее.

— Ты куда, Эви?

Хоть я и проигнорировала его, он последовал за мной вниз по лестнице. Спустившись на землю, я увидела темную фигуру, спрятавшуюся среди припаркованных автомобилей. Я прищурилась, но не смогла разглядеть сквозь туман. Новая галлюцинация? Я осторожно приблизилась, чтобы получше рассмотреть, но передо мной встал Джексон. Я сдвинулась влево, он встал передо мной.

- У меня нет на это времени.

Он начал оттеснять меня к фабрике.

— Отвали, Джексон, — огрызнулась я, когда моя спина натолкнулась на кирпичную стену.

Басы звучали так сильно, что я могла чувствовать их вибрацию через камень.

Он наклонился, сдвинув брови:

— Ты пользуешься какими-то дорогими духами? Никогда не ощущал запаха, подобного твоему.

— Я не пользуюсь духами.

Он посмотрел на меня так, словно я могла лгать.

— Ты пахнешь почти как... жимолость.

— Я ничем не пользуюсь.

— Мой самый любимый запах. — Уголки его губ приподнялись, это был первый раз, когда я видела на его лице настоящую улыбку.

Несмотря ни на что, его легкая улыбка заставила мое сердце ускоренно биться. Джексон флиртует со мной? Как обычный парень? И не для того чтобы смутить меня? Очень жаль. Между Брэндоном, Смертью и загадочным мальчиком, моя бальная карточка была переполнена. И эта кокетливая сторона Джексона настораживала меня. Хотя, кайджан имел

очень привлекательный грубый вид, но я скорее доверилась бы Смерти в доспехах.

— Просто оставь меня в покое.

— Как только ты сделаешь две вещи. Признаешься, что говоришь по-французски, и покажешь мне остальные свои рисунки.

Я смотрела мимо него, желая покончить с этим разговором.

— Почему тебя это так интересует? Почему мы вообще разговариваем? Ты ненавидишь меня, помнишь?

— Ну, да. Конечно. — Прижав ладонь к стене рядом с моей головой, он наклонился бормоча:

— Но, может быть, я хочу тебя, тоже.

Мне только что объяснили то, чего я никогда не понимала. Парень мог хотеть секса со мной, хотя я ему совсем не нравилась. На самом деле, он мог даже ненавидеть меня.

— Может быть, я решил простить тебя за причиненные мне *la misere*. Неприятности.

Я выдохнула, устав от этих игр. Я чувствовала себя слабой и уставшей от всего.

— Джексон, послушай....

— Называй меня Джек.

— Нет. Потому что мы не друзья. — Подражая его акценту, я сказала: «и только мои друзья называют меня Джек».

Он снова мне улыбнулся, сверкая белыми зубами.

— Мы не можем быть друзьями, но я собираюсь быть дружелюбным с тобой. — Я почувствовала тепло, исходящее от его тела. От него вкусно пахло лесом, и чем-то немного диким. В его глазах было что-то непостижимое. Казалось, он молча обещал мне что-то, но я не знала что. Дружелюбие?

— Я хочу поцеловать тебя *cher*.

Мои мысли разлетелись. В этот момент я почувствовала себя как во сне, но я не хотела быть обманщицей.

— Мне нужно вернуться... вернуться к Брэндону.

Я положила руки на грудь Джексона, чтобы оттолкнуть его, но его мышцы напряглись под моими ладонями, его тепло притягивало меня, как магнит.

— Я не дам тебе вернуться к этому парню, пока ты не подаришь мне один *bes doux*. Сладкий поцелуй. Затем он наклонился вперед, снимая ленту с моих волос.

— Что ты делаешь? — пробормотала я.

— Сувенир. — Он спрятал ее в карман, и почему то, это показалось мне самой сексуальной вещью, которую я когда-либо видела.

Энергия начала заполнять меня. Слабая и усталая? Больше нет. Я чувствовала себя возбужденной и живой впервые за несколько месяцев. Где были мои мысли о чувствах, поцелуях, парнях и сексе? В этот момент я умирала для этого кайджанского парня, желая, чтобы он поцеловал меня. Меня не заботила моя репутация, разочарование друзей, потеря популярности или бахвальства о его победах. Я должна была узнать то, что обещали его глаза. Он смотрел на мои губы и, прежде чем я успела подумать, я их облизнула.

— Да, вот так, *bebe*, — сказал он, ласково уговаривая. — *Ma Bonne fille*. Моя хорошая девочка.

Он обнял меня одной рукой, другой обхватив подбородок.

— Эванджелин, я буду целовать тебя, пока ты не начнешь обвивать меня, пока мы дышим друг для друга.

Это было обещание... Словно издали, я услышала, как кто-то крикнул: «Джек!»

Он проигнорировал голос, медленно приближаясь ко мне.

— Джек!

Наши губы были готовы встретиться.

— Джек Дениэлс! — я поняла, что это Лайонел, и он дергал его за руку.

Когда Джексон повернулся, то полыхнул на Лайонела самым страшным взглядом, который я когда-либо видела у человека. — Чего ты хочешь? — прогремел он.

— Пора идти, родна.

Джексон медленно покачал головой, руки жестче обвилились вокруг моей талии.

— Мы закончили здесь. Время идти. — Повторил Лайонел.

Что бы это ни значило, Джексон, тем не менее, его понял. Лайонел обратился ко мне:

— тебя ищут внутри, Эви.

— Ох. О! — я вырвалась из рук Джексона, но не удержалась и оглянулась через плечо. Я прикусила нижнюю губу, думая, что он последует за мной, и опять Лайонел схватил его за руку. Джексон зарычал на своего друга:

— Хочу попробовать вкус этой девушки...

Взгляд его пылал. Лайонел что-то ответил, но я не расслышала. Это что-то заставило Джексона нахмуриться.

— Иди, Эви, — отрезал он. — Сейчас же! Возвращайся к своим друзьям.

Его отрывистый приказ сильно ужалил меня, вызвал недоумение. Я поспешила в дом, прижав пальцы к губам. О, Боже, я почти поцеловала другого парня. Я почти изменила Брэндону, который не заслужил этого. Я застыла на месте. Клотиль подкрадывалась к Брэндону, а он с восторгом смотрел на нее, протягивая руку. Моя челюсть отвисла, когда он помог ей взобраться на бочку с пивом, из-за чего ее одежда задралась. Футболисты радостно это приветствовали. Какое унижение! И в этот нелегкий момент, одна нервная мольба выделялась из всех остальных: "Пожалуйста, не дай Джексону увидеть это". Я протиснулась сквозь толпу к бочке. Увидев меня, Брэндон покраснел, помогая хихикающей Клотиль спуститься вниз. Я была огорчена, что все только что стали свидетелями этой сцены и разозлилась. Чувствуя себя бесшабашной, я посмотрела на Брэндона. — Эй, парень. Почему бы тебе не подарить своей девушке поцелуй?

— Здесь? На глазах у всех? — спросил он.

Смущается?

- Да, здесь.

Наконец, Брэндон наклонился, чтобы коснуться своими губами моих, вновь и вновь. Со сдавленным стоном, он углубил поцелуй, и я позволила ему на секунду, накрыть мою ладошку ладонью. Тогда, я улыбнулась ему в губы, прикусив нижнюю губу. Но вместо того, чтобы улыбнуться, он отступил, его веки отяжелели.

— Ах, Эви, ты не понимаешь...

— Проводишь меня к реке? — прервала я.

С ошеломленным выражением на лице, он пробормотал:

- Девушка, я готов следовать за вами в ад.

За фабрикой, мое удовольствие от маленькой победы уменьшилось, потому что теперь я имела дело с пьяным парнем. Как только в поле зрения появилась вода, Брэндон притянул меня к себе.

— Ты так хорошо пахнешь, Эви.

Когда он начал целовать мою шею, я быстро посмотрела вверх, сквозь туман. Я нашла его поцелуй — так себе. "Нет, Эви, не думай об этом". Я напомнила себе, насколько легко было читать Брэндона, каким он был открытым, каким беззаботным. Это был тот тип парня, в котором я нуждалась в своей жизни. Я не могу потерять его. Тем более не с другой девушкой.

— Эй, остановись!

— Угу. — Не останавливался он.

Я обхватила его лицо обеими руками и заставила посмотреть мне в глаза.

— Я приняла решение.

Его тело напряглось.

— Да?

— Я уделила много внимания этому вопросу, и я...

Завыли сирены. Раздались крики: «Копы!» — Мои глаза расширились. Шериф был здесь?

- Вот, дерьмо! Брэндон!

Музыка оборвалась, я качнулась на ногах. Он поймал меня за локоть.

- Эви, я улажу это! Я скажу шерифу, что здесь были только я и несколько футболистов, но вечеринка вышла из-под контроля.

— Он арестует тебя!

— Сомневаюсь. Мой папа играет с ним в гольф. Все будет хорошо! Ты никогда не была здесь.

Он пьяно улыбнулся мне. В этот момент, он выглядел для меня совершенно героическим.

— Просто подожди здесь. Я найду Мэл и скажу ей встретиться с тобой. — Он повернулся и умчался прочь.

— Брэндон? — позвала я. — Когда он оглянулся через плечо, я начала было говорить, что люблю его, но все, что вышло — было: «ты самый лучший.»

Он отсалютовал мне, а затем отправился на битву. Одинокая, я покусывала губу. Может Брэндону удастся сохранить это в тайне? Я почти ожидала, что вой сирен станет громче или возможно появится дополнительная колонна фургонов для арестованных. Первым моим побуждением было позвонить Мэл, но мой телефон, как и все мои вещи, был заперт в машине!

Прохладный бриз овеял меня, разогнав туман и рассыпав охапку листьев по поверхности реки. Я потеряла руки, вдруг замерзнув в своей одежде. Следом за ветром, потянулись сердитые тучи. Слышались раскаты грома? В Луизиане, мы часто наблюдали микроштормы. Я не слишком беспокоилась, очень хотелось, чтобы пошел дождь. Нет, не слишком беспокоилась, пока озноб не пробежал по затылку. Все шорохи или звуки животных вокруг меня, кажется, усилились. Я повернулась, но никого не увидела. Тем не менее, я не могла избавиться от ощущения, что за мной следят. Просто паранойя? Еще один симптом? Потом, началось это покалывание, опять. О, нет, нет! Не обращай внимания. Сопrotивляйся этому. Раздвоенная молния ударила вниз в двадцати ярдах от меня. Я закричала, ослепленная на время, в ожидании оглушительного раската грома. Не дождалась. Следующий молчаливый разряд приземлился еще ближе, он ударил электричеством в землю с такой силой, что почва и искры взлетели в небо. Я смотрела, ошарашенная. Распыленная грязь разнеслась по ветру, побуждая меня к действию. Я побежала вниз к берегу реки. Третий заряд отеснил меня

ближе к воде, заросшей камышом.

— Дерьмо, дерьмо! — мои ноги приземлились в грязь, она засасывала мои ботинки. Я перешла с шагов на бег на цыпочках. Еще более сильная молния ударила, как мне показалось, прямо за мной. Это не могло быть реальным. Потому что, вместо разрядов, теперь я видела копья и стрелы. Они сверкали серебром и выгравированными символами, но они, как и молнии, взрывались от удара.

- Не реально, не реально, — повторяла я истерически, размахивая руками, пытаюсь двигаться быстрее. Прекрати бредить! Один разряд прошипел всего в нескольких дюймах от места, где только что были мои ноги. Кто-то пытался убить меня! Я развернулась, направляясь обратно к заводу. Я предпочту быть арестованной! О Боже, о Боже! Я плелась вдоль деревьев, уворачиваясь от ветвей, которые, казалось, искали способ добраться до меня, чтобы обнять. "Тьфу!" Я рискнула бросить взгляд через плечо. Кто-то, или что-то, определенно было за мной. Я заметила, что мои острые когти вернулись, став едва ли не больше, чем прежде. Я врезалась прямо в твердую грудь человека.

Я чуть не грохнулась на задницу, но неожиданно меня удержали за руку. Я подняла голову. Джексон.

— Что с тобой, девочка?

Я смотрела ему в лицо, переводя дыхание.

— Там молния!

Я согнула пальцы, чтобы скрыть свои когти, ожидая, когда они медленно вернуться в нормальное состояние.

— Тебя напугали маленькие молнии? — он посмотрел на меня странно, как будто был разочарован во мне. — Я знал, что ты хрупкая, но, черт возьми, Эви.

Его взгляд задел меня. Я попятилась от него, боясь расплакаться перед этим парнем.

— Разряды были так близко.

— Ничего другого от девчонки из Стерлинга не следует ожидать.

— Нет, все было по-другому! Это было... как молнии, но не совсем. Они электрические и шипящие, но прохладные.

Но когда я посмотрела вверх, ночное небо было ясным.

— Ты здесь одна?

Я неуверенно кивнула.

— Я должна была встретиться с Мелиссой.

— Все разбежались.

— Тогда, что ты здесь делаешь? — я чувствовала себя в абсолютной безопасности в его присутствии. Я не ощущала угрозы от него, хотя он был закоренелым преступником с большим опытом боевых действий. Я знала, как минимум, несколько случаев, когда он кого-то ударил.

- Я думала, ты ушел.

Глядя на меня, он сказал:

- Может быть, я вернулся утвердить свои права на тебя.

Стиснув зубы, я сказала:

— Повторяю, у меня есть парень.

— И снова, я бы так не сказал. Похоже, Рэдклифф бросил тебя в лесу. Если бы ты была со мной, я бы никогда не выпускал тебя из поля зрения и уж тем более не оставил бы тебя здесь.

Что его привлекало в девочках, принадлежащих другим парням?

— Брэндон вернулся, чтобы уладить проблемы с шерифом!

Хриплый голос Джексона сочился презрением:

— Конечно.

— Я собираюсь найти своих друзей.

— Стой, подожди минутку. Ты не можешь туда пойти. Тебя схватят.

Заметив мой непонимающий взгляд, он добавил:

— Потом арест, установление личности, дешевый театр...

— Ничего себе, и ты называл меня кайджанкой и малолетней преступницей!

Он провел пальцами по волосам.

— Думаю, я не могу оставить тебя здесь. — Он стал оттеснять меня подальше от завода.

— Мне интересно... — Я повернулась настолько, насколько позволяли суставы. —

Почему ты вежлив со мной?

— Я не... Я просто хочу посадить тебя на мой байк в этой юбке. Куда мне отвезти тебя?

Я уставилась на него.

— Я здесь живу.

— Ты живешь на этой ферме? В том жутком особняке на дороге? Не удивительно, что ты тронулась головой.

Я не отрицала жуткие описания или комментарии касательно моей головы. Все правильно.

— Ты видел мой дом?

Он смотрел мимо меня, когда говорил:

— Я видел его с дороги один раз, после сбора урожая. Тогда я был маленьким.

Он провел рукой по губам, явно желая быть где-то в другом месте.

— Я отвезу тебя домой. — Я поняла, что мы остановились возле его мотоцикла, припаркованного в лесу. Где были его друзья? Где была Клотиль?

— Подожди, я не могу идти домой! Я пила. Я должна была провести ночь с Мэл.

Он поднял брови, смотря с выражением "почему это должно меня заботить?"

— У тебя два варианта — реекон. — Я нахмурилась. Реекон означает «колючка».

— Я могу отвезти тебя домой. Или могу оставить твою задницу здесь. Одну.

Что делать, если молний станет больше? Я не хотела быть здесь одна, по крайней мере, пока я не достигну тростника. Но я не могла приехать домой на ревущем мотоцикле.

- Ни один из этих вариантов меня не устраивает.

Он глотнул из фляжки.

— Ничто иное не устроит меня.

— Тогда уходи. — Конечно же, он не оставит меня здесь одну.

— Bonne chance, реекон. (Удачи, колючка.) — Он повернулся и зашагал к своему байку.

— Подожди, Джексон! Я не могу поехать с тобой! Моя мама ненавидит мотоциклы, и она услышит меня, если я попытаюсь проникнуть домой.

Я рассматривала свои грязные итальянские сапоги, когда пробормотала:

- Не проводишь меня? Только до тростника?

Он выдохнул с нескрываемым раздражением:

— Я останусь с тобой сколько нужно. — Он откинул подставку, толкая свой байк.

Щупальца тумана все больше растекались, пока мы молча шли. Хоть Джексон и пошел, он казался каким-то настороженным. Он был так явно обижен, что у меня возникло искушение огрызнуться, сказав ему: «Боже, просто уйди!». Но молнии все еще меня пугали, даже если были не реальными. Я ненавидела то, что я боялась. Я ненавидела свое желание, чтобы он был рядом. Мы продолжали идти, и я смотрела на него из-под ресниц, сравнивая то волнение, что я испытала, когда он собирался меня поцеловать, с "так себе" ощущением, когда Брэндон фактически целовал меня. Я представила Брэндона, его симпатичную внешность, его волнистые каштановые волосы, его куртку от Леттермана и светлое будущее. Перспективы Джека? Государственная тюрьма в Анголе. Весь вопрос, когда он попадет туда. Если Брэндон был хорошим мальчиком, но еще не стал отличным парнем, то Джексон был плохим мальчиком и уже плохой парень. И все же с кайджаном, я получила вкус того, что было похоже на желание, настоящее желание....

Он протянул мне флягу. Я отказалась, спрашивая:

— Почему ты так много пьешь?

— Кто бы говорил. — Когда он увидел, что я жду ответа, то сказал:

— Назови мне хоть одну причину не делать этого.

— Это плохо для твоего здоровья.

— Ты думаешь, что я проживу достаточно долго, чтобы умереть от воздействия алкоголя? Выпьем за это!

Склонив голову я смотрела на него, размышляя обо всех слухах, что его окружали, нападения с ножом, исправительный центр, кража в городе Стерлинг.

— Джексон, ты так плох, как все говорят?

С фляжкой у губ, он сказал:

— В тысячу раз хуже.

В отдалении прогремел гром, как бы подтверждая это заявление. Как только мы добрались до грунтовой дороги, проходившей между двумя большими полями тростника, я сказала:

— Спасибо, что проводил меня так далеко. Со мной теперь все в порядке.

— Я не оставлю тебя посреди поля, — проворчал он, но с каждым шагом вглубь тростника, ему, казалось, становится не по себе. — В болотах, люди думают, что в этом месте есть приведения. — Он снова бросил меня изучающий взгляд. — Это так?

— Может быть немного.

В безветренной ночи зашептал тростник, когда я приблизилась к его стеблям, пропуская между листьев растопыренные пальцы, отогреваясь после своей галлюцинации. Здесь я была в безопасности. Спокойствие снизошло на меня. Я впитывала знойный воздух, наслаждаясь жужжанием насекомых, сладким запахом росы, игрой животных вокруг нас. Все было таким живым, полным жизни. Я вздохнула, мои веки отяжелели.

— *Drole fille*, — пробормотал Джексон. На французском *Drol* означало "смешно". На кайджанском? Странная.

— Что ты сказал?

— Эта туманная ночь, и мы идем под этот шелест тростника. А *p'tee fille*, как же ты можешь спокойно идти здесь? Разве ты не должна цепляться за мою руку?

— Вряд ли.

Когда что-то зашевелилось рядом, Джексон сказал: — этот шелест тростника... напрягает тебя?

— Я люблю его. Ты, наверное, только что услышал енотов. Или змей.

Я заметила, что он пил из фляжки всего один раз, пока мы были окружены тростником. Может быть, он почувствовал, что что-то не так со мной, в этом месте. Может быть, он вспомнил рассказы о привидениях и хотел быть настороже. Когда я смогла разглядеть огни Хейвена невдалеке, я спросила: «ты суеверен, Джексон?»

— *Mais* да. То, что я католик, еще не значит, что я не могу быть суеверным, — сказал он, выдохнув с облегчением, как только мы вышли из тростника. Он тихо присвистнул, едва увидев Хейвен.

— Даже больше, чем я помню.

Я попыталась посмотреть на это его глазами. Газовые фонари гордо мерцали над двенадцатью колоннами. В ночи цвел жасмин, поднимающийся по многочисленным шпалерам, словно его притягивало к величественному старому дому, будто он воцелил его.

Величественные дубы уже были оплетены им, они окружали здание, как бы защищая. Джексон бросил на дом такой оценивающий взгляд, что я поняла, мы должны остановиться.

— Знаешь, что я думаю? — наконец сказал он. — Я думаю, что ты такая же, как этот дом, Эванджелин. Богатая и прекрасная снаружи, но никто не имеет понятия, что происходит внутри.

Он действительно был удивительно пронизательным.

— Ты думаешь, мне это нравится, кайджан?

Он закатил глаза, как будто мы топчемся на одном месте.

— И ты, и это место очень отличаетесь от всего остального.

— Ты не представляешь, о чем говоришь кайджан. Не. Представляешь.

Пожав плечами, я повернулась к сараю. В конце концов он последовал за мной. Когда я открыла дверь, лошади приветствующее заржали. Ну, все они, кроме моей любимой старой клячи Аллегры, названной так из-за аллергии; она похрапывала. Джексон оставил свой байк за дверью, и прислонился к ней.

- В этом большом старинном особняке только ты и твоя семья живете?

Хотя у входа был припаркован только мамин серебряный внедорожник Mercedes, я позволила ему думать, что у меня был также и отец.

— Вы действительно самая богатая семья в округе?

— Нет. Всем известно, что это Рэдклиффы.

На его щеке подергивалась мышца.

— Тебе страшно оставаться здесь? Ты боишься привидений?

— Боюсь? У меня есть шесть миллионов защитников.

— Если бы ты хорошенько меня попросила, я мог бы остаться и быть твоим телохранителем.

Когда я саркастично рассмеялась, он нахмурился.

— Тебе нравится смеяться надо мной, реекон? Наслаждайся этим сейчас, потому что это не всегда будет так.

— Что это значит? — прищурившись, глядя на меня, он в свете газовых фонарей выглядел опасным. — Ты можешь уйти в любое время, Джексон. Потому что мне не нужен телохранитель, и я не буду бояться. У меня не было выбора в этом случае, потому что ты отказался пойти со мной, чтобы найти Мелиссу или Брэндона.

— Снова Рэдклифф? — с грубым проклятием, Джексон оттолкнувшись от своего байка, подошел к двери.

— Даже после того, как он помог Клотиль забраться на бочку? Я думал, что после этого ты сделала переоценку вашей верности.

— Ты... Ты видел это?

— Все видели это. И это на твой день рождения. Они также видели, как ты пытаешься привлечь к себе его внимание. Если хочешь знать мое мнение, ты выглядела отчаявшейся.

Желчь поднялась к горлу. Джексон сказал, что с меня нужно сбить спесь. Миссия выполнена.

— Я просто не понимаю, как он мог предпочесть Клотиль тебе. Ты очень хороша, достаточно посмотреть на тебя в этой юбке, ты хорошо танцуешь, и ты пахнешь, как цветок. Что ему не нравится?

Когда он ухмыльнулся мне, я достигла своего предела.

— Хватит! Ты наслаждаешься этим!

— De bon c'ur. От всего сердца.

— Ты можешь. Потому что ты жестокий, беспринципный парень, который радуется несчастью других людей.

Я выдержала его взгляд.

- Брэндон двуличный человек. И всегда им будет.

Выражение лица Джексона стало таким угрожающим, каким я его никогда не видела. Я захлопнула дверь перед его носом и двинулась в стойло в задней части сарая. Я шла, расвирепев... Пересмотреть свое определение верности? Я хотела задушить его! Нет, нет, не надо думать о Джексоне Дево, мне нужно сосредоточиться на том, кто или что напало на меня. Или, по крайней мере, определить, была ли я действительно атакована. Когда я воспроизвела каждую деталь, я не смогла вспомнить. И, черт, я поняла одну вещь — я была пьяна. Я могу смириться с растениями — галлюцинации они или нет, это начало меня успокаивать. Но копыя из молний? Смерть на бледном коне? Видение загадочного мальчика в классе? Весело. Спустя два года все по-прежнему. Изменение планов. Да, я обещала маме, что не буду связываться с бабушкой, но мне грозил ПШР, в любом случае. Смерть сказал: «Никто не говорил тебе ждать меня?» Может быть, кто-то был? Я тайком свяжусь с бабушкой завтра. Стоило задаться вопросом, как мне начать наш первый разговор за восемь лет, но в голове и на лице начались покалывания. Потом стало больно. Сарай вскоре исчез.

— Нет, нет! Слишком сильно! Я не могу больше терпеть это!

Я зажмурилась, как будто это могло помочь. Когда я снова открыла глаза, то стояла в комнате без окон, с креслами-мешками на кафельном полу и плакатами Звездных войн на стенах. Подвал, игровая комната? Потом я увидела загадочного мальчика, стоявшего прямо передо мной!

- Ты должна подготовиться, Эви. — Сказал он.

Ощущения которые я испытывала до этого, теперь больше походили на мигрень, как если бы этим видением выстрелили в мой череп из ружья, висевшего на гвозде. — Просто оставь меня в покое! Затем пробормотала: — как много видений я могу увидеть за одну ночь?

— Много, — ответил он. — Это канун Начала. Многое предстоит сделать!

Отлично. Многое предстоит сделать — это имело так же мало смысла, как в первый раз, когда я видела его. — Кто ты?

— Мэтью Мат — Zero Matto. Легче думать обо мне как о карте Дурака.

Карты. Ах, Боже, я вспомнила учения моей бабушки о Таро. Символы из колоды, которой она всегда играла, теперь говорили со мной.

— И я полагаю, что жнец, который посетил меня и хотел убить, был картой «Смерть».

Он кивнул. — Major Arcana. Старший Аркан.

Что бабушка однажды говорила мне о Старших Арканах? Они были особыми картами, вроде козырных карт Таро? Было ли время, когда я перебирала ее колоду, чувствуя большие карты в моей маленькой руке? Я не могу вспомнить!

— А красная ведьма? — потребовала я. — Какая ее карта? Как она — мы, — может контролировать растения?

Это все, что было у нас общего. Я была хорошей, а она была злой. Я была бы Глиндой — Хорошей Ведьмой растений всего мира, любви и единства с ними, а она нашим ненавистным злом. Смерть сам сказал, что я знала все о жизни и ведьмах, и очевидно, все о смерти. Я ущипнула переносицу. Как будто любой из этих персонажей был настоящим!

— Красная ведьма? — Мэтью нахмурился. — Ах, она появится. Мы разберемся с ней когда придет время.

— Разберемся с ней? Ты имеешь в виду бороться с ней?

— Она сильная. Ты — нет. Пока.

Боль в голове стала мучительной. Мои глаза увлажнились.

— Мэтью, это больно!

Я почувствовала вкус крови текущей вниз по горлу. Моя тошнота усилилась. Давление ослабло немного, но не до конца.

— Я не хочу, чтобы ты пострадала, — сказал он серьезно.

— Почему ты продолжаешь появляться?

— Поле боя. Арсенал. Препятствия. Противники. Я учил тебя каждый раз; ты плохо слушала, принимала таблетки, пила.

Когда потекла кровь из носа, я сжала его пальцами.

— Я буду сопротивляться, малыш. Я имею в виду кричать, таскать за волосы, царапаться. Я не хочу этих видений.

Он смотрел на меня печальными карими глазами:

- Я не подведу тебя. Эви, ты мой единственный друг.

Его сердечные слова застали меня врасплох. Он казался таким знакомым. Просто, интересно, почему я чувствовала доверие к нему, когда он сделал все возможное, чтобы не заслуживать этого. Я напомнила себе, что он не существует. Я сильно потрясла головой — достаточно, чтобы видение исчезло. Я направилась к двери, прихватив попону, а затем наружу в сторону тростника. Дождевые тучи собрались над полем, загремел гром.

— Нет, Эви, — позвал он. — Не под тучи! Дождь...

Я оглянулась. Он выглядел испуганным, не в состоянии последовать за мной. Испугался дождя?

Ему не нужно знать, что облака Стерлинга были двуликими мошенниками, не выполнявшими свои обещания все лето. Я двинулась дальше.

— Ты не готова! — крикнул он мне вслед. — Твои глаза ярко светятся, если ты смотришь на свет!

— Оставь меня в покое, Мэтью!

— Отвернись от света. Отвернись! Хочу, чтобы ты была в безопасности!

— Что я и делаю!

Право, прежде чем я достигла края тростника, он предупредил еще раз: «Начало близко...»

— Ты могла придумать что-нибудь получше, — пробормотала Мэл, щурясь, чтобы что-нибудь увидеть сквозь забрызганное лобовое стекло. В сумерках роились насекомые, и их раздавленные тела слипались, пока не становились похожими на смолу на стекле.

— Может быть и так, но я должна была сделать это. — Я никогда за всю мою жизнь не была так разгневана, и будь я проклята, если спущу Джексону это с рук. — Ты можешь ехать быстрее? Солнце сядет в ближайшее время, а мы еще даже не проехали дамбу. Нам потребовалось несколько часов, чтобы найти адрес кайджанов на компьютере миссис Уоррен, а еще больше времени я потратила, пытаясь убедить Мэл, отвезти меня в Бейсен.

— Тебе повезло, что в данном случае я одна, Грин. Я не хочу потерять права, потому что в этом году это пятый штраф...

Она не перестала ворчать, пока не замаячила высокая дамба.

— Давай просто позвоним в полицию.

И тогда они конфискуют мой альбом.

— Джексон сделал это только потому, что он хулиган и потому, что он это может. Никто никогда не давал ему отпор. Но пришло время это сделать.

— Откуда ты знаешь, что у него телефон? Ты сказала, что он просто провел тебя.

Я не сказала Мэл, как хорош Джексон в своем деле, только то, что он отвлекал меня разговорами, пока Лайонел стащил наши вещи. — Я просто знаю это, ясно? — что было не совсем так... Может телефон и не у него, но у него мой альбом, что для меня было главным. Не то, чтобы телефон ничего не значил. Слава Богу, я блокирую доступ к любой своей информации — Брэндон никогда не блокирует свой телефон. И у него были все мои личные сообщения за последние семь месяцев, не говоря уже о папке, заполненной бесчисленными фото и видео-записями меня.

Как много кайджанов сейчас глазеет или тупо ржет над моими фотографиями в купальнике, сделанными камерой Брэндона? Старая шутка, я бы сказала. А если они прослушают мои входящие голосовые сообщения? — "Да, я проведу ночь с тобой." Мое лицо горело, ярость возросла до новых высот. Когда мы достигли нового моста, протяженностью более акра через болота, мои губы поджались. Без этой линии серого цемента, я бы даже не узнала о Джексоне Дево. Как только мы добрались до конца моста, мы официально попали в новую область страны Кайджан. Рукав реки изобиловал бухточками и маленькими разводными мостами. Пара диких животных, сидели в черном грузовике.

Мэл выдохнула.

— Почему ты заставляешь меня быть голосом разума? Ты же знаешь, что это не моя роль.

— Мне нужно это сделать, — просто сказала я. Поняв, что Джексон разыграл меня, что его почти "поцелуй" был уловкой — мне стало больно. Хотя я не хотела, целоваться с ним изначально. Зачем он действовал так, будто я ему нравлюсь? Это была подлая, бессердечная шутка. Как он и Лайонел, должно быть, смеются над моей доверчивостью!

— Становится слишком темно, — сказала Мэл, когда мы подъехали к повороту на Бейсен. Она была права насчет дневного света. Зловещие облака вернулись на болото.

- Да, но каковы шансы, что, в самом деле, пойдет дождь?

Эти облака напоминали мне сцену, которую я нарисовала у себя на стене, и как я недавно видела себя с горящими глазами. Люди, как правило, не ездят к болотам, когда сталкиваются с подобным штормом. Я не знаю, что будет хуже — погодная буря или гнев Джексона. Это не имело значения, я наклонилась, глядя сквозь ночь и указала Мэл поворот на грунтовую дорогу, которая вела к Бейсену. Через несколько миль, она сказала:

- Мы больше не в Канзасе.

Мы увидели, лодки для ловли креветок, лачуги на болотах и судоремонтные заводы заваленные кучами металлолома. Статуэтками Девы Марии украшался любой двор. Я знала, что люди Бейсена были рьяными католиками, но даже я была удивлена. Мы приближались к концу дороги, недалеко от которого жил Джексон. Здесь было меньше строений, но больше пальметок, банановых деревьев, кипарисов. Во всех канавах, как в корзинах росли лилии.

(Прим. ред. Пальметка — тоже самое, что и пальметта (франц. *Palmette*) — украшение в виде пальмового листа, форма кроны плодовых деревьев).

К тому времени стало так темно, что болот не было видно. Единственный свет был от автомобильных фар. За камышами светились красные глаза. Аллигаторы. Они были такими толстыми, что те, что поменьше лежали на других. Пары красных глаз-бусинок, складывались как ступеньки лестницы. Мэл нервно потерла руками руль, но продолжила путь вперед. Автомобиль вполз глубже под навес переплетенных лиан и виноградных лоз, как будто въезжая в туннель полный привидений. Когда дорога сменилась разбитой тропой, показался дом Джексона. Дом был похож на дробовик, длинный и узкий, с входами на обоих концах. На покрывавшей его вагонке, облупилась краска. Пара шкур аллигаторов была прибита над худшими местами. Крыша походила на ржавое лоскутное одеяло из разных листов жести. В одной секции, был прибит кусок металлолома, который выровняли. Это место было так далеко от гордого Хейвена, насколько это было возможно. Я думала, что видела бедных. Я ошибалась.

— Вот где он живет? — Мэл содрогнулась. — Это ужасно.

Внезапно я пожалела, что приехала с ней, чувствуя себя так, будто предала секрет Джексона, хотя это не имело никакого смысла.

— Эви, машина застрянет, если я поеду дальше. И это, когда у нас нет телефонов.

— Погоди... Просто оставайся здесь, а я пойду к нему. Вернусь с нашими вещами.

— А что, если его здесь нет?

Я указала на его мотоцикл, припаркованный под навесом рядом с шаткой верандой.

- Это его.

Когда я открыла дверь машины, она сказала:

- Подумай еще раз.

Я подумала. Вся эта ситуация была настолько неприятной! Все из-за того, что Джексон украл у меня! Он вторгся в мою личную жизнь, возможно, видел и слышал мои интимные беседы с Брэндонем. И он видел мои рисунки. Я поклялась никогда не принимать свободу как должное. Его действия угрожают этому! Воспоминания о том, что было поставлено на карту, заставили меня хлопнуть дверью машины и двинуться дальше.

Желтые мошки облепили меня, но я продолжала идти, обходя шины, треснутые ловушки для крабов, корни кипариса. Рядом с его домом не было подстриженного газона, не было даже травы. Некоторые люди, живущие в этих краях, не могли позволить себе газонокосилку, чтобы оберегать свои дворы от лишней растительности и змей. Его двор был гигантским участком утрамбованной земли. Приблизившись, я увидела, инструменты,

свисающие с крыши крыльца. Мачете и пила, сталкиваясь, позвякивали на усиливавшемся ветре. Я пересекла разохшиеся от времени четыре, шаткие на вид, ступени. Первая ступенька прогнулась даже под моим весом. Как же парень, настолько большой, как Джексон, поднимается по ним? На неокрашенной фанерной двери не было молотка, просто ржавый рычаг, чтобы открыть ее. Низ был исцарапан полосами. Какие животные могли их оставить? С дрожью, я взглянула на небо, и увидела нарастающие тучи. Я оглянулась на Мэл, задумавшуюся в своей машине. Может быть, это... глупо. Нет. Я должна была получить свой альбом обратно. Я постучала костяшками пальцев по дереву.

- Эй?

Дверь застонала и широко открылась.

— Мистер или миссис Дево? — нет ответа. — Мне нужно поговорить с Джексоном, — сказала я, прежде чем войти в дом.

Я не увидела никого внутри, но вокруг я наблюдала такую же бедность, что и снаружи. В главной гостиной было тесно, потолок нависал так низко, что я подумала, что Джексон был вынужден пригибаться, чтобы пройти. Свисающая с него единственная лампочка гудела как пчела. Единственное окно было заколочено. Дверь в комнату в задней стене была закрыта, но я слышала рев телевизора внутри. Вдоль левой стены, была до смешного маленькая кухня. Шесть очищенных рыбин лежали рядом с шипящей сковородой. Они были нарезаны на куски, и уже панированы в кукурузной муке. Может Джек за углом, а я в ловушке? Зачем оставлять все на плите?

— Джексон, где ты? — с отчаяньем в глазах, я пристально оглядела комнату.

Вдоль стены справа, стоял диван, накрытый пледом с дырами от сигарет. Старая простыня была натянута на провалившиеся подушки. Его сапоги стояли на полу у подножия дивана. Это здесь он спит? Мои губы приоткрылись. Он даже не имел своей комнаты. Книга "Испанский язык для начинающих" лежала на полу, переплет треснул и открылся на середине, рядом с ним лежала изношенная копия "Робинзона Крузо". Этого романа не было в нашем списке литературы. Значит, он читал для удовольствия? И хотел говорить на другом языке? Я почувствовала, как что-то сжимается у меня внутри. Что бы я ни думала о том, как он рос, он был просто восемнадцатилетним мальчиком, у которого были планы и мечты. Может быть, он мечтал сбежать в Мексику из этой адской дыры. Меня поразило, как мало я в действительности знала о нем. Когда мой гнев стал блекнуть, я напредила себе, что, то небольшое, что я знала, я ненавидела. Тем не менее, я обнаружила, что плетусь вперед, чтобы выключить плиту пока кухня не загорелась. Я прикусила губу. Где он? Что делать, если мой альбом был у Лайонела? Я не видела здесь ни одного телефона. После того, как я выключила горелку, я услышала крик за спиной. Не телевизор? Вдруг раздался резкий барабанный стук по жестяной крыше. Я вскрикнула от удивления, но этот шум заглушил звук. — Просто дождь, — пробормотала я про себя. — Капли дождя падают на жесть. Наконец-то! Вода собиралась бисером вдоль выпуклых швов на потолке, капала на пол, на диван. У Джексона не будет сегодня вечером сухой постели. Я подскочила, когда громкий звук потряс дом, как будто кто-то, топая, поднимался по задней лестнице. Когда хлопнула задняя дверь, за спиной скрипнула открывающаяся дверь в комнату. Нездоровое любопытство повлекло меня ближе. Один быстрый взгляд, и я выскользнула...

На грязном матрасе лежала, распластавшись без сознания, женщина средних лет, ее длинные, черные как смоль волосы запутались ореолом вокруг головы. Она была одета почти неприлично, ее халат задрался, высоко оголив ноги. Четки со сверкающим бисером из оникса и небольшой готический крест окружали ее шею. Рука свисала в сторону, пустая бутылка бурбона стояла на полу, непосредственно под кончиками пальцев. Нетронутая яичница и тосты стояли на ящике возле кровати. Это что — миссис Дево? Высокий загорелый мужчина в мокрой спецодежде попал в поле зрения. Он ходил рядом с кроватью, кричал на нее без сознания, тряс кулаком и своей бутылкой ликера. Был ли этот человек ее мужем? Ее бойфрендом? Я знала, что должна уйти, но меня словно приковали к месту, я не

могла отвести взгляд, дыхание перехватило. Я увидела Джексона с другой стороны кровати, он пытался прикрыть халатом ее ноги. Тряся ее за плечо, он пробормотал: «Мама, подъем!»

Она что-то невнятно сказала, но не сдвинулась с места. Как же Джексон смотрел на ее лицо — как будто защищая... Я знала, что это он приготовил ей сегодня утром завтрак.

Когда пьяный мужчина направился к ней, Джексон оттолкнул его рукой прочь. Они оба кричали на кайджанском французском языке. Из того, что я слышала, я мало что поняла. Джексон пытался выгнать его, говоря ему, никогда не возвращаться? Мужчина потянулся к миссис Дево снова. Джексон оттолкнул его еще раз. Тогда они оба оказались в ногах кровати. Их голоса становились все громче и громче, ярость нарастала, пока они кружили друг вокруг друга. Неужели, этот идиот не видит, как горят глаза Джексона? Он хочет, чтобы его побили? Вместо того, чтобы прислушаться к предупреждению, мужчина схватил горлышко бутылки, разбивая ее нижней частью о подоконник. С удивительной скоростью, он напал с осколком в руке. Джексон отразил удар своим предплечьем. Я увидела кость, прежде чем хлынула кровь. Я прижала свою руку ко рту. Не представляю как это больно! А Джексон? Он только улыбнулся. Как животное, обнажая зубы. Наконец, пьяный в страхе отступил. Слишком поздно. Джексон бросил свое большое тело вперед, его кулаки взлетели. Струя крови брызнула изо рта человека, потом еще и еще. Джексон безжалостно избивал его. Сила нарастала, удары были жестокими, глаза стали дикими.

Почему я не могу убежать? Оставить это грязное место позади? Оставить эти ужасные звуки: стук дождя о жесть, пьяную женщину нечленораздельно хрюкающую, звук ударов Джексона, одного за другим.

И вот...последний удар по челюсти человека. Я думаю, что я слышала треск кости. Сила удара заставила мужчину развернуться на одной ноге, капли крови и зубы падали вниз. Цинично усмехаясь, Джексон сказал: «Bagasse» (Отребье). Измочаленный. Избитый, в буквальном смысле до такого состояния. Я подняла руки, закрывая уши, борясь с головокружением.

Итак, мужчина был побежден и гнев Джексона пошел на убыль. Пока он медленно поворачивал голову в мою сторону. Его брови приподнялись в замешательстве.

- Эванджелин, что ты...?

Он обвел взглядом свой дом, как будто видел его моими глазами. Как будто видел эту дыру в первый раз. Даже после увиденного, проявленного Джексоном насилия, я не могла удержаться от жалости к нему. Он, должно быть, заметил это выражение на моем лице, потому что покраснел от смущения. Его замешательство быстро испарилось, зато гнев вернулся. Его взгляд стал почти пустым. — Почему, черт возьми, ты пришла сюда? — сухожилия на шее натянулись, когда он шагнул ко мне.

— Ты скажешь мне, как ты оказалась в моем проклятом доме!

Я могла только глазеть, пока отступала. Не поворачивайся к нему спиной, не смотри в сторону...

— Девушка, как ты оказалась в Бейсене? C'est ça соо-уон! Bonne a rien! Ничего хорошего ты не добьешься, кроме как навлечешь на себя беду! — я никогда не слышала его акцент так сильно.

— Я...я...

— Хотела посмотреть, как живут другие? Так?

Я отступила до порога, почти до крыльца.

— Я хотела вернуть альбом, который ты украл!

Сверкнула молния, озарив ярость на его лице. Гром прогремел через мгновение, сотрясая дом так сильно, что крыльцо закрипело. Я закричала и закачалась балансируя.

— Альбом со всеми твоими сумасшедшими рисунками? Ты пришла, дать мне нагоняй! — Когда Джексон потянулся ко мне своей раненой рукой, я отшатнулась, шагнув назад под стучащий дождь. Казалось, что ступенька ушла из под моей ноги, боль вспыхнула в лодыжке. Я почувствовала, что падаю...падаю...сажась на задницу в лужу. Я ахнула, выплевывая грязь и дождь, слишком потрясенная, чтобы плакать. Пряди мокрых волос облепили мое лицо, мои плечи. Я попыталась встать, но грязь засасывала меня. Я убрала волосы с глаз, пачкая свое лицо грязью. Моргая от дождя, я закричала:

- Ты! — я хотела кричать на него, обвинять его в моей боли, в моем унижении. И все, что я могла повторять снова и снова было — Ты! — Наконец мне удалось прокричать:

- Ты мне противен!

Он издал горький смех.

— Противен ли? Не ты ли вчера вечером подставляла свои губы, надеясь, что я поцелую их. Тогда ты хотела этого больше чем я!

Мое лицо покраснело от стыда. Потом я вспомнила.

- Ты обманул меня, чтобы твой друг-неудачник мог украсть наши вещи. Ты действовал, как если бы я нравилась тебе!

- Ты, похоже, была не против! — он поднял здоровую руку, проведя пальцами по волосам. — Я прослушал, твое сообщение Рэдклиффу! Ты собиралась поцеловать меня? И через несколько дней отдаться тому парню?

— Дай мне мой альбом!

— Или что? Что ты сделаешь мне? У маленькой куклы нет зубов.

Разочарование возросло, потому что он был прав. У кайджана была сила, у меня не было. Могла ли я задушить кого-то виноградной лозой или изрезать в клочья? Когда мои ногти стали превращаться, я почувствовала что-то похожее на блаженство, единение, которое я делила с тростником. Я была наводнена осознанием всех растений вокруг меня, их расположением, их сильными и слабыми сторонами. Над домом Джексона, кипарис сдвинул свои ветви ко мне. В отдалении я почувствовала шипение лозы в ответ, скользящей поближе, чтобы защитить меня. И на мгновение, я испытала желание показать ему, кто на самом деле имеет силу, чтобы наказать его за причиненную мне боль. Наказать его? Нет, нет! На этот раз, я изо всех сил попыталась сдержать ярость, которую испытывала.

— Ты хочешь свои рисунки? — Джексон ворвался внутрь, возвращаясь с моим альбомом. — Возьми их! — Он бросил альбом, как фрисби. Страницы разлетелись по всему грязному двору.

— Нееет! — я кричала до гипервентиляции, наблюдая, как они разлетаются.

К тому времени как я сумела встать на четвереньки, я дышала так тяжело, что давилась и закашливалась от капель дождя. Я потянулась к ближайшим от меня страницам, на каждой листке были видения, что шептал мой разум. Смерть. Мужчина на болоте. Солнце, сияющее в ночи. С каждой страницей, что я подбирала, я вопила ему снова и снова:

— Я тебя ненавижу! Ты отвратительная скотина!

Его красивое лицо скрывало насилие и бурлящую жестокость. Даже если он защищал свою мать, ему нравилось избивать человека до бессознательного состояния. Джексон только что показал, каким бессердечным мальчиком на самом деле он был. *Bagasse ...*

— Ненавижу тебя! Никогда не подходи ко мне снова!

Он уставился на мое лицо, его выражение сменилось с убийственного до недоверчивого. Он тяжело покачал головой. Что он видит?

— Эви! — Мэл плакала. Она пришла за мной!

Обняв меня за плечи, чтобы помочь встать, она кричала на Джексона: — держись от нее подальше, ты негодяй, мусор!

Бросив последний тяжелый взгляд на мое лицо, он повернулся и удалился. Как только он захлопнул дверь своей лачуги, мои лозы достигли крыльца. Мэл была слишком занята, проверяя мои повреждения, чтобы видеть, но я смотрела на них, раскачивающихся прямо, как кобры, ожидающих моей команды.

Я прошептала: «нет». — В тот же миг, они устремились обратно, как сорвавшиеся резинки. Тогда я сказала Мэл:

- Мне нужны эти рисунки. Все.

Не говоря ни слова, она опустилась на колени рядом со мной. Обе в грязи, мы собирали мое сумасшествие.

— Ты ведешь себя очень тихо, — сказала я Мэл, когда она помогла мне подняться на крыльцо. Дождь отступил, передняя дверь открылась от ночного бриза. Мы обе все еще были покрыты грязью. — Я ненавижу, когда ты тихая.

По дороге сюда, я рассказала Мэл о ПШР, моих видениях, моей маме, бабушке — хотя ничего о своих планах — закончила как раз перед тем, как мы подъехали. Теперь, после своей исповеди, я чувствовала себя разбитой, как одна из тех кукол, которые восстанавливают форму после удара. Но вот в чем дело — те глупые куклы получают еще больше ударов после этого. Когда закончится этот день? Моя нижняя губа дрожала, пока я боролась со слезами.

— Я жду, когда ты расскажешь мне, что случилось в лачуге кайджана, — сказала Мэл. — Я имею в виду, ваши выражения были незабываемыми — это было что-то вроде: "Па, я что-то вижу за сараем".

— Возможно, однажды я расскажу тебе. — Прямо сейчас воспоминания были слишком свежими.

— Как же получилось, что я стала последней, кто узнал, что у тебя есть видения? Женщина, что породила тебя, узнала об этом до меня. И это ранит.

— Я не хочу, чтобы ты относилась ко мне иначе. — Когда мы подошли к двери, я сказала, — я пойму, если ты не захочешь больше дружить. — Я показала на свой рюкзак, полностью набитый промокшими страницами. Закатив глаза, Мэл передала мне мою сумку.

— И упустить свой шанс продать твои, немного поврежденные, рисунки на deviantART.com? Ни в коем случае, моя чокнутая шалунья. — Обвив рукой мою шею она потянула ее вниз, чтобы стереть пальцами грязь с моих волос.

— Я собираюсь разбогатеть! Так что мне нужно еще несколько рисунков, которые не намокли во время твоей встречи с кайджаном.

— Перестань! — но удивительно, я почти засмеялась.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я вошла? — спросила Мэл, когда, наконец-то, отпустила меня.

— Я уверена — сказала я. — Вероятно, будет ужасный скандал.

— Послушай, попрыгунья, мы подумаем, обо всем этом завтра, — заверила меня Мэл. — Но поверь, ты не вернешься в этот ПШР, Эви. Если придется, мы убежим вместе заключим гражданский брак, а жить будем за счет твоего искусства. — Моя нижняя губа снова задрожала.

- Ты всегда была рядом со мной, мирилась с моим дерьмом. — Мэл впилась в меня взглядом. — Ты задолбала уже, Грин. Выключи всю эту сентиментальную хрень и спроси себя: есть ли у меня выбор? Очнись. Ты моя лучшая подруга.

Теперь нужно проникнуть внутрь, прежде чем я расплачусь. Сдержанно кивнув, я похромала в дом, оборачиваясь на ходу. Мэл уезжала с ревом, оставив автограф, из трех прощальных гудков.

Я доковыляла до кухни, где мама делала попкорн. — Привет, милая, — бросила она через плечо веселым тоном. — Представь, шел дождь. — Ее глаза расширились, от моего внешнего вида. — Эви! Что с тобой случилось?

— Я поскользнулась в грязи. Это долгая история.

— Тебе больно?

Я пожала плечами, вцепившись в лямки рюкзака. Определенно, больно. — Моя лодыжка немного вывихнута.

— Я принесу лед и Адвил. — сказала мама, переместив внимание на дверь, — и тогда ты сможешь рассказать мне, что случилось.

Пока она заворачивала лед в тряпку для мытья посуды, я опустилась в кресло, держа поблизости сумку и рисунки. — Это пустяки, мам.

Пока я раздумывала, как объяснить это несчастье, через переднюю дверь в дом вдруг задул ветер. Хотя прошел дождь, ветер был жарким и сухим. Подобно шарфу из сушилки, он потерся о мою щеку. Когда он подул снова и на этот раз сильнее, мама нахмурилась.

— Гм, я просто быстро просмотрю прогноз на Канале Погоды. — Она схватила пульт от телевизора на кухне и включила его.

Экран был разделен между тремя измученными известными журналистами, трио говорило друг с другом. Один из них был парнем, который в свое время находился в эпицентре Катрины. Так почему же он вспотел сейчас?

- Наблюдается странное явление погоды в восточных штатах... — давайте посмотрим за мое левое плечо — ...просто посмотрите на эти огни, народ... является ли это восходом солнца?

Второй репортер выглядел, как будто неделю не смыкал глаз. — Температурные пики... пожары на северо-востоке... нет никакой причины для паники, — сказал он паническим голосом. — Скачки радиации... сообщают о северном сиянии далеко на юге, например в Бразилии... Микрофон третьего парня дергался в его дрожащей руке. — Мы потеряли контакт с нашими бюро в Лондоне, в Москве и Гонконге... Все сообщали о подобных событиях, — он прижался ухом к телефону — что это... Нью-Йорк? Вашингтон? — спросил он, и голос его поднялся на октаву выше. — М-моя семья в Вашингтоне...

Один за другим каналы отключились. Щелк. Щелк. Щелк.

— Мам? — прошептала я. — Что происходит? Почему твое лицо бледнее, чем я когда-либо видела.

Она посмотрела мимо меня, вдруг ее пальцы разжались. Кубики льда с грохотом упали на пол. Я вскочила на ноги, мою лодыжку кольнула боль в знак протеста. Я была слишком напугана, чтобы посмотреть, что там за моей спиной, слишком напугана, чтобы не смотреть. Наконец я проследила за маминым взглядом. В, теперь уже ясном, ночном небе мерцали огни. Малиновый и фиолетовый, как на растяжках во время Марди Гра*.

(*прим. редактора: Марди Гра — вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Праздник, который знаменует собой окончание семи «жирных дней» (аналог русской Всеядной недели). Название распространено в основном во франкоговорящих странах и регионах. Празднуется во многих странах Европы, в США и в других странах. Из городов США самые массовые и пышные празднования проходят в Новом Орлеане.)

Я видела это во время первого визита Мэтью. Это было северное сияние. Северное сияние в Луизиане. Огни были совершенно очаровательны. Мама и я подползли к двери, горячий ветер усиливался, начиная завывать и греметь вокруг фермы. Лошади ржали в сарае. Я могла слышать, как они копытами бьют о свои стойла, раскалывая дерево. Они были в ужасе...

Но только взгляните на этот ослепительный свет! Я могла бы смотреть вечно. На востоке шумел тростник. Масса животных из полей спасались бегством. Еноты, опоссумы, нутрии, даже олени. Из канавы, на лужайку перед домом, вылезло такое множество змей, что она казалась светящейся и покрытой рябью. Волна крыс волновала летающих. Птицы заполнили небо, разрывая друг друга или бомбами падая на землю. Перья летали по ветру.

Но огни! Такое великолепие заставило меня ощутить как я плачу от наслаждения. Но все же я не думала, что это правильно. Что если Мэтью говорил об этом, предупреждал меня? Я не могла думать, только смотреть.

Массивные дубы, окружавшие Хейвен, закрипели, привлекая мое внимание. Мама, кажется, не заметила, но они двигались, растягивая свои ветви вокруг нас. Они накрывали листьями, как зеленым щитом, наш дом, как будто, готовясь защищать его. Мой тростник казался ошеломленным, стоя прямо даже под таким ветром. Как будто был шокирован. Они знают, что приближается. Они знают, почему я должна... Отвернуться от света!

- Мама, не смотри в небо! — я оттолкнула ее обратно от двери.

Она заморгала, потеряла глаза, словно возвращаясь из транса.

— Эви, что это за шум?

Шум нарастал в ночи, самый громкий, душераздирающий звук, который я могла когда-либо себе представить. Тем не менее, поведение мамы было спокойным.

- Мы не собираемся впадать в панику. Но мы запремся в подвале в течение 30 секунд. Поняла?

Апокалипсис... был сейчас. И Мэл была где-то там, одна.

— Я должна позвонить Мэл! — потом я вспомнила, что у нее не было телефона. — Если я поеду через наше поле, я успею перехватить ее!

Мама сжала мою руку и развернула в сторону погреба.

— Я не спущусь туда без Мэл! Я должна перехватить ее!

Я рванулась в сторону двери, но мама потащила меня обратно, ее сила была нереальной.

— Спускайся в подвал СЕЙЧАС ЖЕ! — перекрикивала она шум, — мы не можем так рисковать! -

небо становилось все жарче.

— Нет! — воскликнула я, борясь с ней. — Она умрет там, ты знаешь это, она умрет! Я видела это!

— Вы обе умрете, если ты выйдешь за ней!

Я снова рванулась, но не смогла побороть ее хватку. Я рыдала и билась в иступлении, пока она тащила меня обратно к лестнице в подвал. Когда я схватилась за дверь, она потянула меня, отдирая мои пальцы от косяка.

- Нет, мама! П-пожалуйста, отпусти меня к Мэл.

Потом было много света, от взрыва затряслась земля. Мои барабанные перепонки лопнули.

Секунду спустя, сила взрыва бросила нас вниз по лестнице, дверь позади нас захлопнулась.

246 ДНЕЙ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА.

РЕКВИЕМ, ТЕННЕССИ

— Артур, что это было? — спросила Эви.

Я моргнул. И еще раз. Я был совершенно захвачен ее рассказом о молниях.

— Что было что?

Она резко тряхнула головой, как будто хотела скинуть с себя наркотический туман. Удачи тебе в этом. Я — мастер замыслов, не имеющий себе равных в химии. Единственная причина, почему она еще не спала, потому, что я так хотел. Все продвигалось согласно моему графику.

— Мне кажется, что я слышала грохот внизу.

Она, вероятно, была права. Я использую просторный подвал, как свою лабораторию и для содержания объектов. Одна из маленьких сучек, что там находились, вероятно, попыталась добраться до ведра с отходами. Я поставил его достаточно близко, чтобы дать им надежду. Я никогда не упускаю возможности продемонстрировать богоподобную власть, которой я обладаю над моими подданными.

— Вероятно, крысы. — Говоря это, я внутренне смеюсь над своей шуткой. — Просто игнорируй их. Пожалуйста, продолжай. — Мне не терпится услышать продолжение истории Эви. Хотя я мало, чему верю.

Она, наклонив голову, смотрит на меня оценивающим взглядом.

- Артур, а что вы делали до Вспышки?

Я опешил. Ни один из моих предыдущих посетителей, никогда не спрашивал об этом. И мгновение я искал ответ, прежде чем остановился на лжи.

— Я готовился весной пойти в колледж. Специализироваться на химии в Массачусетском технологическом институте. — С тех пор как я себя помню, интересовался химическими способами превращения одного вещества в другое. Степень по химии дала бы мне хорошую основу для того, что я действительно хотел изучать. Алхимию — древнее искусство оккультных зелий и эликсиров.

— Я собирался стать химиком. — Алхимиком. Но МТИ не принял меня. Видимо, мое вступительное эссе о важности тестирования на людях «подняло красные флаги».

— Ничего себе. — Эви была искренне впечатлена. Она сказала это с таким выражением. — Вы должно быть очень умны.

— Я готовился всю свою жизнь, — говорю я с ложной скромностью. Мой разум масштабен, не поддается количественной оценке, даже самыми сложными измерениями. — Поэтому сейчас я учусь самостоятельно, по-прежнему работаю над осуществлением мечты. — Мои собственные независимые исследования, проводятся в подвале украденного мною логова.

Боже, я люблю...учиться. Но я не хочу больше говорить о себе. У Эви будет много времени, чтобы понять, кто я, и что я делаю.

— Потом я обобщу эти истории. Готова ли ты продолжить рассказ? — когда она кивает,

я жму на запись. — Что случилось с тобой и твоей матерью после Вспышки?

— Я потеряла сознание от взрыва. Когда очнулась, мы просидели в темноте в течение нескольких часов. На рассвете мы выглянули. Вы можете себе представить что мы увидели.

Я мог. Подобно лазерным, лучи солнца взорвали землю в течение всего одной ночи. Те поля зеленого тростника, что она мечтательно вспоминала, были сожжены до пепла. Все органическое, любое живое существо, пойманное за пределами убежищ, было сожжено. Как и очень много людей, увидевших огни, вышедших из своих домов, как мотыльки на пламя. Как нарочно.

Все путешественники, что посетили меня на этом перекрестке, те что невольно передали мне свою одежду, еду, а в редких случаях и дочерей, приносили рассказы из своих регионов. Прежде, чем я убил их. Некоторые детали оставались неизменными. Водоемы от взрыва испарились, а дождя не было восемь месяцев. Все растения были полностью уничтожены, ничего не вырастет заново. И лишь небольшой процент людей и животных пережили первую ночь. В последующие дни, сотни миллионов людей погибло, не в состоянии выжить в новых токсичных условиях. По каким-то неизвестным причинам, большинство женщин заболели и умерли. Неизвестное число людей мутировало в "Бэгменов", в заразных зомби-подобных существ, проклятых бесконечной жаждой и отвращением к солнцу. Некоторые называют их hemophagics — кровопийцами. Я думаю, что они могут пить что угодно, но не найдя воды, должно быть, обратили внимание на людей, видя в них мешки с жидкостью. Они пьют и пьют, но их жажда никогда не угасает. Как и мои поиски знаний.

- Как ты думаешь, почему это произошло, Эви?

Она пожимает плечами, и вьющиеся золотистые локоны падают на ее тонкие плечи. И опять я очарован. В какой-то момент мне хочется держать ее здесь в качестве моего помощника, моего компаньона. Хотя я лишен сострадания, у меня есть некоторые эмоциональные потребности. Одиночество угнетает меня. Может быть, я, наконец, нашел девушку, которая сможет понять мой гений, важность моей работы. Может быть, она простит мои странности, так как сама вкусила сладость безумия. Или, может быть, размышляю я мрачно, она будет отвлекать меня от моих исследований. Я безжалостно устраняю отвлекающие факторы.

— Все теории, что я слышала, бессмысленны, — говорит она. — Я думаю, это была солнечная вспышка.

— Да, но они бывали и раньше, часто. Что сделало эту столь катастрофичной? Почему вся планета стала бесплодной?

— Некоторые говорят, что из-за колебаний угла наклона земной оси, нарушился баланс нашего мира, снизилась его защита. Другие утверждают, что обедневший озоновый слой, уже настолько был изношен, что оставил нас уязвимыми для тепла и радиации.

В принципе, мы знаем о Вспышке столько же, сколько средневековые знахари знали о черной смерти. Будут ли ответы такими же простыми, как то, что переносчиками и распространителями болезней являются блохи и крысы?

Я действительно не знаю, что и думать, — говорит Эви. — Я стараюсь не заикливаться на вещах, которые я не могу контролировать.

Умная девушка.

— Какова твоя теория, Артур?

— Я придерживаюсь того же мнения что и ты. Лучше не заикливаться на этом. —

Говорю это, хотя зацикливаюсь на этом постоянно, зациклен на том, как идеальные органические вещества были разрушены, в то время как некоторые дома и здания сохранились. Моя теория только напугает ее, а я не готов подвести ее к разгадке. Пока.

- Кто-нибудь из твоих друзей выжил? Твой парень?

Ее глаза затуманиваются слезами. — Никто из них не выжил. Мэл... она никогда не вернется домой. — Эви опустила взгляд, начав снова качаться в кресле. Я заметил, что она замирает, когда чувствует себя особенно нерешительно.

— Она умерла одна, без семьи поблизости. Одинокая, на дороге.

— Откуда ты знаешь?

— Ее автомобиль был в кювете. Дверь была открыта, а внутри был... пепел.

— Понятно. — Груды пепла стали надгробиями для большей части населения земного шара, пока не пришли ветры, развеивая остатки в воздухе, чтобы его вдыхали всех остальные. — Я сожалею о твоей потере. — Говорю я, хотя ничего не чувствую.

Отсутствие сопереживания является благом для такого ученого, как я. Это позволяет мне экспериментировать, не задумываясь. Я испытываю только радость, когда мой скальпель разделяет плоть как две занавески, открывая секреты моему зондирующему взгляду. Так или иначе будут слезы Эви. Какая смелая маленькая девочка. Когда я доведу ее до рыданий, это будет еще большей наградой, чем обычно.

— Ты потерял свою семью во Вспышке? — спрашивает она, снова удивив меня своим интересом.

— Да, во Вспышке. — Я смотрю скорбным взглядом.

Она предлагает мне свое сострадание. — Это был дом твоего детства?

Я киваю, хотя это мой шестой дом с апокалипсиса. Я двигался, как рак-отшельник, от оболочки к оболочке. Исчерпав все ресурсы в одном месте, я покидал его. Но мне нравится как этот перекресток города, так и ресурсы, поступающие непосредственно ко мне здесь. Я планирую остаться на некоторое время.

Снова раздается стук в подвале. Эви напрягается, вскидывает голову. Мои руки сжимаются. Маленькие сучки. Я тянусь к записи, отключаю ленту. Едва сдерживая ярость, я поднимаюсь, сказав: — пойду, проверю свои мышеловки, я очень быстро. — Я в такой ярости, что боюсь, могу убить и испачкать кровью мои вельветовые брюки. — Оставайся. — Как будто она могла убежать. — Я скоро вернусь.

Я достаю свой брелок по пути к двери подвала, тихо разблокирую ее. Спускаясь по затемненной лестнице, я слышу приглушенные голоса моих испытуемых. Они знают, что должны молчать, если я приказал. Неподчинение мне? Памятуя о своих безупречных вельветовых брюках, я призвал терпение. Когда я вхожу в свою тускло освещенную лабораторию, знакомый запах немного успокаивает меня. Все столы переполнены флаконами и дистилляторами, на горелках Бунзена подогреваются колбы. Множество частей тел, хранятся в банках с формальдегидом. Вынутые глазные яблоки в одной из банок, кажется всегда следят за моими движениями, это меня забавляет. В прозрачном флаконе, я перегоняю новое зелье, которое даст мне всплеск адреналина, даст мне концентрированную силу и скорость. Другая колба содержит ключ к ускоренному заживлению. Я изобрел качественно другое оружие. Ходят слухи, что у Бэгменов аллергия на соль. У них не будет никаких шансов выстоять против моего спрея с хлоридом натрия. Если какое-либо из многочисленных ополчений, решит прокатиться через этот город, его будет ожидать сюрприз, когда я запущу в них своими закупоренными флаконами с кислотой...

Другую половину подвала закрывают тяжелые пластиковые шторы. Я называю ее подземельем. Там делается грязная работа. Там огромный мясницкий блок, операционный стол из нержавеющей стали, дренажный слив и анатомические инструменты. Там же я держу закованными своих стабильных девочек. В настоящее время у меня есть трое, каждая в возрасте от четырнадцати до двадцати, каждая в ошейнике и прикована к стене. Здоровые молодые женщины, как Эви, стали раритетными ресурсами. Я, как и все оставшиеся в живых, копил ресурсы. Не имеет значения, что я начал делать это еще до апокалипсиса. Я нуждаюсь в них, используя их, чтобы проверять свои измышления. Некоторые могут сказать, что я пытаю просто потому, что сам был подвергнут пыткам своего отца-тирана, который пытался "выбить зло" из меня. Я имел массу заживших переломов и ушибов повторяющихся все мое детство до того дня, когда я усыпил его хлороформом, приковал его в ванной, а затем медленно растворил в соляной кислоте. Он был в сознании достаточно времени, чтобы ответить за причиненное зло. А моя мать — женщина, которая не сделала ничего, чтобы остановить его, а даже обвиняла меня в том, что я вызываю его гнев. Она еще хуже.

Но мой прошлый опыт не имеет значения. Я использую этих девушек только для дальнейших исследований. Это работа всей моей жизни. Я не намеревался причинять им вред, как таковой. Тот факт, что мне нравится причинять им боль, случаен. Нет, исследования — это главное.

Когда я повернул голову в сторону подземелья, трио за пластиковым занавесом затихло, гремя цепями, они бросились обратно к стене. Я отодвигаю пластик, снимаю фонарь на батарейках, со стены. Защищая свои глаза от света, я смотрю на них сверху вниз, на каждую. Одетые в грязную одежду, они жмутся на утоптанном земляном полу, их руки облеплены грязью. Они копали землю, делая маленькие гнезда, в которых спят, чтобы согреться. Облепленный личинками труп лежит, свернувшись калачиком, в одном из гнезд, по-прежнему прикованный цепью. Это был мой последний эксперимент: зелье, разработанное мной, чтобы уменьшить потребность организма в жидкости. В течение нескольких недель, оно работало безупречно. Затем оно... перестало работать.

Я рассматриваю ее останки бесстрастно. Застывшая кровь, ткани и органы использовались ради человечества заслуженными учеными-академиками в колледжах "Лиги Плюща".

Эта куча мяса используется лишь для воплощения души. Теперь это просто набор элементов. Эви займет свое место в исследованиях. Возможно, она проживет дольше, чем месяц. Возможно, мой новейший эликсир бессмертия в бутылке, наконец, обманет смерть. Он должен. Почему все считают, что уже видели худшее из апокалипсиса? Я должен подготовиться к худшему. Я хватаю цепь старшей девушки, вздергивая ее на ноги. — Что это был за шум? — Я требую ответ, брызгая слюной.

Кольцо волдырей, заполненных водянистой кровью, охватывает ее шею. У всех у них были на шее раны от ржавых железных ошейников. Эта нуждается в большем количестве моей мази. Но я не дам ее сейчас. Она хотела ответить, но потом подумала, что лучше не стоит. Сначала она была непокорной. Теперь она стоит дрожащая, с пустым взглядом.

— Если я услышу еще хоть один звук, я заставлю тебя выпить золотой эликсир. — Это болезненное зелье, разрывающее кишечник. Я наслаждаюсь ее испуганным взглядом. — Поняла?

Они бормочут: — да, Артур...

Вернувшись наверх, я нашел Эви, расслабившуюся в своем кресле, смотрящую на огонь.

Ее взгляд под отяжелевшими веками следил за пламенем. Последний огонь, что она когда-либо видит. Наслаждайся им пока можешь.

— Прости, — говорю я ей. — Стая крыс, кажется, переехала на зиму. — Я надеюсь, что мое утверждение не кажется тщеславным. Не зараженная крыса в эти дни — благодать. — Если бы только они не опрокидывали пустые ведра из-под краски.

— Так, на чем мы остановились? — я снова включаю диктофон, усаживаюсь. — Скажи мне, на что были похожи те первые несколько недель?

— Мой родной город раньше насчитывал несколько тысяч человек. Практически все они наблюдали за Вспышкой — очень немногие выжили. Сразу после этого, они скрывались в том, что осталось от тлеющей церкви, но не мы с мамой, — говорит Эви. — Когда ни один из автомобилей не завелся, мы взяли нашу единственную выжившую лошадь, впрягли ее в телегу и поехали совершать набег. Она наклоняется вперед, став чуть более оживленной. — Половина продуктовых магазинов сгорела, к тому времени как мы добрались туда. Поэтому мы проехали по оставшимся. Мама отбрасывала мои крекеры и чипсы, учила меня искать высококалорийные продукты, такие как арахисовое масло. Аптека сгорела полностью, так что мы разграбили хранилище антибиотиков у ветеринара. Мы брали оружие и боеприпасы из домов жертв Вспышки. Мы были, как саранча.

Эви рассказывает об этом с гордостью. Она должна гордиться. Если бы она не была такой предприимчивой, я не получил бы ее.

— Хотя мама была убеждена, что либо армия придет в Стерлинг и спасет положение, установив государственное управление — верховенство закона и права, либо мы должны подготовиться сами, надеясь только на себя. Мы работали, уставая до мозга костей, пока не забили наш подвал запасами. Потом мы стояли в обнимку, оглядывая тысячи банок, мешки с фасолью, жестяные коробки, полные муки. — Качая печально головой, она говорит: -

Я помню, что подумала, наших запасов хватит на несколько лет. Как только мама подготовила нас так хорошо, как могла, она... сломалась.

— Что ты имеешь в виду?

— Ее съедало чувство вины, потому что она отправила свою маму далеко, отправила меня в это ужасное место в Атланте. Можешь ли ты себе это представить? Ее мать с самого начала была права, а видения ее дочери оказались практически точными. Я предсказала Бэгменов, с их бледными глазами и слизью. Не говоря уже о деталях Вспышки... Ну и вся мамина концепция мира, насильственно получила перегрузку. Ее уверенность была уничтожена.

— А твоя бабушка ей ничего не рассказывала, того, что она рассказывала тебе?

— Мама всегда агрессивно воспринимала бабушкины проповеди о конце света. Таким образом, она не много знала. И каждый раз, когда я давила на нее, чтобы она попыталась вспомнить больше, она плакала. Она больше не была стальной леди, какой я ее всегда знала.

— Но должно было быть хоть что-то?

— Мама знала только три вещи. Мое ясновидение было как-то связано с картами Таро. Мой, своего рода позывной, был "Императрица". И мне было предназначено, — следующее Эви пробормотала — Спасти человечество.

Я про себя смеялся над этим. Эта девушка слаба телом и умом. Так беззащитна, так доверчива. Если судьба человечества в ее руках, то мы все обречены. — Это очень много, чтобы положить на плечи шестнадцатилетней девушки, не так ли?

— Я знаю! Это так разочаровывало. Если бабушка была права, и я на самом деле была

некой Императрицей, то, какого долбаного места? Могла ли я спасти своих друзей? Для чего были эти видения? Чтобы меня преследовало чувство вины?

— А видения, — галлюцинации — продолжились после Вспышки?

Она трясет головой, щурясь, пытаюсь сфокусироваться. — Те, различные персонажи были редки, но я действительно видела Мэтью примерно раз в неделю. С каждым визитом, он казался еще более непоследовательным. Однако я отчаянно хотела видеть кого-то своего возраста, так что я была рада ему, мигреням, носовым кровотечениям и всему остальному. Но у меня появился новый симптом. Я слышала голоса в своей голове. Вспышка принесла мне настоящий шторм сумасшествия — кошмаров ужасных смертей, видений, голосов.

— Голоса? — это соответствовало бы ее патологии. — Что они говорят?

— В течение нескольких месяцев я слышала только шепот и бред. Ничего, что имело бы смысл. Они росли, становились четче каждый день, но это также означало, что они стали громче. Все плохое продолжало возвращаться. — Она качалась быстрее. — Стресс, голод, ночные кошмары, голоса. Всегда здания.

Эви была на этой ферме одна, только с матерью. Как выброшенная на необитаемый остров. Неудивительно, что она придумала голоса, дающие ей чувство принадлежности. Как мнимых друзей. И, естественно, она придумала те свои сверхвозможности. В мире, наполненном опасностями, девушкам необходимо чувствовать себя сильными на каждом шагу. Я бы диагностировал ее как параноидального шизофреника с бредовыми особенностями. Из-за моего собственного безумия, я могу так легко определить его в других. Но мое божественное безумие это — искра данная Богом.

С эликсирами, бегущими в моей крови — я Бог. Вскоре Эви благоговейно встанет на колени, когда я раскрою свою истинную природу. Ее безумие сравнительно медленно растет. Заурядный шизофреник не удержит мой интерес надолго. — Так что же думаешь об этих голосах?

— Повторяю, я не знаю! — она грызет один из своих нежных, светло-розовых ногтей, едва ли похожий на острый коготь, что она описывала. — Они начались на следующий день после Вспышки. В конце концов, они переросли в предупреждения. — Она поднимает голову, встречаясь со мной глазами. Следит, куплюсь ли я на это? Я принял дружелюбное выражение, или настолько близкое к нему, насколько я могу изобразить.

— И с этими предупреждениями пришло ощущение, что я должна была что-то сделать для мира. И Смерть и Мэтью сказали: "Это начнется в Конце". Что-то началось, но я не знаю, что.

— А как насчет других твоих... способностей? Ты сохранила их?

— Больше нет растений вокруг, чтобы меня охранять. Моя кожа регенерирует кое-как. Но иногда, когда у меня бывают страшные видения, мои ногти обращаются.

Я, подняв брови, гляжу на ее руки, в молчаливой просьбе к ней продемонстрировать это.

— О, я должна быть на эмоциях. Я не могу это сделать просто так. — Она поигрывает своими бледными пальцами для меня. — Ты мне не веришь, не так ли?

— Честно? Я не уверен. — Я на 100 процентов уверен, что она либо лжет, либо бредит. Стихийное движение растений, как она описывала, это биомеханически невозможно, не говоря уже о трансформации ее ногтей вместе с растениями. Наука может объяснить все другие события апокалипсиса, но не "сверхвозможности" Эви. Которые очень удобно исчезли. Поскольку земля стала бесплодной, а она не "на эмоциях", нет никакой

возможности, чтобы подтвердить или опровергнуть ее рассказ.

Мое удивление растет, оно не наиграно. Возможно ли, что девушка не сочиняет сказки на ходу, видя подсказки в моем доме, моей личности. Я чувствую как моя скука рассеивается, как я просчитываю перспективы. Будет ли она говорить о пожарах, потому что в пламени она превратится просто в тушеное мясо, как и то, которое она съела чуть раньше?

— Я боялась, ты скажешь, что поверил мне, даже если ты не веришь, — говорит Эви. — Я высоко ценю твою честность, Артур. — Она удерживает мой взгляд, как если бы действительно дает мне понять, насколько она серьезна. — Ложь это — самое худшее, понимаешь?

Так говорит девушка, чьи речи сочатся неправдой. Но я должен знать, кто солгал ей. Кто же сделал тебе больно, Эви?

- Я всегда буду честен с тобой.

Она одаривает меня милой улыбкой. Шестнадцатилетняя блондинка. Так легко ее одурачить. Когда я кивнул ей, она мрачнеет.

— Чуть больше месяца назад, все стало еще хуже. Гораздо хуже.

— Как так?

— Я открыла в себе новый талант, Джексон Дево снова ворвался в мою жизнь, и моя мама... она была ранена.

Ее голос срывается, когда она говорит о своей матери, но упоминание о парне заставляет ее выпрямить спину. Что-то в том, как Эви описывала его, как будто кайджан значил больше, чем ее жизнь, заставляет меня желать убийства. Так что, он не только был жив, он вернулся к ней? Я вижу, что ее шансы, быть моей помощницей, сокращаются. Почему такие плохие парни, как Джексон Дево всегда привлекают девушек, подобных Эви? Так было и в моей школе. Единственным вниманием, что я получал от симпатичных девушек, был их смех, когда я появился в классе с распухшей губой и неловкостью новичка. Они отвергали меня, они не поддавались моему контролю. Я напоминаю себе, что я взял под контроль своих родителей и что мне больше не надо беспокоиться о привлечении внимания девушек, у меня есть своя коллекция красивых женщин. Да, в настоящее время Артур получил всех девушек. Я держу их в подвале. Я чуть не засмеялся. Вместо этого я сказал:

— Расскажи мне о своей маме. — Мой тон любезен и заинтересован, и я подумал — если вам, девочки, нравятся плохие мальчики, то вы нашли худшего их всех.

— Я расскажу тебе все остальное. — Еще один смущенный взгляд. — Но, Артур, — говорит она, мягко растягивая слова, заставляя мое сердце биться чаще, — мое предупреждение в силе.

214 ДЕНЬ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

СТЕРЛИНГ, ЛУИЗИАНА.

Время пришло. Кувшин с водой трясся в моей руке. В другом кулаке я сжимала чистую повязку. Тем не менее, я колебалась, боясь того, что увижу. И я ненавидела себя за эту трусость. Голоса, которые преследовали меня своими повторяющимися витиеватыми угрозами свели громкость до минимума, до управляемого гудения, как будто позволяя мне с мамой страдать, следующие 20 минут, еще сильнее. Не отвлекаться, не прерываться.

- Ублюдки, — пробормотала я — чтоб вы сгнили в аду, каждый из вас.

Глубокий вдох. Выдох. Время действовать. В деланно-приподнятом настроении я вплыла в затемненную мамину комнату, поставив кувшин рядом с чашей, на комод.

- Доброе утро. Как ты себя чувствуешь?

Луч солнца заглянул через поломанные ураганом жалюзи, осветив ее лицо. Она выглядела такой крошечной в своей большой кровати с балдахином, тень от той женщины, которой она была до Вспышки. Ее впалые щеки выглядели гораздо бледнее, чем вчера. Если бы у нее действительно была внутренняя травма, как она предполагала, то это означало бы, что ее кровь соберется в пестрые, мясистые синяки под эластичным бинтом.

— Ты готова к тому, чтобы я сменила твою повязку?

Если я заплачу, когда это увижу, я буду вечно себя ненавидеть. Если я дрогну, в любом случае...

Когда я села рядом с ней на кровать, она подняла руку чтобы обхватить мое лицо.

— Как ты, дорогая?

Моя нижняя губа слегка задрожала. Как сильно я хотела поговорить с мамой, чтобы рассказать ей все то, что было у меня на душе. Я слышу более десятка голосов. Если я сплю, то меня мучают кошмары. Наши продовольственные запасы подходят к концу. Даже сейчас я дрожу от усилия, чтобы не разгромить свою комнату, и не выбежать на улицу, с разочарованием крича навстречу ветру. Наши лошади умирают от голода. Тебе становится хуже. Ты умираешь? Вместо этого я сказала:

- Как я? Лучше не бывает! Сегодня у нас гороховый суп. — Мой спектакль никого не мог обмануть, но я решила попытаться ее убедить. — Итак, давай посмотрим, что тут у нас.

Я положила ее руки на свои плечи, мягко помогая ей сесть, одновременно взбивая подушки за ее спиной. Пот бисером покрывал ее лицо. От усилий? Или чтобы не кричать от боли? Мы обе были актрисами, игравшими свои роли. И, что еще хуже, мы обе это знали.

Я начала разворачивать ее бинты, обнаружив, что материал влажный от пота. Каждое утро я меняла ей повязку. С тех пор как она подверглась нападению. Неделю назад, она уехала проверить уровень воды в колодце нашего умершего соседа. Один из наших водяных насосов плевался песком, издавая звуки, как соломинка на дне молочного коктейля. Итак, она решила узнать, в чем дело, выйдя из дома рано утром, когда я спала. В записке, которую она оставила, когда уезжала, она писала, что Аллегра, едва могла везти ее, а тем более нас обеих, и заверила меня, что Бэгмены не выйдут на дневной свет. Пока у нее есть соль и если

она доберется до захода солнца, она в безопасности. Ни одна из нас, даже не видела Бэгменов, за исключением моих рисунков. Сначала я каменела от ужаса, боясь, что они захватят нас, но месяц прошел, а они не появлялись. Так что я не впала в истерику, когда нашла ее записку.

Чтобы занять себя, я сделала тщательную уборку в доме. Я не могла оставаться среди пепла, который накопился везде, во мне росло отвращение, что я могу дышать чьими-то кремированными останками. Пока я работала, мама была в милях от меня, и наткнулась на трех Бэгменов в насосной. Двое из них лизали воду, стоя на верху скважины. Третий стоял между ней и дверью. Он выбил соль из ее руки, так что мама оказалась безоружна, он бросился на нее, и она попыталась вытолкнуть его на солнце, вдвоем они упали на цементные ступени...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сейчас, когда я разматывала первый слой бинта, я вспомнила, как слушала ее рассказ, онемев от ее храбрости. Задира Карен сделала их — без единого укуса долбанных Бэгменов, отделавшись всего парой ушибов ребер.

Или мы так думали.

Второй слой бинта. Как идиотка я думала, что нападение может принести пользу, быть катализатором — потрясением для того, чтобы ее напористый характера вернулся.

Третий слой. Эта задача была моим тестом, к которому я не была готова. Откуда эта мысль взялась? Позор тебе, Эви. Позор. Тебе.

Последний слой. Не смей задерживать дыхание от увиденного. Не вздыхать. Успокойся. Действуй как можно лучше.

Развернула. Я сжала губы, чтобы меня не вырвало. Глотай обратно, ты, глупая трусиха, с дурацкими дрожащими руками. Рана выглядела отвратительно. Сначала травма походила на скопление синяков. Потом она стала мягкой. Сейчас она выглядела словно плотный мешок с кровью, который вот-вот лопнет. Как опухоль, растущая из ее бока. Повязка ничем не помогала, но давала мне возможность чувствовать себя лучше, позволяя мне думать, что я могла что-то сделать.

— Она...лучше сегодня, — выдохнула я, — я действительно так думаю. С трясущимися коленями я подошла к античному кувшину и чаше — раньше мы использовали их как причудливые декоративные украшения. Теперь вернули в эксплуатацию. Когда я мочила ткань, чтобы очистить ее кожу, я воспользовалась моментом, чтобы собраться, глядя в зеркало на отражение ее комнаты.

Это пространство также было тенью самого себя. Бордовый и кремовый декор, богатые драпировки стен и кружево на ее кровати с балдахином были теперь серые, цвета приглушенные. Несмотря на все мои усилия, пепел продолжал прокрадываться внутрь, покрывая все, что нас окружало. Слой за слоем зола удаляла то, что мы когда-то знали, стирая то, кто мы такие. Я опустила взгляд, встречаясь глазами с мамой. О Боже, она наблюдала за мной, пока я не замечала! Позор тебе, Эви.

Она заметила проблеск беспомощного разочарования, развернувшегося внутри меня? Конечно — ее глаза блестели от слез. Но она ничего не сказала — играет свою роль.

— Давай я тебя вымою — беспечно сказала я, решив не показывать свою беспомощность. Потому что это был еще один способ не говорить что все бесполезно? Точно так же, как этот парень кайджан, однажды, описал меня. *Vonne a rien*. Никчемная.

Пока я мыла мамино тело, я поняла, что он был прав. Я не умею готовить, шить,

ремонтировать или охотится на грызунов и змей, которые выжили. Я была неуклюжим и неэффективным сторожем. Никогда еще в истории человечества не было лучшего времени быть бесполезным. Но я не собиралась оставаться такой надолго...

Как только я закончила очистку и перебинтовала ее туловище так хорошо, как могла, я сказала:

- Мама сегодня я ухажу, чтобы найти тебе доктора. — Я так же могла сказать, что хочу найти для нее интернет — соединение. Или радугу. — Если я уеду сейчас, то смогу сделать это и вернуться до захода солнца.

Сама идея отправится подальше от этого места, в мир, посылая дрожь через меня. И я чувствовала себя виноватой. Как я могу радоваться тому, что оставляю свою маму? Должна ли я бежать от страданий в Хейвене? Каждый раз, когда я ощущала непреодолимое желание уйти, я боялась, что действительно могу оказаться в душе трусихой. Или это было что-то большее? Что если начинался Конец, конец света? Чего бы только я не дала за ответ!

Так как я перестала принимать лекарства, я начала вспоминать последнюю поездку с бабушкой. Но этих крошечных всплесков воспоминаний было недостаточно, чтобы понять смысл. Я вспомнила, как она просила меня взять ее карты Таро из сумочки, посмотреть на Major Arcana. Старших Арканов. Я вспомнила запах ее кошелька — жвачка джуси фрукт и лосьон для рук из гардении. Как я перетасовывала карты, чувствуя себя такой взрослой...

— Каковы шансы, что врач найдется, Эви? — спросила мама, и даже если и найдется, у врача никогда не будет всего необходимого, чтобы вылечить меня. Будь реалисткой. — Ее голос слабее, чем вчера? — и твой замысел съездить быстро? Неделю назад Аллегра чуть не умерла, только от прогулки к соседу. Она не сможет совершить нормальную поездку сейчас.

Мама думает, что я собираюсь сидеть, сложа руки и разгадывать кроссворды вместе с ней? В последний раз, когда я сидела, сложа руки, это не очень хорошо для нас закончилось. Что если бы я смогла использовать видения, чтобы спасти друзей и близких? Черт, если бы я прислушалась к голосам в моей голове и не остановилась бы перед препятствиями, это было бы возможно. Более десятка детей говорили в моей голове в разное время, всегда так же загадочно, как Мэтью. Сегодня утром, обсуждая с мамой, что сделать на завтрак (зная, что ее воротит от всего) они разглагольствовали:

— Тебя раздавит тяжесть твоих грехов!

— Красные когти и зубы.

— Мы будем любить тебя, по-своему.

— Эви, — сказала мама — я хочу, чтобы ты оделась красиво и отнесла корзину с консервами мистеру Эбернейсу.

Бывшему работнику службы контроля за животными округа?

- Корзину. Ты что думаешь что мы — богатые?

Подвал, что, полон банок, которых нам должно было хватить на годы? Мы были в неделе от пункта "нормирование" до пункта "постоянный голод".

— Сделай это для меня, дорогая. Облегчи мои заботы.

С притворным ужасом я сказала:

— Моя мама сводит меня с 50-летним ловцом собак.

— Ему всего лишь тридцать или около того. Теперь он вдовец.

— Ты серьезно? — моя мама, когда-то независимая, сейчас хотела, чтобы я отдалась на милость мужчины. Женщина, которая сопротивлялась сетям старых мальчиков-фермеров — и преуспела в этом, планировала предложить свою дочь. Не кричи; держись шутливого тона.

- Зачем останавливаться на корзине банок, мам? Не кажется ли тебе, что показать 14-летнюю жену на привязи, будет более уместно?

— Он один из последних людей в Стерлинге, дорогая.

Снаружи каждый день поднимался ветер, бил в оконные ставни, раскачивая Хейвен Хаус, пока он не начинал скрипеть и трещать. Когда ветер поднял пепел, заслонив солнце, температура упала. Я начала укрывать ее одним из одеял.

— Тогда, возможно, тебе нужно выйти за мистера Эбернейса.

— Мне 41 и в настоящее время я не в состоянии быть милой с мужчинами. Эви, что если со мной что-то случится? Что ты будешь делать? — с тех пор как произошло нападение, она спрашивала меня об этом. — Здесь нет никого, чтобы присматривать за тобой, никто не защитит тебя. Для меня мучительно думать, что ты здесь одна.

— Я просила, чтобы ты перестала так говорить. Несколько дней назад ты сказала мне, что все будет хорошо. Сейчас ты ведешь себя, как будто я собираюсь в институт Дарвинизма или бросить тебя на произвол судьбы на айсберге или еще что-нибудь.

Она вздохнула и сразу же начала кашлять. Когда кашель прошел, я протянула ей стакан воды, делая мысленную заметку сходить к насосу, когда ветер утихнет.

— Ох, Эви. Что ты будешь делать? — спросила она снова.

Я встретила с ней взглядом, желая, чтобы она поверила моим словам:

- Этого не случится, мама.

Как только я покину эту комнату, я собиралась пойти вниз, к сараю. Если Аллегра сможет нести седло, я поеду за врачом.

- Почему бы тебе не сосредоточиться на выздоровлении, и перестать беспокоиться за меня? — я поцеловала ее в лоб, — я уйду закончить свою дурацкую ловушку.

Это была правдоподобная ложь. Хотя никто не напал — или просто посетил — Хейвен, с момента Вспышки я была занята обеспечением безопасности нашего дома, обеспечением безопасности мамы. Выражение ее лица стало более настороженным

— Эви, это так опасно и ты...ты...

— Все отлично. Даже я могу следовать руководству с иллюстрациями.

— Но буря?

Пепел был отвратительным, но с ним можно справиться. Я подняла свою бандану с шеи вверх к лицу, а затем сложила пальцы пистолетом, как бандит. Мама улыбнулась, но не засмеялась.

— Отдыхай, — сказала я ей, — я вернусь и принесу тебе обед.

— Не забудь свою соль, — напомнила она тихо.

Моя улыбка исчезла, когда я осталась одна. У нас закончилась еда, удача, время.

Вернувшись в свою комнату, я надела большие солнцезащитные очки и толстовку, а затем перекинула ремень ружья через спину. Вместе с этим и рассованной по карманам солью я была готова к приходу плохих парней и Бэгменов. Соль должна была отталкивать зомби — если верить нескольким появившимся солдатам, которые проходили через Стерлинг. Они так же сказали, что чума поразила Север, пожары без перерыва бушевали на Западе, работорговцы управляли большими городами на Юге и каннибалы захватили Восточное побережье. Услышанные рассказы сделали меня благодарной за то, что я здесь, спрятана в Хейвене — даже, когда я испытывала непреодолимое чувство, что должна быть где-то в другом месте, делать что-то другое. Но что может быть важнее, чем присматривать за мамой...?

Открыв жалюзи, закрывающие мое окно от урагана, я освободила пожарную лестницу, оглядывая пространство склона внизу от дома. Это окно было нашим единственным выходом. Ранее я заколотила все двери досками, тщательно забив гвоздями ставни на первом этаже. Я закрыла за собой окно, потом спустилась по качающейся лестнице, обходя пепел, как будто я была в тренажерном зале для проклятых. Закопченная земля захрустела, когда я спрыгнула вниз. Сразу же я была вынуждена пригнуться от ветра или он бы сбил меня с ног. Единственная постоянная вещь в новой погоде? Никогда не шел дождь. В основном каждый день были бури. После того как бури исчезали, безоблачное голубое небо и палящее солнце возвращались. Ночью стояла абсолютная тишина, ни трескотни насекомых, ни шелеста листьев, ни качания ветвей. Ужасная тишина. За исключением грохота вдали землетрясений. Когда я проходила мимо остатков некогда могучих дубов Хейвена — теперь скрученных черных скелетов с голыми ветвями — я замедлила шаг, чтобы дотронуться до разрушающегося ствола. Как всегда, я почувствовала острую боль — они отдали свои жизни, защищая нас.

Последний ночной дождь перед Вспышкой впитался в сухие старые доски Хейвена и сарая. Благодаря этому и верхушке дуба, строения были спасены от небесного пожара — хотя большинство деревянных зданий в округе были сожжены дотла. Это было почти счастье, что я не могла видеть дальше, чем на несколько футов. По крайней мере, вокруг дома было некоторое подобие деревьев. Но вот поля...

Мои шесть миллионов побегов уничтожены. Я услышала звук, и удивилась, обнаружив, что это был слабый крик из моих собственных уст. В сарае я открыла дверь настолько, чтобы протиснуться без ветра, вырывавшего ее из рук. Внутри я сняла бандану, идя к стойлу Аллегры. Я могла бы помочь ей и заставить ее нести седло, и мы бы ушли. Я не видела свою лошадь в стойле, пока стояла перед ней, потому что она лежала на боку, ребра выступали даже больше, чем я представляла. Дыхание было затруднено. Она едва могла поднять веки, но старалась, желая увидеть меня. Она когда-нибудь задумывалась, почему я больше не приносила ей яблок? Она боялась? Как я могу позволить ей страдать дальше? Ее выразительные глаза закатились и она упала в обморок. Нет Аллегры; нет доктора для мамы. Горе и отчаяние, развернувшиеся у меня внутри, нуждались в выходе. Я откинула голову и закричала во всю глотку. Я кричала. И кричала. Когда мое горло начало горело как в огне, я наконец остановилась, задыхающимся голосом я произнесла:

- Давайте же! Теперь ваша очередь. — Я начала ходить по кругу. — Вы только на время перестали меня мучить. Не стесняйтесь. Три разных голоса послушались, все заговорили сразу:

— Глаза к небу, ребята, я ударю сверху.

— Я наблюдаю за тобой, как ястреб.

— Я буду танцевать на твоих костях.

Я узнала скрежещущее шипение Огена. Я поняла, что, по крайней мере, некоторые из голосов принадлежали персонажам из моих ведений. Я вспомнила крылатого мальчика, которого я видела в ночь моей вечеринки. Может быть, он был одним из тех, кто говорит "я наблюдаю за тобой как ястреб". И искры, электрического вида парень. То были его копыта из молний? Возможно, это его голос с ирландским акцентом говорил «Глаза к небу, ребята...»

Я видела тех мальчиков и лучницу с размытым лицом в засаде. Теперь они были в моей голове, среди многих других. Мог ли кто-то из этих детей быть реальным? Мальчики с крыльями и копытами из молний. Рогатые существа как Оген. Смерть... Перед Вспышкой я не

была сумасшедшей. А после? Я находилась на скользком склоне и они толкали меня, пока я не уверилась, что падаю.

Я отстегнула ружье, прижалась спиной к стене, и скользнула вниз, стуча головой об дерево. Снова и снова. Я всегда удивлялась, почему так делали дети из ПШР, — казалось, это было чертовски больно, — но теперь я знала почему. Эта боль отвлекала меня от страданий. Но не делала ничего с теми голосами. Они роились как осы в моей голове.

— Мы будем любить тебя... Станцую на твоих костях... Я ударю сверху!

— Мэтью! — позвала я. — У меня мигрень. Просто приди сюда. Пожалуйста?

Естественно мое отношение к нему, ко всем видениям, изменилось. Сейчас я ждала его появлений. Во время последнего он объяснил мне: ему больно, когда он помогает.

Имела ли я хоть малейшее представление, что это значит? Нет, но мне просто нравилось, что Мэтью был рядом. В другой раз он появился, чтобы мрачно сообщить мне:

- Ты единственный друг, который у меня когда-либо был.

Когда в этот раз он не пришел, я сдержала разочарование, приказывая себе, сосредоточиться и блокировать эти голоса. Думай о том, что делать!

Мама однажды меня спросила, что если мы съедим Аллегру, если положение станет настолько отчаянным? Я думала лучше этот вопрос отложить, как может Эви, глядя в глаза своей лошади застрелить ее, а потом разделать? Мне предстояло это выяснить. Если Аллегра не может больше использоваться как транспорт, она станет...едой. Маме должно стать лучше от увеличения питания, ей, черт возьми, не должно стать хуже. Это было единственное, что я могла сделать, чтобы помочь ей. Разделать мою ласковую Аллегру.

С криком я закрыла лицо руками, мои глаза наполнились слезами. Вскоре я рыдала больше, чем через день после Вспышки, когда я впервые заподозрила, что все на земле мертвы. Боль разрывала мою голову. Слезы заливали щеки и... лоб?

Я посмотрела вниз, увидела кровь, струящуюся по моей ладони.

- Дерьмо! — я порезала себе лоб острыми, как бритва когтями, и теперь кровь лилась по лицу. Она стекала с подбородка, впитываясь в бандану.

Оставляя красный след позади себя, я, прищурившись, искала вокруг себя что-то не покрытое пылью, чтобы вытереть раны, но не могла видеть через кровь. Я судорожно вытирала глаза, ослепленные струями. Порезов было и так много, и теперь у меня их было еще десять! Не найдя временной повязки, я натянула пропитанную бандану над лицом, нажав на края над линией порезов. Я замерла, когда услышала шуршащий звук справа от себя. Потом другой слева. Я почувствовала движение вокруг себя, но была слишком напугана, чтобы рвануть вниз свою окровавленную повязку. Дрожа, я опустила руку к своему оружию, похлопывая влажную землю — и почувствовала, что какое-то живое существо напряглось под моей ладонью. Крыса! Несколько крыс? Я закричала, покачнулась, и упав на спину, сорвала бандану. Крысы съедят меня заживо в этом сарае! Стащив ее рукой с глаз, я смогла, наконец, увидеть...

У меня отвисла челюсть, дыхание резко остановилось. Наконец я смогла пробормотать:

- О мой Бог...

Я смотрела на... растения. Зеленые побеги росли в пыли вокруг меня. Они проросли там, где моя кровь попала на старый овес или семена трав. Я осторожно поднялась. Я так давно была рядом с живым растением, что почти убедила себя, что моя связь с ними была галлюцинацией. Голоса пытались достучаться до Эви, но я была так очарована моим новым открытием, что на несколько кратких мгновений я смогла уменьшить их громкость.

Насколько я могла судить, растения тянулись к слабым лучам света. Могло ли это быть реальным? Чтобы проверить я коснулась стебля еще одной каплей крови. Он вырос за секунду, от восхода до созревшего растения.

«Жизнь содержится в твоей крови» — сказал Смерть. Мой разум вряд ли сможет осознать мои возможности. Мне нужно...

— Больше семян.

Я побежала к дому, двигаясь против ветра. К тому времени, как я добралась до кухни, мои когти втянулись, кровотечение на голове остановилось, и раны уже заживали. В кладовой я обшарила ящик, наполненный пакетами с семенами. Мама и я собирали их, думая, что будем выращивать пищу для себя. Пока у нас ничего не получалось. И ни у кого, насколько мы слышали. Но сейчас... Мои мысли мчались так же быстро, как мое сердце. В задней части сарая был участок, где крыша обвалилась, создавая пространство под открытым небом. Дождь никогда не шел. Только солнце, зола и пепел. Но я смогу вырастить там урожай. Я наполнила пакетами карманы джинсов. Если маме будет достаточно еды — хорошей еды — ей станет лучше. Да, конечно! Она не выздоравливает так, как должна, потому, что ослабла от голода. Мой взгляд сузился и повернулся к сараю. Я могла бы это исправить. Я могу вылечить нашу лошадь и отправиться на поиски врача.

Закончилась еда, удача, время? Я могла бы воспользоваться удачей, вырастить новую пищу, и выиграть время. Для этого нужно не более, чем лезвие бритвы. В конце концов, сколько крови нужно одной девушке?

220 ДЕНЬ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Мне послышался шум мотоцикла. Этим утром снова дул ветер. Без листьев, машин и звуков природы, звук разносился теперь по-другому. Как такое возможно? Я удивилась и, пошатываясь от потери крови, побрела прочь от дома. Из-за моего открытия на прошлой неделе, я стала агрессивным... фермером. Этот похожий на звук мотоцикла шум растревожил воспоминания из прежней жизни, времени в комфорте и довольствии, которое, казалось, было тысячу лет назад. Я могла закрыть глаза, слушать этот гул и притвориться, что живу и существую. Почти. Горький запах золы и дребезжащие голоса в моей голове мешали этому. Ты всего лишь бредишь, Эви. Здесь нет мотоцикла — это также невероятно, как и самолеты в небе. Да, бред. Увы, это неизбежно, будучи кровавым фермером. Особенно если одна выращиваешь такой обильный урожай. Я думала, что побочные эффекты прекратились после вчерашнего забора крови. Очевидно, что нет, раз я слышу звуки прошлого.

Кажется, появился еще голос? Присоединившийся, к хору, ревуций вместе с ними! Я тащила к сараю, намереваясь приступить к работе. Небо очистилось. Ясная синева должна была радовать меня, но казалось, что она старается компенсировать отсутствие зелени. На мой взгляд, небо улыбалось вынужденной улыбкой...

Я вспомнила, как Брэндон однажды сказал, что его мысли разделены между мной и футболом. Теперь моя жизнь была поделена между тремя заботами.

Первая забота. Утром, когда я меняла повязку на маминых ребрах. Возможно, я обманываю себя, но рана не стала выглядеть хуже. Правда ее мысли слегка путались, и она спала почти все время.

После того, как я устраивала маму поудобнее, я шла в сарай, до обеда следить за моей второй заботой. Мои новые ряды культур приглушали голоса, сохраняя мой рассудок, в течение бесценных часов, но пришла пора расплачиваться.

Третья забота. Когда я лежала в одиночестве в постели ночью, голоса взрывались. Как будто мои растения всего лишь засовывали их в бутылку с содовой, чтобы позднее они вырвались, взрываясь в моей голове.

Пока что я не рвала на себе волосы. Если мне удавалось заснуть под несмолкаемый шум, я видела сцены с красной ведьмой...

Несколько минут назад я выполнила свою первостепенную заботу. Я оставила маму дремать урывками после истерики. Ее, не моей. Ее здоровье еще больше пошатнулось, она стала более эмоциональной.

— Почему я... не слушала? — хрипела она, — бабушка говорила мне, что ты особенная, но я просто улыбалась ей. Почему я не верила ей, или тебе... двум людям, которых я люблю больше всего на свете?

Хотя я часто задавала себе тот же вопрос, я успокаивала ее, говорила, что все будет хорошо. После того, как она замолчала, я знала, что не смогу рассказать о своем новом таланте. Несколько дней я обдумывала эту возможность, но что будет, когда она получит больше доказательств того, что я особенная? Больше плача, больше приступов кашля? Мое

откровение будет, как пощечина для женщины, которая определила меня в Последний Шанс Ребенка. Поэтому я решила молчать. Если она была не в себе, я могла уговорить ее откусить немного сочной клубники и медовой дыни. Вчера утром она пробормотала: «Это, должно быть, сон». Остальное время, я давала ей маринованные овощи и врала, что нашла банки в подвале или у соседей. Знала ли я, как мариновать овощи? Черт возьми, нет. Но я знала, как съесть маринованные овощи из банки и положить свежие в маринад.

Подойдя к двери, я открыла замок. Нет, у нас не было гостей или нарушителей, но вне зависимости от этого я была достаточным параноиком, а содержимое было достаточно ценным, чтобы позаботиться о нем и закрыть дверь на замок. Внутри Аллегра заржала с большей энергией. По крайней мере, она была на ногах. После первоначального отсутствия аппетита, она стала с удовольствием поглощать дынные корки.

— Привет, девочка. — Я погладила ее по шее, стоя лицом к ее носу. Моим решением было подождать еще два дня, прежде чем рискнуть снова поехать на ней. Еще немного, и я бы могла убить ее, потеряв всякую надежду найти врача. Еще немного, и... Не думай об этом, Эви.

Развернувшись, я поднырнула под упавшие стропила крыши и попала в мой сад, на ходу скидывая куртку. Закатав рукав свитера, я вытащила пачку бритвенных лезвий из кармана джинсов. Взяла одно сверху. Сделав глубокий вдох, я провела им вдоль набухшей вены по направлению к локтю. Если бы только увидели это врачи из Атланты! Эти самодовольные шарлатаны сейчас, наверное, просто кучка пепла. Словно разжигая огонь, я использовала свою кровь, чтобы пробудить семена моркови и картошки к жизни. Я роняла капли на зерна, наблюдая, как прорастали гладкие стебли колосьев. Очень скоро меня окутали головокружение и холод. Теперь я поняла, почему умирающие в фильмах актеры шептали «холодно, так... холодно», истекая кровью. Тепло покидает тело вместе с ней. Я вздохнула, когда моя кожа начала затягиваться. Хотя мои руки и дрожали, я снова порезала нежную вену другой стороной бритвы, морщась от боли. Пока кровь текла, я боролась с желанием закрыть глаза. Амбар начал вращаться и холод усиливался. Бред, должно быть тоже, усилился, потому что я слышала, как мой воображаемый байк заревел ниже по дороге от Хейвена. Не воображаемый? Моей первой мыслью было: что если кайджан... выжил?

Время от времени, я думала о нём, в основном, проклиная из-за телефона Мэл, хотя я начала сомневаться, что она успела бы вернуться в Хейвен и спуститься в подвал. Виню ли я его за ее смерть? Каждый раз, когда представляю, как Мэл сгорает в собственной машине. Он был не более виноват, чем я сама в своих собственных ошибках — и не более виноват, чем моя мама, когда не хотела видеть правду, не поверила в мое здравомыслие, не предупредила людей.

Не сказала: «черт возьми, Мэл, останься на ночь».

Мотоцикл приближался. Кто бы это ни был, я обязана привести себя в порядок и взять заряженное ружье. Вытерев руки начисто, я опустила рукав вниз. С ружьем в руке, я, спотыкаясь, побрела наружу, заперев сарай. Байкер увидел меня и замедлил движение, скрывая лицо под шлемом. Он был одет в черную кожанку, потертые джинсы и сапоги. Жуткого вида арбалет висел у него за спиной. Я узнала его фигуру, широкий разворот плеч. Мои губы приоткрылись в изумлении. Джексон Дево. Он выжил.

Я пошатнулась, как будто земля дрожала под моими ногами. Затем нахмурилась. Земля действительно колебалась. Он припарковался и выключил мотор. Затем снял шлем, и я увидела, что его угольно-черные волосы стали длиннее, лицо не такое загорелое. Его глаза

остались ярко серыми, но под ними залегли темные круги. Он выглядел усталым. И была твердость в его лице, какой не было раньше. Я не знала, что я почувствовала, увидев его снова. В моем представлении, он был злодеем. Но он был еще и бывшим одноклассником, хоть и на короткий срок. Я же хотела кого-нибудь увидеть своего возраста? И вот он, физически здесь. Нуждаюсь ли я в разговоре так сильно, что вытерплю даже Джексона?

Мы долгое время разглядывали друг друга. Он рассматривал меня так, как будто бы видел впервые. Как же изменилась я сейчас. Мой вид ничем не напоминал ту аккуратную черлидершу до апокалиптической катастрофы. Моя одежда измялась и покрылась пятнами сажи, волосы растрепались. И наверняка я бледная, как смерть. Глубоким голосом, который я отчетливо помнила, он пробормотал:

- De'rouille.

Я напряглась. De'rouille означало "горячая грязнуля" на кайджанском. Он приехал, чтобы показаться здесь и оскорбить меня? После нашей последней встречи? Как мне не хватает поддержки!

— Я должен был догадаться, что ты выживешь. — Он встал со своего байка и прислонился к нему:

— Почему, Эванджелин?

— Рептилии и вредители живучие, — мой голос был каменным. Я мысленно встряхнулась, заставляя веки открыться шире.

— Я вижу, ты не изменилась. По-прежнему неприспособленная южанка.

— Ты тоже не изменился. По-прежнему невежливый и отталкивающий.

— Ты выглядишь немного сагоу. Бледной. Ты подхватила чуму?

Нет, просто кое-какое садоводство. Оно забирает мою кровь, пот и слезы. Я чуть не рассмеялась, но вовремя прикрыла рот тыльной стороной ладони. Успокоившись, я спросила:

— Чего ты хочешь?

— Я еду в Техас. Остановился для обмена. — Он достал свою неизменную фляжку. — Несколько людей в Стерлинге сказали, что у вас есть запасы пищи. Рассказывают, что вы с матерью неплохо устроились здесь.

Неплохо устроились? Что он имел ввиду? Я не могла думать. Даже стоя под солнцем, мне было так холодно, что стучали зубы.

— Кто тебе сказал это?

— Ты знала, что должно было произойти, да? Я уверен, что вы приготовились. Поэтому, у вас еще есть еда.

— Приготовились? — мое головокружение усилилось, — если мы и имеем запасы, то потому, что собирали их, пока все молились.

Ветер снова поднялся, усиливая мой озноб.

— Ты рисовала Вспышку, подробно, в деталях. Что с тобой было? Видения? Сны? Вот что ты делала в классе каждый день.

Это похоже на Джексона, обижаться на то, что вообще мне не помогло. Он сузил глаза.

— Не удивительно, что ты хотела вернуть альбом — это был сценарий апокалипсиса. Я видел Бэгменов на твоих рисунках раньше, чем в жизни. Видел солнце, сияющее ночью, на одном из твоих рисунков, прежде, чем это случилось. Спасибо тебе за предупреждение.

— Оу, ты, конечно же, поверил бы мне! Я сама не думала, что мои рисунки настоящие! — я закричала, срываясь за последнюю неделю, за последние несколько

месяцев, закипая. — Я думала, что я сумасшедшая! Как и каждый, кто знал об этом! — он смотрел не мигая, и я выплюнула, — я расскажу тебе, как готовилась. Я была так подготовлена, что мой парень и его семья превратились в горстку пепла. Все мои друзья уничтожены. И Мэл, — мой голос треснул, но я продолжила, — она была, как сестра мне и она умерла в одиночестве, в трех милях от моего дома! — Его жесткий взгляд смягчился, пока я не сказала:

— Я винила тебя в ее смерти.

— Какого черта я сделал?

— Когда я увидела огни, то начала понимать, что это происходит, что это — настоящее.

Я хотела позвонить Мэл и сказать, чтобы она возвращалась. Но у нее не было телефона!

— Я не крал ее телефон.

— Ты всего лишь задерживал меня, пока твой дружок Лайонел работал.

— Если он это сделал, то уже заплатил. Он мертв, также как и она.

— Ты настолько же виноват. — Я схватилась за лоб, отказываясь продолжать разговор.

Джексон не заслуживает того, чтобы я тратила на него свое время. Хотя...

— Ты встречал врача — любого медика, по дороге сюда?

— Почему ты спрашиваешь? Ты больна? Или твоя меге? Они сказали, что есть кто-то в городке.

— Просто ответь мне. Ты можешь доставить его сюда? У нас есть ценные вещи, которые окупят твою поездку.

— Нет. Это не... Это невозможно.

Покачиваясь, я ответила:

— Это единственное, что я буду менять, Джексон. Если док не может приехать, уходи.

— Ты даже не знаешь, что я могу предложить для обмена.

— Мне ничего не нужно, за исключением доктора.

— А как насчет того, что нужно мне? Может, я пойду и возьму, то, ради чего торговался.

Страх пронзил меня. Он не должен приблизиться к маме! Мы так уязвимы! Я щелкнула предохранителем ружья.

Он небрежно отпил из фляжки:

- Ты даже знаешь, как из этого стрелять, да?

Боже, как он бесит меня:

- Я сказала, убирайся! — и подняла ружье.

Он убрал свою фляжку, поднимаясь с байка:

- Вряд ли ты будешь целиться в меня, — процедил он, направляясь ко мне.

Когда он подошел ближе, был этот взгляд в его глазах, угрожающий, как у пьяного мужчины. Одно обещание боли. Вспыхнула тревога, которая сделала меня еще более сумасшедшей. У меня было заряженное ружье, направленное ему в голову! Он же не знал, что я не попаду даже в широкую стену сарая.

- Ну и дела, Джексон, я думаю, у маленькой куклы появились зубки.

Он двигался так быстро, что казался размытым, сбивая ствол в сторону. Легчайшее нажатие на курок, и ружье выстрелило, отбрасывая меня назад. Я увидела его выпад, направленный на меня — слишком поздно — затем почувствовала, как моя голова откинулась назад, приближаясь к земле.

Мое зрение расплывалось, когда он присел рядом, ощупывая мой затылок.

- Ты будешь жить, соо-уоп. Теперь, разве ты не рада, что наши пути расходятся?
Мои глаза закатились. Темнота.

Красная ведьма стояла на возвышении и осматривала толпу темных фигур. Селяне. Они пресмыкались перед ней. Агрессия прокатилась по ее венам, когда она посмотрела на них. Она всех их уничтожит, всех до одного, ее гнев был неукротим. Подняв свои шипы-когти к чистому утреннему небу, она потянулась к ближайшим растениям, освобождая их от колючек. Закричав, она создала из них торнадо. Словно рой пчёл, буря обрушилась на ее жертв. Люди толкали друг друга, хаотично пытаясь убежать, но ни одному это не удалось. Бритвенно-острые шипы по кусочку срезали их лица, стирая любую особенность, лишая носов и губ. Дюйм за дюймом, эти шипы срезали ломтики мяса, сдирая кожу с их тел. Струилась кровь, хрящи покрывали землю. Скальп одной женщины был просто срезан: ее прекрасная черная грива волос летала в воронке ветра... Буря колдуньи резала их глубже и глубже. Даже без большей части кожи, люди оставались живы, на удивление, долго — что особенно ей нравилось. Когда она удовлетворенно хмыкнула, они сползались вместе, увязая в густой луже останков...

Я проснулась в своей кровати, шурясь на свет в своей комнате, дрожь по-прежнему сотрясала меня после кошмара. Мой взгляд наткнулся на три горящие свечи. Три? Я никогда не позволяла себе такой роскоши. Я отпрянула назад, наткнувшись взглядом на размытое лицо. Постепенно, мои глаза привыкли. Джексон в моей комнате! Я никогда не принимала в своей комнате парня — тем более этого. Его арбалет, все еще виднелся из-за плеча. В руке? Еще одна свеча. Я пыталась стряхнуть остатки сна и сориентироваться в пространстве — как я оказалась в кровати? Как он оказался внутри? — я притворялась спящей, наблюдая, как он бродил вокруг с видом хозяина. Он рассматривал штормовые облака, которые я нарисовала на стене, открыл мой шкаф и порывлся в нём, затем проверил мои танцевальные трофеи, внимательно просмотрел фотографии. Пролистал пустой альбом.

Рисование мало занимало меня в последние дни. Голоса ни на минуту не оставляли меня в покое. Кроме того, мой мозг уже не восстановится.

Будто, не зная чем заняться, он вернулся к разрисованной стене, приподнимая свечу и пробегая пальцами по облакам. Мерцающий свет делал ужасный шрам на его предплечье прозрачным. Я узнала повреждения, которые он получил дома, когда пьяный мужчина порезал кожу Джексона до кости. Я была свидетелем того, насколько жестоким он мог быть — он чуть не забил до смерти человека на моих глазах. Но сейчас он нежно прикасался к моим картинам, почти благоговейно.

Я чувствовала себя шпионкой, как будто это был момент, который я никогда не должна была увидеть. Он казался... интимным. Когда он коснулся тростника, я могла поклясться что могу чувствовать его боль о тех полях, о том дожде. Он резко опустил руку. И не оборачиваясь сказал:

— Так вот где выросла Эванджелин Грин.

— Что ты делаешь в моей комнате? И как я здесь оказалась?

Он наконец-то посмотрел на меня, но проигнорировал все вопросы.

— Твой гардероб теперь уже не такой большой, да?

Я покраснела, вспомнив, что он не имел даже собственной комнаты. Он открыл верхний ящик комода:

- Сколько же лент может иметь одна девушка? — приподняв брови, он вытащил розовый бюстгальтер Виктория Секрет из следующего ящика, — какие нежные воспоминания связаны с этой вещицей. Сквозь стиснутые зубы я ответила:

— Брось его, как будто он горячий.

— Горячий, ты права, — он ухмыльнулся, но не положил. — Как же ты хранишь все эти вещи? Не знаю, хотел бы я иметь так же много. Наверное, ты тратишь кучу времени, только чтобы вспомнить, где что лежит.

Я вспомнила его дом, его скромные пожитки, несколько книг, в том числе и потрепанный экземпляр Робинзона Крузо на диване, на котором он спал...

— Вы были еще богаче, чем я думал.

Богаты? Почему он поднял эту тему? Потом я вспомнила, что он вор и без стыда украдет наши запасы!

— Где моя мама?

— Пила чай, который я ей заварил и читала одно из последних газетных изданий с востока.

— Если ты обидел или огорчил ее, я заставлю тебя заплатить.

— Обидел ее? Когда я нашел ее, она пыталась спуститься с лестницы, напуганная до смерти услышанными выстрелами.

— О, боже!

— Не волнуйся. Мне удалось приставить к вашему домику на дереве лестницу и спасти положение, втащив тебя внутрь, — он нахмурился, — ты вешишь намного меньше, чем я думал. Как бы там ни было, я объяснил ей, что ты случайно выстрелила в меня — чему она не удивилась, — и показал тебя, висящую без сознания, как лапша.

— Мам! — позвала я. Как только я откинула свое покрывало, собираясь бежать в ее комнату, она отозвалась:

— Я здесь, дорогая.

Ее голос звучал гораздо лучше прежнего. Мое облегчение было коротким, пока я не заметила Джексона, разглядывавшего мои голые ноги. Ахнув, я набросила покрывало обратно. Почему я была без ботинок и джинсов? Когда я их сняла? Или снял Джексон? Он же не мог... О, нет, мог. Успокоив дыхание, я прошипела:

- Ты раздел меня?

Он устало посмотрел на меня:

- Частично.

Обведя взглядом комнату, я спросила:

— Где мое ружье?

— Я спрятал его, пока ты не убила кого-нибудь. Ты, может, и умеешь, обращаться с лестницей и дверными скобами, но не очень уж меткий стрелок.

Пока я перебирала самые грязные и резкие оскорбления, он тихонько прикрыл дверь в спальню.

Мои глаза округлились:

- Что ты делаешь?

Вместо ответа, он снял свой арбалет и сел на мою кровать, прислонившись к изголовью. Я ничего не могла поделать с этим. Напрягшись, я отодвинулась на край матраса. Он, казалось, был еще больше, чем я помнила, занимая слишком много пространства.

— Как ты поняла, я не обижал твою теге, нет. Она ничего не сделала мне. В отличие от

ее бессердечной дочери.

Что я сделала ему? Он был тем, кто крал у меня и моих друзей, кто орал на меня под дождем.

— Нет, Карен и я мило поболтали.

— Карен? — он называет мою маму по имени? Как долго я была в отключке? — Она не позволит тебе бродить по нашему дому! — тогда я заметила, что его волосы были влажными, а футболка и джинсы чистыми. Поэтому я добавила, — а если она это сделала, то не следовало. Она не знает тебя.

— Я объяснил ей, что ты и я выполняли задание по истории в школе. — С легкой улыбкой, он добавил, — и рассказал ей, что ты была у меня дома, и даже познакомилась с моей матерью.

Я подавила воспоминание о той ночи, поскольку его голос стал сдавленным от гнева. Казалось, он вынуждает меня ответить на это. Когда я не стала этого делать, он добавил:

— После этого, Карен любезно предложила мне остаться.

Я схватила покрывало.

— Я не прошу прощения за то, что поехала к тебе домой той ночью. Ты не должен был брать мой альбом.

— Я не люблю неразгаданные загадки. Ты не показывала мне свои рисунки, поэтому я попросил Лайонела взять их.

— Учитывая содержимое альбома, ты должен понимать, почему я хотела его вернуть.

— Как давно у тебя были эти видения?

Его сухой вопрос разозлил меня.

— Я не... Я не... как ты можешь так спокойно говорить об этом?

— У меня была кузина, которая читала будущее по кофейной гуще. Моя бабушка могла предсказывать ураганы за месяц.

Это выглядело так, будто каждый в Луизиане знал кого-то с "видениями".

— Я не буду обсуждать это с тобой.

— Не важно. Твоя мама объяснила мне кое-что.

Рассказала ли она ему, что бабушка была фанатиком карт Таро и думала, что я спасу мир? Отличная у меня работёнка, бабуля!

— Что именно она тебе объяснила?

— Что ты способна быть доброй, очаровательной и забавной. — Он пронзил меня взглядом, — я не вижу этого.

— Ты должен покинуть Хейвен. Сейчас же. — Что, если он видел содержимое сарая? — тебя сюда не приглашали.

Он ухмыльнулся:

— Карен не согласится.

— Я сомневаюсь, что она будет тебе рада, когда узнает, что ты раздел меня.

— Может она только для этого меня и пригласила.

Хитрая задница.

— Теперь нам нужно поговорить, Эванджелин. Я приехал не только для обмена. Мне нужно было увидеться с тобой.

— Зачем?

— Волна людей придет сюда через день или два. Армия. Около трёх тысяч человек.

— И? Это отличные новости. — Мое сердце подпрыгнуло, — у них должен быть медик!

— Я вижу, шестеренки закрутились, но это не то, что ты подумала. Не с Армией Юго-Востока.

— Откуда ты знаешь?

— Я был в Луизианском ополчении.

— Итак, что я вижу. Ты вступил в ополчение. Они действуют где-то там. А ты здесь. Разве это не делает тебя дезертиром?

Он кивнул, без тени смущения:

— Когда мое подразделение было захвачено старшей армией, мы оказались с новым генералом и заданием.

— Каким?

Понизив голос, он ответил:

— Принудительная вербовка женщин.

— Не понимаю. Тренировать, как солдат... — я умолкла, увидев выражение его лица. Его глаза настороженно смотрели на меня, не соответствуя поведению крутого парня. Что может повлиять на такого закаленного парня как он?

Вдруг меня осенило, когда он пробормотал:

— Не солдат.

— Я поняла. — Чему Джексон был свидетелем на дороге?

— Нет никого, кто смог бы сопротивляться им. Армия поглощает любые военные группировки, берет их под контроль. Техас — следующий на их пути. Никто не знает, почему они двигаются по этому маршруту, но я думаю, если кто и способен остановить их, то это тexasцы. Я еду предупредить ополчения там. — Затем он нахмурился, — у тебя были видения про это?

— Хватит говорить об этом будто... будто...

— Будто они настоящие? — закончил он предложение, — я продвигаюсь впереди войска, но они у меня на хвосте. Они расположились на севере Стерлинга. Если не будет урагана, они доберутся сюда уже завтра, они схватят тебя и твою мать, если вы не уйдете.

— Почему я должна верить тебе? Возможно, они идут спасти нас. Мы ждали этого с самой Вспышки.

— Они придут, Эви. Я клянусь в этом. — Он поднял цепочку на шею, вытягивая угольно-черные четки из-за футболки. Бусинки поблескивали в свете свечей. Необычный крест был не большим, но витиевато украшенным. — И я клянусь Богом, что ты бы не хотела попасться им на глаза.

Я почти... поверила ему. Смутно отметив, что видела четки раньше, спросила:

- Ты рассказал маме об этом? — кивок, — что она сказала?

Он потёр костяшки, пробежался пальцем по шраму:

- Решение остаться или бежать принимаешь ты.

Что, если я решу покинуть все и навсегда? Прочь! Увидеть мир, наконец! Как и всегда, я подавила импульс, чувство вины заполнило меня. И почему это должно быть мое решение? Я никогда не думала, что авторитет имеет такую дорогую цену.

- Даже если твой рассказ правда, я не могу поехать с ней. Она ранена и у нас только одна истощенная лошадь. Как я могу спасти ее от армии?

— Ты можешь попросить меня о помощи. Или ты слишком горда для этого?

— Я сделаю все, чтобы обеспечить ее безопасность. — Я встретила его взгляд, — эта большая армия должна иметь медика, может, даже хирурга. Он может быть уже в пути, в эту

минуту. Я не буду рисковать ее жизнью, убегая от единственного человека способного помочь.

— Ты не слушала меня, Эви.

— Ты не слушал меня, — я выплюнула это низким, яростным тоном, — я сказала достаточно.

Внезапно я поняла, что подвигло мою маму делать все, чтобы я чувствовала себя хорошо последний год. Я только и могла думать про то, каким ужасным был ПШР для меня. И я никогда не думала, насколько мучительно было для нее оставить меня там.

— Ты можешь говорить что угодно, потому что ты не знаешь, что это за люди, — он хотел еще что-то добавить, но увидев мое лицо, передумал. Лишь пробормотал, — *Tete dure*. Упрямая голова. — Поговорим после ужина.

— Ужина?

— Я привез немного мяса аллигаторов. Оно просто тает во рту.

Я замолчала. Это будет первое мясо, с тех пор как Аллегра насмерть забила копытом редкую гремучую змею, два месяца назад. Возможно, если мама будет получать белок, это поможет ей выздороветь. Как будто прочитав мои мысли, он добавил:

- Твоей теге нужно хорошее мясо.

Игра. Сет. Матч.

Затем я вспомнила, что подвал выглядел, как реклама Дня Благодарения. Нашел ли он мои припасы? Я предпочла засолить, то что осталось, поэтому они не были столь очевидны.

— Правильно, Эви. Я понял, что со свежими овощами, мы можем приготовить рагу.

Дерьмо! Я только вздернула подбородок. Рассказал он маме?

— И в сарае я нашел растения. Настоящие, живые, честное слово, растения. Ты не хочешь объяснить? Я целый день ломал голову над этой головоломкой.

— Ты обшарил наш сарай?

— После того как ты закрыла дверь перед моим носом? — он типично по-кайджански пожал плечами, — ты должна знать, что если Эви Грин не хочет, чтобы я что-то узнал, я найду способ обойти ее.

— Ты рассказал маме об этом?

— Я понял, что она ничего не знает и держал рот на замке.

— Это бы только расстроило ее.

— Но не расстроило меня. Поэтому расскажи мне про эти культуры. Ты рисуешь их на стенах — и извлекаешь их из вспаханной земли? Возможно, ты обладаешь и другими талантами, кроме видений будущего?

— Хватит об этом.

— Ты еще кому-нибудь говорила про содержимое сарая?

— Конечно же, нет.

Он встретил мой взгляд, его взгляд был темным и настойчивым:

- Никому не рассказывай. Ты представить себе не можешь, что люди могут сделать ради этих растений. Ты слышишь меня?

Дрожь пробежала по моей спине:

— Никому, кроме тебя, верно?

— Мне нужно знать, как ты вырастила эти растения, Эванжелин.

Я сузила глаза:

— Серебряные колокольчики и ракушки. — Потоки крови, странные сны,

головокружение — все вместе.

Уголки его губ приподнялись:

- Ты и твои секреты. Ох, реекон, как только я начинаю думать, что разгадал твою тайну, тут же появляется еще одна. Я рассчитывал узнать тебя за один день. En garde, cher. Предупрежден, дорогая.

— Не могу поверить, что ты пригласила его к нам в дом, даже не обсудив это со мной! — возмутилась я, заплетая мамины волосы. Она хотела выглядеть "презентабельно" на нашем первом, за долгое время, приготовленном ужине и первый раз в компании после Вспышки. Она упрашивала меня принарядится, уважить желание Джексона самому все сделать — после того как он отказался от предложения помочь. Я улыбалась, пока она не сказала:

- Оденься, Эви. Или спустись и предложи помощь.

Распоряжение от мамы? Я выбрала из двух зол меньшее, натянула один из двух нарядов, которые еще сидели на мне — облегающее платье от Nanette Lepore и дополнила его туфлями на каблуке. Я даже одела серьги с бриллиантами и нанесла слой любимого блеска для губ. С болью в сердце, я надела ожерелье Бренда, что он подарил в ночь перед смертью.

— Как я могла поговорить с тобой насчет Джека, — задала встречный вопрос мама, — ты была без сознания.

— И ты не подозревала, что возможно, он обидел меня?

— Честно говоря, Эви, его объяснение было правдоподобным — я удивлена, что ты не попала себе в ногу. Кроме того, у меня хорошее предчувствие на его счет.

— Что ты рассказала ему про меня? — закончив плести, я закрепила косу.

— Что ты особенная. Что у тебя есть предназначение в этом мире. И что тебе нужен кто-то для поддержки.

Не так плохо, как могло быть. Чего только мать не расскажет о своей дочери?

- Пожалуйста, больше не говори ему ничего о нас, о наших делах. Он не такой хороший, как ты думаешь. Не такой, как был Брэндон.

Я вспомнила, как в последний раз видела моего первого и единственного парня, вспомнила его улыбку, когда он пошел сражаться за меня, спасая от неприятностей. Я должна была сказать ему, что люблю его, вместо "ты лучший". И из-за кайджана я больше никогда не поговорю с ним.

— Не будь так сурова к Джеку, дорогая. Теперь все изменилось. Он сказал, что собирается починить мою машину сегодня вечером. Представляешь это, — она вздохнула, — снова иметь машину.

Раньше мы планировали поехать в Северную Каролину, чтобы найти бабушку. Я спросила ее:

- Ты думаешь, что она все еще жива?

Мама заплакала:

- Надеюсь.

Три вещи держали нас здесь: отсутствие автомобиля, надежда на восстановление порядка и постоянный источник воды. Источник уменьшался, и очевидно, что порядка нам тоже не дожидаться. Но машину можно заполнить.

- Ты веришь Джексону про ополчение?

Она кивнула:

- Если там всего лишь несколько уцелевших женщин, и если мужчины действительно думают, что никогда не будет другого правительства... Эви, люди без надежды на будущее,

могут быть опасны. Она замолчала и, казалось, подбирала слова, чтобы лучше выразить свою мысль.

- Я знаю, тебе тяжело понять это, но все может быть еще хуже для нас, для любого, кто останется.

— Но у них, наверное, есть доктор, который сможет привести тебя в порядок.

Она покачала головой:

— И они женят тебя на каком-нибудь старичке. Если повезет.

— Ты пыталась свести меня с контролером животных.

— Пока Джек не приехал. Он такой внимательный. Не говоря уже о том, что он великолепен! Ты заметила, какие у него плечи? И эта лихая улыбка? — я всегда думала о ней, как об ухмылке. — Он сильный, находчивый и умный. Он сможет позаботиться о тебе.

А как на счет тебя?

— Если я должна выйти за какого-нибудь старикашку, чтобы тебе было хорошо, — чтобы сохранить твою жизнь, — тогда это мое решение.

— Забудь об этом, Эви.

— Почему, ты жертвуешь ради меня, а я не могу сделать то же самое?

— Потому что я твоя мать.

— Думаешь, я не сделала бы что угодно, чтобы получить для тебя медицинскую помощь?

— Именно этого я и боюсь, — она закашлялась, что только укрепило меня в моем решении.

— Почему бы нам не посмотреть как ты будешь чувствовать себя утром? — сказала я, задаваясь вопросом, станет ли ее бок более твердым или более темным за ночь, — мы можем решить утром. — Я уже решила.

Я думала, она продолжит спорить со мной, но она промолчала.

- В любом случае, нам нужен Джек. — Глядя на мои вытаращенные глаза, она добавила, — ты можешь уговорить его остаться с нами, если будешь милой.

— Я допускаю, что он умелый. Но все говорит мне не доверять ему. — Он лгал мне, обокрал меня, обманывал.

— Это досадно. Потому что я попросила его присматривать за тобой, если со мной что-нибудь случится.

Я замерла.

— Ты не могла. Ты же только что познакомилась с ним.

— Как я уже сказала, у меня хорошее предчувствие. И он сказал, что обдумает это! Ты ему нравишься, Эви. Он бы не вернулся предупредить нас, если бы это было не так. Теперь пообещай мне, что ты попробуешь поладить с ним. — Я открыла рот, чтобы возразить, но она начала кашлять еще хуже. И я поспешила растереть ее спину, приговаривая:

- Ладно, ладно, я обещаю что постараюсь.

Когда ее кашель утих, я подала ей стакан воды.

- Пойду, гляну, может, помощь нужна.

Ее лицо просветлело, напряжение на ее бледном лице уменьшилось.

- Спасибо, дорогая.

Все еще ворча, я направилась вниз по лестнице. В тот же момент, голоса усилились. О, сейчас слышно новенькую в этом хоре, девочку:

— Узрите Несущую сомнения.

— Тьфу! — я огрызнулась себе под нос, — что это значит? Оставьте меня в покое.

— Ты разговариваешь сама с собой? — спросил Джексон. Он остановился на пути наверх, держа в руках складной карточный столик — чтобы мама не спускалась вниз.

Это было... очень любезно с его стороны.

Он поднялся на еще одну ступеньку и пробормотал глубоким голосом:

— Ммм, мм, мм, Эванджелин. Ты прихорошилась для меня?

Нежелательное внимание.

— Вряд ли.

Пока он пристально разглядывал меня, я сузила глаза:

— Как долго ты здесь стоишь?

— Достаточно долго, чтобы понять, что ты собралась нарушить то обещание, которое только что дала. А сейчас, будь вежливой, дорогая.

Невозможно быть вежливой, когда тебя кусают за задницу. С фальшивой улыбкой, я бодрым голосом проворковала:

- Ах, Джексон, не могу дождаться ужина! Я принесу посуду!

Но он заблокировал мне дорогу, положив край столика на ступеньку. Его глаза, казалось, сверкали в тусклом свете, выражение его лица стало решительным. Он прижал ладонь к стене рядом с моей головой, наклоняясь ближе — так же, как и несколько месяцев назад, когда он почти поцеловал меня. Отвлекая от Лайонела. Я вспомнила насколько глупа была в ту ночь. Вспомнила свое возбуждение, и влечение. Тогда он был красив. Сейчас он великолепен, стал ли он более хитрым?

— Черт возьми, cher, ты по-прежнему пахнешь как цветок. Я так давно видел цветы, что почти забыл, как они пахнут, — он потирал прядь моих волос между большим и указательным пальцем, — ты приоделась и надушилась дорогим парфюмом? Старина Джек чувствует ловушку. Считай, я уже пойман.

— Какую подлость ты задумал? Зачем ты здесь на самом деле?

— Возможно, я не такой плохой парень, каким ты меня представляешь

— Именно это и сказал бы плохой парень, — я толкнула его, но он перехватил мою руку.

— Слушай меня, Эви. Я расскажу тебе, как эта ночь продолжится.

Я широко раскрыла глаза от его снисходительного тона:

- Да как ты смеешь...

Он перебил меня:

- Сейчас у нас будет грандиозный обед, такой хороший, насколько ты только можешь себе представить, и ты будешь милой, как ангел. После еды, ты, я и твоя тере проведем veiller, — вечернюю беседу, — пока она не уснет. Затем ты дашь мне ответ по поводу завтра, и я примусь за работу. Потому что покину это место быстрее, чем явится ополчение. Понятно?

— Я... я... — на моем лице появилось волнение. О нет, нет. Не под его пристальным взглядом.

Резкая боль пронзила мою голову. Лестница и Джексон начали исчезать. Чем больше я боролась с видением, тем сильнее гудела голова. Я попыталась уйти и уединиться где-нибудь, но он схватил меня за руку:

- Что случилось, Эви?

Вместо дома, я увидела вокруг себя почерневший лес.

- Джексон, — прошептала я, отчаянно цепляясь за него, — пожалуйста, не позволяй... — мои ноги подкосились, и я держалась за него, держалась... Но он ушел. Все ушло.

Я была на улице в морозную ночь, стоя в пелене дыма, со слезящимися глазами и шмыгающим носом. Слышала, как люди кричали от ужаса вокруг меня, но не понимала причину. Когда взрывы потрясли землю под моими ногами, началась паника и ужас. У меня были близкие в этом хаосе, но я не могла дотянуться до них, не могла защитить их. Пока не появилась она. Девушка с луком. Хоть я и не могла различить ее лицо из-за дыма, я наблюдала как она движется сквозь него словно видение. Она была восхитительна, словно богиня. Натянула тетиву, прицелилась... В меня.

— Нет! — заплакала я, — подожди!

Не колеблясь, она послала стрелу. Я лишь успела закрыть глаза. И несмело приоткрыть их. Она выстрелила безликому человеку прямо в горло, человеку, который хотел обидеть меня, и причинить боль моим близким. Когда она повернулась ко мне, ее кожа была ослепительно сияющей, но с оттенком красного, словно кровавая луна*.

(* (прим. ред.) кровавая луна- hunter's moon-астрономическое явление, когда в ходе затмения луна приобретает красный оттенок.)

— Прости, — пробормотала я, — я не знала.

Она горько рассмеялась:

- Ты ничего не знаешь. Лучница всегда держит стрелу в своем колчане для тебя; помешай моему выстрелу снова и я тотчас пущу ее в тебя.

Я узнала ее голос. Она была Несущей Сомнения...

— Эви, bebe, — малышка — Джексон говорил мягко, возвращая меня обратно. — Я держу тебя.

Я моргнула, потом еще. Когда зрение прояснилось, я увидела, что он смотрит на меня сверху вниз. Я сидела у него на руках, на полу у основания лестницы. Он держал в руках салфетку и прижимал к моему носу. Кровотечение? Я не могу терпеть это и дальше. Еще несколько таких ночей, и я сбегу под прицел Лучницы.

— У тебя было видение, да?

Я пробормотала:

- Это никогда не закончится.

Я была также обречена, как и мама, если не получу помощь. И моя бабушка была единственной, кто знал, что мне надо.

Я отодвинулась от Джексона, но он воспротивился:

— Расскажи мне, что ты видела. Что-то про завтра? Армию?

— Нет. Это не имеет смысла. — Кем была та девушка? Союзником или врагом? Существует ли она? Я снова толкнула его в грудь, перехватив салфетку. — Пожалуйста, просто дай мне уйти. Сейчас, Джексон!

— Куда? — отрывисто спросил он.

Копируя его тон, я ответила:

- На ужин.

Когда он, наконец-то, отпустил меня, я, пошатываясь, направилась в сторону кухни. Часть меня хотела воспринимать Лучницу, как игру воображения. Но все остальные мои видения сбылись. До Вспышки, я видела всех, кроме себя. Я игнорировала все, что могла припомнить из бабушкиных наставлений, даже после того, как начала верить ей. Теперь я

должна довериться своим инстинктам — а они говорили, что Лучница, была в этом мире. Это означало, что все голоса принадлежали реальным детям. Девочка с сияющей красной кожей, мальчик, умеющий летать. Почему бы и нет? Я могла проращивать зерна с помощью своей крови и мысленно контролировать перемещения растений. Мэтью был реален, что уже хорошо. Мой друг. Однажды я разыщу его.

Но остальные дети...? Мои инстинкты говорили, что я должна избегать их.

Когда мама самостоятельно съела свою порцию рагу, моя надежда увеличилась. На прошлой неделе, ее постоянно рвало, но очевидно, аппетит возвращался. Возможно, она шла на поправку.

— Джек, это было просто восхитительно.

К его чести, это была правда. Он не поскупился ничем, приготовив невероятную еду, притащил стол и стулья для нас с мамой, накрыл стол тонким фарфором и хрусталем. Когда я взяла три столовых прибора, он нахмурился:

- Пошли, богатая девочка, я знаю, что это не самое лучшее, что у вас есть.

Я беспокоилась о количестве свечей, что он использовал — это было сумасбродство — но их мерцающий свет отражался в хрустале и боролся с пеплом, разрисовывая комнату, как кисть. Даже щеки мамы окрасились в этот цвет.

— Спасибо тебе большое, — добавила она, — или я думаю, что должна сказать merci.

С "лихой" улыбкой, он ответил:

- De rien, cher. Это пустяк, дорогая.

Она захихикала. Была навеселе? Наверняка. К моему удивлению, она разрешила ему свободно пользоваться винным шкафом — с тех пор, как он сделал ей вечерний чай "ирландец". Тяжелой рукой, он наполнил ее изящную чашку из бутылки дорогим виски, затем наполнил высокий бокал баккаррат* для себя.

(*Baccarat (прим. ред.) — французский производитель элитных изделий из хрустала, преимущественно ручной работы.)

Весь вечер он был милым с ней, пока я была как на иголках, гадая в какую игру он играл, и что он думал о моей отключке. Но если это было нужно, чтобы ослабить напряжение на мамином лице, я была готова подыграть ему. Только сейчас.

— Джек, ты знал, что Эви свободно говорит на французском?

Он откинулся в кресле с самодовольным видом

— В самом деле?

Она спросила меня:

- Разве ужин не великолепен, дорогая?

Я выдавила улыбку. Мама была не единственной, кто не помогал в его приготовлении. Вместо того, чтобы похвалить Джексона и тем самым поощрить его это, я спросила:

— Кто научил тебя так готовить?

Он прохрипел:

— Необходимость.

Мама почувствовала внезапно возникшее напряжение и спросила:

— Может, ты сможешь научить Эви?

Улыбка плавно вернулась на место, он ответил ей:

— Что-то подсказывает мне, что она не сможет даже сварить яйцо.

Мама улыбнулась, но не преминула добавить:

— Наша Эви быстро учится.

Наша Эви? Пытаешься заставить его почувствовать психологическую ответственность за меня, мама? Когда он уклончиво пожал плечами, она продолжила:

— Ты встречал детей своего возраста в ополчении?

— Только других парней.

— Значит, наша Эви — редкость.

Он ухмыльнулся поверх стакана:

— Да, редкость.

Я свирепо посмотрела на него.

— Разве она не прекрасно выглядит сегодня, Джек?

— Мам! — я чувствовала себя как на match.com, — я помою посуду.

(прим. ред. match.com — североамериканский, популярный сайт знакомств).

— Это может подождать. Дорогая, мы собирались посмотреть твои детские фотографии. О, и твои первые танцевальные награды.

Неужели этот вечер никогда не закончится?

- Они все на флэшке. Мы решили обходиться без бумаги, помнишь?

Что означало, что они абсолютно недоступны, также как мои книги и письма. Даже если бы у нас был генератор, немного электроники работало после апокалипсиса. Чертовы технологии.

— Я сохранила бумажные копии. Они в швейной комнате.

Я собралась упрашивать ее не мучить меня — или Джексона — но она снова начала кашлять в свою салфетку. Когда ее лицо приобрело красный цвет, я беспомощно растирала ей спину. Когда ее кашель прекратился, она выглядела... страшно. Она пыталась скрыть это, но я увидела кровь, обильно залившую, ее свежую белую салфетку. Я взглянула на Джексона. Его лицо абсолютно ничего не выражало, но я могла поклясться, что на его щеке подергивался мускул.

— Хочешь выпить? — Джексон предложил мне флягу, пока я наблюдала, как он возится под капотом Мерседеса. Я посмотрела вокруг, нервно перебирая пальцами соль в кармане толстовки. Это была одна из моих первых ночей за пределами дома, после Вспышки. Тишина была такой пугающе абсолютной, что каждый производимый нами звук усиливался, будто мы находились в аудитории.

— Возьми фляжку, Эви. Ты можешь ей воспользоваться.

Моя душа болела за маму. Я посмотрела на ее окно, мерцающий свет свечей виднелся через створки. Я могла прочесть надпись на стене. Она считала, что умрет в ближайшее время. Ранее, когда я помогала ей готовится ко сну, она была сентиментальной, продолжала говорить, что любит меня, держась за мою руку. Говорила, что мой отец гордился бы мной. Она взяла с меня слово, что если с ней что-нибудь случится, я найду бабушку. Иными словами, мама не верила, когда я говорила ей, что все будет хорошо. Я взяла флягу Джексона:

— Почему бы и нет? — Когда я вытерла горлышко рукавом, он нахмурился.

— Господи Иисусе, Эви. Ты была готова позволить мне поцеловать тебя той ночью на сахарном заводе, но теперь ты не хочешь пить после меня?

— Я бы не позволила тебе! И почему ты вспомнил об этом? Не кажется ли тебе что это пройденный этап?

Он вернулся к своему занятию:

- Не каждый день парень из Бейсена делает это с болельщицей из Стерлинга. Я стал бы еще более легендарным.

— Вау. Хочешь сказать, что у тебя были еще мотивы, кроме как одурачить меня?

Кайджан пожал плечами. Закатив глаза, я выпила, сжимая губы, когда тепло обожгло меня.

- Ты не беспокоишься о Бэгменах?

Он посмотрел на меня из-за капота.

- Никто не сможет застать меня врасплох. — Даже сейчас арбалет стоял поблизости. Я заметила, что он никогда не оставлял его вне досягаемости. Когда я протянула ему фляжку, он сказал:

— Подержи ее, пока я не закончу.

— Ты, правда, думаешь, что сможешь починить ее?

— Я работал с грузовиками ополченцев. Это не трудно, если знаешь, что делать.

— А ты знаешь?

— Ouais. Да. — Так что же, твоя мама отправила тебя сюда, чтобы ты была милой с кайджанским парнем?

Это было именно так. Просто, прежде чем я присоединилась к нему снаружи, она дала мне приказ:

- Ты должна понравиться Джеку. — Она спросила меня: — ты представляешь, какое облегчение я буду испытывать, если ты будешь с таким сильным парнем? Мы в нем нуждаемся, Эви. Пожалуйста, сделай это для нашей пользы. Пойди к нему. Помогни с машиной. — Я не хотела с ней расставаться.

- Ты не хочешь, чтобы я осталась? — Когда она покачала головой, я поцеловала ее на ночь. — Я сделаю это, чтобы тебе стало лучше, вот увидишь.

— Оставь свечи горящими, дорогая.

— Люблю тебя. — Но, когда я отправилась на встречу с Джексоном, я не была уверена, что забуду прошлые обиды. Наконец, я решила объявить перемирие, только по одной причине. Он терпеливо рассматривал каждую мою детскую фотографию. Когда мама ворковала над каждым изображением беззубого ребенка: — посмотри на эту улыбку! — и он покорно обращал внимание, хотя для него это было скучно. Он поднялся на ступеньку в моих глазах. И я рассудила, что если бы он хотел усыпить нашу бдительность и украсть что-нибудь, он бы не создавал себе столько проблем. С этой мыслью я сделала еще один глоток, который почти обжег — и сказала:

- Ты очень нравишься маме. Она хотела передать тебе приглашение остаться с нами. На столько, на сколько, ты захочешь.

Он выглянул из-за капота:

— Я удивлен, что ты на самом деле не против этого.

— Я уже приготовила для тебя постель в одной из гостевых комнат. — Когда он приподнял брови, я спросила: — что?

— Черт, Эванджелин, я думал, ты оставишь меня спать в сарае сегодня.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты все еще думаешь обо мне как о помощи — сосредоточившись на машине, он пробормотал — и, наверное, всегда будешь.

Он был не прав. Я не думала о нем так, я думала о нем, как об уголовнике, закаленном жизнью. Кроме того, я не хотела чтобы он снова оставался в сарае, рядом с моими растениями.

— Я не хочу, чтобы ты была здесь, когда армия придет сюда. — Он указал гаечным ключом на меня. — Учти это. Я не советую вам обеим быть рядом.

— Почему ты так уверен, что они придут сюда?

— Хейвен — самое большое и старое здание в округе.

— Почему это так важно?

— Колодцы и ветряные мельницы. Чаще всего, чтобы добыть воду из новых колодцев нужно электричество. Генерал захватывает руководство всеми крупными хозяйствами на юге, и всегда это те, в которых есть старые скважины. Сколько их у вас? Две или три?

— Пять — призналась я.

— О, да — он провел по лбу, размазывая машинное масло — они придут сюда.

— Мне трудно поверить, что все три тысячи солдат являются злом.

— Не обязательно. Хотя, такие несомненно есть. Если ты получаешь приказ, ты обязан его исполнить.

— Или ты станешь дезертиром.

— Забудь это слово, Эви. Ты начинаешь обижать мои чувства. Вне зависимости от того, как надолго вы здесь останетесь, ты скоро поймешь, почему я стал дезертиром.

— Если бы я могла передвигаться с мамой, и если бы ты починил машину, мы бы ушли. Я бы отправилась на рассвете, чтобы найти врача, а потом мы бы отправились в Северную Каролину, чтобы найти бабушку.

— Почему ты думаешь, что твоя бабушка жива? Скорее всего, это не так.

— Я просто знаю, что она жива. Как сказала мама, я должна верить. Альтернатива,

никогда не узнать всех тайн, была невыносима. Я просто с ума сходила от страха. Не говоря уже о том, что я боялась никогда не увидеть бабушку снова. Чем больше я вспоминала о ней, тем больше любила. Я помнила бабушкины глаза — в одно мгновение они менялись от коричневого до орехового. Кожа вокруг них покрывалась морщинками, когда она смеялась. Она все время говорила нараспев, особенно, когда тасовала потрепанную колоду карт Таро.

— Ты знаешь, что она жива — спросил он — из видений?

— Я не могу видеть будущее, Джексон. И в основном, то, что я вижу, не имеет смысла.

— Расскажи мне об этом.

— Это происходит всегда по-разному. Они... болезненны — сказала я, сильно преуменьшив свои ощущения. — Это чувство похоже на то, когда кто-то бьет тебя по голове.

— Ты готова рассказать мне, про то, что видела раньше?

Нет, Джексон. Я не готова. Так что я не ответила прямо на его вопрос:

- Я видела мальчика, который говорил что-то, смысла чего я не понимаю. Этот ребенок постоянно учил меня, он с таким же успехом, мог говорить со мной на другом языке, — я все еще чувствовала сильную связь с ним, — в любом случае, большинство увиденных мною вещей, никогда не сбываются.

Но может быть со временем....

— Может быть еще не время.

А Джексон пронизательный. Сменив тему, я спросила:

- На что это похоже, там, на дороге? На самом деле?

Он выдохнул, позволяя мне увести его дальше от разговоров про мои видения.

- За пределами города можно пройти много дней и не увидеть ни одной живой души. И это к лучшему. Осталось два типа людей — те, которые не хотят иметь с тобой ничего общего и те, что хотят причинить тебе зло — черные шляпы*.

(* черные шляпы (прим. ред.) — имеется ввиду ополчение).

— А внутри городов?

— Много трупов. Большинство выживших, тех, кто умирает сейчас, не хоронят, как обычно, а просто сваливают в кучи.

Меня передернуло от представленной картины:

— Вся остальная местность сгорела, как Стерлинг?

— Нет ничего зеленого, если ты об этом спрашиваешь. Все покрыто пеплом, но не все сожжено. Некоторые места выглядят полосатыми, из-за борозд, оставленных упавшим на землю огнем. C'est. Это жутко

В ответ на мой растерянный взгляд он сказал:

- Один дом стоит, а другой, рядом, сгорел. Ни с того, ни с сего, как будто прошел торнадо. — Он закрыл капот. Вытерев руки о джинсы, он взял свой арбалет и забрался на сиденье, положив его на колени — запрыгивай.

Когда я забралась к нему внутрь, он сказал:

- Вы никогда не доберетесь до Северной Каролины, Эви. Это все равно, что отправится прямо в пасть чудовищу.

— Почему ты так говоришь? Из-за Бэгменов?

Он встретился со мной взглядом.

— Может быть, ты никогда не сможешь узнать. Если хорошо попросишь меня, я возьму тебя в Техас.

Боже, его глаза были по-настоящему завораживающими. Когда я в них смотрела, я

представляла, что было бы, если бы мы с мамой отправились с ним на Запад. Ей он уже очень нравился.

Я заметила еще одну особенность. Голоса были гораздо спокойней, когда он рядом. Я замечала, что они исчезали, когда было много людей вокруг, которые отвлекали меня. Неохотно я признала, что его присутствие рядом может быть не таким уж ужасным.

— С чего бы это ты стал нам помогать?

— Твоя тете, была добра ко мне.

— Должно быть, что-то большее, чем это.

Ранее я сказала маме: «Джексон не останется здесь, без веской причины.» Она мягко улыбнулась мне: «Его "причина"? Она в том, что ты красивая девушка, а он восемнадцатилетний парень.»

Неужели он на самом деле любит меня по-своему?

— У меня свои причины. Это все, что тебе нужно знать на данный момент

— Этого недостаточно. Завтра к этому времени она может быть под присмотром настоящего доктора.

Он колебался, вцепившись пальцами в руль, явно борясь с решением. Щелкнув пальцами по фляжке, он сказал:

- Клотиль пережила Вспышку.

Это было неожиданно.

- Как? — я вручила ему виски, — и если на то пошло, откуда ты знаешь?

Он рассеянно коснулся своего предплечья.

— Мы не могли остановить это кровотечение. Байк не заводился. И Клотиль отвела меня к подпольному доктору в другом районе, в подвале офиса.

По иронии судьбы пьяный мужчина, с которым дрался Джексон, сохранил жизни его и Клотиль.

— После Вспышки, Клотиль и я последовали за другими выжившими из Бейсена, чтобы присоединиться к его компании. Он говорил нам о служении на благо ближних, и всякую другую фигню. Но что еще мы должны были делать? Кроме того, он придумал, как починить машину и мы жаждали оставить пустой район позади. Хотя Клотиль была прекрасным стрелком, резервисты отправили ее на кухню, а меня на поля сражений, охотиться на Бэгменов.

— Ты убивал их?

— Днем мы находили и уничтожали их в укрытиях. Ночью патрулировали, охотясь на живых зараженных. Я убил сотни, — я сузила глаза, но он сказал: — это правда. Если я никогда не увижу другого Бэгмена... С суровым видом он покачал головой и продолжил:

- Клотиль и я имели кров и пищу, поэтому так мы провели несколько месяцев. Так хорошо чувствовать себя занятым, не обращаешь внимание — он посмотрел мимо меня — на некоторые вещи. В любом случае, две недели назад это войско — большая задница, выдвинулось во главе с генералом Миловничи. Нам дали выбор: присоединиться или умереть, лидер моего подразделения, сдался под командование генерала. Я думал, что генерал был странным, но двое его детей оказались во главе списка.

— Как?

— Винсент и Вайолет были близнецами твоего возраста, с пустыми как у мертвой рыбы глазами. Они одевались одинаково, говорили одинаково, и даже имели тату, какого-то готского вида, на руках.

— Мы любим тебя. По-своему. — Я изо всех сил блокировала голоса. Черт возьми, они все время были такими тихими.

— Но что мог знать о политике, такой как я? — сказал Джексон. — Я предполагал, что каждый следующий генерал, так же плох, как и предыдущий. В тот раз я, ничего не подозревая, последовал приказу, и вышел на патрулирование. Когда я вернулся, я перешел в армейский конвой, охранять заключенных. Всех девушек и женщин, каждую из них. Я побежал за Клотиль, но они уже увели ее.

— К генералу?

— Non. И это... *etrange*. (Странно). Близнецы получили ее. — Джексон схватился за руль снова. — Я нашел ее палатку и попытался обезвредить охранников снаружи, их было слишком много, они окружили меня и ударили прикладом в лицо. Когда я очнулся на следующее утро, они тащили меня из помещения для арестованных на расстрел. — Он повернулся ко мне — видишь ли, причина того, что не было заключенных-мужчин, в том, что они казнили всех мужчин, которые были не согласны. Они делали это на глазах у всех, выстраивая их в линию.

— Что случилось потом? — спросила я затаив дыхание.

— Мне подали знак несколько *rodnas*. (Друзей). Они были готовы помочь мне. Когда я боролся с двумя охранниками, державшими меня, я увидел Клотиль, бежавшую из палатки близнецов с пистолетом в руке. Она боролась за свободу. — Его голос понизился, когда он сказал: — но, Эви она была чертовски сильно избита ими за ту ночь. Кровь шла из ее ушей, носа, разбитой губы. Ее левая рука безвольно висела. Ее глаза были... безумны.

Он словно содрогнулся от этих воспоминаний.

— Теперь Клотиль была одна в окружении стражи. В свое время она видела много вещей, но то, что случилось с ней в палатке, шокировало ее.

— По-своему, по-своему...

— Она открыла огонь по двум, державшим меня охранникам. Эти трусы сбежали. Так я оказался свободен, я просто должен был добраться до нее и вытащить из этого ада...

— А потом? — я протянула руку и дотронулась до его предплечья, на котором был роковой шрам.

— Она покачала мне головой, махнула, чтобы я бежал с друзьями. Я ответил ей взглядом, что не сделаю этого и направился к ней. Тогда из палатки медленно вышли близнецы. Она посмотрела через плечо, увидела их, а потом посмотрела мне в глаза. У меня сердце рухнуло, когда я понял, что она готова сделать. Я кричал ей просто подождать, дать мне время добраться до нее. Она...эта дьявольская девочка, сказала губами «прости» — он сглотнул — затем она разбросала свои мозги по земле.

Я забыла дышать. Видеть, как любимый человек покончил с собой?

— Иногда я задаюсь вопросом, что заставило ее сделать это. Чтобы спасти мою никчемную шкуру? Или потому, что она не смогла бы жить после того, что эти двое сделали с ней? — в замешательстве он покачал головой. — Католичка. И лишит себя жизни?

Когда он, наконец, повернулся ко мне, то, казалось, удивился тому, что я была готова заплакать.

— Я не хотел заставлять тебя плакать, — рявкнул он, ему явно становилось неудобно, — я не хотел этого. Я просто не знаю, что еще сделать, чтобы убедить тебя. — Резким тоном он сказал: — Не люблю слезы.

— Я ничего не могу поделать. — Мы сидели в тишине, пока я не взяла под контроль

свои эмоции.

— Почему для тебя так важно убедить меня? Кто я тебе?

Еще один глоток.

- Я встречал разных людей от Канады до Южной Америки. На востоке, на всем пути от горящих полей Калифорнии. И все подтверждают одно — ничего нигде не растет. И нет дождей. Не думаю, что океаны остались.

— Что?

— Испарились после Вспышки. Это произошло и с водоемами побольше, чем реки и озера. Побережье Мексиканского залива представляет собой пустыню. — Пока я переваривала эту ужасающую новость, он сказал: — После смерти Клотиль, я перестал делать вид, что меня там что-то держит.

— Джексон...

— Non, дай мне закончить. Я решил идти на запад, туда, где есть ополченцы, которые смогли бы противостоять генералу. Я хотел застрелить его, его сына и дочь тоже. — Сказал Джексон, и тихая ярость в его голосе тревожила меня. Он говорил об убийстве трех человек так же, как о том, чтобы прихлопнуть трех комаров. — Я знал, что умру, пытаюсь, но это меня не волновало. Так что я решил остановиться на ферме, этой belle fille, (красавицы) с которой я ходил в школу и разрешить последнюю тайну.

— Тайну?

— Угу. Все, что я видел за последние полгода, я видел раньше в твоём альбоме, все это сбылось. Я должен узнать почему.

— Ты и твои загадки. — Сказала я рассеяно. — Как ты думаешь, почему я жива, когда большинство девушек погибли?

— Я знаю. — В ответ на мои поднятые, брови он хрипло сказал: — Я далеко продвинулся, — прежде чем я успела расспросить подробнее, он продолжил: — но я никогда бы не мог угадать, что найду здесь. В глуши в Луизиане такая нежная маленькая девушка скрывает растения в сарае. — Джексон поймал мой взгляд. — Будь я проклят, если генерал наложит на это свои лапы.

— Когда они придут?

— Если завтра будет ясно, первая колонна грузовиков будет к полудню. Почему ты мне не веришь?

— Не имеет значения, верю я или нет. Я не могу передвигаться с мамой! Она испытывает страшные боли, когда просто встает с постели, как я буду спускать ее вниз по лестнице? Я могу убить ее! — Стараясь сохранить тон ровным, я спросила: — Если бы это была твоя мама?

Я просто предположила, что она умерла пока Клотиль и Джексон были у врача...

Он замер рядом со мной.

- Не хочу говорить о ней. — Он мог говорить о том ужасе, что случился с Клотиль, но не о том, что случилось с его матерью? Может ее судьба была еще хуже?

— Хорошо. Я не буду больше говорить об этом.

— Что если я пообещаю найти в Техасе врача для твоей мамы?

Если бы кто-то сказал мне вчера, что я буду рассматривать эту возможность — доверять жизнь моей матери Джексону Дево, я бы посмеялась.

— Я могу подумать об этом до утра?

— Зачем?

Он поделился своим мучительным рассказом со мной. По крайней мере, я могла честно рассказать ему о своих колебаниях.

— Я не привыкла к принятию таких решений, как это, призналась я, мама заботилась обо всех трудных ситуациях первые девяносто пять процентов моей жизни. Я могу ошибиться, но видит Бог, я не могу себе позволить оплошность. Ничто не значит для меня больше, чем она. Ничто.

— Эви...

— Ее состояние может улучшиться, теперь, когда она начала есть нормальную еду.

Он выдохнул сдерживаемый воздух, но мускул на щеке снова задергался.

— Мы поговорим утром. Рано. До тех пор я буду заполнять машину припасами, готовясь к быстрому отъезду.

— Какими припасами?

— Я доверху заполню каждый контейнер, который смогу найти топливом или водой. Так же попытаюсь найти оружие и некоторые инструменты. Лучше быть готовым. На всякий случай. — Добавил он, но я знала, что он не сомневается в том, что мы уйдем.

— Ты уверен, что починил машину-то?

Он кивнул.

- Теперь, что мы будем делать с растениями?

Я посмотрела вдаль.

— Делать? Мы?

— Когда армия их найдет, генерал захочет узнать все о них. Если ты будешь здесь, он отдаст тебя близнецам для пыток, пока ты не расскажешь все. Если тебя здесь не будет, он пошлет за тобой ищек. Так или иначе, он получит ответ. Так ты хочешь, чтобы он что-нибудь нашел?

Боже мой, нет! Если этот человек такой, как рассказал Джексон он бы, вероятно, пускал мне кровь каждый день. Я вздрогнула.

— Эванджелин, к черту это, расскажи мне обо всем, и я помогу тебе. Как ты это делаешь? Вуду? Магия? Правительственный эксперимент? — когда я продолжила молчать, он прохрипел: — после всего, что я рассказал тебе? — он издал звук разочарования. — Тогда, по крайней мере, ответь мне на такой вопрос: если я упакую коробку с семенами из вашей кладовой, смогут эти растения взойти?

Могла ли я дать ему честный ответ? Я в волнении закусил нижнюю губу. Мама думала, что мы можем ему доверять. Сделай шаг ему на встречу, Эви. Мы в нем нуждаемся. Так почему же я до сих пор так сильно ему не доверяла? Это из-за нашей истории, или потому что он сильно отличается от людей, с которыми я выросла?

- Ты сам сказал, что ты в тысячу раз хуже, чем о тебе говорят. Ты хотел поцеловать меня, чтобы отвлечь, пока твои друзья воровали мои вещи. Как я могу доверять тебе?

Он бросил на меня взгляд.

- Ты думаешь это единственная причина, по которой я хотел поцеловать тебя? Тогда ты не много знаешь о парнях. В ту ночь, я хотел затащить тебя в постель так быстро, что у тебя закружилась бы голова. — Еще глоток.

Мое дыхание участилось.

- К-как я уже сказала раньше, я дам ответ утром. Хотя это спорный вопрос. — Он поднял брови, и я сказала: — это предполагает, что ты починил наш автомобиль.

— Он отремонтирован, реекон.

Я затаила дыхание, когда он потянулся к кнопке зажигания. Когда двигатель заревел в тишине ночи, я снова посмотрела на окно маминной комнаты. Я представила ее укрытую одеялом, в своей постели, она собирается дремать, и мечтательно улыбается при этом звуке.

ДЕНЬ 221 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА.

Я проснулась на рассвете бодрой... Слишком бодрой, чтобы испытывать похмелье, хотя мы с Джексоном сидя в машине, передавали его фляжку от одного к другому. Он считал, что электроника, которая избежала прямого удара Вспышки, не изжарилась "также как люди". Он был прав и насчет моего iPod. Но когда он снова задал вопрос о растениях, я тихо поблагодарила его за ужин и пошла спать...

Теперь я проскользнула к окну, глядя на утро и ревущую пыльную бурю. Что означало — визит ополчения откладывается, а я могла бы провести с Джексоном некоторое время. Может быть, маме стало лучше, настолько, что можно ее увезти. Я налила воду из кувшина в свою, заткнутую пробкой раковину, спешно почистила зубы и причесала волосы. Натянув джинсы, толстовку и обычный платок на шею, я вышла из своей комнаты. В коридоре, я замедлила шаг. Джексон сидел на верхней ступеньке лестницы, открывая флягу. Не было похоже на то, что он спал, его арбалет до сих пор был перекинут через спину, а бандана вымазана сажей. Я нахмурилась, когда он закрыл фляжку, так и не отпив. Он просто смотрел на нее, держа в руках. Тревога поселилась во мне, как будто я была животным, предчувствовавшим шторм. Предчувствие. Опасность приближается.

— Эванджелин, твоя маме's ушла.

Я сузила глаза.

— Оставь кретинам вроде тебя такие шутки.

— Она умерла ночью.

Несмотря на то, что у меня было чувство, будто грудь сдавили тиски, я проскрежетала:

— Это не смешно! Боже, ты не изменился!

— Она умерла, — пробормотал он снова.

— Нет! — страх рос, пока я изучала его усталое лицо. — Ты лжешь. — Я указала пальцем на него. — Нет!

Он просто смотрел на меня. Мир начал вращаться, когда я выскочила в коридор. Сжимая дверной косяк у ее комнаты, я заглянула внутрь. Один взгляд и я поняла, что она ушла. Ее лицо было по-настоящему спокойным. Впервые после Вспышки. Жалкий звук слетел с моих губ. Ее больше нет. Моей мамы... Больше нет. В оцепенении я подошла ближе к кровати, понимая, что она сжимала фотографию в мертвой белой руке. Я помнила эту фотографию. На ней она, я и бабушка на фоне Хейвена на Пасху. Я стояла между ними, гордо демонстрируя полную корзину яиц. Цветы ослепительно яркие азалии. В воздухе пахло молодым тростником, гардениями и далеким приливом. А сейчас, как и тысячу раз прежде, я сидела рядом с мамой на ее кровати и говорила:

- Ты не сделаешь этого — я с трудом узнавала свой голос — ты не оставишь меня одну в такой момент.

Когда она не ответила, рыдания вырвались на свободу. Я рухнула на нее, прислонившись лицом к ее груди. Тишина. Покой. Слезы лились, впитываясь в ворот ночной рубашки.

— Мама, вернись — прошептала я, молясь о том, чтобы почувствовать биение жизни

или дыхание.

Покой.

— Мы должны уходить. — Сказал Джексон за моей спиной.

Оставить маму?

— Эви, нет никаких причин здесь оставаться.

Я неуверенно поднялась, фокусируя на нем помутневший от слез взор:

- Ей становилось лучше. А потом появляешься ты, и хочешь, чтобы мы ушли. — Вытирая глаза, я спросила: — что ты сделал с ней?

Он ничего не сказал, выражение его лица было непроницаемым.

— Что ты сделал? — я налетела на него, стуча кулаками по его груди.

— Я ничего не делал! — он просто стоял, позволяя мне бить его — я пришел утром и она была такой. — Наконец он поймал мои запястья — у нее была внутренняя травма.

Мы подозревали подобное, но...

— Откуда ты можешь знать?

— Ты думаешь, меня недостаточно пинали по ребрам, чтобы я знал о внутренних повреждениях? И это не я полз в больницу в воскресенье утром?

— Н-но она выздоравливала... А теперь...теперь она... м-мертва! — я прорыдала это слово.

— Она умирала в течение нескольких дней. И она это знала! Она взяла с меня обещание прошлой ночью.

Какая-то отдаленная, рациональная часть моего сознания знала, что он прав. Ее травмы были хуже некуда. Я вспомнила кое-что, ее вопросы. Она так старалась, чтобы я понравилась Джексону, чтобы он заботился обо мне. И она взяла обещание с меня. Потому что она знала, что ее время истекает.

Не найдя виновного, мой гнев оставил меня. Мои ноги подкосились и я упала на пол. Джексон просто...установился на меня, как будто никогда не видел горя. Вместо того, чтобы утешить меня, он сказал:

- Ты уходишь со мной в ближайшие десять минут.

Затем подошел к шкафу с ювелирными изделиями мамы и начал набивать ими карманы. Моя мама лежит мертвая, а он роется в ее вещах!

- Что с тобой такое? — плакала я — прояви хоть какое-то уважение!

Он повернулся ко мне и поднял меня на ноги.

- Я и собираюсь. Сохранив задницу ее дочери. Мне нужны вещи для торговли. Просто позволь мне быть плохим парнем, который заберет оружие и драгоценности мертвой женщины, договорились? Я запачкаю руки, тебе не придется. — Он потащил меня в мою комнату, оглядывая пространство — Черт, Эви! Почему ты не собралась?

Я собиралась упаковывать свои вещи, но не мамины, я не хотела ее будить. Была ли она уже мертва? Он распахнул мой шкаф, вытащил чемодан.

— Складывай одежду сюда. Быстро!

— Я н-не могу оставить маму так! Мы должны п-похоронить ее.

Он нахмурился, как будто я сказала что-то абсурдное. Затем он пошел забрал драгоценности, фамильные реликвии, броши и жемчуга.

- Есть еще что-нибудь ценное в этом доме?

Замешательство.

— Я-я не...

— Золото, механические часы, любое оружие, которое я не видел прошлой ночью?

Я могла только смотреть на него. Проклиная меня на французском он выдернул ящик с одеждой, выбросил его содержимое в чемодан, взялся за другой ящик. Не говоря ни слова, я наблюдала как он заполняет мой чемодан, а потом закрывает его. С чемоданом в одной руке, держа меня за плечо другой, он начал спускаться по лестнице. Но он не понял. Я никогда не оставлю маму так.

— Помоги мне с ней, Джексон.

— У нас нет на нее времени. У меня есть другие вещи о которых нужно позаботиться.

— Пожалуйста, Джек.

— Эти люди идут. Как только ветры утихнут, ты услышишь выстрелы разведчиков в воздухе, а затем и вся проклятая армия начнет продвигаться вперед. Они схватят тебя, и будь я проклят, если позволю им сделать это.

У подножия лестницы я начала бороться с ним.

— Я не оставлю ее так! Особенно, если они такое зло, как ты говоришь.

Его взгляд метнулся в мою сторону.

— Ты пойдешь со мной, если я похороню ее?

Когда я кивнула, он надвинул бандану на рот и нос, дернул задвижку парадной двери и погрузился в бурю. Когда он побежал к сараю, я молча последовала за ним, закрывая лицо платком. Он вышел с лопатой, и я подумала, что он будет копать прямо там, но он нашел место под ветряной мельницей, где когда-то был бабушкин розарий. Сняв арбалет, он воткнул лопату в землю. Пепел взметнулся и закружился на ветру. Копая все глубже, он ругал меня на французском, говорил, что от меня больше проблем, чем пользы, что у нас нет такой роскоши — хоронить близких, и если я не буду сильной, я не выживу. Чувствуя себя, как в те последние дни в школе, я опустила вниз, рассеяно кивая, пока он проклинал меня и копал. Вскоре его лоб покрылся бисеринками пота, стекавшего по мокрой ткани на его лице. Как я и предполагала, его руки покрылись волдырями от вымазанной песком ручки лопаты. Он изменил хват. Кровавые отпечатки его ладоней украсили дерево. Если появятся новые волдыри?

— Это самое глупое действие, которое я когда-либо делал. — Он казался злым, оттого, что я его заставила сделать. Он ускорил темп, пока кровь свободно стекала на ручку. Однако затем...ветер утих. Пепел оседал на нас как снег. Мы оба прищурились. Постепенно небо становилось синим. Вымученная улыбка. У нас не было времени. Те люди скоро придут.

Выстрелы раздались вдалеке, потом снова и снова.

— Putain!. Черт! — Джексон сорвал бандану. — Они идут.

— Насколько они далеко?

— Мы должны были уйти уже давно. Эви, я не могу сделать этого для твоей матери. — Он замолчал, а потом отчеканил: — черт возьми, я не могу сделать это для нее!

Потому, как он действовал можно было подумать, что он никогда в своей жизни этого не делал.

— Она бы не хотела, чтобы ты осталась.

— Я-я знаю. — У нас не было выбора, кроме как оставить ее.

Шум выстрелов прекратился, за ними последовали шумные крики. Звук был похож на парад грузовиков на нашем пути. Я вздрогнула, когда услышала крик женщины и за ним смех мужчины. В этот момент я поняла, что все, что Джексон говорил мне, было правдой.

- Они действительно такие плохие, как ты говорил?

Быстрый кивок.

Я подумала о бедной Клотилье. Я думала обо всех девушках, которые в опасности из-за этой армии. И я знала, что я сделаю.

— Я вернусь!

— Нет! Ты не можешь! — увидев выражение моего лица он показал два окровавленных пальца — две минуты, Эви.

Я пробралась к дому, поднялась по лестнице. В своей комнате я собрала в рюкзак мою флэшку с воспоминаниями, и ожерелье, которое Брэндон подарил мне. По какой-то причине Джексон его пропустил. Выходя, я окинула взглядом комнату, посмотрела на мои награды и картины, запечатлев их в памяти. В маминной комнате, я присела с ней рядом в последний раз. Я забрала фото, которое она держала, затем взяла ее за руку, проводя ею по щеке, по моим слезам.

- Я клянусь тебе, я-я доберусь до бабушки. Я выясню, почему все пошло не так. И я сделаю все, что смогу, чтобы это исправить. — Шепотом — я люблю тебя, мама.

Я поцеловала ее на прощанье, прижав губы ко лбу. Оставить ее, было самой трудной вещью, которую я когда-либо делала. В этот момент я знала, что сделаю кое-что похуже.

Джексон встретил меня в дверях с опасным блеском в глазах и протянул раненую ладонь. Я почувствовала запах бензина, услышала как Аллегра рысью удалялась от сарая с поражающей нервозностью. В этот момент я почувствовала себя как в сказке, как будто душа вырвалась из тела. Моя голова была как в тумане.

— Они не должны увидеть те растения, Эви. Они придут за тобой, будут тебя выслеживать. Они не остановятся. Растения должны сгореть, даже если они последние на этой земле.

— Ты полил бензином...все? — я смотрела на его лицо, на его поражающе свирепые серые глаза.

Он кивнул.

— Это мой дом, Джексон. Единственный, который я когда-либо знала, у него была многовековая история, мечты, потери и надежды — я не оставлю это так.

Он обхватил мой затылок, так что мы соприкоснулись лбами.

— Я знаю, что это твой дом, ange, (ангел) но послушай...

— Нет, это ты послушай! — мой голос стал низким, мои слова превратились в шипение. Я отстранилась от него. — Они не получают его.

Я не хочу, чтобы это вековое здание запятнали эти убийцы, не хочу чтобы они увидели мою мать такой уязвимой. Они не прикоснутся к нашим владениям и не будут насиловать женщин в моей постели. Я не могла позволить Хейвену стать жильем для этой армии, помогая таким образом этой силе стать еще более мощной, чем она уже была. Я уже планировала сжечь мой дом, вместе с мамой. Джексон просто на шаг опередил меня.

— Сейчас. Дай мне зажигалку.

Его глаза расширились, затем сузились глядя на меня. Он смотрел так, как будто мы наконец перелистнули предыдущую страницу истории наших взаимоотношений. Когда он передал мне ее, он пробормотал:

- Ma bonne fille. (Моя хорошая девочка)

Я щелкнула зажигалкой и пламя заплясало. Он взял мою свободную руку в свою, готовясь бежать. Мое сердце с грохотом билось в ушах, и кровь бежала по моим венам. Я прошептала:

- Джексон, я могу заставить их расти снова.
И бросила зажигалку.

Убравшись подальше от выстрелов и разведчиков ополчения, Джексон остановил машину на самой высокой точке дамбы. Я вышла, прикрывая глаза от солнца. С этой точки я могла видеть дым, поднимавшийся от Хейвена. Похоронный костер моей матери. Джексон пробормотал у меня за спиной:

- Она в лучшем месте.

И это все, что он сказал по этому поводу. В этом я была полностью с ним согласна. Когда я посмотрела на бескрайний горизонт, на забитые пеплом болота, которые раньше были текущими протоками, на закопченные равнины, где раньше были зеленые поля, на сердитое пламя, поднимавшееся от Хейвена, я поняла, что должна быть здесь.

— Императрица в игре. — Я очнулась от голосов, шепчущих эту фразу снова и снова. Но теперь эти существа говорили по-другому, более тревожно, может даже менее самодовольно?

Моргнув, я открыла опухшие глаза, не понимая где я. Наступили сумерки и дул ветер, и Джексон припарковался просто... на верфи?

— Где мы? — я правда проспала весь день?

— Не так далеко, как хотелось бы. Еще в Луизиане.

— Почему мы на верфи? — той, что была на берегу высохшей протоки.

— Люди бросили ограбленные корабли в доках. Здесь мы проведем ночь. — Выйдя из машины он приготовил арбалет. Он знал, как с ним обращаться, для него это было так же привычно, как мне когда-то кувыркаться колесом. Интересно, кто научил его стрелять? Necessite? Нужда?

Прежде чем я успела отстегнуть ремень безопасности и выбраться, он был у моей двери:

- Следуй за мной, словно тень. — Приказал он.

Хотя меня рассердил его тон, я последовала за ним, когда он зашагал вглубь двора.

— Мне нравится одна, вон там. — Он указал на огромную лодку для ловли креветок, стоящую на подъемнике для ремонта, со вздувшейся краской.

— Что в ней особенного?

— Здесь есть лестница, чтобы забраться внутрь и она же единственный путь наружу. Безопасная. Судя по тому, что судно дорогое, в камбузе много консервов.

Через несколько минут мы нашли лестницу и поднялись на корабль. Он схватил меня за руку, втащив на борт, а затем втащил за нами лестницу. Как только мы поднялись на палубу, старые панцири креветок, крабов и устричные раковины захрустели под нашими ботинками, но звук, кажется, понравился Джексону. Внутри была вместительная капитанская каюта и три маленькие каюты с уже готовыми койками. По крайней мере, мы не должны спать в одной комнате.

Обшарив каждый дюйм судна, мы вернулись на камбуз. Джексон, обыскав его, остался доволен добычей: банки с супом, не открытые коробки с печеньем, упаковки бутилированной воды, мешки с вяленным мясом и бутылка рома "Капитан Морган".

— Знаешь, это первая отличная новость, за последнее время... У меня чутье на такие вещи. Теперь, не пойми меня не правильно, нет места, на сто процентов безопасного. Ты всегда должна быть настороже. Я издала звук в знак согласия.

— Я уверен, что это — путешествия, сон на корабле — не то, чем ты когда-либо занималась, но ты привыкнешь.

Последний корабль на котором я была, был корабль Рэдклиффов, семи-звездочная яхта, названная в честь Билейбл Хорс*.

(*прим. редактора — Билейбл Хорс (Billable Hours) — серия комедий, показанная в Канаде на телеканале Showcase. Сюжет построен вокруг истории о трех молодых юристах, которые в промышленном районе Торонто пытаются соотнести свои ожидания с реалиями построения карьеры).

Когда из кухонного крана, как ни странно, потекла вода, Джексон объяснил:

— Из бака. Ее нельзя пить, но ты можешь принять душ.

— Душ? — я вскинулась.

— Ouais. Да. Открой пару банок для нас, а я приготовлю твою постель.

В изумлении, я внимательно разглядывала нашу добычу, гадая, что он любит. Там было около дюжины банок супа. Непредвиденная трудность. Но по опыту я знала, что нуждалась в около 15 сотнях калорий в день для поддержания веса. Я выбрала банку с мясным бульоном и овощами, морщась при подсчете калорий. Две сотни. Я могла только представить себе, сколько нужно такому парню, как Джексон. Он мог бы съесть все это, а также все припасы из Хейвена за неделю.

Когда он вернулся, положив мой чемодан на большой матрас из пены в каюте, я порезалась об обод, вскрывая банку.

— Девочка, — он схватил меня за руку, — у тебя идет кровь.

— Все нормально!

— Дай я посмотрю, — он поднял мой палец и взял его в рот, словно я была маленьким ребенком. Я отдернула руку назад, разворачиваясь к каюте.

Он проворчал:

- Черт, Еви, как хочешь, — затем громче сказал, — помни, не пить. И оставь немного воды мне.

Джек повесил небольшой фонарик в ванной, так что я смогла отыскать в аптечке пластырь, чтобы скрыть свое исцеление. Я нашла один среди баночки аспирина, упаковки No-Doz*, и древней, на вид, упаковки презервативов.

(*прим. ред. No-Doz — наиболее сильный аналог психостимулятора ЦНС).

Я сняла с себя грязную одежду и вошла в тесную кабинку из стекловолокна. Возле слива стояли маленькая бутылочка с шампунем и кусочек мыла «Ирландская весна». Под тонкой струей теплой воды, я старалась мыться как можно быстрее. Но я была вся покрыта пеплом и пропахла сажей. Потому что Хейвен сгорел дотла сегодня. Неужели это было несколько часов назад? Как будто бы прошла неделя. Моя мама умерла сегодня. Я прижалась лицом к стене кабинке, пытаюсь не заплакать. Боялась, что если начну, то уже не остановлюсь... Душ начал исчезать, черное пятно расплывалось перед моими глазами.

- Нет, нет, нет! Не снова! — шептала я безнадежно, сжимая виски ладонями, пытаюсь заглушить возрастающую головную боль. Кровь потекла из носа, капая на бутылку с шампунем. Я, не отрываясь, смотрела вниз на большие алые капли. Кап, кап, кап...

— Они знают, Императрица, — сообщил Мэтью.

Я снова прижалась к прозрачному пластику кабинки. Он здесь! В ванной со мной. Я повернулась к нему спиной, оглядываясь через плечо. Но он не проявлял никакого интереса к моей наготе.

— Императрица в игре, — добавил он, — Арканы почувствовали это как какие-то возмущения в Силе.

— Звездные войны, Мэтью? Ты серьезно?

— Ты — цель. «Взять ее, пока она не стала слишком сильной», шептали плохие карты. Ты говорила так громко, что они подумали, будто ты хочешь заманить их на ферму. — Он постучал по виску. — Остерегайся приманок.

Его слова вызвали во мне воспоминания о последнем дне с бабушкой:

- Я ненавижу принимать тебя у себя дома дорогая. — Сказала она мне, вытаскивая куртку — ведь только самые смелые — или самые глупые — Арканы могут войти в Хейвен, дом великой Императрицы...

— Я говорила слишком громко? Что это значит? — я не только слышала голоса, но и сама передавала им информацию?

Мэтью нахмурился:

— Не так громко. Они будут снова говорить громче, провоцируя тебя.

— Голоса принадлежат тем существам, которых я видела, так? Лучница, летающий мальчик, Смерть.

Он кивнул:

— Major Arcana. Главные Арканы.

Козырные карты Таро.

— Как могут их голоса быть у меня в голове? Я какая-то ясновидящая?

— Яснослышащая. У всех Арканов есть голос. Как у птиц. Я сумасшедший как лиса.

Чтобы ни было, малыш.

- Как они слышат то, что я говорю? Как мне говорить так, чтоб они не слышали?

Покровительственным тоном он ответил:

- Внутренним голосом, Эви.

Я сжала лоб, раздражаясь из-за двойного смысла фразы, которая ничего для меня не прояснила.

— Почему они хотят спровоцировать меня? Что я им сделала?

— Ты — Аркан.

— Я-я не понимаю. И я... я не могу больше делать всю эту «арканскую» фигню!

— Я буду продолжать посылать тебе видения, — он коснулся носа, бормоча — бестолочь, бестолочь, бестолочь. Ты должна научиться.

— Посылать мне? Ты хочешь сказать, что ты не видение?

— Я посылаю тебе видения.

— И может быть я обманываюсь, и я сейчас воображаю разговор с тобой. Может быть, ты даже не настоящий!

Он закатил глаза:

- Неет. Я посылаю тебе видения. Не твоя сила Аркана. А моя, моя, моя.

Так что, теперь я даже не экстрасенс?

- У всех Арканов есть сила?

— Огромная. Сверхчеловеческая.

Мои глаза сузились, когда возникло подозрение:

— Ты посылаешь мне и кошмары тоже? Это уже слишком!

— Никогда кошмары! Императрица, мы отстаем. Найди меня.

Его я планировала искать в последнюю очередь:

— Но я должна добраться до бабушки. Где тебя искать?

— Найди меня раньше, чем Смерть найдет тебя.

— Или что?

Он повернулся с таким выражением, как будто это было очевидно.

- Или он... коснется тебя. Своей силой. Ты карта, которую Смерть жаждет получить.

Я вздрогнула, вспомнив Жнеца, нависавшего надо мной, тянувшегося ко мне своими бесплотными руками.

- Почему он жаждет меня? Я не понимаю. — Но Мэтью уже исчез.

И вся вода закончилась.

— Черт! — Джексон просил меня экономить суп и воду. Я не смогла выполнить даже такие простые задачи.

Испытывая чувство вины, я вернулась в каюту. Его рюкзак лежал на кровати рядом с моим чемоданом. Конечно же, он не ожидает, что мы останемся в одной комнате? Я только закончила переодеваться, когда он вошел в каюту без стука, с чашками супа в поднятых руках. Его взгляд скользил по мне, по майке и юбке, которые я носила в тренажерном зале. Его одежда оставляла желать лучшего.

Мой гардероб теперь состоял в общей сложности из пары джинсов, толстовки, десятка лент для волос, нижнего белья, в количестве большем, чем я могла бы сносить за свою жизнь, едва ли нужных мне бюстгалтеров, одежды для тренировки и двух носков из разных пар. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Рано, Джексон, слишком рано.

Отдав мне на удивление теплую кружку, он сел за встроенный стол, и начал пить из своей. Я почувствовала укол совести, увидев, что ему пришлось обернуть раненые руки полосками ткани. Он был покрыт песком и пеплом после копания. Он так старался, чтобы помочь мне с мамой...

— Хороший момент, чтобы поговорить о том, что мы будем делать в ближайшие дни. — Сказал он.

Я опустилась на край койки напротив него.

— Давай.

— Я в конечном итоге выполнил... обещание, данное твоей матери. Оно довольно расплывчато, поэтому я чувствую, что смогу выкрутиться и не попасть за это в ад. Меня больше беспокоит, давала ли ты обещание ей.

— Да.

Он чертыхнулся.

— Наверное, отправиться к бабушке?

— Да, это.

— Позволь мне обрисовать тебе картину, реекон. Между нами и Северной Каролиной Бэгмены, отряды ополчения, культы, посвященные концу света, которые чувствуют себя могущественными праведниками в такие дни. Работоторговцы контролируют города...

— Работоторговцы существуют? — мы слышали слухи, но...

— Ouais. Они стоняют людей рыть колодцы, как рабов в золотые шахты. — На мой озадаченный взгляд он сказал: — если бы они поймали кого-то вроде меня, они заковали бы его в цепи и опустили в заполненный пеплом карьер или засунули бы его в шахту, и не выпустили бы, пока он не пробил породу над грунтовыми водами. Конечно, если бы они захватили тебя... было бы по-другому. Также и с каннибалами.

— К-каннибалы? — снова шепотом.

Когда он кивнул, я попыталась представить себе, как выглядят современные американские каннибалы. Я представляла их, носящими части тел, нанизанные как ожерелье. Может они собираются в кровожадные стаи... Не смотря на эти опасности, а также страх пробиравший до костей, я сказала:

- Я отправляюсь на Внешние отмели* завтра.

(*прим. ред. Внешние отмели (англ. Outer Banks) — 320-километровая полоса узких песчаных барьерных островов побережья Северной Каролины, начинающихся у юго-восточного края Вирджиния-Бич — восточного побережья США. Они занимают около половины всей береговой линии Северной Каролины, и отделяют лагуны Кёритак, Албемарл и Памлико от Атлантического океана).

— У тебя не много навыков, но, кажется, упрямство ты освоила. Существует ли способ отговорить тебя?

— Без вариантов. — У меня не было выбора. Помимо обещания маме я должна разгадать загадку Арканов. Потому что это никогда не закончится само собой. — Если ты собираешься отправиться в Техас, я подвезу тебя, пока ты не найдешь другую машину, которую можно починить.

— Ты держишь меня в мини-тюрьме. — Застряли в плохой ситуации. — Если я позволю тебе уйти самой, ты все равно, что мертва. — Я открыла рот, чтобы возразить, но он перебил меня, сказав: — ой, перестань, ты не сможешь себя защитить.

Однажды смогла. Раньше у меня на каждом шагу были солдаты, наблюдавшие за мной. Я посмотрела на свою кружку, вспоминая мой тростник, и доблестные дубы. Погибшие навсегда.

Как и моя мама.

— Посмотри на меня, Эви. Ты уверена, что хочешь идти по этому пути?

— Да. — И я была уверена, что будет лучше если я буду делать это с ним вместе. — Ты... ты поможешь мне?

— Mais. Да. — Сказал он снисходительно — я отведу тебя туда. Но у меня есть условия.

— Конечно, у тебя они есть.

— Ты расскажешь мне свои тайны. Я должен знать, как ты вырастила те растения. Мне надо знать, как ты можешь сделать это снова.

Может поощрить его?

- Я расскажу тебе все, что хочешь знать, как только мы доберемся до бабушки.

Он колебался, прежде чем ответить.

- D'accord. (Согласен)

Мое облегчение имело оттенок подозрительности:

- Я тебе не нравлюсь. Мы никогда не были друзьями.

Он этого не отрицал.

— Мы могли бы и дальше оставаться такими же чужими, Джексон. Тем не менее, ты готов путешествовать со мной, рискуя жизнью?

— Чужими? Это относительно, не так ли? Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо из живущих. И я знаю тебя лучше других, за исключением твоей бабушки.

Потому что мама ушла.

— Черт, Эви, никого не осталось кроме тебя. Никто не говорит на кайджанском, никто не помнит протоку, ее запах, или какое было солнце...

— Запах мха и игл хвойного кипариса?

— Exactly. Точно.

— Тогда мы пришли к согласию.

С непроницаемым выражением лица он сказал:

- Vien. Хорошо. Итак, у нас есть два пути, по которым мы можем идти. Юго-восточная армия переместилась из Северной Каролины в Луизиану и мы можем пойти по их следу, направляясь вверх через Атланту. Основные дороги будут менее разрушены и там будет меньше Бэгменов. С другой стороны, войска подчистили местные заправки и магазины. У нас большой запас воды из Хейвена, если будем экономными, но топливо и продовольствие будут редко попадаться. И все источники выжжены дневным светом.

Это звучало, мягко говоря, не идеально.

— Какой второй путь?

— Мы могли бы отправиться на север, через Теннесси, затем срезать на востоке. Мы не пойдем по их следам, но рискуем наткнуться на Бэгменов и плюс заблокированные дороги.

Я была удивлена и впечатлена тем, насколько он осведомлен.

— Что ты предлагаешь?

— Первый вариант. Поездка займет больше времени и придется экономить, но я думаю это более безопасно.

Больше времени? Теперь, когда я была на пути к бабушке, нетерпение сжигало меня.

— Сколько времени это займет?

— Я ехал весь день и мы проехали всего несколько миль через бурю. Видимость была около

пяти футов. Путь туда может занять несколько недель.

Мои губы приоткрылись:

— Мы будем каждый день останавливаться до сумерек? Ветры могут дуть всю ночь, я могла бы сменять тебя и вести машину.

— Бэгмены бродят по ночам, поэтому будем.

— Если мы находимся в машине, они не смогут поймать нас.

— Если бы я был один... но с тобой... — Он потер перевязанной рукой рот, выглядя так, будто только что понял, какую ответственность взвалил на себя. Ответственность за другого человека. — Ты ведь даже никогда не видела Бэгменов? Кроме своих видений?

Я поколебалась, затем покачала головой.

— Когда мы на них охотились, мы выходили группами по десять человек, обученные и вооруженные до зубов. А ты и я? Мы не можем подвергать себя риску встретиться с ними. Особенно в такой численности. Если что-то со мной случится в дороге, что ты будешь делать? Не может быть и речи.

— Мне удалось выжить после Вспышки и без тебя.

— Ты была укрыта, с пищей и водой, в надежном убежище. А здесь бедлам. Люди потеряли разум.

— Мне трудно поверить, что все хорошее, так быстро отбросили за ненадобностью. — Порядочность, мораль. — Прошло всего семь месяцев. Люди не могли стать каннибалами так быстро.

— Здесь-нет-еды, Эви. — Он встал, доставая фляжку из кармана. — Даже при таком маленьком количестве выживших людей продуктовые магазины были разграблены в считанные дни. Нет растений и вряд ли есть животные. Полгода достаточно для создания новой пищевой цепи, которая вступит в игру.

Я сжала виски

— Пищевая цепь?

— Сильные, такие как ополченцы или армия, получили все запасы и продовольствие. Они на самом верху. Чуть менее сильными являются каннибалы. В нижней части голодающие и слабые. Не повезло и попал в слабые? Значит ты чей-то ужин. — Он сделал большой глоток, не переставая смотреть мне в глаза. — Итак, подумай о жестокой реальности, если хочешь отправиться со мной завтра реекон.

Я пыталась поспать на тихом корабле. В Хейвен Хаусе всегда — было всегда — очень шумно. Я никогда не услышу его скрип и треск снова. Никогда не услышу мешающий спать шепот тростника. Никогда не услышу стук маминых каблучков по мраморному полу. Даже голоса были тихими, как будто хотели чтобы я испытала свое горе в полном мучительном объеме. Или, возможно они были тихими потому что Джексон был в fuite от меня, свалился спать на столе. Он сказал, что в дороге мы всегда будем оставаться в одной и той же комнате, опять же "нет места на сто процентов безопасного". Его арбалет был наготове. Я чувствовала себя одновременно неловко и защищенно вместе с ним в одной комнате. Лежа на слишком мягкой пенной кровати в слишком тихой каюте, я заново переживала день. Три воспоминания отпечатались в моем сознании и я знала, что никогда их не забуду.

Полный гордости взгляд Джексона, которым он посмотрел на меня, когда я бросила зажигалку, чтобы сжечь свой дом и кремировать мать. Ощущение его покрытой волдырями ладони, когда мы бежали рука об руку от огня. Какой мирной выглядела мама, когда умерла.

Слезы накапливались и проливались, их было не остановить. Я представляла себе ее последние мысли, вспомнила ее, сжимающую ту фотографию. Знала ли она, что это ее последняя в жизни ночь? Почему я не осталась с ней? Если она не умерла во сне, то я должна была сидеть там и держать ее за руку, смотреть на нее... смотреть до конца. Ворочаясь на своей стороне, я плакала, пытаюсь не шуметь.

Джексон внезапно резко сел:

- Тебе нужно перестать плакать.

Я продолжала.

С крепким ругательством, он процедил:

- Out. Не здесь, это не комната для плача. Ты слишком мягкая, Эванджелин.

Да, Джексон только-только начал понимать, насколько тяжелую ответственность он взял на себя сегодня, и сейчас реальность брала свое. Я села, резко проводя рукой по лицу:

- Я н-не могу остановиться.

Рано или поздно, он устанет от меня.

— Твоя теге умерла в благости. Чего большего ты можешь хотеть для нее? Я только мечтаю уйти так спокойно.

Я заплакала еще сильнее.

— Дерьмо, Еви! — он нахмурился и поджал губы, — черт возьми. Плач сколько влезет, но я не должен наблюдать все это! — рывком подняв свой арбалет, он вылетел из каюты, хлопнув дверью.

Я смотрела ему вслед, несчастная, слушая, как он ходит по кораблю. Но так же внезапно, он вернулся к каюте. Я слышала, как он скользнул вниз, усаживаясь под дверью. Он резко выдохнул.

Я продолжала плакать; он резко поднялся.

Мне казалось, что прошли часы, прежде чем он резко открыл дверь:

— Ты знаешь, что такое ПСРО?

Я молча покачала головой.

— Периметр системы раннего оповещения. Это способ услышать врага, что подкрадывается к тебе. Например, хруст ракушек на палубе.

— И-и? — слезы струились вниз по моему лицу.

Но он не смотрел на меня, только начал вышагивать снова.

- Ты можешь разбить лампочки за своей дверью, любое стекло. Скрипучая лестница работает также хорошо. Это одна из причин, по которым я всегда пытаюсь доезжать до двухэтажных домов. Когда я буду вести машину, ты должна высматривать место для нас на каждый ночлег, и иметь это в виду.

Я осторожно кивнула.

— Сейчас Бэгмены способны учуять воду за милю отсюда, поэтому они стекаются к...

— Тогда п-почему мы на верфи?

— Закрытый корабль слишком хорош, чтобы пропустить его. Бэгмены как бешеные волки — они могут охотиться, но они не могут понять, как пользоваться лестницей. Кроме того, у каждого ночлега есть недостаток. Любой дом с открытой дверью? Будет чудом, если Бэгмены, не заняли это место первыми, как мокасины, в твоём багажнике. Общественные здания? Ты не сможешь плюнуть там, чтобы не попасть в пожарный выход. Пожарный выход равнозначен атаке Бэгменов.

— Т-ты много знаешь.

— Да, Эви — сказал он, как ни в чём не бывало. — Я знаю, что царапины Бэгменов не заразны, но их слюна или кровь, попав в твою собственную, обратят тебя меньше чем за два дня. Я знаю, что единственный способ убить их — обезглавить или выстрелить в голову. Я видел их высохшими и похожими на известь, когда ты думаешь, что они мертвы, но если ты выльешь на них ведро воды, они поползут по земле, чтобы укусить тебя. Я знаю, что они не переносят солнце, как все думают. Они просто его не любят, потому что на нём сохнет их кожа. Если будет причина, они запросто выйдут на солнце. Я видел, как они на рассвете лизали росу с машин или даже с земли. Когда я содрогнулась, представив себе такое зрелище, он повернулся ко мне.

— Ты внимательно слушаешь? Я получил эти знания, но я за них заплатил. Тебе я их отдаю бесплатно.

Я хотела ухватиться за что угодно, чтобы занять мысли.

— Я хочу узнать больше.

— Хорошо. — Он втащил свой рюкзак на кровать, усаживаясь напротив меня. — Итак, это моя сумка для выездов. Только крайне необходимые вещи и аварийно-спасательное снаряжение. — Выбросив содержимое на поверхность, он выглядел гордым?

Мой взгляд скользнул по пакетам с энергетиками и протеиновыми батончиками, упаковке соли, швейцарскому ножу со множеством лезвий, зубной щётке, зажигалке, бинту, фонарику, светящимся палочкам*, трём мини-бутылкам ликера и фляге.

(*прим. ред. светящаяся палочка — химический источник света, представляет собой тубу, внутри — стеклянная колбочка, почти во всю длину тубы. Для активации достаточно перегнуть тубу в любом месте, или, если нет сил, ударить по чему-то твёрдому или чем то твёрдым.)

Некоторые предметы были более удивительными: небольшой молоток и мешок с гвоздями, конверт с фотографиями, которые он, кажется, не очень хотел мне показывать, и

пистолет в кобуре.

- Мы превратим и твой рюкзак в сумку для выездов. И каждую ночь будем разбирать наши ресурсы. — На мой вопросительный взгляд он ответил: — итак, мы знаем, что нужно запомнить для путешествия.

Мои слезы высохли

— Что?

— Ты не сможешь спокойно пройти мимо трупа в ботинках на шнурках, если тебя схватят за шнурки.

Я сглотнула. Это теперь моя жизнь.

— Если у тебя есть пистолет, почему ты носишь только арбалет и стрелы?

— Только? — он усмехнулся, это — арбалет, он потянулся за оружием, показывая мне магазин с закрепленными в нем шестью стрелами внутри. — Он бесшумный, а стрелы многоцветные. Он конечно не настолько велик, чтобы бороться против ополчения, но идеально подходит для Бэгменов. Кроме того, в этом пистолете всего одна пуля, так что если я повешу на себя кобуру, много мне это не даст.

— О. Когда я получу свой дробовик обратно?

— Никогда. — Я подняла глаза. — Я отпилил ствол. Ношу его вместе с моим арбалетом, для черных шляп. Но сейчас я могу доверить тебе запасы. — Он вручил мне три минибутылки.

Я подняла брови:

— Джек Дениэлс?

Он встретил мой взгляд.

— Всегда полезно иметь под рукой.

Я поставила их, слишком усталая и расстроенная, чтобы обращать внимание на его намеки.

Но он сгреб их и настойчиво переложил ко мне на колени.

- Перестань издеваться над ликером, Эви. Что еще на земле может дезинфицировать, приманить врага на огонь, и сделать тебя пьяной? Скажи мне, как ты могла бы использовать пустые бутылки?

— Эээ...стекла для лестницы?

Уголки его губ слегка изогнулись.

230 ДЕНЬ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА.

ПОСРЕДИ МИССИСИПИ

Я сидела в припаркованной машине, окруженной трупами, наблюдая, как Джексон сражается с бурей. Он держал арбалет наготове, дробовик был переброшен через плечо, а пластиковый бак для топлива был привязан к его поясу. Пустой, конечно. Не успели мы выехать из Луизианы как от бензина остались одни пары. Это было девять дней назад. С тех пор он воровал галлон* то здесь, то там, и искал запчасти. Уже сейчас мы спалили три пары стеклоочистителей и два воздушных фильтра.

(*прим. ред. ГАЛЛОН [англ. gallon] — единица объема и емкости (вместимости) в США, Великобритании и других странах, содержит 8 пинт. 1 галлон для жидкостей в Великобритании равен 4,546 л, в США — 3,785 л; для сыпучих веществ 1 галлон (США) = 4,405 л; амер. жидкостный галлон применяется во многих странах Лат. Америки.)

С постоянными остановками, и неослабевающими ураганами, мы в среднем проезжали около двенадцати миль в день. Сегодня, он нашел источник топлива в газонокосилке в закрытом на ремонт магазине. Он предположил, что ополчение пропустило ее. Конечно же, они подчистили все остальное. Как Джексон и предсказывал, еда была в дефиците. Мы истощили запасы консервов. К счастью, мы поддерживали запасы воды, иногда находя остатки в водонагревателях. Встав коленями на сиденье и прижавшись лбом к стеклу, я наблюдала, держа Джексона в поле зрения. Видимость ухудшалась. Машину качнуло, пепел закружился над трупами, искажая все вокруг, как песок покрывает открытые дюны.

Когда он наткнулся на тело на своем пути, он не свернул, а просто наступил на него. Он просто шел по трупам. Вначале я просила огибать их. После пары дней, я поняла, насколько моя просьба была глупой. Без влажности, насекомых и некоторых птиц тела никак не разлагались, постоянно накапливаясь. Он рассказал мне, что в городах намного хуже. Я даже не могла представить, сколько их могло быть. Однако я была рада путешествовать вместе с Джексонем, чувствуя, как спадает напряжение последних месяцев.

Хотя мое горе по маме оставалось сильным, оно уже не было таким изнурительным, как вначале. Как минимум, теперь я могла сопротивляться слезам. Казалось, они действительно беспокоили Джексона, он их воспринимал, как личное оскорбление. Тогда он проводил много часов в день, сердясь на меня по любому пустяку. Я слабо догадывалась почему, едва ли в состоянии следовать его настроению...

Ветер усиливался. Пластиковая рождественская ёлка упала; почерневшая сушиллка для белья ползла вниз по дороге. Обломки попадали по машине. Джексон был снаружи, в этой пустоши, уязвимый для опасности. Ополчение расчищало дорогу, убирая обломки. Они растаскивали их в стороны, пока улица не становилась похожа на загон для скота. Как смертоносный поток ветра.

Когда он склонился рядом с газонокосилкой, я прикусила нижнюю губу. Но Джексон казалось, не чувствовал страха, спокойно продолжая свою работу. Я смотрела, как он сунул чистый шланг для откачки в бак косилки, откинув трубу в сторону. Он поднял палец вверх.

Умно, Джексон.

Он заметно отличался от того парня, каким я запомнила его в школе. Он стал более закалённым, и так держался, что я порой забывала, что он всего лишь на пару лет старше меня.

В очень редких случаях, я видела проблески восемнадцатилетнего парня. В немногих случаях Джексон оставался таким. Он по-прежнему был опасным, напористым, его невозможно было игнорировать, и он сбивал с толку. Когда я хотела выйти наружу, чтобы помочь ему, он решительно воспротивился этому. Кроме того, он критиковал меня за недостаток веса. Иногда я чувствовала, что никогда не смогу сблизиться с ним, он как будто специально вбивал клин между нами. Но я не знала почему.

Поставив топливный бак рядом с баком косилки, он сдвинул вниз бандану, зажимая шланг между зубами. Я заметила его колебания в начале откачки. Даже если он был достаточно опытным, чтобы не набрать бензина в рот, он все же дышал испарениями... Краем глаза, я заметила кусок металлического листа, летящего к нему по воздуху, он срезал все на своем пути, словно гигантская бритва. Я закричала:

- Обернись! — но он не мог услышать меня.

Он пригнулся сам. Я прижала вспотевшие ладони обратно к стеклу, выдыхая, когда он взглянул на меня. Его солнцезащитные очки прикрывали глаза, но я знала, что мы выглядели дерьмово. Затем он снова принялся за работу.

Очередной порыв качнул машину. Больше ветра, больше качаний, больше пепла. Я потеряла его из виду. Мое сердце упало, когда он исчез, растаяв в дымке. Паника затопила меня. Я ненавидела беспомощность! Без него, в поле моего зрения, голоса становились угрожающе громкими. Я попыталась занять себя, изучая тела вокруг машины. Джексон говорил мне, обращать внимание на новые трупы, потому что "они должны просто лежать". На мой непонимающий взгляд, он пояснил:

- Пуля между глаз, означает жертву ополчения. Ты сможешь понять, как давно вооруженные люди проходили здесь. Тела задушены или избиты до смерти? Убийство из-за естественного отбора. Отчаявшиеся люди дерутся за ресурсы, поэтому нужно двигаться дальше, так как там больше нет еды. Удар ножом в спину? Кто-то свой убил его. Значит его семья или друзья неподалеку. Опять же — двигайся дальше. Я сама могла опознать жертв Бэгменов. Их лица застыли от ужаса, их шеи растерзаны. Видимо, укус был заразным только для тех, кто пережил нападение. Я буду всегда носить соль в кармане своей ветровки...

— Красные клыки и когти!..

— Я буду танцевать на твоих костях!..

Я сжала руки в кулаки, стараясь подавить крики Арканов. Это отбирало много сил. Я привыкла жаждать присутствия Джексона, только ради спокойствия, что он приносил.

Другие дети шептали, среди них был один новый:

— Я опущусь на тебя, подобно сумеркам...

— Горе кровавым победителям!..

Мне даже показалось, что я услышала голос Мэтью:

- Сумасшедший, как лиса.

Так вот что он имел в виду: фраза была его собственным позывным. Я думала, что он просто разразился бредом.

А когда Смерть проговорил:

- Иди ко мне, Императрица. Я так долго ждал. — Я легко признала его. Он часто

говорил со мной напрямую, трепля мне нервы.

Я потеряла руки, сжав себя. Где же Джексон? Что, если он никогда не вернется? Что, если там еще один металлический лист...?

Я слышала его возле машины. Заправляет бензин? Затем он закинул бак в багажник. После борьбы с водительской дверью, он протиснулся в проем и сел на сиденье до очередного порыва, захлопнувшего дверь.

— Джексон, я так волновалась!

Он сдернул вниз грязную бандану, лоя ртом воздух.

Голоса стихли до шепота, а затем... пропали. Поспешив открыть ящик с продуктами для него, я подумала, что он мог подумать, заметив мою дрожь.

- Я не могла увидеть тебя.

Он положил свой обрез между сиденьем и консолью, затем повесил арбалет на спинку сиденья. Сердито посмотрел на ящик с едой, прежде чем что-то взять.

После большого глотка, он вытер рукавом губы:

— Я держал тебя в поле зрения. — Ответил он резким тоном. Он снова раздражен?

— Я только сказала, что волновалась.

— Твой телохранитель вернулся в целости. Ты хочешь видеть вещи лучше, чем они есть на самом деле. Я всего лишь достал несколько галлонов топлива. И никакой еды.

Он включил двигатель. В тот же момент, дворники заскребли по грязному стеклу, словно ногтями по школьной доске.

— Несколько галлонов это потрясающе! — я потянулась и сжала одну из его испачканных в бензине рук, — мы сможем доехать до Алабамы на этом. И мы найдем еду этой ночью. У меня хорошее предчувствие.

Он немного смягчился, порывшись в кармане:

- Возьми это. Может поможет справиться с голодом. — Он протянул мне открытую пачку фруктовой жвачки с тремя оставшимися пластинками. Той же марки, которую любила моя бабушка.

Я бы наслаждалась каждой пластинкой, но меня поразила мысль, что на один кусочек жвачки в мире станет меньше, и никогда это не восполнится. Я встретилась с ним взглядом.

- Спасибо, Джексон.

Он неловко пожал плечами, румянец окрасил скулы. В этот момент он выглядел очень похожим на восемнадцатилетнего парня. Я не могла не улыбнуться.

— Это пустяк, — пробормотал он. — Теперь давай убираться отсюда. Думаю, что я увидел как двигалась занавеска в соседнем доме. За нами наблюдают.

— Там обычные люди? — я заплакала.

Иногда, когда мы искали источники пищи в домах, я замечала хлопанье двери, или фигуру вдалеке. В отличие от Джексона, я не верила, что все они плохие. Но никто никогда не показывал лица.

- Живые люди?

Он нахмурился на меня:

- Которые находятся в наихудшем состоянии.

Все же, я вытянула голову, осматриваясь вокруг.

— Что за одержимость увидеть других? Я недостаточная компания для тебя?

И снова он сердит.

— Конечно же достаточная, это просто...

— Прежде чем идти поболтать с кем-то, вспомни, что мы проезжаем рядом с большим городом, иными словами, территорией рабовладельцев...

Хотя мы оба ненавидели возвращаться, мы были вынуждены повторить наш маршрут, чтобы добраться до границы штатов. Джексон думал, что возврат был тактической ошибкой, но у меня было другое мнение об этом. Мы ехали тем же путем — по трупам — бууум — бууум — данк.

Уже проехали исписанный краской из баллончика дорожный знак. Кто-то написал — "ПОКАЙТЕСЬ" красной краской, внизу что-то было покрашено черным — человек или ЧТО ТО ЕЩЕ?

Когда, мы вернулись на границу, тишина повисла между нами. Блаженная тишина. Я вытащила пожелтевший экземпляр Космополитен из бардачка, но вместо чтения сосредоточила внимание на Джексоне.

Он задумался, держа одной рукой руль и рассеянно проводя по шраму на костяшках второй.

Сердился ли он еще на то, что я надеялась увидеть других людей? Расстроился, что мы не нашли еды сегодня? Как он мог казаться задумчивым и беспокойным одновременно? В течение последних нескольких дней, я узнала много нового о моем кайджанском телохранителе, но любое открытие порождало еще больше вопросов.

Я узнала, что он может ехать долгое время в полной тишине. Учитывая, что Брэндон был открытой книгой — говорил, что думал — Джексон держал свои размышления при себе.

О чём мальчик его возраста, оставшейся в живых после апокалипсиса, думает в течение дня? Почему он так часто смотрит на свои шрамы на руках? Вспоминает свои старые бои? Временами, я подозревала, что мне лучше не знать того, что происходило в его голове. Я должна просто наслаждаться тишиной.

Голоса были подавлены, что означало покой. По крайней мере, на некоторое время. Я снова прижалась лбом к окну, разглядывая опаленные щиты с рекламой вещей, которые мы никогда не сможем теперь купить — путешествие на Гавайи, новый компьютер, удаление волос навсегда в спа. Слава богу, Мэл потащила меня с собой в прошлом году, когда делала лазерную эпиляцию.

Сжав жвачку в руке, я закрыла глаза. С каждой секундой передышки от голосов, я погружалась в свои мысли, вспоминая больше о своей жизни до клиники. В течение сегодняшнего затишья, я вдыхала знакомый сладкий запах жевательной резинки, и мой разум вернулся в ту памятную поездку с бабушкой...

— Я вернусь в Хейвен на твой шестнадцатый день рождения, — сказала она, — когда ты будешь готова к своему предназначению.

Мое предназначение? Кусочки мятного шоколада или ореховое масло.

— В моей сумочке лежат карты Таро, — продолжала она, — я хочу, чтобы ты взглянула на них. Просто посмотри.

— Окей. — Я залезла в ее огромный кошелек, пропустила ее лосьон из гардений, но отвлеклась на жевательную резинку...

— Эви, колода.

Я кивнула, извлекая карты наружу, попутно вытаскивая несколько из середины.

— Самые лучшие карты — козырные, Старшие Арканы.

— Старшие кто?

— Старшие Ар-ка-ны. В переводе с латыни — тайны. У тебя и у меня свои роли в

этом. — Она внезапно погрузилась, — это путь нашего рода. — Отогнав грусть прочь, она продолжила, — детали на изображениях очень важны. Ты должна видеть детали.

Я заметила одну карту с крылатым ангелом, одну со старым человеком в мантии, одну со львом. Пара карт изображала собак. Меня поразила одна картинка со светловолосой женщиной, одетой в маково-красную тогу. У нее была корона из двенадцати звезд на голове. Позади нее тянулись зеленые и красные холмы. Ее руки были широко раскрыты, словно для объятий, но ее взгляд был зловещим. Бабушка перестроилась в потоке машин, взглянув вниз на карту.

- Это ты, Эви. Ты — Императрица. Однажды, ты будешь контролировать все, что имеет корень или цветок. Ты будешь пахнуть, как они, и они будут признавать твой запах.

Я наполовину нахмурилась, наполовину улыбнулась, глядя на нее. Иногда бабушка говорила странные вещи. Затем я просмотрела еще несколько карт... пока не увидела его — рыцаря в черных доспехах на фоне кремово-белой горы. У бедной лошади налились кровью глаза. Я любила лошадей...

— Детали, Эви. — Напомнила бабушка суровым голосом, снова проверив зеркало заднего вида.

Люди стояли на коленях перед рыцарем, плача и умоляя. Он поднял какую-то палку над их головами, и они были в ужасе.

— Один вид Смерти пугает тебя, не так ли, дорогая? — спросила бабушка, — или может быть, ты по-настоящему злишься, когда смотришь на него...?

— Эви, ты проснулась? — спросил Джексон.

Я быстро открыла глаза, воспоминание поблекло.

- Да, что такое? — Господи, как тяжело дожидаться, когда я смогу увидеть бабушку еще раз! Наконец-то все сводящие с ума вопросы получили бы ответы.

Джексон открыл рот, чтобы что-то сказать. Закрыл. Открыл:

- Забудь, — наконец выдал он.

Глядя в окно, я пожалала плечами. От меня не ускользнуло, что Джексон был в такой же ситуации что и я. Как только мы достигнем Внешних отмелей, он решит свои головоломки. Мои тайны сводили его с ума. Он продолжал допрашивать меня о растениях и видениях. Вчера он сказал:

- Если мы сделаем это — доберемся до Северной Каролины и разобьем лагерь где-нибудь на время, что я должен достать для тебя? Чтобы ты заставила наши семена расти?

— Я все расскажу тебе, как только мы доберемся до бабушки. До тех пор, ищем источники серебряных колокольчиков и ракушек.

Теперь он спросил меня:

- Почему ты всегда такая тихая рядом со мной? Ты болтала с другими людьми.

Болтала?

- Как ты можешь так говорить? Ты плохо знаешь меня. — Оу, подождите-ка. За исключением того факта, что когда-то он обладал источником всех-тайн-Эви. Телефоном Брэндона. Сколько всего Джексон видел, слышал, читал?

— В любом случае, я хочу, чтобы ты сконцентрировался на вождении.

— Ух-хух. Ты снова плакала прошлой ночью, бормотала во сне. Что же тебе снилось? И если ты ответишь "то да се" еще раз, я ударю по тормозам.

— Я не помню, — ответила я, вспомнив мой последний кошмар о ведьме. Все они казалось, были из одного дня, из почти одного места. В этот раз, она путешествовала по

сельской местности вместе с молодым страстным поклонником. Он постоянно злил ее. Поэтому, конечно, она решилась на убийство.

— Подойди. Дотронься, — прошептала она ему. Когда он споткнулся у ее ног, подбираясь к ней, она открыла ладонь и вырос цветок — из ее кожи. С чувственным подмигиванием, она послала ему воздушный поцелуй поверх цветка, вместе со смертоносными спорами. Он начал задыхаться, падая к ее ногам. Его кожа начала вспухать, пока не лопнула. Гниль вскипела и взорвалась. Она смотрела на него, весело рассказывая:

— Как ловко мы маним, как прекрасно мы караем...

С каждым днем, я ненавидела ее все сильнее. Затем я нахмурилась.

— Джексон, что ты слышал, из того что я бормотала во сне?

— Ты сказала "Подойди, дотронься". Я подумал, что это хорошая идея, пока ты не добавила "Но ты заплатишь". Что ты имела в виду?

Восхитительная поросль шиповника.

— Не представляю.

— Врешь. — Он бросил взгляд в зеркало заднего вида, — что нужно сделать, чтобы ты доверяла мне, а?

— Не знаю, — ответила я честно. Я хотела начать доверять ему. Насколько же сильно я жаждала довериться кому-нибудь! Возможно, можно было просто завести друга снова? По крайней мере, один присутствовал здесь. Но я не хотела давать Джексону больше оснований бросить меня. Хотя он принял мои видения достаточно легко, то, что я слышала голоса — совсем другое дело. А мои повторяющиеся кошмары о хладнокровных убийствах...

— Ты постоянно разыскиваешь других людей, но не разговариваешь с тем, кто рядом. — Сказал он, — думаю, я не сильно надоедаю.

— Я говорила бы с тобой больше, если бы ты не считал меня неприспособленной все это время.

— Неприспособленной? Когда? Это из-за солнечных очков?

Мои старые очки были так поцарапаны, что я едва могла видеть сквозь них. Но они по-прежнему оставались на мне. Мы были в доме, а сквозь эти очки плохо видно... Я ходила вокруг тела, цепляя его, снова и снова. Джексон приказал:

— Тащи свою задницу оттуда Эванджелин, и выбрось эти очки прочь! Немедленно!

— Да, неприспособленной, — настаивала я. — Как насчет того раза, когда я по ошибке забыла свою сумку для выездов. Ты же просто ушел!

— А если бы я относился к тебе ласковее, как ты думаешь, это было бы полезнее?

Ласковее? Хотелось бы. В первые дни нашего путешествия, он был неплохим, но отстраненным. Но, как и сила моего горя, это уменьшилось, зато его угрюмость увеличилась. Если он когда-нибудь приходил ко мне, услышав, как я всхлипываю или если я не ем, когда у нас действительно была еда, или не сплю, он воспринимал это как личное оскорбление.

— Кровать не достаточно мягкая для вас, принцесса? — глумился он, хотя я никогда не жаловалась. — Еда не достаточно хороша?

Ему особенно не нравилось, когда я бывала тихой и задумчивой. Хотя он сам точно такой же. Он становился со временем всё беспокойней и я понимала, что он просто ненавидел быть запертым со мной в машине, быть обремененным мной. Мы застряли вместе, наблюдая, как скрипят стеклоочистители, слушая те же песни снова и снова.

Большинство треков были из плей-листа Мэл. Странно, Джексону не нравились бесконечные ремиксы рэпа Аланис Морисет*.

(прим. ред. Ала?нис Нади?н Мо?риссетт — канадская певица, композитор, актриса и продюсер, которая стала всемирно популярной в 1995 году, записав один из самых продаваемых альбомов за всё время Jagged Little Pill. На счету Мориссетт 7 наград «Грэмми». В общей сложности по всему миру продано более 55 млн экземпляров её альбомов.)

Боже, как я скучаю по Мэл, как я скучаю по маме...

Тем не менее, в ответ на моё обвинение в подлости, Джексон сказал:

- Ты тоже не идеал, реекон. Ты получаешь удовольствие, заставляя себя испытывать боль, — он щелкнул пальцами — и ты не рассказала мне ничего о себе. Чего-то личного, о самой близкой мне девушке, которую я когда-то знал.

— Почему ты всегда один получаешь ответы? Ты редко говоришь о себе, за все время, пока мы в дороге.

- Да, у меня есть секреты, — но у него было такое огромное преимущество, у него был телефон Брэндона! — спроси меня о чем-нибудь, — сказал Джексон, хотя его руки вцепились в руль так, как будто он готовился к удару.

— Хорошо. Были ли правдой слухи о клетке-ярости*? Ты действительно сидел в тюрьме? — если это так, он сможет понять, на что был похож мой опыт в ПШР.

(Прим. ред. *Клетка ярости — Cage Rage — чемпионат по смешанным боевым искусствам. Первый состоялся 7 сентября 2002 г в Лондоне. В настоящее время не проводится.)

Гнев вспыхнул на его лице.

— Ты должна была спросить об этом при первой возможности.

— В смысле? Я просто задала разумный вопрос.

— Чтобы напомнить мне о моем месте!

— Джексон, ты поразил меня тем, что можешь идти дальше, это не всем по плечу.

— Как насчет того, чтобы спросить, какая моя любимая книга? Или какой урок мне нравился больше всего?

— Я думаю, что ты любил английский, и, наверное, Робинзон Крузо — твоя любимая книга.

Угрожающе низким голосом, он сказал:

— Иногда я забываю, что ты была в моем доме.

— Хорошо, я попробую еще раз. Итак, Джексон, что ты планировал делать после школы?

Он посмотрел на меня сузившимся взглядом.

- Открыть магазин запчастей. Красть автомобили для разборки на детали. Разве это не то, что ты ожидала от меня услышать?

— Забудь, о чем я спросила.

— А что ты бы делала-то?

— Вышла бы замуж за Брэндона, завела несколько ребятишек, и играла бы в теннис весь день. Разве это не то, что ты ожидал от меня услышать?

Он, казалось, хотел задушить рулевое колесо. По крайней мере, его руки зажали. Когда на прошлой неделе, я настаивала, что нужно их продезинфицировать и перевязать, он был груб, но я думаю, что втайне ему нравилось, когда кто-то суетился над ним. Потому что это была такая редкость. Когда я закончила перебинтовывать их, он проворчал: «Удивлен, что ты не поцеловала их, чтобы им стало лучше.» — Так я и сделала, прижавшись быстрым поцелуем в каждой повязке, просто чтобы шокировать его. Вместо этого, хрипота в его

голосе усилилась, когда он назвал меня — *Ma Belle infirmiere*. (Моя симпатичная медсестра).

Его настроение было настолько изменчивым. В ту ночь он был кокетливым. Теперь он был задумчив, наполнен напряжением. Казалось, чем лучше я к нему относилась, пытаюсь сделать его счастливым, тем больше он отворачивался от меня. Тишина снова повисла между нами. Мой живот заурчал. Джексон бросил на меня хмурый взгляд. Я уже знала, что мой голод по-настоящему беспокоил его, как будто я просила давать мне еду.

— Мы не будем есть еще в течение нескольких часов, принцесса. — Он знал, что я ненавидела, когда он называл меня так. — Эви, мы договорились держать курс на Атланту. И мы знали, что это будет тяжёлая дорога.

— Я не жалуясь. Я никогда не жаловалась.

— Нет, но твой живот... Я почти хочу, чтобы ты начала скулить. — Его пальцы на руле побелели.

— Что это даст?

— Это лучше, чем сидеть здесь весь день и молча терпеть.

— Терпеть? Вряд ли! — он не понимал. Я могу справляться лучше теперь, когда голоса успокоились. — Я была в отличном настроении.

— Чушь! С чего это вдруг? Ты измотана, голодна, и ты не знаешь где и когда в следующий раз поешь.

— Ты не был обезглавлен листом металла, и мы залили немного топлива. Победа!

— Но у нас нет еды. — Дворники царапали лобовое стекло все громче. Скрип, скрип, скрип...

Я опустила руки.

— Ладно, ты меня уговорил. Я официально в дерьмовом настроении.

— Черт возьми, ты не должна нуждаться в еде. — Утром, он отдал мне львиную долю, называя меня "растущая девочка". Он пояснил это так: «Черт, Эви, мне нравится, что у тебя здесь — жестом указывая на мои груди. — Я хочу в конечном итоге увидеть их размер».

Теперь он пробормотал:

— Думал, что я немного поохочусь. — Иногда мы видели птиц или кроликов. — А ты точно не вносишь в это свой вклад.

Нет, но я могла. Если бы дела пошли совсем плохо, я бы стала выращивать продукты питания из семян в рюкзаке. Отказываясь попадаться на эту удочку, я сказала:

- Уже поздно.

Ветер стих, садилось солнце. Зола начала рассеиваться, открывая прибывающую луну.

— Разве мы не должны искать место для ночлега?

— Мы должны проехать эту местность. Поиски топлива заняли больше времени, чем я думал. — Он оглянулся через плечо, и обратно к дороге, набирая скорость. — Меня тошнит от этих бурь.

— А как насчет Бэгменов? Ты сказал, что никогда нельзя ездить после захода солнца. — Во второй половине дня, мы пересекли мост. Если они стекались у старых водоемов, в ночное время...

Он сказал:

— Здесь я устанавливаю правила, — добавив — если мы не на территории работорговцев. Так или иначе, мы должны остановиться на некоторое время.

Мой желудок более настойчиво зарычал.

— Черт, Эви! Мы не можем рисковать в поисках пищи прямо сейчас. Если со мной что-

нибудь случится, ты останешься ни с чем.

— Еще раз — я не спорю с тобой о еде, я не жалуясь, и я могла бы сильно удивить тебя и выжить без твоей помощи.

— Ты не умеешь охотиться или находить пищу. Ты поглотитель ресурсов и не умеешь готовить.

— Ты повторяешься. — Я ничего не отрицала. Я ужасна в приготовлении пищи, я не могла, без проблем, даже подогреть равиоли.

— Ты должна заканчивать каждый день словами: «Спасибо, Джек. Это здорово — быть живой.» — Ещё один взгляд через плечо, и прибавление скорости.

— Очевидно, что я просто неудобство для тебя, как кандалы. Я удивлена, что тебе не надоело возиться со мной, и ты не бросил меня. Все жду, когда ты скажешь: "затраhalo все это", и бросишь меня на пути к Северной Каролине.

— Я должен решить головоломку.

Именно поэтому я не говорю тебе об урожае, пока ты не привез меня куда нужно.

— Кроме того, — он сверкнул на меня волчьей улыбкой — я еще даже не спал с тобой. Я потеряла дар речи.

- Ты говоришь о... сексе. Со мной?

Я должна была догадаться, что этот разговор возникнет достаточно скоро. Казалось, от того, что каждую ночь мы проводим вместе, нам становится всё менее комфортно друг с другом. Если он чувствовал себя относительно безопасно ночью, он спал без рубашки. Те, дразнящие открытые участки груди, которые я видела, волновали меня, и это не давало мне уснуть. Время от времени, я бросала осторожный взгляд на кровать, в то время как он бросал голодный взгляд на меня.

— Секс это — то, о чём ты сейчас сидишь и думаешь в этой машине? — как, я и подозревала, мне лучше не знать.

Выражение его лица выражало скуку, как бы говоря мне подрасти.

- Почему бы и нет? Я полноценный мужчина, а ты единственное развлечение такого рода в городе. Скажи, что ты не думала об этом?

Я думала. Я фантазировала о том, что могло бы произойти на сахарном заводе, если бы мы поцеловались, если бы мы изучили искрящуюся между нами химию. После я бы чувствовала себя виноватой.

- Я-я не буду заниматься сексом с тобой! — наконец ответила я. — Я не могу поверить, что ты просто предложил это, да еще в таком месте.

Хотя я знала, что мир теперь другой, я все еще держалась за наивную мечту, что потеря девственности это — что-то особенное, и я сделаю это с моим парнем. Я не буду делать этого только потому, что парень со мной был полноценным мужчиной. Он улыбнулся мне, со злым блеском в глазах.

— Так ты отрицаешь, что думаешь о сексе со мной?

Я разозлилась.

- Это главная причина, почему ты вызвался помочь мне, потому что ты хотел сделать меня одной из своих подружек, одной из своих самок!

— De bon c?ur. (От всей души).

— Все эти воспоминания о протоке и о том, что я — та, кто говорит на кайджанском, фигня и только слова? На самом деле ты не заботился бы обо мне меньше, если бы мы не говорили на одном языке или не имели общего прошлого!

— Я сказал тебе правду. Это не моя вина, что все, что пришло на ум в твою симпатичную светлую голову — что я хочу затащить тебя в постель.

Бум! Бум! Близко снаружи прогремели взрывы. Автомобиль накренился, и вышел из-под контроля. Он жал на тормоза, но мы неслись вперёд. Мои руки рванулись вперед, чтобы ухватиться за приборную панель.

- Джексон!

— Эви, держись! — крикнул он, напрягая руки, пытаясь бороться с рулем.

Автомобиль взметнулся, накренился, мы оторвались от земли. Затем... невесомость. Колеса остановились. Джексон перестал пытаться ими управлять и пытался держать рукой мою грудную клетку. Двигатель ревел, пока мы переворачивались в воздухе. Мои ноги были выше головы. Когда земля вдруг ударила о верхнюю часть машины, я закричала; подушки безопасности раскрылись. Тем не менее, мы упали... заскользили... Внезапная остановка. Автомобиль приземлился на крышу. Окна разбились от удара, завизжал металл. Джексон и я повисли на ремнях безопасности. Звук был такой, как будто мы приземлились на другую машину? Наши вдохи были громче, чем скрипы обивки.

- Ч-что случилось? — я выглянула в открытое окно, дезориентированная. Мы были над землей, по крайней мере, на полдюжины футов. Джексон сразу же проколол надутые подушки безопасности.

— Я надеюсь, ты сохранила свою сумку для выездов, сейчас она тебе понадобится.

— Ты не смог бы перерезать мой..?

Он перерезал мой ремень безопасности.

— Ой! — я, скрючившись, плюхнулась прямо вниз, на крышу автомобиля.

Затем он перерезал свой ремень, падая на спину.

— Эви, возьми свою сумку и молчи! Ты меня слышишь?

Я потянулась назад, роясь, пока не нашла рюкзак.

— Что происходит?

— У нас большие неприятности. — Он схватил свою сумку, арбалет и ружье, и вылез через разбитое окно. Спрыгнув, он поспешил мне на помощь.

Мы выползли на свободное место и все поняли. Мы приземлились на старый автомобиль. Все пространство вокруг нас было занято разбитыми машинами. Кладбище машин. Лучи света от фонариков начали подбираться к нам. Что-то звучало как... лайные собак. Пока я удивлялась, что они всё ещё живы, Джексон вскинул ружье. Его губы сжались от ярости, взгляд стал убийственным.

— Эти люди идут не для того чтобы помочь? — прошептала я. — Может быть, они знают, что дорога опасна.

— Они идут не чтобы нам помочь. И это не работорговцы, пришедшие поохотиться. Они бы просто лежали в засаде.

О, мой Бог. Он смотрел на приближающуюся группу перед нами и на окружающий руины лес, слева от нас. Затем в выражении его лица появилась решимость. Он схватил меня за плечо и потащил к темной линии деревьев. Я изо всех сил старалась не отставать, но грязь фактически засасывала мои сапоги. Это означало влагу. Это означало, что Бэгмены поблизости.

— Джексон, мы не можем пойти в этот лес, — пробормотала я, между вздохами оглядываясь через плечо. Люди приближались. В неясном свете, я могла разобрать некоторых из них, одетых в форму мужчин средних лет. С наручниками наготове. Они выглядели так... нормально.

— Не в лес. Используем, лесистые болота, что бы уйти.

— Что, если эти люди хотят нам помочь?

— Это была ловушка. — Джексон заряжал свой арбалет, вставляя стрелы на их места. — Шипованные полосы прокололи все четыре колеса. Все эти автомобили были разбиты с какой-то целью.

— Нет!

— О, да. Но они слишком напуганы, чтобы следовать за нами. Старое болото, вероятно, полно Бэгменов.

— Забудь об этом! Ты не сможешь убедить меня в том, что нам лучше быть там!

Он сжал мою руку.

— Те, кто установил ловушки, являются работоторговцами, в лучшем случае. По крайней мере, Бэгмены обычно хватают сразу за горло. Я разинула рот, позволяя ему вести меня в сторону от приближающегося огня, и кричащих людей. Как только мы погрузились в темноту линии деревьев, вокруг нас зазвучал звук похожий на эхо... Шелест закопченных листьев, ветки. Мертвые ветви трещали только слева от нас. Джексон выпустил меня, обернувшись, с арбалетом наготове.

- Беги, Эви!

Вскрикнув, я побежала вперед. Но выжженная виноградная лоза, валявшаяся на земле, замедляла мое движение. Хотя я понятия не имела, куда иду, я боролась. Свет восходящей луны потоком лился сквозь голые деревья. Тени колебались вокруг меня. Где Джексон? Я никогда не была так сильно напугана. Никогда не чувствовала себя более уязвимой...

— Я наблюдаю за тобой, как ястреб.

— Кровь скажет, кровь будет работать.

— Не смотри на эту руку, смотри на другую.

— Нет, нет! Заткнитесь, заткнитесь! — Порез. Боль вспыхнула в моей ладони. Я смотрела вниз, не зная, смеяться или плакать. Мои когти выросли снова. Глядя на них, я выбежала на поляну, посмотрела вверх. Три Бэгмена были буквально в футах от меня. Я замерла, прерывисто дыша. Один стоял, в то время как два поменьше ползали на четвереньках, облизывая грязь. Их головы повернулись в мою сторону. Они были еще более ужасными, чем в моих видениях. Гной сочился из их глаз, блестящий в лунном свете. Их радужка была бледная, как крем. А их кожа... избитая и распухшая по всему телу, как бумажные мешки, полные слизи. Кровь и грязь окрашивала их открытые рты, одежда была рваной. Блуждающий взгляд того, который стоял, остановился на моем горле. С шаркающей походкой, он направился ко мне. Я попятилась. Осмелюсь ли я позвать Джексона? Был ли он все еще у меня за спиной? Существо ускорялось. В панике, я полезла в карман толстовки за солью, разрезая подкладку когтями. Мои запасы соли начали высыпаться, словно песок из песочных часов. Мне удалось спасти только несколько крупинок. Прицелившись в Бэгмена, я бросила ее так сильно, как только могла. Обожгут ли кристаллы его кожу, ослепят ли его...? Соль бесполезно упала на землю перед ним. Вот дерьмо, дерьмо! Мой взгляд снова заметался. Я услышала протяжный звук. И вдруг увидела стрелу, торчащую из его правого глаза.

Когда тело существа рухнуло, чьи-то руки закрыли мне рот сзади. Я дернулась от испуга, но Джексон шепнул на ухо:

- Тихо.

Когда я кивнула, он отпустил меня и выпустил еще две стрелы, в оставшуюся пару. Три монстра, проткнутые как шарик на карнавале. Я видела его мастерство в бою, но я никогда

не видела его стреляющим. Однако, пока я смотрела на него с нескрываемым страхом, он хмуро осматривал меня сверху вниз.

— Эви, что у тебя на лице?

— Я не знаю, может пепел? Эти люди идут за нами?

Он заморгал.

- Нет. Но дальше будет больше Бэгменов, пока не наступит рассвет. Мне нужны эти стрелы. — Он пошёл к тем, кого убил, но обернувшись через плечо, пробормотал: — ты следуешь за мной, как тень.

Возможно, раньше я бы оцетинилась, если бы он стал указывать. Сейчас я прошептала: «Не проблема, Джексон».

— Разве ты не говорила мне, что у тебя хорошее предчувствие насчет сегодняшнего вечера? — пробормотал Джексон и выстрелил в еще одного оставшегося Бэгмена.

После того, как он убил первую тройку, мы скрылись среди густо стоящих выгоревших и упавших деревьев, защищавших нас с трех сторон. Джексон охранял четвертую.

— Черт, Эви, ты в своем уме? — спросил он, поднимаясь, чтобы собрать свои стрелы.

Как бы то ни было, одно я знала точно: мне надо торопиться, чтобы успевать за ним. Но я не решалась подойти к существу. Вблизи, он был еще более отвратительный, чем на моих рисунках, с покрытыми засохшей кровью ртом и шеей. Вокруг него, с покрытой слизью кожи, скатывались шарики вонючей слизи. Если они постоянно выделяют ее, неудивительно, что им всегда хочется пить. Я не могла поверить, что это раньше было человеком. Но он носил рваные джинсы, футболку с принтом и один ботинок от Timberland*. Подросток.

(*Прим. ред. «Timberland» — американский мировой производитель и продавец верхней одежды, обуви. Обувь «Timberland» популярна в пешеходном туризме, альпинизме и в повседневных занятиях. Также компания продаёт часы, изделия из кожи.)

Теперь стрела Джексона торчала из его глаза. Кайджан никогда не промахивается?

— Запомни как это пахнет. — Сказал он мне.

— Это запах разложения. Когда я была маленькой, у меня была собака, которой нравилось кувыркаться в останках мертвых животных. Никакое количество шампуня не могло смыть прогорклый запах. Это то, чем я пахну сейчас.

— Ты выдерживаешь стрелу, а я буду двигать тело, — сказал он, но все же я колебалась. Резким тоном призывая меня действовать, Джексон сказал: «Сюда, Эви. Сейчас. Будь я проклят, если я позволю тебе бояться мертвых Бэгменов».

Позволить мне? Он собирается за несколько дней так просто... ужесточить меня? Словно строгий сержант готовил меня к войне? Или, возможно я вытрепала ему последние нервы.

- Хорошо. — Я побрела вперед.

Затаив дыхание, я потянулась за короткой стрелой, дергая за конец, но ничего не вышло.

- Вытащи ее, принцесса.

Свирепо взглянув на него, я дернула сильнее, пока она не вышла вместе с бурлящей красной слизью. Я прижала другую руку ко рту, чтобы не вырвать.

- Это единственное, что тебе удалось за последнее время. В противном случае стрела превратилась бы в известь. — Сказал Джексон.

Я все еще не могла поверить, что я была лицом к лицу с этими существами. Возможно, меня могли укусить. Черт возьми, я могла бы умереть в аварии или быть захвачена! Конечно, ночь еще только началась...

— Зачем ты это делаешь? — спросила я, когда он потащил труп дальше от нашего укрытия.

— Бэгмены выпивают своих мертвых сородичей. Не хочу приманивать их.

Я узнавала что-нибудь новое от Джексона каждый день.

— Ты уверен, что их кожа не заразна?

— Я знаю, что для меня нет. Не прикасайся к ним, на всякий случай, просто чтобы быть в безопасности. — Забирая у меня стрелы, Джексон вытер их о подошву сапога, а затем вернул в магазин своего арбалета. Отвернувшись от мертвых деревьев к убежищу, я спросила:

— А если меня укусят?

— В твоем черепе будет моя стрела, не волнуйся. — Сказал он, после наносекундных колебаний.

— Ну. Полезно знать. — Я подумала, смогла бы я восстановиться после укуса? Возможно, мне никогда не придется узнать это. — Когда Бэгмены скроются в убежищах, эти люди придут за нами?

— Будем надеяться, что поднимется буря, — сказал он, не отрывая встревоженного взгляда от леса. — Их собаки смогут выследить нас.

— Они выглядели как обычные люди. — Я могла предположить, что они практически были частью сообщества, которое спасалось от преступников, как я, и сказала: — как и мы!

— Джексон, зачем они взорвали все эти машины? — и почему они взорвали нашу? Особенно, когда у нас было немного топлива в баке. Вся наша вода, наши семена... потеряны.

— Это легкий способ добыть пропитание, — сказал он. — Кроме того, они, вероятно, желают женщин. Я думаю, что в этом половина проблемы.

— Что это значит?

— Ничего.

— Скажи мне — я настаивала на своем.

— Всюду где я прохожу, я встречаюсь с сумасшедшими COO-уопс. Только один или двое были стабильны после Вспышки. Ты помнишь, когда ты спросила меня, почему все стало плохо так быстро? Я думаю, масла в огонь подлило отсутствие женщин.

Я закатила глаза.

- Ооооо, мужчинам сейчас плохо, потому что у них есть, вроде как бы, мужские потребности, или какие-то другие проблемы со здоровьем?

— Я не оправдываю их. Просто думаю, что вы женщины делаете нас, мужчин цивилизованными. Без вас рядом, мы... превращаемся в ничто.

Хм. Его объяснение было похоже по смыслу на то, что я сама думала.

— Джексон, я думаю, что ты намного умнее, чем я себе представляла.

Он посмотрел на меня с угрюмым видом. Когда он понял, что я была серьезна, он сказал:

— Ты вспоминаешь о моем родна, сейчас?

Снова, подумала я, это было то, что он должен был уже забыть. По крайней мере, настолько, чтобы не упоминать. Тем не менее, я сказала:

- Sans doute. (Без сомнения).

Я могу сказать — это было ему приятно.

- Ты должна постараться, отдохнуть, Ange. (Ангел).

Но у меня не было ни единого шанса заснуть.

- Я могу помочь тебе сторожить.

Он мягко засмеялся.

— Я говорил тебе, ничто не может напасть на меня. Ничто.

— Ух ты. Ты так уверен на этот счет.

— Я провел всю свою жизнь, оглядываясь назад. — Сказал он нахмурившись. — Наблюдая, что у меня за спиной.

Я вспомнила, как пьяный мужчина ворвался в дом Джексона, угроза, исходящая из ниоткуда. А если другие приходили тихо? «Я сплю с одним открытым глазом» — сказал однажды Джексон. И его комментарий о том, как он тащился в больницу воскресным утром, после пинков по рёбрам? Я просто подумала, что он имел в виду травмы от своих диких драк в баре субботними вечерами. Или он говорил о более раннем времени в его жизни, когда он был испуганным маленьким мальчиком, избитым пьяными друзьями своей матери? Может быть, именно поэтому он смотрел на свои шрамы. Они могут быть напоминанием о промахах и с трудом заработанных победах. Неудивительно, что он может быть таким жестоким. Я почувствовала всплеск вины, я судила его за ту драку, в его доме.

Больше нет.

— Эви, иди спать. — Он просканировал темноту, и прошептал:

— Не бойся. Я ведь с тобой.

Со мной, не так ли? Мы были в логове Бэгменов, и я не страшилась за свою жизнь. Джексон убил бы любого, кто подкрался слишком близко. На самом деле, это они должны бояться его. Я была с парнем, которого должны бояться монстры. Сложность ситуации заключалась в освобождении. Мы находились среди болот, почти без пищи, все свежие продукты из затонувшего судна попали в болото, заполненное кровожадными зомби, и все же я начинала чувствовать себя оптимистично. Пока у него был арбалет, может быть, мы могли бы выиграть. Я поняла, что ошибалась, посмотрев на свой рюкзак, удивляясь, какое облегчение я испытываю сейчас. Потому что Джексон оберегал мою задницу, и у меня все еще была моя флэшка, мои драгоценности, смена одежды, энергетические батончики и многое другое.

- Мне на самом деле не страшно. Ты можешь в это поверить? Может это самое время для меня, быть...

— Может быть ты в шоке.

— Может быть, я в безопасности с тобой. — Тихо улыбнувшись, сказала я ему. — Спасибо, Джексон, это здорово — быть живой.

— Умная задница. — Он был серьёзным, но уголки его губ изогнулись.

Свернувшись калачиком в пепельной листве, я использовала мой рюкзак как подушку, и наблюдала за ним. Я всегда находила его физически привлекательным, но не до такой степени, как девочки, типа Кэтрин. Сегодня я начала понимать, почему она вздыхала по нему. Лунный свет освещал его точеные скулы и его черные-черные волосы. Его великолепные глаза блестели. Он не брился несколько дней, но щетина только добавила привлекательности к его внешности. Когда он повернул голову, прислушиваясь к чему-то, я восхищалась его профилем, его сильным подбородком, и прямым носом. Он был сосредоточен и безжалостен, и, видя его, мне хотелось глубже вдохнуть. Никогда, даже через миллион лет, я не могла бы себе представить, что Джексон Дево в конечном итоге станет моим защитником, моим убежищем от голосов и... другом.

Если бы я не была осторожна, могла бы сделать что-то невероятно глупое, например запала бы на него. Должно быть, он заметил, как я наблюдаю за ним:

— Поспи.

— Я слишком взвинчена после аварии. Никогда не попадала раньше, а ты?

— На мотоцикле постоянно. Черт, из-за тебя я чуть не разбился.

— Из-за меня?

Опять его губы скривились.

— В то утро, когда я впервые увидел тебя, я едва мог оторвать глаза от твоей задницы в том коротеньком платье. — Он потер ладонью рот, как будто видел это даже сейчас. От его взгляда я затаила дыхание. Я не могу сказать, была ли я польщена, смущена, или возбуждена.

— Когда я увидел твоё лицо, я чуть не съехал с дороги — попал в выбоину, но вовремя схватился за руль. — Он бросил на меня взгляд, как будто пожалел о том, что сказал.

Определенно польщена и возбуждена.

Он вдруг напрягся. В одно мгновение он увидел и выстрелил в цель из своего арбалета. Когда я услышала звук в отдалении, я сглотнула.

- Ты двигаешь тело, я достаю стрелу.

Он помог мне встать на ноги.

- Теперь, Эванджелин, я уверен, что ты не хочешь потерять сумку.

Как только мы выполнили каждый свою задачу, я откинулась на спину снова, и сказала ему:

— Джексон, я действительно имела в виду то, что сказала тебе ранее. Спасибо, что спас меня сегодня вечером. Другой косой взгляд, чтобы увидеть, серьёзна ли я.

- Если ты действительно хочешь меня поблагодарить, то расскажи мне свой секрет.

Часть меня ощущала, что я в долгу перед ним, но, с другой стороны...

- Ты уже знаешь так много обо мне, больше, чем я о тебе. Ты обследовал мою комнату, все мои вещи и даже ящик с бельем.

Он издал низкий звук в знак согласия.

— Да я это сделал.

— И у тебя был сотовый телефон Брэндона. Знаешь, как трудно мне было с этим смириться?

— Почему? — пробормотал он, не отрицая чего-либо.

— Я была смущена тем, что ты мог увидеть и прочитать. — И услышать...

Он просто смотрел в ночь, не рассказывая ничего из того таинственного, что происходило с ним. Но я могла чувствовать напряжение, сковывающее его. Наконец, он сказал:

- Значит ты... действительно хотела выйти замуж за Рэдклиффа? Иметь от него детей, и играть в теннис?

— Я планировала оставить Стерлинг как можно скорее, — честно сказала я. — И поступить в университет Вандерbiltа* или Техасский Университет в Остине*.

(*прим. ред. — Университет Вандерbiltа (англ. Vanderbilt University) — частный исследовательский американский университет, находящийся в Нашвилле, штат Теннесси. Университет был основан в 1873 году на деньги Корнелиуса Вандерbiltа, в связи с чем, назван в его честь. В 1950 году университет Вандерbiltа вошёл в Ассоциацию американских университетов.

* Техасский Университет в Остине (англ. University of Texas at Austin), также известен как UT Austin, UT, или Texas — государственный исследовательский университет в городе Остине (Техас, США) и главный университет Системы университета Техаса.)

— Оставила бы этого парня в прошлом? — настроение Джексона, казалось, сразу улучшилось.

— Я уехала бы, так или иначе.

— Тогда, возможно, это не была настоящая любовь с твоей стороны, не так ли?

Как бы я хотела, чтобы это было не так. Я чувствовала себя виноватой, потому что не была влюблена в Брэндона, как будто не ценила, насколько хороша была наша жизнь, по крайней мере, до того, как я была сослана в клинику.

— Я не хочу говорить о нем больше.

— Тогда скажи мне, где ты действительно была прошлым летом, когда пропала с лица земли. Ты не была в специальной школе, так где ты была?

Две вещи поразили меня мгновенно: Джексон был одним из наиболее проницательных людей, которых я когда-либо встречала. И он изучил каждый байт данных в том телефоне. Конечно, он заметил, что мои сообщения Брэндону из бесчисленных снизились до нуля в течение ночи, пока редкие не начали приходить в течение лета. В тот же день месяца, в то же время. Хотя я бы никому никогда не сказала, где я была, умный мальчик мог понять, что я была заперта где-то.

- Ни в коем случае, пока ты не расскажешь о себе Джексон. Нет, пока ты не поделишься.

Он посмотрел на меня так, словно предпочел бы стоять перед армией Бэгменов, чем говорить о себе.

— Мы можем не делать этого, — заверила я его. — Мы не должны узнавать друг друга, даже если мы вместе едем по этой дороге, и возможно завтра мы умрём. Как только мы приедем в Северную Каролину, я расскажу тебе все свои самые глубокие, самые темные тайны, и ты сможешь оставить меня, ведь ты все еще чужой для меня. Если это то, чего ты хочешь.

Джексон выдохнул.

- Спрашивай. — Он вытащил фляжку из своего кармана, словно готовился.

Удивленная его согласием я села.

— Чем ты на самом деле хотел заняться после школы?

— Работал бы на нефтяной платформе у берегов Мексики. Восемь недель работы. Большие деньги. — Он сверкнул на меня печальной улыбкой. — Не девочки. Я бы отправлял деньги Клотиль, что бы она заботилась о моей маме. (Маме). — Более мрачным тоном, он добавил:

— У нас бы все получилось.

Мальчик с надеждами, мечтами, и книгой по изучению испанского языка для начинающих. Пока я задавалась вопросами все эти месяцы, он планировал получить работу в той адской бездне.

— Ты говорил, Клотиль... она могла быть твоей сестрой. Ты знаешь, кто твой отец?

— Я знал его, еще как. Только встречал его лишь однажды.

— Почему?

— Он был слишком занят, проводя время со своим законным сыном, чтобы провести его со мной или чтобы просто отправить копейки на маме. Он сказал ей, что не признает свою вину и всё это гребаное дерьмо.

— Звучит так, как будто он юрист.

С задумчивым видом глотнув из фляги, Джексон пробормотал:

— Неё. — Что означало «ха» на кайджанском. — К тому времени как я узнал, я мог бы ногтями затолкать ему в задницу его отцовство, но был больше озабочен тем, как сказать ему, куда он может засунуть свои деньги. — Его руки сжались вокруг горлышка фляжки. — Я знал, кто был мой папа (отец), но Клотиль, могла только догадываться. Мой отец был в

этом коротком списке. Кровная или нет, но она была моей сестрой.

— Я сожалею, что ты ее потерял.

— А как же твой отец? — спросил он, меняя тему.

Еще одна вещь, которую я узнала о кайджане? Он не любил беспорядочные эмоции. Его выход и ответ на любую ситуацию, имел тенденцию быть чистым гневом, направленным в действие.

— Я никогда не знала моего отца, — сказала я. — Он исчез, когда я была маленькой. Вышел в протоку на рыбалку и не вернулся.

Джексон взглянул на меня, словно имел другое мнение, но благоразумно промолчал.

— Теперь моя очередь?

— Пожалуйста, скажи мне, за что ты был осужден.

Он пожал плечами.

— Один из моих бывших отчимов страшно избил ma mere. Я не оставил это без ответа. И он заплатил за это. — Ожесточенная попытка защититься в его взгляде была ошеломляющей. Так Клотиль была не единственной женщиной, которую он оберегал от плохого обращения?

— Я сделал с ним то, что должен был сделать, что сделал бы любой другой человек, и много чего еще, что сделал бы не каждый.

— Отделал его?

Он кивнул.

- Я знал, что получу приговор, но меня это мало волновало. Он каким-то образом выжил, но никогда уже не сможет обидеть другую женщину.

Пока я думала, что это значит, Джексон сказал:

- Теперь мы можем вернуться к твоему исчезновению тем летом?

У него так много общего со мной, я могла бы, по крайней мере, сказать ему об этом. А если бы я не стремилась поговорить с кем-нибудь об этих вещах? Но я не хочу, чтобы он смотрел на меня как на мои рисунки. Потому что в какой-то момент, в течение последних девяти дней, мнение Джексона стало важным для меня.

— Ты была в психушке, не так ли?

— П-почему ты так считаешь?

— Кто-то увидел твой альбом, и тебя сразу отправили туда.

Я посмотрела на него. — Или, может быть, ты догадался, потому что видел мои сообщения Брэндону, и сложил всё вместе.

— Должны быть причины, чтобы ты расспрашивала, почему я попал в тюрьму. Я думаю, это потому, что ты тоже была заперта, только со своим fou. (Безумием).

— Тьфу! Ты похож на сыщика!

— Тсс. — Его взгляд метнулся, тело напряглось, затем он постепенно снова сел.

Я не должна была обсуждать эту тему с ним! Теперь он думал, что я сумасшедшая.

— Ты видишь видения или слышишь голоса?

Я просто подавила вздох.

— Что... как ты узнал о голосах? — почему я ничего не могу от него скрыть?

— Я не глуп, Эви. Я поймал тебя, когда ты говорила сама с собой. Много. Бормотала кому-то чтобы они оставили тебя в покое и умоляла их заткнуться.

— Я не... это не так.

— Тогда на что это похоже?

— Почему я должна тебе рассказывать? Ты просто снова посмеёшься надо мной, — я почти дрожала от необходимости рассказать ему всё. — Ты считаешь меня сумасшедшей.

— Я никогда не называл тебя сумасшедшей. Я не смеюсь.

Осмелюсь ли я довериться ему? Я прикусила нижнюю губу.

— Я не говорю сама с собой, я разговариваю с другими. Я слышу голоса, много голосов.

Они все звучат как будто они дети нашего возраста.

— Ты думаешь, что они настоящие? — спросил он нейтральным тоном.

Я вздохнула и кивнула.

- И я чувствую, что я как-то связана с ними. Как будто мы из одного улья, коллективный разум или что-то такое.

— Прости?

— Коллективный разум. Например, как общаются пчелы.

— Ты начинаешь смущать и расстраивать меня, Эванджелин, — сказал он, но как ни странно он реагировал не так, как все остальные. Неужели ничто из сказанного не беспокоило его? — Что они говорят тебе?

— Иногда ничего, кроме бреда. Иногда я слышу эти фразы повторяются снова и снова. Девушка говорит: «Узрите Несущую Сомнения». Ирландский парень всегда говорит: «Глаза к небу, ребята, я ударю сверху». От этого меня знобит.

Джексон изучал выражение моего лица, вероятно, читая меня, как книгу, я же ничего не могла понять по его лицу. Захочет ли он уменьшить количество своих проблем, убив сумасшедшую девушку?

— Как ты думаешь, почему это происходит?

— Я не знаю. Вот почему я должна добраться до бабушки. У нее есть ответы на все вопросы.

— Она экстрасенс?

Хороший вопрос.

— Я честно не знаю. Она могла бы быть им. Или, может быть, она узнала все это об Арканах от своей собственной матери, из сведений, передающихся из поколения в поколение.

Разве бабушка не говорила, что она сама была летописцем? Мэтью упомянул что-то об этом.

— Если твоя бабушка знает так много, то почему, черт возьми, она не научила тебя, прежде чем она ушла с пляжа? — сказал Джексон. — Позволь мне угадать: был какой-то секретный ритуал "передача эстафеты"- церемония на шестнадцатый день рождения, который не состоялся.

— Ее отослали, когда мне было восемь. Все говорили, что она была безумной. Мне было запрещено говорить о том, чему она научила меня.

— Но ты должна помнить, хоть что-то.

— Не много. Мне было запрещено даже думать о ней.

— Никто не может контролировать то, что ты думаешь.

Я горько рассмеялась.

- О, но они могут. — Я вспомнила, как сидела на холодном металлическом столе. Я посмотрела вниз, смущенно, увидев лужицу слюны. Даже при максимально дозированной, до миллиграммов, до не-превратись-в-дерьмо дозы наркотиков, что прокачивали через мой организм, слюна продолжала течь. Это унижало.

- Эви, ты понимаешь, почему ты должна отвергнуть учение своей бабушки? — спрашивал меня врач.

Джексон скользнул взглядом по мне:

- Они рылись у тебя в голове?

Как я могу сказать ему, что я была то под воздействием наркотиков, контролирующих каждый дюйм моей жизни в той палате, то загипнотизированная настолько, что там я с трудом помнила своё имя? Нет, не тот гипноз, который можно посчитать полезной процедурой. Гипноз, который делал хуже? Это называется промыванием мозгов.

— Да, — просто сказала я. Посмотрим, что он ответит.

Он опустил этот вопрос.

- Итак, ты прямо сейчас слышишь голоса? — когда я, в конце концов, кивнула, он внимательно посмотрел на меня. — Как, прямо сейчас?

— Не смотри на меня как будто я урод, Джексон. Я ненавижу этот взгляд! — я зажмурилась, подавленная.

Почему я рассказала ему так много? Ах да, потому что он поделился со мной. Одно различие: я не сужу его.

— Тебе снова больно из-за своих чувств? Черт, cher, я не знаю что мне делать с тобой и со всем этим.

Я открыла глаза, но не стала смотреть на него.

— С чем?

— Быть с такой девушкой, как ты. — Теперь мои брови взлетели вверх. — Да, и с твоими особенностями, и девчоночьими решениями. У тебя мягкие руки, и ты... мягкая. Но я не думаю, что ты урод.

— И ты мог бы или нет? — я представляла себе, реакцию Брэндона, если бы он был один здесь со мной. Смог бы он справиться с моей исповедью? Тогда я вспомнила, что я, вероятно, не выжила бы так долго без Джексона.

— Послушай, Эви, я видел некоторые вещи да Вспышки, вещи, которые ты не могла бы объяснить. Черт, моя grandmere, (бабушка) по слухам, была traiteuse. Такая женщина считалась у кайджанов знахарем.

- Правда?

Он кивнул. — После того, как произошёл апокалипсис, я готов поверить, во что угодно. С этими голосами тебе непросто? Mais. Но. Хочу ли я узнать, что вызывает их? Ouais. Да. Но это не значит, что я хуже думаю о тебе самой, если ты их слышишь. — Он приподнял указательным пальцем мой подбородок, пока наши глаза не встретились, и я видела, что он говорит правду.

- Просто я рад, что ты рассказала мне свою тайну. — Он склонил голову. — Хотя ты получила в тысячи раз больше, разве нет? — Намного больше.

Один из этих голосов принадлежит Смерти на бледном коне, и он хочет меня убить. Я общаюсь в качестве "яснослышащей" с сумасшедшим мальчиком, из-за которого у меня кровотечения из носа, когда он думает, что я не слушаю его достаточно внимательно. Почти каждое утро я просыпаюсь, ощущая запах крови и под звук мучительных криков. Мой взгляд упал вниз, и он опустил руку.

— Что голоса говорят сейчас?

— Они достаточно тихи, чтобы можно было игнорировать их, — сказала я. — Когда я рядом с другими, они стихают. — Я посмотрела на него сквозь прядь волос и призналась:

— Но они никогда не стихали до такой степени, до какой они утихают рядом с тобой.

— Эванджелин, — вздохнул он. — Мне никогда не будет легко с тобой, не так ли?

Хотя я боялась, все больше и больше, что он устанет от меня и оставит меня в один прекрасный день, я честно ответила: — нет.

ДЕНЬ 235 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Посреди Миссисипи

— Ты хочешь притормозить? — Джексон кричал на ветру. Я покачала головой, желая ехать дальше. Мы оставили болота почти две недели назад, я начала опасаться, что мы никогда не выберемся оттуда. С банданами на лицах и солнцезащитными очками на глазах, мы блуждали по пустынным городам, буря вихрилась вокруг нас и земля дрожала под ногами. К счастью для нас, бури стали более редкими и коротким, длящимися всего час или два в день. Благословение, так как мы передвигались пешком. Даже если Джексон смог бы починить машину, бак все равно оставался пустым.

Путешествуя пешком, мы видели тех, кто выжил — со впалыми щеками, то и дело, выглядывающих из-за забаррикадированных окон. Я всегда давала им предупредительные знаки, к большому раздражению Джексона. Но никто из них не хотел иметь с нами ничего общего...

— Оставайся за моей спиной, — говорил он с нажимом. Он всегда шел впереди, заслоняя меня от ветра, а я плелась следом.

Во время худших моментов бури, я хваталась указательным пальцем за его петлю для ремня, что всегда забавляло его. Я делала это и сейчас, молча следуя за его широкой спиной, вниз по еще одной "главной" улице. В такие дневные часы, Джексон как обычно держал ружьё в руках, перекинув арбалет и сумку через плечо. Сегодня он снова выглядел таким возбуждающим...

Без предупреждения, в моей голове раздались удары. Нос зачесался. Мэтью. Моя банда была постоянно окровавлена изнутри, благодаря его любезным появлениям. Джексон мог держать в узде голоса, но Мэтью доказывал обратное. И с каждым его визитом я убеждалась, что это он посылает мне видения. Я не верю, что я когда-либо была ясновидящей. Он был единственным, кто обладал этим талантом. Кровь начала капать с моей верхней губы. Эти перемещения в видения были самыми худшими моментами. Я просто продолжала идти, даже когда Джексон исчез, и все, что я видела вокруг себя, было подвалом Мэтью.

— Найди меня, друг.

Я держала свой рот закрытым, заставляя себя не говорить вслух. «Я сказала тебе, что должна найти свою бабушку в первую очередь. Но все же, где ты?»

— На твоём пути.

— В самом деле? В каком городе ты находишься?

— Арканы означают тайны; сохрани наши.

Не понимаю. Если бы мне давали равиоли, за каждый раз, когда я говорила, Мэтью «что...»

— Ты видела красную ведьму?

— К сожалению, я вижу сны о ней все время. Жива ли она?

— Она придет. Придет за тобой. Императрица борется с красной ведьмой. Ты должна

узнать ее сильные и слабые стороны.

— Ты ожидаешь, что я встречу с ней лицом к лицу?

— Эви, ты должна быть готова.

— Придется. Боже, почему я терплю тебя?

— По той же причине, что я терплю тебя.

— Какой?

— Мы друзья.

Как только он ушел, я украдкой смыла кровь, водой из моей фляги. Только я закончила, как буря прекратилась. Когда зола над городом рассеялась, температура начала повышаться. Запах мусора поднимался от раскалённой земли. Я расстегнула молнию толстовки и сняла бандану, оглядывая площадь. Я смогла увидеть гораздо больше вокруг себя. Но не хорошего. Конечно, были и тела. Но это было еще хуже... Через плечо, Джексон пробормотал мне: — Bedlam.

Я начинаю понимать его желания решать головоломки.

Каждые несколько футов, новые тайны дразнили меня. Восемнадцать лошадей лежали на крыше дома. Справа от меня, кто-то старательно прибил свадебное платье и фату к входной двери. Темный рукав взмахнул на ветру. Слева от меня, мертвый мужчина и мальчик лежали на газоне перед домом, как будто делали снежных ангелов в золе вплоть до самого конца. На мусорном контейнере кто-то написал: «Глаз урагана, прислушайтесь к буре в себе»... Бессмыслица. Я изо всех сил пыталась придавать значение вещам, читать подсказки. Но после Вспышки мало что имело смысл. Я спрашивала себя, насколько же все стало плохо, что в такой ситуации даже Джексон кажется мне нормальным.

Впереди послышался стон Бэгмена, прикованного за шею к холодильнику, извивающегося на месте, его брюки сгнили. Кто в здравом уме считает, что посадить на цепь Бэгмена — хорошая идея? Его кожа была в чём то липком, чем то, что я видела в болоте, он застонал громче. Джексон остановился перед ним, предлагая мне свой арбалет.

- Стреляй.

Я покачала головой.

— Давай, он будет тебе хорошей практикой.

— Нет, Джексон. — Я решила, что Бэгмен должен жить? Вовсе нет. Но я не хочу стрелять в него. Что, если мне... понравится убивать?

Ведьма наслаждается убийствами. А я жизнью.

Угрюмо посмотрев на меня, Джексон застрелил его. Он был великолепным стрелком. Он удивил меня, спустя некоторое время, когда мы пробирались через открытый фюзеляж автобуса. Он взял мою руку, помогая мне перелезть через мусор. Я поморщилась, мои внутренности по-прежнему болели после столкновения с ремнем безопасности, я всё еще ощущала последствия аварии.

— Ад на земле, да? — спросил он, когда мы вышли.

Я кивнула и дрожащим голосом сказала. — Единственные слова, которые могут описать все это.

— Ты знаешь, вначале я хотел видеть, как ты справишься с такими вещами, вроде тех, что мы преодолели за последнее время, увидеть, когда тебе станет тяжело.

Мой строгий сержант. — А теперь?

— Теперь я желаю тебе никогда не испытать эти сложности. Но все продолжает ухудшаться, — сказал он, продолжая идти.

Я верила в это. Я была бы в более отчаянном положении, если бы не знала того, что каждый шаг приближает нас к Северной Каролине, — это и мое растущее увлечение Джексоном.

Это было ошеломляюще, я знала его в школе и никогда не догадалась бы, что он может быть таким замечательным. К сожалению, мое увлечение быстро превращалось в безрассудную страсть. Я сказала себе, что никогда не буду усложнять отношения между нами. Так почему же я была в полном восторге, когда Джексон начал носить за меня мой рюкзак?

Прошлой ночью мы были вынуждены остаться в библиотеке, одной из тех, которые не сгорели в городе, но, по крайней мере, эта не была заперта. Пока мы блуждали между стеллажами с его заводным фонариком, я его дразнила:

— Ты сегодня нес мой рюкзак. Значит ли это, что я тебе нравлюсь? Хм? Ведь так поступает кавалер для своей дамы?

Его плечи застыли от моего тона.

— Или, может быть, я помог тебе, потому что ты замедляешь наше передвижение

— О, — я могла бы сказать, что почти почувствовала боль. — Вот как. — Но потом я подумала, что, может быть, Джексон набросился на меня, потому что я нашла щель в его броне. Это означало, что он, как и я, думал о себе, как моём кавалере. Это также объясняло, почему он беспокоился всякий раз, когда мой желудок рычал. Такой человек, как Джексон, стал бы защищать любую девушку, "принадлежащую" ему, и был бы разочарован тем, что он не может обеспечить ее. Конечно, все это было спекуляцией. Скорее всего, как Джексон неоднократно говорил, я просто не понимаю ничего в парнях. В конце концов, с чего бы я должна ему нравиться? Я была все той же прежней Эви, которую он высмеивал и ругал. Я была не самым важным элементом этой команды. В дороге, мой набор навыков состоял из суеты над любой травмой, жалоб, а иногда я говорила с ним по-французски — мне казалось, он расслаблялся от этого.

Он считал меня бесполезной до апокалипсиса. Впервые, увидев меня после него, он назвал меня одним словом: *de'rouille* (горячая грязнуля). У меня не было иллюзий, что я могла бы изменить его мнение о себе. Тем не менее, когда я нашла книгу Робинзон Крузо на библиотечных полках, я тайком сунула ее в рюкзак, чтобы дать ему позже.

— За мной, Эви! — отрезал Джексон. Он прижал ружье к плечу, направив его в сторону дома. Без лишних вопросов, я просто встала за ним.

Мужчина средних лет стоял на крыльце, направив винтовку на нас. Три мальчика десятилетнего возраста прятались за ним. Все, что мужчина сказал, было:

— Продолжайте идти, незнакомцы.

Так мы и сделали, Джексон впереди, я за его спиной. Но затем взгляд человека метнулся с ружья Джексона... и задержался на мне. Ярость сразу, казалось, вскипела в Джексоне.

— Забудь об этом, старик, или умрешь там, где стоишь.

Человек не отступал. Затем Джексон кивнул в сторону.

— Твои мальчики будут следующими, но я не хочу тратить свои пули на них.

От жестокой угрозы, мужчина сглотнул и с тоской посмотрел на меня. В конце концов, он опустил винтовку. Держа его в поле зрения, Джексон посмотрел в одну сторону. В другую. Чисто.

Только потом он перевёл взгляд на мою голову, хмуро глядя на мои распущенные

волосы.

— Начинай искать шляпу или ножницы.

Отрезать мои волосы? Я пожала плечами, и, несмотря на жару, обратно одела свою куртку, натягивая капюшон на голову.

— На самом деле он думал о попытке забрать тебя, — прохрипел Джексон — забрать тебя от меня.

Я вздрогнула. Что-то подсказывало мне, что этому человеку была нужна не няня для его мальчиков. Мы шли, и оба молчали. Джексон все еще кипел, и я старалась держаться в стороне. Мы только что видели, вероятно, последнюю четверку выживших в этом городе. Все мужчины.

Иногда мне казалось, что глупо полагать, будто моя бабушка была еще жива. Но тогда я напоминала себе, что я пережила Вспышку, и мама тоже. Может быть, что-то было в наших генах, что спасло нас? И бабушка знала бы где укрыться, смогла бы подготовиться. В душе я верила, что она жива. А это означало, я должна связаться с ней. Порой, я смотрела на ее фотографию, которая принадлежала моей маме, мучительно пытаюсь вспомнить больше из того, чему бабушка меня учила. Медленно, очень медленно, я вспоминала последний день с ней. Я вспомнила подробности обо всех картах, которым она меня учила, но особенно о Смерти.

На малиновом фоне, Жнец был одет в черную броню, с косой наперевес, ехал на белом коне. В руке он держал черный флаг, украшенный белой розой. Его жертвы — мужчины, женщины и дети, все были на коленях перед ним, умоляюще сложив руки. Хотя изображение было жутким, я вспомнила, что была увлечена этой картой больше, чем всеми остальными, даже своей собственной. Это заставляло бабушку... нервничать? Когда она спросила, напугала ли меня эта карта или может, разозлила, я уверенно покачала головой.

— Мне его жалко.

Бабушке абсолютно не понравился мой ответ.

— Почему ты чувствуешь жалость, Эви? Он негодяй!

— Его лошадь выглядит больной, и у него нет друзей...

Сейчас я снова вспоминала прошлое, углубляясь дальше. Тем не менее, казалось, что чем сильнее я боролась, чтобы вспомнить больше, тем быстрее воспоминания выскальзывали из моих рук. Главное, что я запомнила? Голос бабушки из прошлого:

— Иногда ты должна позволить вещам происходить, Эви.

Я подозревала, что слишком сильно давила на себя, блокируя все свои способности. Но я не знала, как перестать это делать... Джексон бросил на меня короткий взгляд.

— Посмотри туда, Эви. — Он кивнул подбородком на лежащий впереди мотоцикл, валявшийся на боку в куче золы.

— Джексон, осторожнее.

— Всадник получил коня. — Он проследил взглядом сухие полосы крови и слизи, темной полосой ведущие от мотоцикла в пожарную станцию.

— Они утащили его вон туда, в тень, чтобы питаться. — Пожав плечами, Джексон поднял мотоцикл в вертикальное положение, вытащил подставку. — Ключ в замке.

Мои глаза метнулись в сторону тени. — Уходим!

— Нуууу, не без этого мотоцикла. — Он пробежал ладонью вдоль рамы, так же благоговейно, как изучал мои картины.

— Ты представляешь, что это такое?

— Меня должно это волновать?

Как будто он говорил с ребенком, он сказал: — Это Ducati*.

(*Прим. ред. Ducati Motor Holding S.p.A. — итальянский производитель мотоциклов. С июля 2012 года Ducati является подразделением Audi AG. Ежегодно производит около 40 тысяч мотоциклов.)

— И что?

Выражение его лица говорило о том, что я только что нанесла ему обиду или что-то в этом духе.

— Это мотоцикл над всеми мотоциклами! — он говорил с волнением и выглядел подростком в этот момент, стоя рядом с мотоциклом. — И найти его сегодня? Это знак, Эви. Удача повернулась к нам лицом. — Он стал заводить его. Когда двигатель завёлся, его губы изогнулись.

— У него почти полный бак.

— Мы не можем перелить горючее отсюда в машину?

— Ничто не исправит её. — Он открыл отсеки хранения в мотоцикле, безжалостно выбросил сувениры и фотографии мертвеца, чтобы положить свою сумку и арбалет в пределы легкой досягаемости. Там даже был пустой кожаный чехол для ружья Джексона.

— Прекрасно подходит. — Он повернулся ко мне. — Ты готова?

— Я никогда раньше не ездила на мотоцикле.

— Pardon? Я не правильно расслышал?

— Это правда. Мама никогда не разрешала мне. — Я нахмурилась, места для меня осталось мало. — Гм, мой капюшон не выдержит, и я не хочу обрезать волосы.

— Мы сделаем исключение для этой поездки. Давай. — Когда я протопала к нему, он потянулся к моему капюшону, одевая его мне на голову. — Ты ведь не боишься?

В ответ я подняла подбородок и неуклюже уселась за ним. Наши тела теперь имели минимум сорок точек соприкосновения. Я откинулась на спину. Интересно, куда я собираюсь положить руки.

Когда я поняла, как сильно мои джинсы натянулись на бедрах, я увидела что он уже повернулся ко мне, его взгляд остановился на моем правом бедре, и только потом, качая головой он медленно передвинул взгляд на левое. Он издал сдавленный звук, а затем положил свои большие, загорелые руки плашмя на мои колени. Даже сквозь джинсы, ладони были обжигающие.

— Джексон! Он сжал руки в кулаки, костяшки пальцев побелели. Сама мысль, что я на него так физически действую, сделала моё дыхание частым и прерывистым. Без предупреждения, он протянул руку назад и прижал меня еще ближе к себе, пока я не оказалась на одном уровне с его телом — колено к колену, грудь прижатая к спине. Затем его руки оказались между нами! Прежде чем я успела запротестовать, он вытащил из заднего кармана свой нож. Сунув его в ботинок, он пробормотал: — Это тебе может понадобиться в пути...

— О чём ты?

— Там, где ты положишь свои руки — вокруг меня, cher.

— Может быть, это не очень хорошая идея.

— Эви. Руки. Сейчас.

Я закатила глаза. После колебаний я, наконец, обвила его руками.

Он привстал, чтобы освободить подставку. Мои сложенные руки скрестились над ним...

там. Он втянул в себя воздух, мышцы резко напряглись, мое лицо запылало, я дернула руки обратно.

— Если ты прикоснешься ко мне так еще раз, Эванджелин, — его голос охрип, он опять опустил на свое место, — то я сброшу тебя с этого мотоцикла на ближайшую горизонтальную поверхность. И я не буду разборчивым, нет.

После моего вдоха, он пояснил:

— Я бы хорошенько нанизывал тебя несколько дней, bebe.

Должно быть, он подозревал, что я собираюсь сбежать с мотоцикла. Я подумала о том, как бы это было, его горящие руки, такие грубые и мозолистые. Я обхватила его намного выше талии.

— Именно так, мы понимаем друг друга. Затем он снял подставку.

«Хорошенько нанизывал»? Что именно я должна была делать с этим знанием? Я словно статуя сидела за ним, мы ехали на огромной скорости по пустынной дороге, по городу и за его пределы, минуя заброшенную детскую площадку, широко открытые ворота церкви, поле с белеющими останками крупного рогатого скота. Но с каждой милей я начинала расслабляться. Я заметила, что всякий раз, когда Джексон и я прикасались друг к другу, голоса замолкали. Не просто притихали. Почему? Я вздохнула, решив подумать, об этом в другой раз. На данный момент я просто тихо наслаждалась. И воздух дул почти как кондиционер. Пахло почти чисто. Я закрыла глаза и подняла лицо.

— Тебе нравится?

Я открыла глаза, чтобы поймать его взгляд, он смотрел на меня через плечо. Я закусила губу и кивнула. Он кивнул мне своим сексуальным кивком подбородка, а затем поехал быстрее.

Адреналин заструился по венам! Я любила скорость, ощущение мотоцикла, то, как он мог заставить нас двигаться так легко.

— Быстрее!

Он поднял брови.

— Держись крепче.

Как только я сжала руки вокруг него, двигатель взревел, передние колеса ненадолго поднялись над землей. Я вскрикнула, затем откинула голову и рассмеялась. Сколько времени прошло с тех пор, как я смеялась? На поворотах, мы наклонялись вместе. Когда он наклонялся я ныряла вместе с ним. Но вскоре я все меньше интересовалась поездкой и всё больше интересовалась водителем. Его слишком длинные волосы развевались на ветру, я мельком увидела загорелую кожу на шее. Я подумала, на что походило бы ощущение моих губ на гладкой коже, если я его там поцелую. Джексон часто был таким грубым, но все, это было забыто, когда я подумала о том, какой он теплый и сильный в отличие от меня. Или, когда я вспомнила, какой он храбрый и умный.

Мама сказала, что могло бы быть намного хуже, чем Джексон Дево. В этот момент, я сделала вывод, что она была права. Что было бы, если бы он был моим парнем? Попытавшись представить себе это, я вздохнула, прижав одну сторону лица к его спине, полностью расслабившись. Вскоре истощение одолело меня. Постоянный гул двигателя усыплял. Мои веки отяжелели.

— Спи, если хочешь. — Он накрыл мою руку своей. — Я с тобой.

Я любила, когда он говорил это.

— Ты уверен?

— Я найду нам *bonne* (хорошее) место для ночевки. У нас есть время.

Хотя мне было любопытно, сколько, по мнению Джексона, у нас есть времени, сон одолел меня.

Когда я проснулась, высоко в небе стояла полная луна, и Джексон только сейчас начал снижать скорость.

— Мы не остановились на ночь! — я осмотрелась вокруг. Мы находились в богатом районе. — А как насчет Бэгменов?

— Их нет, — сказал он. — Ночь сегодня ясная, может быть, они думают, что это солнце взошло. Кто знает? — он казался пьяным, когда притормозил и остановился. Но от него не пахло виски, по крайней мере не больше, чем обычно. — В любом случае, дорога чиста.

— Дорога куда?

Он поставил мотоцикл на подставку перед пугающими воротами, с зажженными по бокам лампами. — Я думаю, здесь, — сказал он, почесывая голову с ошеломленной улыбкой. — Эй, Эви, надо это место проверить на безопасность. Заборы должны защитить от безмозглых Бэгменов. — Затем он пробормотал: — но не от нас.

Он слез с мотоцикла и мне сразу стало холодно и одиноко.

— Что это за огни, Джексон? Я чувствую себя наживкой в ловушке. Может пойдешь туда один?

— Готов поспорить, что внутри есть продукты. — Он уже вклинивал свой арбалет между двумя воротами, используя его как рычаг, чтобы отодвинуть их друг от друга. — Смотри и учись, реекон. — Один рывок, между воротами показался свет и они раскрылись. Он повернулся, схватил меня за талию и поставил на ноги.

- Мы пойдём пешком, мотоцикл оставим здесь. — Он закатил его за забор, и закрыл ворота позади нас. Еще один щелчок прозвучал, когда они закрылись.

Когда дом — гигантский кирпичный особняк, — появился в поле моего зрения, он низко свистнул.

- Черт, Эви, ты должна чувствовать себя здесь как дома.

Я сузила глаза на покрытый зеленью ландшафт, повсюду были огни. — Они электрические.

— У них наверное есть генератор.

— Который был заряжен все это время, да? Это место наверняка занято.

Он даже не замедлил шаг.

— Или, может быть, нам повезло. А вдруг владелец отправился в город и попал в беду? На него возможно, напали Бэгмены. Как на водителя этого мотоцикла.

Я потеряла руки.

— У меня плохое предчувствие.

— В последний раз, когда у тебя было хорошее предчувствие, мы потеряли все чем владели, чуть не попали в плен, и провели ночь в болоте кишашем Бэгменами. Я хочу воспользоваться шансом и остаться здесь, — сказал он. — Так или иначе, уже слишком поздно, чтобы искать другое место для ночлега. Если здесь есть кто-то, и он порядочный человек, мы с ним обменяемся ювелирными украшениями. Если он не порядочный, справимся с ним...

— Ты собираешься прокрасться в дом в отсутствие владельца?

— В этот дом? — он ухмыльнулся. — J'pourrais. — О, да.

После того как мы припарковали мотоцикл рядом с боковым входом, он обошел дом со своим арбалетом в руках, оглядев в каждую деталь, прежде чем подойти к двустворчатым дверям.

— Они закрыты. Но не плотно.

Одним концом своего арбалета, он разбил стекла боковых фонарей, что стояли по обе стороны двери. Шум, казалось, был оглушительным. Вместо того чтобы войти, он стоял неподвижно, склонив голову. После нескольких нескончаемых мгновений он открыл дверь, глубоко вдыхая воздух. Запах свежий. Нет Бэгменов? Подняв оружие, Джексон, наконец, вошел в дом, со мной за своей спиной.

— Это ошибка, — прошептала я. Чувствуя щекотание в своей голове, я пытаюсь вспомнить что-то из повторяющегося бормотания и бреда Мэтью.

— Почему быть здесь так важно для тебя?

— Потому что тебе здесь понравится. Такая хрупкая девушка, как ты, должна принадлежать такому месту, как это.

— Я бы предпочла, старую лодку.

— Я не хочу даже говорить об этом.

Лампы горели низко, освещая интерьер настолько, что мы смогли обыскать этот богато украшенный дом.

Это было похоже на голливудский фильм или режиссерскую площадку. Даже я была поражена богатством. Каждая комната была еще более роскошной, чем предыдущая.

— Это похоже на ловушку, — повторила я.

— Поверь мне, Эви, это место просто красивое. Понимаешь? Я теперь осознал смысл этого слова. И подумай вот о чем — если у тебя ещё есть силы возможно ты сможешь принять горячий душ.

Я чуть не застонала при мысли о трубопроводе с горячей водой. Но когда я почувствовала ветер, доносившейся из воздушного вентилятора, я сказала:

— Почему жилец так расточителен? В конце концов, энергия закончится.

— Хе.

— Что, хе?

— Электричество исчезло после апокалипсиса. Но я уверен, что каждая комната в твоём большом особняке была холодной, как холодильник все лето.

— Ситуация становится всё более напряженной.

— Подумай, ты можешь завтра умереть, почему бы не отложить отъезд? Часть меня восхищается владельцем всего этого.

Иногда, когда он говорит такие вещи, я вспоминаю, какими мы были разными. Принципиально иными.

- Мы должны решить остаемся или нет...

Мы обыскали оба крыла сверху донизу, и нашли еще больше роскошных вещей. В спальнях — шкафы полные дизайнерской одежды и обуви. Гараж полон снаряжения для кемпинга, новейшего аварийно-спасательного снаряжения и колоссальный резервуар для хранения горючего.

И ни одной машины, однако. В огромной кухне, Джексон открыл один из двух холодильников, который был удивительно хорошо укомплектован желе, приправами и напитками. Он кротко прикрыл глаза от ощущения холодного воздуха, а затем сказал:

— Иди сюда, — толкнув меня перед собой, чтобы я могла почувствовать это, он стоял у

меня за спиной, положив руку на мое плечо.

— Согласись это того стоило, просто чтобы почувствовать холод.

Хотя я по-прежнему настороженно относилась к пребыванию в этом доме, я напомнила себе, что Джексон справится с кем угодно, пока с ним его арбалет. Так что я тоже закрыла глаза, и мы просто стояли там в течение долгих мгновений. Потом я почувствовала, что он протиснулся мимо меня.

— Иисус, охлажденное пиво. Ну, вот и все, я нашел, что мне нужно. — Он подцепил пару бутылок, поднимая их за горлышко. Зажав пиво в руке, он повел меня в самую большую кладовую, которую я когда-либо видела.

— Найди что-нибудь поесть, женщина.

Я изогнула бровь, но осмотрела кладовую, там всего было достаточно, особенно для двух человек, питавшихся в течение нескольких месяцев консервами и продуктами в герметичных упаковках, которые таскали в своих мешках. Мы поспешно начали набивать рюкзаки энергетическими батончиками на всякий случай, вдруг мы будем вынуждены бежать. Я просмотрела полки, выбирая обед. При виде банки с вишнями для коктейлей мой рот наполнился слюной. Я взяла ее, а также пару банок маслин, коробку печенья, и мешок с гигантскими кренделями, что берут на пикник. Мы наслаждались пивом и кренделями. На десерт, Джексон достал печенье, а я полезла в банку с вишнями. Когда я бросила одну в рот, мои глаза закатились от удовольствия.

— Ты любишь cerises (вишни), да? — он подсел ко мне ближе. — Я тоже хочу вишню. Просто жажду.

Кайджанский намек, Джексон?

— Вот. — Я мило улыбнулась, держа рукой ягоду за хвостик. — Это все, что ты получишь.

— Звучит как вызов. — Со злым блеском в глазах, его ровные белые зубы вырвали её из моих пальцев.

Взволнованная, я сделала глоток своего пива. Но он прижал палец к доньшку бутылки, наклоняя, пока я с придыханием не прикончила ее.

— Ты хочешь, чтобы я опьянела? — раньше эта бутылка ничего бы не значила, но теперь от одного пива у меня всё приятно гудело.

— Sans doute. (Без сомнения).

Ладно, он определенно флиртует со мной. Потому что я была единственной игрушкой в городе, и он был... возбужден? Должно быть так и есть. Ведь здесь все та же прежняя Эви.

Он закончил свое пиво, за ним последовал глоток из фляжки.

— Давай посмотрим, что снаружи. — Он взял свой арбалет в одну руку и мою свободную руку в другую, и повел меня к высоким французским дверям. Мы вышли на огромную экранированную веранду, похожую на сказку, с беседками и летней кухней. Полная луна, осторожно освещающая площадку, не выглядела затронутой апокалипсисом. Сопровождая меня дальше на улицу, он заявил:

- Мы дома, Эви Грин.

Он замолчал, глядя на сверкающий в лунном свете бассейн. Заполненный бассейн.

Вода. Смертельная ловушка.

— Иисусе, — пробормотал он, встряхнув головой. — Луна или нет, почему здесь не кишат Бэгмены?

Я потянул его за руку.

— Джексон, мы должны идти!

— Оставайся здесь. — Он подошел к краю бассейна, присев на корточки, чтобы окунуть палец. После дегустации воды, он поднялся с выражением восторга. — Это соленая вода, bebe.

Соль? Тогда она отталкивает их, верно?

Он кивнул.

— И вода теплая.

— Откуда все это взялось?

Прислонив арбалет к креслу, он сказал:

— Частная вилла. Такая же, как твой Хейвен.

Но мы не можем здесь плавать.

— Джексон, пожалуйста. Владелец может вернуться в любую минуту!

— Зачем кому-то приходиться сюда так поздно? — Джексон скинул сапоги. — Хозяева этого места уже нашлись.

— Ты не сделаешь этого!

В ответ он стащил рубашку через голову, обнажая жесткое сплетение мышц. Да, раньше я мельком видела его без рубашки, но это был первый раз, когда я совершенно задохнувшись смотрела на него. На его лицо и широкую грудь, все еще загорелую, глаза, казалось, светящиеся в лунном свете. Четки из черного оникса на шее, блестели, когда он двигался. Он собирался полностью раздеться перед моими глазами, но я не могла отвести взгляд. Я прикусила нижнюю губу. В любую минуту я могла бы отвернуться. В любую минуту. Он начал расстегивать свой ремень, его мышцы живота были рельефными. Я ощутила слабость в коленях.

В любую минуту.

Достигнув молнии, он поднял голову и встретил мой взгляд. Я замерла, ничего не могла делать, только смотреть. Он поднял брови, смотря на меня, бросая вызов, его пальцы медленно потянули молнию вниз. Когда я, наконец, пришла в себя настолько, чтобы повернуться к нему спиной, я услышала, как пряжка его ремня упала на кафельный пол, шелест, его штаны упали. Широко раскрыв глаза, я отрезала:

— Это глупо, Джексон.

В один удар сердца, он подошел вплотную к моей спине, обнял за талию и сбросил нас обоих в бассейн.

Я вынырнула на поверхность, вытирая воду с лица.

- Ты с ума сошёл? Тьфу! Я не буду купаться с тобой нагишом.

Шокированным тоном, Джексон спросил:

- Купание нагишом? О, Эванджелин и ее грязные мысли. — Он посмотрел вниз. Я увидела, что он оставил на себе пару темных боксеров.

— О. — Прозвучало так, будто я разочарована?

— Тем не менее, я с этим не согласна. Мы должны, — как ты это называешь? — наблюдать за местностью.

— Так ты слушаешь меня, время от времени? Кто бы мог подумать. Послушай, я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. Я всегда услышу, если кто-то будет приближаться.

Когда я осталась при своем мнении, он сказал:

— Я сказал тебе, что никто не сможет напасть на меня. Ты мне доверяешь?

У меня не было особого выбора.

— Ты не мог бы помочь мне снять ботинки? — я вытащила их и носки, бросая их возле арбалета.

— Ты права. Я должен был позволить тебе раздеться. Затем он плеснул водой мне в лицо.

Я снова разозлилась, но он улыбался. Не ухмылкой, а реальной улыбкой. Посмотрев на его губы, я почувствовала, как улыбаюсь в ответ. Я указала ему за спину.

- О, смотри! — когда он развернулся, я плеснула ему на затылок.

Он смотрел на меня. — Теперь ты пожалеешь! Ты связалась с быком... — Он преследовал меня по мелководью, пока я визжала от смеха.

Это было невероятно, снова вести себя как нормальные подростки. Флиртовать и играть. Голоса благословенно стихли. Прежде чем он поймал меня, я нырнула, плавая вокруг него, и дернула его вниз за щиколотки. Он не мог знать, что в другой жизни, я была террористом в бассейне. Я делала ему подножки, и он опускался на дно, как камень. Вынырнув на поверхность, казалось, он был удивлен и рад, что я играла с ним. Я никогда не видела игривую сторону Джексона, улыбался он и раньше, но никогда без своего обычного беспокойства. Я поняла, что до сих пор никогда не видела его счастливым. И, черт подери, мне нравилось, то, что я вижу.

— Ты улыбаешься.

— Наверное. — Его влажные волосы прилипли к щекам.

— Это лучший день, который у меня был за долгое, долгое время. — Он начал подталкивать меня к краю бассейна, и я позволила ему это. Потoki воды скользили по его широкой груди и рельефному животу. Я хотела следовать за этими каплями своими губами... Ладно, может быть, Джексон был не единственным, кто был возбужден.

— Гм, лучший день? — даже когда моя спина ударилась о борт, он продолжал пододвигаться ближе, пока я не почувствовала тепло, исходящее от его тела. Я подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Его улыбка казалась самодовольной, когда он сказал, — у меня есть новый мотоцикл, jolie (очень) сладкая для меня девушка и особняк для нас, в котором мы можем жить.

Теперь я поняла, что у меня была реальная проблема. Джексон Дево был почти неотразим.

— Сладкая для тебя? Пожалуйста.

— Я могу так сказать.

— Почему?

— От тебя пахнет жимолостью, когда ты ласкова с Джеком.

О, мой Бог. Как мне и говорили, я пахну цветами. Неудивительно, что все делали мне комплименты.

— Когда ты сходишь с ума, от тебя пахнет розами. Возбуждена? Сладкий оливковый. Я собираюсь выяснить все остальные запахи...

В то время пока он говорил, ошеломляя меня своей пронизательностью, я пробормотала:

— Э-это смешно. — Как я собираюсь скрывать свои тайны всю дорогу до Северной Каролины?

— Что это? — он медленно придвинулся еще ближе.

— В любом случае, я не могу быть «сладкой для тебя».

— C'est уга. Это правда. Но я знаю, что это лишь малая часть.

Я смотрела, не в силах сказать, дразнит он или нет. — Растопил мое сердце, кайджан.

Он подался вперед, прижимая меня к краю бассейна, по обе стороны были его руки.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь впервые тебя поцеловать.

Сердце остановилось от этих слов.

— Т-ты говорил что-то похожее на моей вечеринке, но я за это заплатила.

— Я тоже. Боже, как я хотел, почувствовать твой вкус. — Тлеющий взгляд серых глаз остановился на моих губах. Я провела языком по губам, как тогда.

— Ты знаешь, сколько ночей я мечтал о том, как целую тебя? Я помнил каждую деталь о тебе. Я не мог сказать, какого цвета твои глаза — голубые или зеленые. Твои губы были красными, это было сексуально, но я не мог решить, нравится мне это или нет. Потому что это было не по-настоящему.

Значит, тот поцелуй не был простым трюком! Он чувствовал то же волнение и притяжение, что и я.

— Эванджелин, ты, как... как *reekon dans ma patte*. — Колючка в моей ноге. Как уместно. Я предполагаю, что такова моя натура, Джексон. — И я совсем не могу изменить это, нет. — Его глаза были совершенно завораживающими. Впервые за несколько месяцев я хотела рисовать — просто запечатлеть этот взгляд навсегда.

— Давай избавимся от этого, *cher*. — Когда он потянул за подол моей мокрой толстовки, я подняла руки выше, чтобы он мог стащить ее, оставив на мне белую майку. Которая, в настоящее время, была абсолютно прозрачной. Я могла бы с таким же успехом не надевать ничего. Его взгляд резко опустился, веки отяжелели, а кадык дёрнулся. Хриплым голосом, он сказал

— Пощадите меня.

Я никогда не видела его таким и не была полностью уверена в этом парне, который смотрел на мое тело, представляя, как он будет прикасаться к нему. Мое лицо и грудь покраснели от смущения. Когда я уже была готова провалиться под землю, он сказал:

— Non, позволь мне видеть. — Его акцент стал сильнее. — Я ждал слишком долго,

чтобы увидеть тебя такой.

Но мы были вместе только пару недель. Он провел пальцами по моей скуле, словно мое лицо было сделано из тонкой керамики.

— А-ах, пробормотал он и наклонился, чтобы слегка прикоснуться своими губами к моим. Его губы были такие твердые и теплые. Я могла чувствовать вкус виски. Он был совершенным... поцелуй, конечно. Он приоткрыл губы, уговаривая меня сделать то же самое. Как только я это сделала, он неторопливо погладил мой язык... и снова. Расслабленное, грешное прикосновение. Меня наполнила энергия радости. Это было так захватывающе. Наши языки встречались, снова и снова, пока я не смогла остановить стон. Я хотела от него большего. Я хотела, чтобы это никогда не заканчивалось. Мне нужно больше. Я теряла контроль; почему он нет? Его поцелуй был чувственным, но преднамеренным, словно он делал это специально. Как будто он хотел что-то доказать? Когда эта мысль возникла в моем затуманенном мозгу, он отступил с дерзкой ухмылкой.

— Теперь ты понимаешь, о чем я говорил. — Он провел большим пальцем по моей нижней губе. — Ты не смеешься сейчас.

— Больше. — Я подняла руку, мои пальцы вцепились в его темные волосы, сжимая и притягивая его обратно ко мне.

Он прохрипел: — Эви? — перед тем как наши губы встретились снова, наши языки...

Я провела руками по его спине, по изгибу его мышц. Я не могла прекратить касаться его, не могла сдержать свое двигающееся тело напротив его. Когда я сделала это снова, он углубил поцелуй. И еще. Вскоре я задышалась, а он стонал. Его руки обхватили меня за талию, спускаясь к моим извивающимся бёдрам. Он сжал их, а затем потянулся к моей заднице, сжимая меня растопыренными пальцами, мучительно прижимая мое тело еще ближе к своему. Он дрожал из-за меня? Теперь потеряли контроль мы оба. Я любила его стоны, любила чувствовать их, и то, что мы прижимались друг к другу так плотно. Как он и обещал, мы дышали друг для друга, и я не могла насытиться. Для меня это было изменением игры, линией на песке. Жизнь до наших поцелуев и после. Он обвил свои сильные руки вокруг меня, поднимая меня, прижимая меня к своей твердой груди. Я смутно понимала, что мои ноги больше не касались дна бассейна. Он оторвался от моих губ и стал целовать шею, и говорил, обдавая ее горячим дыханием: — *Tu me fais tourner la tete! Ton parfum sucre, tes secrets.* Ты сводишь меня с ума! Твой сладкий запах, твои секреты. Проводил горячим языком по моей шее...

— Ах, Эви, ты на вкус так же хороша, как и пахнешь.

Я тяжело дышала: — Джексон...

Он отодвинулся, давая мне соскользнуть вниз, чтобы я могла стоять. Его голос был сиплым, когда он сказал:

— Если ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя снова, ты будешь звать меня Джек.

Я не могла думать. Я издала звук в знак согласия.

— Скажи это.

Моя голова отклонилась назад, и я прошептала: — Джек.

Он обхватил мое лицо своими мозолистыми ладонями так, чтобы я смотрела ему прямо в глаза. Существовало что-то притягательное в его выражении лица, что-то мужское и... взрослое, что я совершенно не могла понять, все, что я знала, это то, что от его пристального взгляда мое сердце пускалось вскачь.

— Ты сказала, ты хотела больше?

Его поцелуев?

— Боже, да.

Он выдохнул сдерживаемое дыхание. "Bien" (хорошо). Затем он поднял меня снова, сжимая меня в своих объятиях. Когда он поднялся на ступеньки бассейна, он водил губами по моей шее, держа меня в тумане блаженства. В мое ухо, он прохрипел: "T'chauffes mon sang comme personne d'autre" Ты нагреваешь мою кровь, как никто другой.

Я дрожала от восторга, лишь смутно интересуясь, куда он несет меня. Может он опустится на джинсы рядом с его вездесущим арбалетом. Моя спина натолкнулась на подушки. Беседка? Лежачее кресло для отдыха на двоих? Ах, больше поцелуев! Он лизал мою мочку уха, заставляя меня кричать, а мою спину выгибаться. Это была моя молния? На мгновение я почувствовала себя невесомой, а затем прохладный воздух повеял над моими влажными ногами, и моими трусиками.

Он зашипел. "Ma belle fille". (Моя красивая девушка). — Он последовал за мной вниз, лежа наполовину на мне, наполовину на кресле. Когда он начал возиться с чем-то в кармане своих джинсов, я пробормотала: — Джек?

Он приподнялся на мне на одной выпрямленной руке, подмигнул с волчьей улыбкой, такой сексуальной, что это развеяло мои мысли.

— Я позабочусь о тебе, bebe. — Он достал презерватив в обертке, держа его между белыми зубами, он провёл горячей ладонью вверх моему животу, пока моя майка не задралась. Он смотрел проказливо и грешно и... о-мой-бог-у-него-есть-презерватив? Для меня?

— Подожди! — все происходит слишком быстро, выходит из-под контроля. — Ч-что ты делаешь? — Я не соглашалась на секс! Он собирался сделать меня своей следующей любовницей, без предложения быть его подругой. А что, если презерватив порвётся? Я могла бы поклясться, что он прихватил их из аптечки со старой лодки. Кто знает, сколько им лет! Его брови сошлись вместе.

— В чем дело?

— Я не собираюсь заниматься с тобой сексом! — что, если бы я забеременела?

Я кипятилась все больше, потому что мне нравилось целовать его, а потом он пропустил все, то, чего у меня никогда не было, и перешел прямо к действию.

— Почему ты ведешь себя так, как будто секс со мной — дурацкая идея? — Спросил он, выражение его лица стало раздраженным. Я толкнула его в грудь снова, пока он не отступил.

— С чего мне начать? — твоя древняя упаковка презервативов, отсутствие нормальных отношений, то, что ты собираешься сделать это со скоростью света, хотя это мой первый раз. Черт возьми, почему мы перестали целоваться? Мне просто надо перестать об этом думать, и прояснить свои мысли. Но его собственный гнев уже вскипел.

— Ты сказала мне, что хочешь больше.

— Твоих поцелуев! — я прижала колени к груди, обняв их руками. Без него я задрожала от холода.

Пару недель назад, я думала, что хочу сохранить свою девственность для особенного человека, которого я бы любила, как бы наивно это ни звучало. Сегодня, на мотоцикле, я представляла себе, что Джексон был им. Существовало что-то между нами, что-то захватывающее и... и обжигающее. Тогда я нахмурилась. Сегодня вечером, он сказал мне много вещей, которые дали мне понять, что я привлекала его. Не то, чтобы мне это не понравилось... Разве не он сказал, что я лёгкая добыча? Даже если бы для него не

существовало других девушек, я все еще не хотела всё между нами усложнять. Я не могла позволить чему-нибудь случиться, пока мы не доедем до Северной Каролины. Так, зачем говорить об отношениях?

— Джексон, ты знаешь, что я никогда... Я никогда не делала этого раньше. И я хотела бы чего-то большего, чтобы сделать это с тобой. — Намек, намек.

Непонимание горело в его глазах.

— Ты все еще думаешь, что слишком хороша для меня. Ты бы позволила Рэдклиффу быть первым, но не мне?

Я ахнула. — Не смей говорить о нем так! — снова я подумала о беспечности Брэндона, вспомнила старые добрые времена, когда мы с ним валялись на пляже, вместе плавали. Он всегда смеялся... Время, проведенное с Брэндонем, было последним из моих лучших воспоминаний, до апокалипсиса и до Арканов. Из моих глаз потекли слезы.

Увидев мою реакцию, Джексон вскочил и сунул ноги в джинсы. — Ты все еще влюблена в него! Ты готова была лечь с ним и думаешь, что он намного лучше меня. Но что, чёрт возьми, он сделал, кроме как водил дорогую тачку или играл в мяч? Я спас твою жизнь!

Я поднялась, и бросила взгляд на свои мокрые джинсы, с трудом стала натягивать их на ноги.

— Ты спас меня именно затем, чтобы я спала с тобой?

— Эта мысль уже приходила мне в голову! Черт, Эви, ты вероятно, последняя девушка на земле для меня. Это меня убивает, ты думаешь, я шучу?

— Я не могу поверить, что ты это сказал! — я чувствовала себя такой идиоткой! Я думала, что между нами была связь? Кайджанский распутник собирался лишь завалить еще одну самку, и я была единственной девушкой в городе. Я натянула свою толстовку, и накинула капюшон.

— Поверь! — он посмотрел на меня и закрыл глаза. — Ты помнишь только, что я жестокий парень не твоего круга, с другой стороны протоки. Это все, что я когда-либо буду значить для тебя!

Мы уставились друг друга, но я не хотела отводить взгляд.

— Когда ты так поступаешь, тебя трудно понять иначе! Слава Богу, у меня хватило здравого смысла, чтобы не усложнять всё между нами.

— Здравый смысл? Это единственная вещь, в которой тебя никогда не обвинить! Я — тот, кто обеспечивает твою безопасность. Я, — он ударил себя в голую грудь, — помнишь?

— Спасибо, Джек, это здорово — быть живой. Согласись, это и была настоящая причина, по которой ты вызвался мне помочь, потому что ты хотел переспать со мной!

— Да, я не понимал тебя и не знал, что ты так отчаянно будешь меня дразнить!

— Дразнить? Я верила, что мы находимся в ситуации "ад-на-земле", а ты? Или тому были другие причины? Скажите мне!

Он пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И то и другое.

Я хотела задушить его!

— Почему с тобой всегда так сложно? — он повернулся и пробил кулаком деревянную колонну беседки, закачалась вся конструкция. Когда он повернулся ко мне снова, его грудь вздымалась, его руки были в крови.

— Ты сводишь меня с ума!

— Ну, тогда смиришься с этим! Как ты сказал, я — лучшее, что у тебя есть. Тебе было бы немного лучше с последней девушкой на земле, если бы ты постарался быть милым или вести себя как мой парень или, или...

— Ты так думаешь?

— Ну, да.

— Может быть, я был достаточно милым с тобой, каждый раз, когда спасал твою задницу! И когда каждый вечер оберегал тебя! Нет, ты просто принимала это как должное. Потому что ты gatee, испорченная!

— Я не говорила этого!

— За всю свою жизнь я никогда не встречал девушку, которая была бы так испорчена и изнежена как ты. Но это дерьмо необходимо сейчас же прекратить.

Я потерла руки, и уныло посмотрела, как с моей мокрой одежды капает вода. Как мы перешли от поцелуев к борьбе?

— Что ты хочешь от меня?

Он потер лоб, и проговорил странным тоном:

— Я мог бы чего-то хотеть от тебя, но ты ясно дала понять, что никогда не дашь этого мне.

Мы все еще говорили о сексе?

— Ты знаешь, почему моя теге пила? — спросил он, его голос казался резким скрежетом. — Потому, что она хотела и ждала того, чего никогда не случится. Я поклялся, что никогда не сделаю той же ошибки. В прошлом, когда я чувствовал, что мой разум блуждает в неверном направлении, я откидывал эти мысли прочь. — Он засунул пальцы в свои волосы. — Но я не буду делать это сейчас.

— Я тебя не понимаю.

Вдруг что-то прозвучало как удар в моей голове.

— УЗРИТЕ, НЕСУЩУЮ СОМНЕНИЯ.

Пока я шаталась на ногах, Джексон бросился за своим арбалетом, поворачиваясь вокруг, и направляя его на что-то позади нас.

— Ч-что такое, Джексон? Здесь кто-то есть? — он не мог слышать голоса, и я не обнаружила ничего вокруг нас.

Он дернул подбородком в сторону темного прохода.

— Там.

— Как ты узнал?

— Опыт.

Девушка вышла из тени, со своим собственным поднятым луком.

— Кажется, у меня гости.

Лук? В лунном свете? Когда я увидела ее полностью, моя челюсть отпала. Она стояла на другой стороне бассейна, это была девочка из моих видений. Хотя ее лицо раньше было размыто, я бы узнала её модельную фигуру в любом месте. На долю секунды, мне показалось, что это опять видение. Я видела её как лучницу — богиню в лунном свете. Я сглотнула. Она выглядела так же, как на изображении... в Картах Таро. Я моргнула. И в следующее мгновение, она стала просто нормальной девушкой. Великолепной девушкой. Ее длинная грива серебристо-светлых волос мерцала, ее темные глаза были настороженными. Она была в обрезанных шортах цвета хаки, которые показывали целую милю длинных ног в байкерских ботинках. Кожаный колчан был привязан вокруг ее волнующих бедер, в стиле

Лары Крофт.

— Что вы делаете в моем доме? — ее голос был такой же, как я запомнила из своих видений. Что если она тоже видела эти видения и слышала меня? Слышала зов моего Аркана? Как бы то ни было... Я верила, что Арканы были реальными людьми. Она была неоспоримым доказательством того, что они существовали. Она быстро посмотрела на меня, но сразу отвернулась, ее внимание полностью обратилось на Джексона.

— Извини, — сказал он. — Я не думал, что здесь кто-то есть — Он смотрел так словно то, что он видел, было открытием. И она, конечно же, с мурлыканьем произнесла: — Я буду рада, если ты останешься, красавчик.

После небольших колебаний он начал приближаться к ней. Я хотела крикнуть: «Нет, я не доверяю ей!» — Но она вытащила стрелу из лука и бросила её в свой колчан.

Теперь, когда непосредственная угроза утихла, она не могла отвести от него взгляд, задержавшись на его обнаженной груди.

- Этот прекрасный *Ducati* твой.

Джексон выпрямил плечи? — просто попался под руку сегодня.

Откинув волосы назад, она сказала: — Я Селена Луа.

Теперь я знала имя одного из голосов. Потому что она стояла прямо передо мной. Одна из Старших Арканов. Что еще я могла узнать от нее? Я должна была поговорить с ней наедине...

— Разве я не говорил тебе — пробормотал мне Джексон, — что это место будет красивым? — хотя я ошетинилась, он сказал девушке: — я - Джексон Дево, но ты можешь называть меня Джек. Он кивнул на меня. — Это Эви.

Бросив один беглый взгляд на меня, она вновь обратила взор на Джексона, как будто он притягивал ее, как магнит.

— Ко мне мало кто приходит. Если вы хотите, я могу предложить вам переночевать здесь. Бьюсь об заклад, у вас нет других вариантов.

Джексон повернулся ко мне с дьявольской улыбкой. По-французски, он сказал: «А вдруг, Эви, для меня ты не последняя девушка на земле?»

Тайным именем Селены было "Несущая Сомнения". Прямо сейчас, меня от него мутило.

— Вот, пожалуйста, Эви. Свежие полотенца. — Она положила стопку на полку в ванной, в моей роскошной комнате для гостей. — Туалетные принадлежности находятся в шкафу. И есть много горячей воды, так что наслаждайся!

Вся моя прошлая жизнь, была полна друзей. И вот еще одна девушка. Наконец-то! Я давно не видела своих ровесников, а тем более я встретила девушку, которая со мной была в некотором роде связана. Так почему же я так сильно не люблю ее? Когда я пожала руку Селены, ее голос ушел из моей головы и сейчас раздражающе громко молчал. Как будто прислушивался. Может быть, я должна была найти её и заставить замолчать, и так каждый голос, чтобы сохранить рассудок.

В выражении ее лица не было ничего из ряда вон выходящего. На самом деле, она, казалась, немного расстроенной, что я просто смотрю на нее. Но я почувствовала нечто странное, как будто ее поведение было фальшивым. Ее глаза казались слишком пустыми. Но потом она любезно пригласила нас в свой дом. Она искала способ подружиться со мной, была доброй и щедрой. Мои видения о ней не говорили мне ничего определенного. В них, она пугала меня, но она также оберегала моих близких.

Я начала подозревать, что моя неприязнь была основана на... мелочной ревности, потому что внимание Джексона переключилось и сосредоточилось на длинноногой Селене. Сейчас, игнорируя меня полностью, он прислонился плечом к стене ванной комнаты, и, попивая пиво, вместе с Селеной, они болтали о том, как здорово иметь компанию. Она была здесь одна, когда произошла Вспышка и почти "сошла с ума".

— По такому поводу нужно устроить пикник, — сказала она, явно заинтересовав этим Джексона. — Я была на охоте сегодня и нашла перепелиные яйца. Готовьтесь к празднику.

— Спасибо, Селена. — Сказала я. — И спасибо за одежду. — Она позволила мне сделать набег на ее шкаф, — многие наряды мне понравились.

— Это мелочь, милая. Теперь, давай, красавчик. Пойдем, посмотрим твою комнату.

В дороге Джексон и я никогда не спали порознь.

— Его комната?

Она подарила ему еще один восхищенный взгляд.

— Он будет наслаждаться лучшим видом — в моем крыле. — Промурлыкала она.

— Я буду здесь одна? — Джексон все еще не смотрел на меня.

— Не волнуйся. — Селена рассмеялась, слегка стукнув своим бедром мое. — У меня полная изоляция от окружающего леса и Бэгменов. Много оружия. — Она подмигнула Джексону, и он усмехнулся в ответ. — Я также рассыпала соль по периметру вокруг дома. И ещё датчики движения.

Вау. Настоящая супергероиня. В Хейвене я сумела только заколотить входную дверь.

— Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, — сказала она. — Мы будем обедать на веранде в час.

Я раскрыла рот чтобы что-то сказать Джексону, чтобы заставить его остаться, но он просто резко кивнул мне и пошёл за Селеной в их крыло особняка. Он всегда сам настаивал чтобы мы ночевали вместе.

Как только они ушли, голоса загудели вновь. Я боролась, пытаюсь ослабить их, говоря себе, что ничто не сможет испортить мой первый настоящий душ после апокалипсиса.

Неправильно.

Я встала под горячую воду, мои щеки защищало там где щетина Джексона тёрлась о мою кожу, напоминая о том, что этой ночью я буду одна. Конечно, он не мог так быстро переключиться от одной девушки к другой. Между нами ведь что-то было, верно? Так говорит девушка с небогатым опытом.

После того, как я приняла душ и высушила волосы, я одела темную джинсовую мини-юбку, намного выше колен, которая плотно обтягивала мою задницу и облегающий красный топ без бретелек. Я решила пойти босиком. Ни одна обувь Селены не подходила мне, и я не хотела натягивать на себя мокрые ботинки. Кроме того, это был пикник у бассейна. Я оценила себя в зеркале, мое настроение сразу улучшилось. Не плохо, Грин. Мои глаза были яркими, мои волосы чистыми и блестящими. Топ обтягивал грудь, которую Джексон, несомненно оценит. Это не конец. Один последний взгляд, я отправилась вниз. Я вышла на веранду, Селена и Джексон пили пиво и ели перепелов на гриле, при этом обсуждая натяжение тетивы. Вместо того, чтобы обнаружить себя я решила, понаблюдать за ними из тени, чтобы присмотреться к Селене. Мое настроение опять испортились, когда я увидела ее наряд: облегающая, с открытыми плечами блузка, микро-мини юбка, и четырехсантиметровые каблуки. Ее глаза танцевали, когда она смотрела на Джексона. Его лицо было чисто выбритым, он был в новой одежде — черной футболке, рваных в джинсах и в ботинках, и выглядел еще более великолепным, чем обычно. Она рассмеялась над тем, что он сказал, и провела пальцами по шраму на его предплечье, понятия не имея, что означает этот шрам для него, для меня... Ещё одна шутка, смех, очередное открытое пиво. Еще одно прикосновение ее пальцев. Она, казалось, использовала любую возможность, чтобы прикоснуться к нему. И он ей позволял. Только час назад, он пытался переспать со мной! Теперь, вот он, напивается с этой странной девушкой при лунном свете.

Несущая Сомнения? О, она принесла их. Он, видимо, понимал ее намерения раздражить его. И она упивалась его вниманием. Почему бы и нет? Джексон был красивым, невероятно сильным защитником. Не то, чтобы Лара Крофт нуждалась в помощи и защите. Ее лук был прислонён рядом с арбалетом Джексона, в пределах легкой досягаемости. Как странно. Она даже не знает, как хорошо он целуется. Джексон, казалось, кивал на каждое ее слово, когда их разговор перешел на мотоциклы, лошадиные силы двигателя и протекторы шин. Шины. Протекторы. Как Селена могла знать все эти вещи? Это было так, как будто они говорили на иностранном языке, который я никогда не смогла бы выучить. Мое сердце упало, когда она выпила из его бутылки, а потом отдала её обратно, как если бы они были парой. Я вспомнила, как в Хейвене я вытерла горлышко рукавом. Его привлекательность действительно делала меня лёгкой добычей. Он любил меня из-за necessity, необходимости. Как он с готовностью признал. Но если дать ему выбор... Он никогда не захочет оставить это место, где полно пива, электроэнергии и длинноногая лучница. Но я нуждалась в нем, чтобы добраться до бабушки. Только добраться. И не по какой другой причине. Только этой.

Может быть, я не должна была входить, им было так легко. Я вспомнила, какой собственницей я была с Брэндоном. Думаю, Мел бы сказала: «Перестань быть милой и возьми свою игрушку обратно. Ты что, размазня?»

— Ты повторишь это снова? — спросила его Селена. Он подчинился. С его акцентом, это звучало как вызов.

— Джей Ди — о-о-очень горячий, кайджан.

Джей Ди? Ладно, это было последней каплей! Я, прогуливаясь, вышла на веранду, с фальшивой улыбкой.

- Ужин вкусно пахнет.

Взгляд Джексона перешёл ко мне. Я думала, что увижу восхищение на его лице, но он отвернулся, как будто он едва мог видеть меня.

— Как раз вовремя, Эви, — сказала Селена. — У меня все готово.

Я оглядела стол на открытом воздухе, с безукоризненным серебром и чистыми салфетками. Накрытые блюда, от которых поднимался пар, с аппетитными ароматами.

— У нас перепела, спаржа, грибы и ризотто. Горячий пирог с яблоками на десерт.

Я улыбнулась. Марта Стюарт, называется. Хочет, чтобы ее фишка сработала.

(Прим. ред. Марта Хелен Стюарт (англ. Martha Helen Stewart) род. 3 августа 1941 года, Джерси-Сити — американская бизнесвумен, телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству.)

— Помочь?

Джексон фыркнул. И Селена игриво хлопнула его по груди, как будто он был ее озорным парнем. При этих разговорах типа мяу, пфф, пфф, я почувствовала как превращаюсь в истребительницу сучек.

Нет, нет, нет. Я должна была подумать рационально! Она может помочь мне узнать больше об Арканах. Но помощь Джексона была необходима чтобы добраться до бабушки, чтобы выяснить все, и я теряю его. Всегда вежливая, Селена открыла бутылку пива для меня.

— Вот.

Контроль это последняя вещь, которую я не могу потерять, и я вежливо сделала глоток.

— Ваше здоровье.

— Ребята, садитесь. Джей Ди, ты здесь. — Она указала на стул рядом с собой, а мой поставила на другую сторону большого стола, в одиночестве. Когда они уселись, Джексон попробовал еду и застонал. Она умеет еще и готовить. Мой рот пересох, но я слишком нервничала. Я представляла, какой опасной и одинокой, будет без него дорога. Это была единственная причина, по которой я чувствовала, что заплачу. Не потому, что он сказал мне, что собирается заботиться обо мне, и это звучало как обещание.

— Ты не голодна? — спросила меня Селена.

— Не беспокойся о ней. — Джексон ложечкой положил ризотто на тарелку. — Plus pour nous. Нам больше достанется.

Кажется, его больше не интересует размер лифчика растущей девочки. Потому что он перестал об этом думать...

За ужином я узнала, что у Джей Ди и Лары Крофт было много общего. Я придумала для себя новую игру с пивом: делала большой глоток каждый раз, когда Селена говорила Джексону: «Не может быть! Я тоже!». Они любили охотиться и рыбачить. Оба стреляли из лука с детства. Селена скромно призналась, что перед Вспышкой она готовилась принять участие в олимпийских играх по стрельбе из лука. Джексон выглядел куда более впечатленным, чем моими трофеями в танцах.

Ей и Джексону скоро будет девятнадцать. Как только она поняла, что я была на два года моложе, Селена начала говорить со мной покровительственным тоном, как будто я была для них плаксивым, раздражающим подростком.

— О, нет, Джей Ди, я дала ей пиво! — она всхлипнув, стукнула его локтем. — Может

мы должны забрать его?

Я не хотела, отдавать моё пиво. Теперь бы я осмелилась ей это доказать.

Чудо из чудес, Селена была мотоциклисткой, и делала первый шаг в отношениях с парнями. В самом деле, она радостно сказала Джексону:

— Я выезжаю каждые выходные, у моей семьи собственная заправка. Она все еще наполовину полная. Эй, мы могли бы поехать завтра, если погода продержится. Ты не поверишь Джей Ди, какие дороги я могла бы тебе показать.

Все мои надежды, сохранить его внимание, рухнули. Это было, как если бы Селена была рождена для него. Мне было все равно, что я сделаю. Даже если бы он любил меня, мне нечего предложить ему, да я бы и не смогла ничего предложить вору и кайджанскому байкеру в любом случае.

Я была пьяна. Хотя я еще не закончила свое пиво. Он и Селена стали чокаться им. Как будто почувствовав, мой взгляд, Селена взглянула на меня.

— Если тебе не нравятся, перепела, я могу приготовить что-нибудь еще. У меня есть подвал, полный консервов, сублимированных продуктов, и замороженных овощей. Просто дай мне знать, дорогая.

Дорогая? Никто не называл меня так, кроме мамы. Думая о маме, я заставила себя быть вежливой.

— Ты такая внимательная, но я наелась. — Я обратилась к Джексону. — Могу ли я поговорить с тобой после того, как ты закончишь есть?

Он поднял голову, выглядя, может быть немного менее пьяным, чем раньше.

— О чем?

— Завтрашней поездке.

Его глаза сузились.

- Non. Не о чем говорить.

Мое лицо покраснело от его пренебрежительного тона. Селена моргнула в замешательстве.

— Поездка завтра? Куда вы направляетесь?

Джексон не сказал ей? Я чувствовала, что не могу увернуться от ответа.

— Северная Каролина.

— Джей Ди сказал мне, вы могли бы остаться ненадолго.

— Правда, Джей Ди?

Он только поднял на меня брови, выражение его лица говорило, "И что ты с этим сделаешь"?

Я начала понимать, что я действительно собираюсь остаться сама по себе.

— Так что в Северной Каролине, Эви? — Селена хотела знать.

— У меня там Бабушка.

— Ну, вы не должны оставлять меня так быстро. Я бы с удовольствием приняла вашу компанию, даже на несколько дней. И здесь действительно безопасно, здесь нет Бэгменов, нет типов из ополчения. — Она коснулась предплечья Джексона в тысячный раз. — Еще здесь интересно. Мы могли бы охотиться втроем.

— Эви? Охотник? — Джексон насмешливо рассмеялся, и, Боже, как это задело. — Она не умеет стрелять, нет, она ничего не умеет делать. — Он пьяно щелкнул пальцами. — Ой, нет подождите, она эксперт в том, как смотреть на людей сверху вниз.

Пока я сидела там, сгорая от унижения, Селена скользила взглядом от Джексона ко мне

и обратно. Я делала усилие, чтобы быть вежливой. И посмотрите, к чему это привело. Я не могла конкурировать с небесной девушкой, которая любит те же вещи что и он, кто мог бы поверить, что он ею не увлечён? Так, что я теряю?

- Я также хорошо умею хранить секреты. — Пробормотала я, поворачиваясь к нему с безмятежной улыбкой. — Очевидно, что это заставляет некоторых парней сходить с ума. — Выстрел в яблочко.

Его насмешки усилились.

- Секрет в том, где найти теплую постель на ночь.

Хватит.

— Если ты собираешься вести себя как придурок, Джей Ди, я иду спать. — Селене я сказала: — Спасибо за ужин. Извини, что я не смогла быть приятной компанией. Но наслаждайся им — такой классный парень. Настоящий джентльмен.

Его костяшки пальцев побелели на бутылке.

Когда я поставила свою тарелку в кухонную раковину, я услышала, хихиканье Селены на что-то сказанное Джексоном. Рассказывал ли он ей про мою неуклюжесть? Мою невежественность? Удрученная, я направилась обратно к своей комнате, вяло просматривая семейные фотографии в коридоре. Селены не было ни на одной из них. Я не увидела ни одной фотографии с её турниров или ее, гордо готовившуюся на трассе мотокросса. Ничего.

Вернувшись в свою комнату, я нашла какую-то бумагу и карандаш в ящике стола. У меня всё зудело от желания зарисовать Джексона, то, как он выглядел, когда смотрел на меня сверху вниз в бассейне и его лицо освещала луна. Было слишком больно, рисовать его, и слишком больно не делать этого. Я только взяла карандаш в свою дрожащую руку, когда раздался стук в дверь.

Как сильно я хотела, чтобы это был он! Чтобы он пришёл ночевать в одной комнате со мной, как мы делали все время. Но он никогда не стучал.

- Войдите.

Селена вошла внутрь, явно навеселе.

— Эй, Эви, мы можем поговорить между нами девочками? — вместо того, чтобы сесть в ногах кровати, стандартном положении для девчачьих разговоров, она подошла к комоду, проверяя свою почти безупречную гриву волос в зеркале.

— Конечно. У меня есть кое-что, о чем я хотела бы поговорить с тобой.

— Да? О чём?

— Когда мы встретились, ты посмотрела на меня так, как будто ты меня знаешь. Это возможно?

Она смотрела на меня в зеркале со снисходительным выражением.

— Гм, нет. Когда мы могли встретиться?

— Мне показалось...

— Я была удивлена, потому что я увидела девушку, Эви. Ты первая женщина, которую я увидела после Вспышки. Здесь уже никогда больше не будет девушек.

Это имело смысл. Так почему же у меня такое чувство, что она лжет?

— О чём ты хочешь поговорить со мной?

— Я хотела убедиться, что ты и Джей Ди — не пара.

— Прости?

— Иногда парни говорят разные вещи, чтобы подцепить других девушек, о том, что они одни или много чего другого... Ну, ты знаешь, как это, подруга. Я хотела бы узнать это у

тебя.

Я старалась, чтобы мой тон меня не выдал.

— И что он сказал о нас?

— Я спросила, его вместе вы или нет, и он решительно сказал нет.

Я была такой наивной! Когда он сказал мне, что собирается заботиться обо мне, он имел в виду совершенно другое, то что обычно сопровождается вульгарными жестами рук или шевелением бровей. Конечно, я знала, что Джексон был бабником, но я тупо представляла, что между нами есть что-то особенное. А он просто хотел трахаться. Даже после апокалипсиса, некоторые вещи действительно остаются неизменными.

Когда Селена посмотрела на свое отражение, щипая щеки и оттягивая вниз блузку, чтобы ещё больше показать ложбинку, я поняла, его шансы были многообещающими. Он, вероятно, использует тот презерватив, этой же ночью. Мое лицо стало горячим от подступающих слез. Желая поскорее избавиться от нее, я сказала:

— Он прав, Селена. Между нами ничего нет.

— О, слава Богу — сказала она, облегченно вздохнув. — Я конкретно запала на него, Эви. Я не ожидала встретить парня. Здесь. С тобой. И ещё меньше, что он был бы идеальным для меня. — Более мягким тоном, она добавила: — я всегда считала, что встречу кого-то и это будет навсегда. Я просто не ожидала... его.

В первый раз, я почувствовала что она искренна со мной. И это заставило меня задаться вопросом: ждала ли она меня? Высказав вслух эту мысль, она вновь стала более оживленной.

— Я скажу ему, что ты так же решительно это отвергла как и он, и избавимся от любых недоразумений. Увидимся утром!

Да, утром я хотела бы узнать эту девушку лучше. На данный момент я была в шоке от слез и голосов.

ДЕНЬ 236 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

— Мне нужно поговорить с тобой. — На следующее утро я услышала Мэтью в своей голове, всего за несколько секунд до того как проснуться. Я была сонная, с опухшими глазами, зевая после прерывистого сна.

— Мэтью, ты не поверишь, но один из Арканов здесь, Несущая Сомнения.

— La Luna. Она карта Луны. Лучница.

Таким образом, если каждый из Арканов имел сверхъестественные способности, то её — стрельба из лука? Олимпиада осуждает допинг. Или осуждала раньше.

— Встреча была бурной, — сказала я Мэтью. — Когда я взяла её за руку, ее голос в моей голове замолчал. И когда мы впервые встретились, я увидела какие-то вспышки над ней, как на карте.

— Живописное зрелище. Карты. Так мы узнаем друг друга. Но Эви...

— Я знала это. Я слышала ее голос в течение нескольких месяцев, и теперь я нахожусь в её доме? Это слишком странно. — Я вытянула руки над головой, удивляясь, что моя мигрень почти прошла. Боль была управляемой, хотя голос Мэтью звучал гораздо громче, чем обычно. Как если бы я сократила расстояния между нами?

— Так Луна хорошая? Или это зло, как Оген? — я хотела, чтобы Мэтью сказал, что она была такая же, как El Diablo, дьявол, или еще хуже! Чтобы у меня появился повод забрать Джексона у нее.

— Добрая или злая? — смущенно спросил Мэтью. — Она карта Луны. Но Императрица нам нужно поговорить...

— Что случилось? — протирая глаза, я свесила ноги с края кровати и встала. Кровать позади меня исчезла.

— Мэтью?

Я уже не была в гостевой комнате Селены. Я обнаружила, что стою с Мэтью в его игровой комнате-подвале, но вокруг наших ног и игрушек поднималась вода. Его брюки цвета хаки и рубашка с длинными рукавами на пуговицах, были насквозь мокрые. Он дрожал.

Фонарики, подвешенные на колышках на соседней стене, позволяли мне его четко видеть. Его лицо и волосы были мокрыми, его брови сошлись вместе. Я знала, что у него глубокие карие глаза. Но теперь я могла их видеть так же как и легкие блики в глазах, он худощавого телосложения. Но был почти так же высок, как Джексон.

— Почему мы здесь и где все это происходит, откуда эта вода? — очевидно, еще были большие запасы воды в мире, мы просто должны были её найти. И охранять.

— Землетрясение — сказал он. — Взорвалась труба. В водонапорной башне.

— Тогда всё это место может затопить? — когда он кивнул, я сказала — Мэтью, ты должен сейчас же выйти из этой комнаты!

Он оставался неподвижным, как собака, которой было приказано сидеть посреди оживленной автострады.

— Не могу. — Он выглядел таким жалким, таким потерянным, его большие карие глаза

испуганно метались по сторонам.

— Да, ты можешь! Сделай это прямо сейчас, — приказала я ему, но он лишь пожал плечами. Его незащищенность поразила меня. Игрушки плыли мимо наших ног, вода настойчиво поднималась.

— Не могу, — повторил он. — Мама заперла меня.

— Зачем она это сделала? Она знает, что ваш подвал заливают?

Он кивнул. Как она могла обречь его на смерть?

— Мама знает, что лучше для Мэтью. — Он потер ладонями свои плечи. — Мама знает, что я не останусь в машине. Не должен чинить двигатель. Плохой, Мэтью, ПЛОХОЙ!

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! Малыш, просто выслушай меня. Там есть окно? Там должен быть выход! Ты сильный выломай дверь!

— Моё время истекает. Не нужно видеть будущее, чтобы понять, это.

— Что это значит? Ты умрешь? — эта мысль потрясла меня. У меня появился друг в этом мире и он ждал меня. Теперь я должна его потерять?

— Мама мертва. Я следующий.

Нет, он не может умереть!

— Я иду к тебе! Где ты? — пожалуйста, надеюсь достаточно близко ко мне, чтобы успеть вовремя...

Он ответил мне грустной улыбкой. — Я всегда был на твоём пути. — Видение заколебалось, затем изменилось на время до Вспышки.

Он был во дворе, на барбекю с другими детьми, но они не разговаривали с ним. Он встал, и побрел в полном одиночестве, как ракета стартующая в отдалении. — Ракета? О, Боже, ты в Хьюстоне! Или... или Флориде! — когда я начала отчаиваться, я увидела грязную дорогу среди холмов. Холмов? Тогда я ясно увидела футболку, которую он носил. «HUNTSVILLE Космический лагерь» — Хантсвилл! В Алабаме? — нас разделяет один штат.

Все пути на ведут на север.

— Мэтью, как давно началось это наводнение?

— Несколько часов. — Таким образом, примерно на один фут каждые два часа.

Я могла бы успеть в Хантсвилл вовремя, если бы смогла уговорить Джексона сотрудничать. — Я иду к тебе, малыш. Держись!

Когда видение исчезло, я поспешила одеться в другие позаимствованные джинсы, слишком тесные на заднице, и футболку. Я натянула свои влажные ботинки на пару безупречных белых носков. Через несколько минут я бежала вниз по лестнице с моей упакованной для выезда сумкой. Я нашла Джексона в кухне, без рубашки, в одних новых джинсах. Он сидел, подперев голову рукой, в то время как Селена, одетая в короткий шелковый халат, счастливо смешивала яичный порошок на завтрак для них. Она налила ему высокий стакан апельсинового сока, а затем хорошенько плеснула в него из бутылки водки. Он взял напиток без слов, и выпил половину одним глотком. Когда она провела костяшками пальцев по его волосам, я поняла, что, вероятно, стала свидетелем их утра после секса. И я хотела рвать и метать. В этой внутренней борьбе я ещё сохраняла слабую надежду, что Джексон не будет спать с ней. Он нашел девушку, которая его "потушила". И я знала, что он никогда не покинет эту Шангри-ла* охоты с изысканной едой и сексом.

(* Прим. ред. Шангри-Ла — вымышленная страна, описанная в 1933 году в новелле писателя-фантаста Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт». Шангри-Ла Хилтона является литературной аллегорией Шамбалы.)

Его раздражала бывшая попутчица, которая не могла нагреть суп. Та, с кем ему всегда было так трудно. Жалкая и надоедливая. Но ради Мэтью, я все же попытаюсь получить помощь Джексона. Даже если он не пойдёт со мной. Надеюсь не разреветься я вошла.

— Доброе утро, ребята. — Сказала я бодро. Он резко повернулся. Убийственным тоном, он спросил:

— Куда ты собралась, Эванджелин?

— Туда же куда и собиралась, Джексон. — Просто нужно сделать быструю остановку по пути, чтобы спасти жизнь мальчика.

Селена сидела за столом, скрестив длинные ноги, не заботясь о том, что ее халат распахнулся и видна вся верхняя часть ее бедер. Но эй, Джексон уже видел товар, не так ли?

— Эви, я говорила об этом с Джей Ди прошлой ночью, и вы можете оставаться здесь столько, сколько вы захотите. Даже навсегда.

Они обсудили это, и она продлила приглашение. Мои когти покалывало, будто они собирались удлиниться. — Спасибо за предложение, но я должна идти.

— Ты бы действительно оставила все это — пищу и воду? — спросила она. — Электричество и безопасность?

Да, ее владения были прекрасны. Слишком совершенны. Такое место, могло соблазнить девушку бросить свою миссию, если бы она не была осторожной.

— Северная Каролина — это территория людоедов и чумы, — продолжила она. — Зачем спешить?

Она казалась очень серьезно настроена покончить с этим. Джексон не рассказал ей подробности? Во время их пивного разгула прошлой ночью, и их, так называемого, "постельного разговора"?

Я должна была признать, что была удивлена.

- Как я сказала вчера вечером, я собираюсь ехать к моей бабушке. Я еду к ней.

Селена сделала глоток напитка Джексона. — Почему ты веришь, что она еще жива? Мне не нравится говорить это, но она, вероятно, не выжила?

Джексон вскинул руки вверх.

— Я говорил ей тоже самое!

— Там должно быть нечто большее, чем давно потерянная бабушка, — сказала Селена. — Она никогда бы не захотела, чтобы ты жертвуя своей безопасностью, которую можно получить здесь, пыталась найти ее. Все, что тебя там ждет это — смерть...

— Вода поднимается — от зова Мэтью моя голова начала пульсировать.

— Она жива. — Пробормотала я, пытаясь сконцентрироваться.

Джексон сильнее нахмурился.

— Ты даже не хочешь рассмотреть возможность остаться здесь? Даже на несколько дней?

Дней? Я вспыхнула. У меня не было даже нескольких часов!

— Ты знаешь, у меня есть обязательства. Я держу свои обещания. — Я прикусила язык, как только это сказала.

— Ооооо, — сказала Селена, — это потому, что вы поссорились прошлой ночью? Не обижайся дорогая, но мне кажется, ты просто хочешь убежать от проблем.

Это прозвучало так, как будто я провела в гневе всю ночь. Я приказала себе обуздать свой нрав, но возникла странная мысль. Она расспрашивала меня, пытаясь найти в моих словах что-то, чтобы оправдать мой уход. Почему это так важно для неё? И зачем ей это

нужно? И если она лгала, не означает ли это что она опасна? Даже если бы я соблазнилась всем этим, так же как Джексон, то я боялась, что он расскажет ей, что поставлено на карту.

— Спасибо за твою заботу, Селена, но я иду. — Я посмотрела на Джексона.

— Ты со мной?

Он прищурился.

— Она сказала, что ты можешь остаться.

Успокойся. Дыши, Эви.

— Тогда это то место, где мы... расстаемся?

— Мне хорошо здесь.

Не плачь, не плачь. Глотая свою гордость, я сказала:

— Хорошо, не мог бы ты просто отвезти меня пока не закончится половина бака, и тогда ты сможешь вернуться обратно?

Он скрестил руки на груди.

- Non, — ответил он, изучая выражение моего лица.

Каким-то образом я заставила себя повернуться к Селене и произнесла:

— Могу ли я одолжить твой мотоцикл, я клянусь, что верну его? — как будто я могу ездить одна.

— Милая, возьми все, что хочешь, всё что угодно. Но это мой единственный транспорт.

С замиранием сердца, мне стало ясно, что эти двое не собираются помогать мне. Они были счастливы, позволяли мне выйти из этой двери, на дорогу, в одиночку. Это означало, что они просто тратят мое время. Драгоценное для Мэтью время.

— Хорошо, тогда я должна идти. — Вчера Джексон нашел мотоцикл на дороге. Может быть, я смогла бы найти автомобиль? С долбаными десятью скоростями?

— Да, чуть не забыла. — Я открыла сумку, и выхватила Робинзона Крузо, бросив его через стол, я сказала:

— Bonne chance (удачи), Джексон.

Прежде чем я повернулась к двери, его брови сошлись вместе, и он сжал челюсть.

Селена сказала:

— Эви, по крайней мере, давай я дам тебе немного припасов или одежды?

Мои плечи напряглись, но я продолжила идти. Снаружи, я пробормотала:

— Взять что-то у тебя? Я уже устала от твоей помощи, сука.

Я побежала к границе ее владений, говоря себе, что у меня нет времени, чтобы плакать из-за Джексона. Страх Мэтью стал ощутимым, и его голос становился все громче и громче, пока все остальные не утихли. Может быть, это потому, что он был так близко ко мне? Или это потому, что я научилась сосредотачиваться только на одном из них? Когда я открывала въездные ворота, я представляла Джексона который бежит за мной, умоляя о прощении. Но я находилась на улице одна. Он даже не попрощался.

Мне нужно, было добраться до заправочной станции, захватить карту Алабамы, и надеяться на чудо в виде исправной машины. Дерьмо. Я, вероятно, должна была забрать у него своё ружье обратно. Но я привыкла, что оружие у Джексона, и я, в любом случае, никогда не научусь стрелять. Будут ли мои когти достаточной защитой для меня? Могла бы я заставить их вырасти по команде? К тому времени, когда я добралась до первого перекрестка, я почувствовала легкий ветерок. Боясь приближения бури, я стояла посреди перекрестка, пытаюсь угадать, в каком направлении мне следует идти. Мне нужно было идти на север. Но куда именно? Четыре возможных варианта. Я была дезориентирована, что не

удивительно, учитывая мое чувство направления, а также тот факт, что я спала, когда мы приехали сюда вчера вечером. Я смотрела на солнце, как будто я могла по нему определить направление. Бьюсь об заклад, Селена могла. Эй, Мэтью, мне нужна помощь. Опять я почувствовала вспышку сопровождающуюся новой волной головной боли. Нет-нет, мне нужна помощь, чтобы выйти из этого города! Я начала паниковать, приказывая себе выбрать проклятое направление, любое направление. Я только повернула направо, когда Джексон вышел из-за угла угрожающей походкой. Он надел белую футболку наизнанку, его сапоги были расшнурованы. Ружье привязано через плечо кое-как. Он, не теряя времени и сразу оскорбил меня.

— Ты дура, Эванджелин Грин!

Да, так прощения не просят. Сквозь стиснутые зубы, я спросила:

— Джексон, я не думаю, что ты пришёл сюда, потому что ты передумал? Подвезёшь меня на половину бака? — надежды было мало, но...

— Пришел сюда, чтобы посмотреть, куда ты направилась. Ты даже знаешь где Северная Каролина!

У меня нет на это времени!

— Думаю, я иду на север. — Я продолжала идти.

— Тогда почему ты идёшь на запад?

Я побежала обратно на перекресток и изменила направление, но он только рассмеялся.

— Теперь ты маршируешь на юг, реекон.

Я сделала поворот кругом.

— Так ты уходишь, — он позвал меня, когда я побежала. — На север! Правду говорят: даже слепые свиньи могут найти трюфель...

Ох! Я посмотрела через плечо, но продолжала идти дальше. Ветер усиливался.

— Почему ты так поступила когда уходила?

— Это не просто развлекательная поездка, — я бросила на него взгляд. — Я уже говорила тебе с самого начала, что должна сделать это. А теперь ты дал понять, что хочешь остаться здесь на неопределенное время.

— Вода поднялась! — Мэтью словно ударил в гонг, который прозвучал в моей голове.

Я еле сдержалась, чтобы не сжать лоб.

— Что ты хочешь, Джексон? Что еще сказать? Я просила тебя о помощи, и ты отказал!

— И ты просто ушла. — Понизив голос, он сказал: — и ты просто меня оставишь?

— Серьезно? — отрезала я. — После прошлой ночи? — Я сразу пожалела, что сказала это. Как он сразу заметил, Селена — не мое дело.

— Черт возьми, Эви! — он догнал меня с угрюмым видом. — Так ты думаешь что я переспал с ней, после того как пытался переспать с тобой? Ты ведешь себя даже глупее чем я!

— Императрица. — Я не могла думать и ускорила шаг еще больше. Но Джексон догнал меня.

— Я достаточно хорош, чтобы путешествовать с тобой, шутить, но не заниматься сексом? Ты всегда останешься девушкой из Стерлинга...

— Это не так... это не то, я просто не хочу, такого парня, как ты.

Он остановился, его взгляд стал холодным. Я не могла не посмотреть через плечо снова. Он сжимал кулаки, пока сухожилия не напряглись на шее.

— Как я? — он запрокинул голову и заорал в небо, поворачиваясь лицом ко мне. —

Проклятье, что же со мной не так?

Он рванулся вперед и схватил меня за руку.

— Потому что у меня не было денег? Так? Причина в том откуда я родом? С первого же дня, как мы встретились, ты смотрела сверху вниз на меня. Ты смеялась надо мной, ты заняла все мои мысли...

— Деньги? — Почему мы стали говорить об этом? Вся концентрация исчезла из моего сознания, имея для меня не больше значения, чем билеты в кино или поисковые системы. Моя голова болела, ветер сбивал меня с ног, спутанность сознания мешала сосредоточиться. Когда это я заняла его мысли?

— О чем ты говоришь? — я сбросила с себя оцепенение, и потащила вперед. Он последовал за мной.

— В школе, ты относилась ко мне, как будто я — то, что тебе нужно соскрести с нижней части ботинка!

Я не стала скрывать своё недоумение.

— Я всегда ко всем хорошо относилась. Всегда. Мы просто неудачно начали наше знакомство. И все пошло по накатанной.

Я замедлилась, когда пришла на другой перекресток. Все поместья здесь были с воротами, и все они были одинаковые. Идти дальше по этому району? Я повернула еще раз направо и поспешила.

Джексон шел за мной.

— Скажи мне, что ты никогда не думала о разнице между тем, как рос я и как ты. Или о том, что ты видела в моем доме той ночью!

— О, я думала об этом. И я пожалела, что осудила тебя за избиение того человека. Или, по крайней мере, жалела раньше, до того как ты стал вести себя как мудака! Почему ты перетаскиваешь прошлое в настоящее?

— Потому что ты сказала «парень, как я»!

— Да, эгоистичный парень, как ты.

— Эгоистичный? Ты называешь меня эгоистом?

— В бассейне, я не думала, что ты спрашиваешь меня о сексе, я просто хотела больше целоваться и следующее, что я вижу, это презерватив? Ты наплевал на то, что я волновалась, потому что ты пропустил все прелюдию. Я не знала, чего ожидать, и нервничала по этому поводу или от предложенной тобой защиты, которая выглядела уже негодной, или я не была готова пойти дальше так быстро! В общем, я не ожидаю, что ты поймешь или будешь любить меня всегда или чего-то подобного. Но в мой первый раз, я надеялась на большее, чем "Ты лёгкая добыча, Эви".

Он откинул голову назад, сбитый с толку.

— Почему ты не сказала мне ничего из этого раньше?

— Я начала! Но ты только обозлился, и я была зла, что ты перестал делать то... то, что я хотела... то, что мне очень нравилось. — Боже, это было стыдно! — Так или иначе, ничего из этого не имеет значения. Оглядываясь назад, я рада, что так произошло.

— Почему?

— Я не хочу быть с парнем, который может заменить меня, как упавшую шляпу, другой девушкой, о которой он ничего не знает! — хоть я кричала на него, он, казалось, все меньше и меньше сердился.

— Это единственная причина? — спросил он сквозь ветер.

— Этого не достаточно? — воскликнула я, тебе нужны еще?

— ИМПЕРАТРИЦА!

Я вздрогнула, в этот раз от боли, сворачивая вправо.

— И как ты смеешь обвинять меня во лжи, Джексон! Ты постоянно дразнишь меня. Я думала, что все было замечательно, пока ты не вырвал почву у меня из-под ног! Таким образом, мы оба надеялись на то, чего не получили.

Джексон и я шли в ногу, задыхаясь, глядя друг на друга. Затем он просто кивнул.

— Кивок? — я чуть не закричала снова. — Ты просто кивнул? — Тьфу! Я не понимаю тебя!

— Только с твоей точки зрения, Cher. — Похоже вся его злость только что испарилась.

В то время как моя увеличилась.

— Ты пришел сюда. Ты подтвердил, что я — соо-уоп. Нет причин, чтобы оставаться со мной дальше!

Он ничего не сказал, просто поспешил встать передо мной, шагая задом, загоразивая меня от ветра. Всегда внимательный. Он сводил меня с ума!

— Я не могу уследить за твоим настроением! Разве ты не должен идти назад и продолжать свои игры в доме с Селеной? — с замиранием в животе, я поняла, что я не имею права говорить об этом.

— Хорошо. — Он потер подбородок. — Я никогда не думал, что увижу это.

— Увидишь что?

— Тот день, когда Эванджелин Грин приревновала Джека.

— Это не так!

Он рассмеялся.

— Твои зеленые глаза как окна. Это ужасное чувство, не так ли? Это как репей у тебя внутри.

— Похоже, ты говоришь об этом из личного опыта? — он ничего не сказал, просто продолжал смотреть на меня. — Не имеет значения. Я не смогу дать тебе больше, чем то что ты получишь с...

— ИМПЕРТРИЦА, ИМПЕРАТРИЦА, ИМПЕРАТРИЦА!

Я споткнулась, чуть не упав плашмя на землю. Хорошо, что эта боль от одного голоса. Мои глаза и нос увлажнились, я бросилась бежать. Джексон сделал выпад вперед, чтобы поймать меня за руку.

— Эви! — вдруг он рывком снял футболку, сунув её мне в лицо.

— Твой нос кровоточит, bebe.

— О. — Я держала рубашку напротив моего носа, ненавидя, насколько его запах утешал меня.

— Снова видение? — его брови сдвинулись с беспокойством. — Вот почему ты так спешишь?

Я опустила взгляд к груди, глядя на его четки, вспоминая, где я видела их раньше. Его мать носила их, в ночь перед апокалипсисом. Он носил их в память о ней?

— Почему я должна тебе отвечать? — мой голос был хриплым.

— Потому что если ты скажешь мне правду, я мог бы просто доставить тебя туда, где тебе нужно быть.

Правда? Я просмотрела вокруг, ища альтернативу. И увидела знакомый освещенный забор. Я снова была около дома Селены. Вот дерьмо! Вернулась туда, откуда ушла.

— Ты можешь мне доверять. — Он притянул меня ближе.

— Но я не доверяю ей, Джексон. — Сказать ему, что она была одним из голосов? Что у меня было тревожное видение с ней? Я вспомнила таинственный комментарий от Мэтью: «Арканы хранят свои секреты; сохрани наши». Что если он предупреждал меня, держать рот на замке? Джексон был единственным не-Арканом, единственным человеком, которого я знала во всем мире. В любом случае...

— Если я скажу тебе что-то, ты можешь рассказать это ей.

— Я думаю, что она надежная.

Мне хотелось кричать: «Конечно! Потому что ты спал с ней!» Но я прикусила язык. Без него я бы никогда не вышла из окрестностей, тем более не успела к Мэтью.

— Эви, я не скажу ей то, чего ты не хочешь. Я не рассказал ей ничего.

Таким образом, он не рассказал ничего о моих видениях или о бабушке. Не видя другого выбора, кроме как доверять ему, по крайней мере кое-что, я сказала:

— Ты помнишь мальчика, которого я иногда вижу, тот, кто читает мне лекции? Он не далеко отсюда. И он зовет меня. Громко. Джексон, я увидела его в ловушке в затопленном подвале. Он утонет в ближайшее время. И у меня такое чувство, что... что я не проживу без его помощи. — Когда Джексон не ответил, я добавила, — я просто знаю, что это важно, что я должна сегодня ему помочь.

— Ты веришь в то, что умрешь, если не найдешь странного ребенка с которым ты никогда не встречалась? И ты думаешь, что сможешь его найти?

Я отняла футболку от носа и подняла подбородок. Джексон решительно кивнул.

— Хорошо.

— Прости?

— Видишь, как легко это было? В будущем, просто скажи, что тебе нужно, и давай посмотрим, как это сделать, договорились?

Я посмотрела вдаль. Он был мне нужен и не только как телохранитель.

— Почему ты идешь со мной? Я знаю, что ты хочешь остаться здесь с ней. — Пожалуйста, пусть он это отрицает.

Он этого не сделал.

— Ты и я начали это дело. Думаю, мы должны вместе его закончить. И я получу наконец решение твоих головоломок. Кроме того, я планирую попросить Селену поехать с нами.

— Что? — у меня не было сомнений, что она последует за Джексоном, что бы ни случилось.

Он повел меня обратно в особняк.

— Ты не единственная, кто умеет хранить секреты. И почему бы мне не пригласить ее, тебе же наплевать, с кем я?

Сотни Бэгменов. Все в одном месте.

— Nom de Dieu, Господи. — Пробормотал Джексон, опуская подставку мотоцикла на землю.

Мы только что въехали на холм и теперь лежали на земле около дома Мэтью — изолированного ранчо, расположенного в долине ниже. И обнаружили орды зомби вокруг него. Селена подъехала за нами. Естественно, она поехала. Она сняла свой синий шлем, встряхивая длинными волосами.

— На что вы, ребята, уставились? — увидев эту толпу, она низко присвистнула.

Почти полная луна поднялась высоко в небе. Скоро полночь. Мы не можем целую вечность сидеть у дома Мэтью. Когда мы отправились на его поиски, я слушала голос, направляя Джексона. Иногда мы поворачивали не туда, прежде чем я понимала, что голос Мэтью слабел. Тогда мы были вынуждены возвращаться. Ветра, хотя и не такие сильные, как обычно, осложняли путь. Джексон сказал Селене, что мы должны сделать остановку по пути в Северную Каролину, и девушка ничего не сказала о нашем поспешном отъезде. Она, казалось, доверяла Джексону безоговорочно, а я бы, наверное, задала кучу вопросов в такой же ситуации.

— Это и есть наша остановка? — спросила Селена с сарказмом.

Может она не чувствует близости Мэтью или все же слышит его призыв? Или она снова выуживает информацию?

— Там внутри мальчик, — сказал Джексон. — Эви должна была проверить.

Ее глаза загорелись.

— Мальчик для Эви?

— Это не то, что ты думаешь, — сказала я торопливо. — Я никогда не встречалась с ним.

Она поправила привязанный через плечо лук и колчан.

— Как ты думаешь, что там ищут Бэгмены?

Они испытывали безумную жажду, стучали руками по двери, в заколоченные окна, даже в расплавленный, виниловый сайдинг*.

(*Прим. редактора. Сайдинг (англ. siding — наружная облицовка) — не горючий материал облицовки стен зданий, выполняющий две функции: утилитарную (защита здания от внешних воздействий, таких как дождь, ветер, снег, солнце) и эстетическую (декорирование фасада дома).)

— Там внутри должна быть вода, — сказал Джексон, переводя на меня взгляд. — Может быть, потоп.

— Время вышло, Императрица. — Голос Мэтью слышался ясно из-за нашей близости, но я могла сказать, что он слабеет.

— Он в ловушке там. Мы должны спасти его.

— Мы будем ждать до рассвета, когда Бэгмены уйдут в укрытие. — Сказал Джексон.

Принимая во внимание их бешенство, Мэтью мог скоро погибнуть — либо от воды либо нет.

— Они проломают себе путь раньше. — На двери гаража уже были вмятины. — Мы

должны идти сейчас!

Он резко засмеялся.

— Ни за что, Эванджелин.

Селена спрыгнула с мотоцикла, направляясь к самому краю обрыва, пробормотав мне:

— Ты ничего не говорила о Бэгменах.

— Я не знала о них! Но я знаю, что он утонет в ближайшее время.

Селена сказала:

— Я не вижу никакого света или движения. — Повернувшись к нам, она спросила, — ты уверена, что в доме кто-то есть? — но опять же, я ощутила, что она уже знала ответ.

Джексон мягко сказал:

— Мы видели свет, а ты нет, потому что ехала позади нас. — Он обманет её ради меня? Я осторожно подошла ближе к нему.

— Тогда давайте его спасать, — сказала Селена.

Мы оба удивленно обернулись к ней. Она... согласилась со мной? Сразу же, я попыталась представить ее ангелом. Она должна знать, что одна из Карт была внутри, должна верить, что Мэтью может оказаться для нее в некотором роде ценным. Селена сорвала тетиву с плеча.

— Ты планируешь жить вечно, Джей Ди?

— Я думал, что мы единокоры в некоторых вещах, — сказал он. — Таких, как выжить в первую очередь. У нас выживание является противоположностью самоубийства.

— Если вы, ребята, можете придумать план, я слушаю. — На мой недоверчивый взгляд, она пожала плечами.

— Может быть, я не могу смириться с мыслью, что там в темноте ребенок думает, что отсчитывает последние минуты своей жизни.

Джексон повернулся ко мне: — Эви, перестань!

Я скрестила руки на груди.

— С тобой или без тебя, Джексон.

Он стиснул зубы, проводя пальцами по волосам. — Джек Дево никогда не будет спорить с двумя женщинами. Всегда выйдешь проигравшим. — Он начал расхаживать. — Если у тебя есть какие-либо идеи, Эванджелин, сейчас самое время поделиться ими.

Я смотрела вниз на дом. Одноэтажный с виниловым сайдингом. Выглядит старым.

— У меня есть одна, но вы будете смеяться.

- Sans doute (возможно). Но все равно давай выслушаем ее.

— Глупая соо-уоп, идея! — Отрезал Джексон, несясь по склону в недавно присвоенном старом Эконолайн*. — Рисковать своей шкурой ради чужой!

(*прим. ред. — Форд Эконолайн — микроавтобус Форд, выпускавшийся в США с 1960 г.)

Он был мертвенно бледен, но по крайней мере помогал нам. Мы обнаружили фургон поблизости. Когда Джексон быстро починил его, он сказал:

— Если я на самом деле сделаю это до того, как ко мне вернется разум, то нет никаких причин тебе идти со мной, Эви. Или тебе, Селена.

— Ты будешь нуждаться в дополнительном оружии. — Селена похлопала свое оружие с гордостью.

— Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и позаботилась об Эви.

Я закатила глаза, Селена вызывающе откинула волосы на плечо. — Запомни, Джей Ди,

я иду. А это означает, что и Эви тоже.

Когда он открыл рот, чтобы возразить, я сказала:

— Похоже, старина Джек собирается спорить с двумя женщинами...?

Мы перекачали топливо из мотоциклов в машину, спрятав их, чтобы забрать позже, и направились к Мэтью. Сейчас Джексон дернул руль фургона, мчащегося по холмистой грязной дороге, которая вела к дому. Машина резко подпрыгнула, выскочив из колеи, так сильно, что зубы застучали.

— Легче, Джей Ди, — запротестовала Селена сзади. — Вспомни, что здесь нет ремней безопасности.

Джексон был непреклонен насчет того, что меня нужно пристегнуть для этой прогулки, мы встретились глазами, он дернул мой ремень безопасности, чтобы проверить его. Сразу, Селена начала скулить, что ремни безопасности были только спереди. Тогда он сказал:

— Я хочу, чтобы ты это запомнила, реекон. Ты ведешь нас в ад?

Я кивнула. — Бэгмены впереди. — Мы уже ехали сквозь них, толпа становилась, гуще и гуще. Он не пытался уклоняться от них. Когда мы в кого-то врезались, послышался гортанный вопль, который стал громче над капотом и в воздухе. Они видимо давно не питались, их тела разрывались на покрытые пылью куски, покрывая лобовое стекло. Когда дом появился в поле зрения... Мы по-прежнему не замедлялись.

— Дети, не пытайтесь повторить это дома, — пробормотал Джексон, его лицо выражало твёрдую решимость. Он не боится? Вместо этого, он выглядел так, будто это его дом осквернили, и он собирается отомстить. Я сглотнула. Когда перед нами появилась стена, я вдруг засомневалась в нашем плане, не желая ничего сильнее, чем просто его отменить.

Слишком поздно.

Столкновение. Мы врезались в стену. И проехали сквозь нее. Сайдинг и доски упали на капот, когда Джексон ударил по тормозам. Посреди дома, меня сильно потрянуло, когда мы резко остановились. Мое тело подалось вперед, ремень безопасности выбил весь воздух из моих легких. Тяжело дыша, я приоткрыла глаза. Одна фара осталась нетронутой, освещающая приглушенным светом гостиную. Штукатурка запылила воздух, но я могла видеть старые ковры и мебель. И картонные коробки, они были повсюду, сваленные у каждой стены, сложенные везде. Обстановка в доме была в стиле Крекер Баррел.*

(*прим. ред. Крекер Баррел — сеть ресторанов, с характерным интерьером — креслами-качалками, деревянной мебелью и каменным камином.)

— Эви! Ты в порядке?

Восстановив дыхание, я показала ему поднятый большой палец.

— Селена?

Она решительно кивнула, готовя лук к стрельбе. Несмотря на то, что мы пробили себе путь сквозь толпу зомби, они уже начали стучать по окнам, со стонами жажды. Мы не продержимся долго. Джексон повесил свой арбалет и рюкзак на плечо.

— Тогда давайте шевелиться. — Оставив двигатель заведенным, мы вошли в дом. — Где он должен быть, Эви?

— Он должен быть в подвале.

— Где это?

Из-за всех коробок я не могла увидеть дверь. И со всеми этими шумами и стонами Бэгменов, лупивших по фургону, двигателем, который по-прежнему ревел в комнате, я едва

могла услышать его голос в своей голове. Когда я закусила губу, пытаюсь сосредоточиться, Селена оттолкнула меня в сторону.

— Джей Ди, я пойду направо. Вы налево. Я найду вас в два счёта. — Она включила шпионский фонарик, висящий на ее поясе, а затем ускользнула. Джексон тоже поднял фонарик, держа арбалет на изготовке.

— Пойдем, Эви, — сказал он, добавив:

— и, рее-соп... — как тень — закончила я за него.

Он повел меня вперед, через залежи коробок. Некоторые были сложены настолько высоко, что казалось они могут опрокинуться на нас. Мы прошли комнату мальчика, украшенную на космическую тему. Фонарик Джексона осветил обои, изображающие галактики, и планеты, свисающие с потолка. Плакаты шаттлов украшали стены. Высокотехнологичный компьютер и игровые консоли были аккуратно расставлены.

Джексон резко рассмеялся. — Я никогда раньше не был в планетарии.

Голос Мэтью слабел, наполняя меня с ужасом. Селена вернулась, подходя к нам она сказала.

— Там мертвая женщина в гараже, в машине. Включен двигатель. Она пролежала там не больше дня.

Самоубийство? Что здесь произошло? Джексон остался равнодушен к самоубийству, и не задавался вопросом кто, и почему, черт возьми, закрылся в своей машине? Селена пожалала плечами.

- Я нашла подвал. Там вода.

Джексон встретил мой взгляд. Мы оба знали, мое видение сбывается.

- Селена, отведи нас туда!

Кивнув, она пошла через полосу препятствий из коробок. Джексон и я последовали за ней к неприметной двери в верхней части цокольного этажа. Кромешная тьма приветствовала нас. Предусмотрительно он достал две светящиеся палочки из своей сумки, надломил их, и бросил на пол. Они приземлились в воде. Сквозь их жуткий зеленый свет, мы увидели, что лестница привела нас к короткому коридору с двумя дверьми. Вода каскадом лилась сверху через зазор в одной из дверей, а также била из старомодной замочной скважины, как будто из кувшина...

— Там уже всё под водой. — Сказала Селена. Джексон повернулся ко мне. — Если у этого мальчика есть жабры, то он может быть и выжил.

— О, Боже! — я не слышала Мэтью в моей голове, вообще. Тишина. — Пожалуйста, ты должен вытащить его оттуда!

— Ты с ума сошла?

— Пожалуйста, Джек!

— Черт возьми, девочка. — Резко присев, он сунул сумку в мои руки, а затем бросил Селене свой арбалет.

— Запомни это, — пробормотал он, протискиваясь мимо нас, чтобы спуститься сразу на четыре ступеньки. Мы последовали за ним.

- Ты сможешь выломать дверь? — я уже плакала.

Он стоял по колени в воде, около подвальной двери. Он вытащил нож, который всегда носил с собой.

— Это дубовая дверь — сказала Селена. — Ты никогда не сможешь её пробить.

— Нет. — Он вытер воду с лица. — Вы обе поднимитесь выше, и головы повыше.

Сейчас!

Мы с Селеной поднялись по лестнице, он засунул лезвие в зазор между ручкой двери и рамой. Его мускулы напряглись, когда он вклинивал нож по самую рукоятку. Затем он отступил к стене, приготовился, и ударил несколько раз по ножу. Дверь вышибло наружу. Поток воды обрушился на Джексона, его обмякшее тело пролетело как если бы подвал выплюнул его.

— Джексон! — закричала я.

Он вынырнул на поверхность с бледным мальчиком на руках, подтащив его обратно к лестнице.

— Он жив? — спросила я, прищурившись, когда "Карта" Мэтью появилась над ним: улыбающийся молодой человек с рюкзаком и белой розой. Его глаза подняты к слепящему солнцу, он стоял у обрыва, около него бегала маленькая, пушистая собачка. Я вздрогнула и образ исчез. Я не хотела видеть его Карту, я хотела видеть Мэтью в безопасности! Джексон прощупал пульс мальчика, а затем его рука зависла у его рта.

— Дыхание есть. Он просто потерял сознание.

Мои ноги подогнулись.

— Вода по-прежнему прибывает Джей Ди. — сказала Селена.

Джексон наклонился, тяжело взвалил парня на плечо, как пожарный, и понёс его вверх по лестнице. Я в очередной раз поразила его силе.

— Давай, что ты стоишь?! — набросился он на меня. — Мы еще не выбрались из этого.

К тому времени, как мы вернулись к фургону, Бэгмены качали его так сильно, что мы могли видеть амортизаторы. Залезть внутрь было так же трудно, как сесть в лодку в бурном море, но нам удалось выдвинуть дверь. Я ползла по полу, Джексон жестом показал мне прижаться к его спине, мальчик на его плече обмяк. Он сбросил его, как мертвого аллигатора, сосредотачивая внимание на других вещах, оценивая ситуацию.

— Их слишком много, и мы не прорвёмся сквозь них, — сказал он. — Оставайтесь здесь. Я уведу их.

— Что? — Селена и я закричали в унисон, но он уже захлопнул боковую дверь и убежал, перепрыгивая через коробки. Вскоре я услышала, звук, напоминающий удар ногой в дверь. Последовал резкий свист. Постепенно, фургон стал раскачиваться. Потом Джексон показался за углом, Бэгмены бежали за ним. Он мчался через ящики, нарочно стуча по ним, чтобы заманить их вниз. Селена наклонилась, собираясь прикрыть его, но они все остановились у входа в подвал, заполненный водой...

Запрыгнув в машину и заведя двигатель, Джексон развернул ее в обратном направлении. Шины завизжали. Запах жженой резины заполнил воздух, когда мы выезжали. И потом... Мы быстро поехали назад, сбивая любого оставшегося Бэгмена на своем пути. Мы медленно удалялись от дома. Но и этой скорости было достаточно. Никто не преследовал фургон. Посмотрев в заднее окно, я увидела как они копошились в этой дыре, как муравьи. Как только мы вернулись на грунтовую дорогу, Селена воскликнула:

- Мы сделали это!

В глазах Джексона отражалось волнение. — Да, черт возьми! — Он ударил ее поднятую руку.

Катастрофа предотвращена, я обняла голову мальчика на своих коленях.

— Давай заберём мотоциклы Джей Ди, и надо это дело отпраздновать! Она включила на своем ай-поне какую-то раздражающую музыку в стиле техно.

Улыбаясь, Джексон посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Я одними губами сказала, спасибо. Он пожал плечами, его поведение резко изменилось, и он отвернулся. Я заглянула в лицо Мэтью, и вздрогнула от подавляющего чувства нежности, которое я испытывала к нему, как будто я нашла давно потерянного брата. Я обратила внимание на его руки. Рукава клетчатой рубашки на пуговицах были закатаны, обнажая серебряный браслет MedicAlert на его запястье. На нем был штамп с диагнозом аутизма и телефоном экстренной помощи. По некоторым причинам, я не хотела чтобы Селена или даже Джексон, увидели браслет, я не хотела чтобы они судили о Мэтью по этому браслету.

— Он тебе больше не нужен. — Шепнула я Мэтью.

Я наклонилась, чтобы расстегнуть его, и как только моя кожа соприкоснулась с его, мягкое видение появилось в моей голове, развеваясь в моем сознании, как будто кто-то бросил шарф.

Всё исчезло. Я оказалась в доме мальчика, наблюдая разворачивающуюся сцену.

Перед закатом, дом начал дрожать. Потом прозвучал оглушительный металлический хлопок, как будто взорвалась крышка люка. Вода хлынула вниз по лестнице. Это было незадолго до того, как Бэгмены ворвались во двор, круша дом. Мальчик думал, что находится один в гостиной. Ожидая. Хотя он был высок, по крайней мере, для своего возраста, но выглядел маленьким и потерянным среди этих коробок. Прошло несколько часов, а он все ждал. Двор был теперь окружён многочисленными зомби. Когда из соседней спальни вышла брюнетка среднего возраста, он встретился с ней взглядом, не скрывая своих эмоций. Уязвимость. Слабость.

— Мэтью, — сказала она высоким голосом, поправляя юбку своего чопорного костюма, — почему бы тебе не пойти проверить трубы? Ты знаешь что произойдёт, если ты не сможешь починить эту утечку? Я пойду подготовлю гараж.

Его полные душераздирающей тоски глаза затуманились.

— Да, мама, — прохрипел он, волоча ноги вниз по лестнице в тот самый затопленный подвал.

Как только он протаскился через футовую глубину воды, чтобы найти где прорвало массивную трубу, которую он никогда не смог бы починить, он услышал, как женщина с шумом захлопнула дверь подвала.

— Мама знает как лучше, сынок.

Когда вода продолжала подниматься, он стал дёргать ручку двери. Выражение его лица отражало его разбитое сердце. Но не удивление. Даже когда дверь за ней закрылась и она заперла его внутри, чтобы утопить...

— Приведи мальчика в чувство, — сказал Джексон мне. Мы только что заняли четырехместный особняк.

Найдя место для ночевки, Джексон вернулся к фургону, чтобы перенести Мэтью, который был без сознания, на одну из двуспальных кроватей в гостевой спальне.

— Я хочу знать, как он попал в эту дурацкую ловушку, — он оперся плечом о стену, отхлебнув пива, поскольку они с Селеной решили отметить успех спасательной миссии. Я присела рядом с Мэтью, и потормошила его за плечо. Затем сильнее. Безрезультатно.

— Он сам скоро проснется, — Селена щелкнула пальцами по бутылке, — пойдём, Джей Ди, здесь внизу есть дартс. Джексон кивнул:

— Еви, оставь его пока.

— Я не хочу, чтобы он проснулся и не знал, где находится, — не после такого дня. Я вспомнила фразу: «Мама лучше знает». И задрожала, — вы можете идти и играть.

— Мой друг пришел за мной.

Мой взгляд резко вернулся к нему. Мэтью прошептал это... без звука? После долгого времени общения в моей голове, его голос звучал так глубоко и реалистично. Он проснулся, его, такие знакомые для меня глаза, открылись. Резко сев, он обхватил меня руками и крепко прижался, тяжело дыша, словно жаждал увидеть меня. Поверх плеча Мэтью, я увидела, что Джексон нахмурился. Капризным тоном, Селена протянула:

— Ты говорила, что никогда раньше не встречала этого мальчика.

— Н-не встречала.

— Императрица, — Мэтью снова вздохнул возле моих волос. Я напряглась, пожелав, чтобы он не произносил этого вслух.

— Почему ты называешь ее так? — спросил Джексон, а Селена любопытно склонила голову. Мэтью повернулся лицом к нему:

— А почему ты так ее не называешь?

Я не могла сказать, был ли его тон побуждающим или просто озадаченным. Также не мог и Джексон.

— Скажи нам свое имя.

— Мэтью Мат. Zero Matto. — Хитро взглянув, он добавил — Императрица знает мое имя.

Джексон спросил:

— Откуда взялась вода в твоём доме?

— Труба. — Затем он объяснил Джексону, — вода прибывала по трубам.

Джексон отлепился от стены, исчерпав лимит своего терпения.

— Ты ударился головой или что-нибудь еще, мальчик?

— Джексон, пожалуйста.

Еще один хмурый взгляд от кайджана. Затем он пробормотал Селене:

— Он соображает медленнее чем приходит Рождество.

— Рождество, — начал Мэтью грандиозно, — такое... медленное.

Громким голосом, четко выговаривая слова, Селена обратилась к нему:

- Я Се-ле-на Лу-а. А это Джексон Де-во.

Скучающим голосом, Мэтью повторил:

— Ди-ви-о и Луна. — Затем он отвернулся от них, потеряв интерес и посмотрел на меня, — ты пришла за мной.

— Мы пришли, Мэтью, — ответила я, — это Джексон освободил тебя из подвала. Селена тоже сыграла огромную роль.

Пожатие плечами.

— Только соо-уоп (идиот) может утопиться, после Вспышки. — Прощедил Джексон, — и ты мне должен новый нож, мальчик.

— Идем, Джей Ди, — сказала Селена, — оставим этих сумасшедших детей играть. Готова поспорить на еще один литр, что я со связанными руками обставлю тебя в дартс.

Умная девушка, упаковка виски — для парня, у которого даже прозвище в честь этого напитка. Хорошая игра, мудрый соперник. Джексон перевел взгляд с Мэтью на меня, выглядя отнюдь не убежденным.

Желания бушевали внутри меня: мое любопытство требовало расспросить Мэтью наедине, а моя ревность требовала отделить Джексона от Селены, чтобы узнать, что произошло между ними прошлой ночью. Любопытство победило.

- Ребята, идите развлекаться. — Проговорила я, — все будет хорошо. Я думаю, что смогу подробнее расспросить его наедине. Селена потащила Джексона прочь.

— Крикнешь, если тебе что-нибудь понадобится. Я буду прислушиваться. — Добавил он мрачно, глядя на спокойного Мэтью. Затем на французском пробормотал мне, — нам нужно поговорить. Сегодня ночью.

— Ты такой сексуальный, — раздраженно воскликнула Селена, — когда говоришь по-французски!

И затем они вышли. Джексон был прав — ревность уничтожает тебя изнутри. Я натянула на лицо маску спокойствия и снова повернулась к Мэтью.

- Малыш, ты должен относиться вежливее к этим двоим. К сожалению, мы зависим от них. Он тихонько рассмеялся в ответ на это. — Ты умеешь охотиться? Или стрелять?

— Разве что из рогатки.

— Ладно, и я не умею. Но они оба охотятся. Они добывают еду и защищают нас. Так что мы должны полагаться на них.

Он ухмыльнулся.

- У Императрицы есть чувство юмора в этот раз. — Одно дело, когда он называл меня Императрицей у меня в голове, и совсем другое, когда в реальной жизни. Мэтью на самом деле был здесь. Со мной.

- Спасибо тебе за видения, малыш. — Затем я добавила то, что думала никогда не скажу, — ты помог сохранить мою жизнь после Вспышки.

Он кивнул с серьезным видом:

— Я спасатель.

— Но я не могла сделать это одна? То есть, я не смогла бы предотвратить Вспышку, правда?

Он издал смешок.

— Это полный бред.

Мне полегчало...

- Мэтью, вообще, ты медиум?

— Такой же медиум, как и те, что называются Mattics.

Я улыбнулась, возбуждение пробежалось по моему телу:

- Ты можешь видеть всех?

Он поднял пустой взгляд к потолку.

- Последние две королевские бабочки в тысячах миль друг от друга и летают далеко от других. Мальчик на скейтборде пересекает старое озеро Мичиган. Следующая карта закрыта. Не смотри на эту руку...

— Смотри на другую, — закончила я, — я знаю это. Когда ты слышишь голоса, они стихают, если ты встречаешь их обладателя?

— Не пытайся их приглушить. Ди-ви-о делает их тише для тебя. Каждый раз, когда он помогает, он причиняет боль.

— Ты можешь рассказать подробнее об этом? — Мэтью широко усмехнулся. Кажется, нет. — Значит, ты можешь посылать свои видения кому-либо? И можешь передавать их через прикосновения?

Его волосы высохли, теперь челка очаровательно прикрывала лоб.

— Сообщения.

— Ты отправил их другим Арканам?

Он выглядел обиженным. Будто бы я обвинила его в мошенничестве.

— Ты мой друг и союзник.

— Почему тогда ты послал мне видение про Селену? Что означало то, которое было в лесу?

— Означало? — переспросил он озадаченным тоном, — этот сон?

— Ммм, не совсем. Скажи, Селена хорошая, как мы, или плохая... как Смерть?

— Она Луна, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Очевидно, эта тема закрыта. Я подняла другую.

— Ты видишь мою бабушку?

— Тарасова, — пробормотал Мэтью. Также, как она называла себя мне.

— Она в порядке? — молчание, — мы путешествуем, чтобы найти ее. Она имеет все ответы.

— Ты должна обдумать вопросы.

Конечно же, он сказал бы мне, если бы она не выжила — мы ведь собирались туда?

— Ты медиум, а я могу управлять растениями, какие же силы есть у других Арканов?

— Огромные.

— Мы генетически измененные или что-то такое? Как мы получили наши силы?

— Мы родились с ними.

Ладно.

— У Селены есть еще какие-нибудь способности, кроме мастерства стрельбы? — И кроме прекрасной внешности, гонок на байках и готовки, как у шеф-повара. — Она знает, кто мы такие? И она действительно Несущая Сомнения? И сколько вообще существует Арканов? Почему видения Смерти более живые, чем остальные?

Вместо ответа на мои вопросы, Мэтью широко зевнул, его глаза не были провидческими, скорее сонными и по-детски хмурыми. Хотя я сгорала от нетерпения получить ответы, я чувствовала, что подтолкнуть его к нужной теме могут только мои собственные воспоминания. Другими словами, не на все вопросы я получу ответы. Иногда мы должны просто позволять вещам происходить. Но я должна была знать кое-что еще.

— Когда я коснулась тебя ранее, я видела видение. Ты не выглядел удивленным, когда

твоя мама закрыла тебя там. Ты видел свое будущее?

— Не мое. Никогда свое собственное. Ее.

Он мог видеть только чужое будущее?

- Ты разве не хотел, ммм, вмешаться в ее будущее? — возможно ли было уберечь ее от попытки убийства своего сына и самоубийства? Она не выдержала стресса? Или она хотела избавить его от Бэгменов, утопив? Почему она не взяла его с собой в машину? Затем я вспомнила; Мэтью уже рассказывал мне об этом. Она знала, что он не останется в машине.

— Это не имело для нее значения. Не надолго. — Со сверкающими глазами, он прошептал. — Я вижу далеко, Эви.

То есть она должна была умереть вскоре? Или возможно, ее судьба была бы хуже этого? Даже пока я думала, есть ли участь хуже, чем смерть, я удивлялась, как Мэтью мог принимать эти нелегкие решения за других. Бедный мальчик. Я протянула руку, чтобы пригладить его волосы, как делала моя собственная мама. Как я могла почувствовать такую привязанность к нему так быстро? Но вообще то, мы знали друг друга в течение нескольких месяцев. Он смотрел на меня с бесконечным доверием:

- Я верил, что ты успеешь вовремя. — Еще один зевок.

Наблюдать за его зеванием было аналогичным, наблюдению за задремавшим щенком — это самая милая вещь, которую я когда-нибудь видела. Увижу ли я щенка когда-нибудь снова?

— Почему бы тебе не попробовать поспать? У нас будет время поговорить завтра.

— Не оставляй меня.

— Я не оставлю, обещаю.

Его веки потяжелели.

— Это начинается с меня... и заканчивается с ним.

— Заканчивается кем, Мэтью?

Он уже засыпал. Я направилась к другой кровати и легла, размышляя о суете дня. Конечно Селена хотела поехать с нами: «Черт, Джей Ди, я могу испытать настоящее приключение с тобой». Она была в своём аварийно-спасательном снаряжении, в максимально удобной и практичной одежде; энергетическое питание расфасовала в считанные минуты. Сука. По крайней мере, она позволит нам зарыться в спальные мешки и приготовить самим полуфабрикаты. И она, конечно, была самостоятельна в путешествии, использовала свой мотоцикл, как профессиональная каскадерша. На самом деле, она хотела, чтобы я ездила с ней, чтобы помешать мне цепляться за Джексона, как банный лист.

«Эви поедет со мной». — Сказал Джексон, тоном не терпящим возражений. Хотела ли я отвратить его внимание от Селены? Я не могла решить! Время от времени, пока мы ехали на север, мои мысли обращались к той ночи, но потом я вспоминала, что жизнь Мэтью была поставлена на карту, и мне становилось очень стыдно.

Теперь я могу всё это обдумать. Факты: Прошлой ночью, Джексон был пьян и зол на меня. Она была все время с ним. Сегодня утром, когда Джексон заботился обо мне в особняке, Селена возмущалась, как отвергнутая девушка.

Три варианта. Первый — они переспали и сегодня вечером собираются заняться этим снова. Второй — они занимались вчера сексом, но теперь Джексон пожалел об этом. Или, третий — он держал руки при себе и между ними ни чего не было, и мне не стоило дико ревновать к Селене

Я должна была знать. Они не делали ничего такого, что убедило бы меня, что они пара,

но их поведение этого и не исключало.

— Императрица? — позвал Мэтью просыпаясь.

— У тебя был плохой сон, малыш? Ты голоден? У нас есть еда.

Глядя на меня, он поднялся, и забрался ко мне на кровать.

— Эй! Что ты делаешь?

Он взял мою руку, и накрыл своей. Я сразу расслабилась.

Быть с ним, чувствовать его казалось так нормально, естественно. Знакомо.

— Они играют, Эви.

— Кто? — я проваливалась в тепло его рук, не в состоянии держать глаза открытыми.

— Арканы. — Это было последнее, что я слышала.

Мэтью и я стояли на краю большого обугленного поля. Над нами в чернильном небе непрерывно сверкали молнии. Он все еще держал мою руку в своей, позволяя мне увидеть и испытать свои видения. Эта сцена была еще более яркой, чем те, что он посылал мне в пути. На самом деле, это видение невозможно было отличить от реальности. Как он мог отличать реальность от видения?

- Все или ничего. — Я услышала его голос у себя в голове.

Через мысли Мэтью, я поняла, что мы тайно наблюдаем битву Арканов, которая прямо сейчас происходит где-то в мире. Там было пять Арканов, разделенных на два небольших союза. Сейчас битва приближалась к своему завершению. Мог ли Мэтью предвидеть кто победит? Он покачал головой.

— Потоки будущего, как волны или вихри. Не всегда можно ясно увидеть. Но я ставлю на него, уверен он победит. — Мэтью указал на поле, на высокого, мужчину в броне, шагающего по закопченной земле, с мечом в каждой руке. — Смерть. Точно такой, каким я его запомнила в Хейвене, жнец носил полный набор черных доспехов и шлем сквозь решетку которого пробивался слабый свет. Он был поразителен, и я ясно видела с какой лёгкостью он держит мечи. Идеальный убийца. Неужели я действительно, когда впервые увидела его карту, испытала жалость к нему? Вокруг него взрывались молнии как сгустки электроэнергии. Вдали, при очередной вспышке молнии в ночном небе, показался силуэт мальчика.

- Глаза к небу, ребята! — закричал он, когда молнии начали падать всё быстрее и быстрее.

Только я задумалась, какое же у него имя, как Мэтью прошептал:

— Джоуль. Мастер Электричества. Высшая карта.

Молнии поражали все вокруг Смерти, но он не изменил своего курса, даже не пригнулся, просто продолжал идти в бой. Иногда он отбивал молнии одним из своих мечей. Я увидела его цель — черноволосая девушка, которая выглядела еще моложе меня. Она хромала, продвигаясь по пустынному пейзажу, волоча ногу, пытаюсь ускользнуть от него. Я боялась, что это безнадежно. Хотя у нее было оружие, трезубец с обоюдоострым лезвием, но он носил броню. Я не думаю, что она смогла бы пробить ее, если только она сможет попасть в решетку на шлеме. И ее тело уже было ранено. Я покосилась на чёрные вены проступающие на ее оливковой коже. Они сплетались гуще и гуще, пока не превращались в крупные пятна.

— Прикосновение смерти. — Объяснил Мэтью.

Я слышала её тяжелое дыхание и всхлипы, она согнулась, но не сводила глаз со Смерти.

— Карта Умеренности. — Прошептал Мэтью. — Каланте. Она держит в руках Вес Грехов.

Она споткнулась, потеряла равновесие и рухнула на спину. Облако пепла ореолом взвилось вокруг ее тела. Трезубец вылетел из пепла, нацеливая острый конец прямо на шлем Смерти. Одним движением запястья, он отбил его мечом. Как комара. Когда пепел улегся я увидела ее лицо, полное превосходства и твёрдой решимости, эта девушка знала, что сейчас умрет. Когда вокруг Смерти посыпалось еще больше разрядов, я поняла, что Джоуль пытается спасти ее. Он мчался, метая молнии, как копья, рогатое чудовище преследовало

его. Я узнала преследователя. Оген, El Diablo — Карта Дьявола. Отталкивающий союзник Смерти. Тем временем, тело Огена изменялось, его передняя часть выросла и теперь была способна поглотить человека, а затем он весь вырос до гигантских размеров. Его жестокая сила была невероятна.

Джоуль продолжал свой безумный волейбол, отступая от Огена. Если это существо поймает мальчика... Смерть взмахивал мечами вокруг себя, отражая молнии с поразительной скоростью. Он шагал сквозь летящие копья и казалось, что ему скучно. Когда он достиг Каланте, размытые очертания молний стали падать сверху, как кометы.

Летающий мальчик! Я видела его раньше, он был в поношенной одежде и с величественными угольно-черными крыльями. Я слышала его как до, так и сейчас: — Я наблюдаю за тобой, как ястреб.

Через мысли Мэтью, я поняла, что это был Габриэль, Карта Суд. Также известный как архангел, предназначение которого в том, чтобы парить над схваткой, выбирая идеальный момент для нападения. Потом он кинулся вниз, увеличивая скорость как ракета, и выравниваясь над землей. Сейчас он стремительно падал, так быстро набирая скорость, что слышался свист. Первым ударом с воздуха, он сбил шлем со Смерти. Каланте решительно швырнула трезубец в лицо Смерти. Но он с легкостью увернулся. Насколько же он был быстр?

Я хотела увидеть его лицо, но вихрящийся вокруг него пепел скрывал его от меня. Его длинные, светлые волосы развевались. Сбросив немного скорость, Габриэль изогнулся в спине, его мышцы и сухожилия были напряжены, его тело извивалось в воздухе. Он опять стал разгоняться с пронзительным свистом, и нанёс повторный удар. Но Смерть был слишком быстрым, даже для архангела. Его меч вспыхнул, ранив шелковистое черное крыло, отбросив мальчика обратно в ночное небо. Я слышала крик Джоуля, когда он с чем-то столкнулся, с Огеном? Молнии больше не летели в Смерть, не было никого, кто мог бы спасти девушку...

— Можем ли мы помочь ей?

— Мы здесь не для этого Императрица. — Прошептал Мэтью.

Мы могли только наблюдать, как смерть забирает ее жизнь. Я видела его спину в броне, он навис над Каланте. Когда она стала умолять о пощаде, он покачал головой, и она замолчала. Со слабым вскриком, она подняла руку, как будто обладала какой-то властью против него.

— Сокрушить его, — пробормотал Мэтью. — Весом грехов.

Дымка развевалась вокруг нее, энергия рябила, и, казалось, вытекала из нее, бомбардируя смерть. Он рассмеялся.

- Я знаю свои грехи, у тебя нет власти надо мной, Каланте. — Он отрубил ей руку одним из своих мечей, в то время как другой описал дугу вокруг ее шеи. Отсекая. Я смотрела на это сквозь слёзы.

Мэтью сжал мою руку. — Она не боится его больше. Через поле, Джоуль выл от горя, отступая, когда Оген бросился в погоню. Оставив Смерть наедине со своим убийством.

Когда он повернулся к своему красноглазому коню, который дожидался его не далеко от нашего тайного места, я увидела лицо Смерти в первый раз. Я была потрясена. Смерть был самым красивым парнем, которого я когда-либо могла себе представить. Ему было не больше двадцати лет, он был высокий и плечистый, а его лицо поражало. Его черты можно было назвать благородными. Его глаза блестели, как... звезды. Как кто-то злой, мог

выглядеть так божественно? Он положил свой побитый шлем на седло, и выдохнул. Каждое его движение кричало об усталости. Но затем он спокойно вытянул шею, чтобы посмотреть прямо на Мэтью.

- Я был здесь достаточно долго, чтобы почувствовать твой пристальный взгляд, Дурак. — Его голос был резким скрежетом. — Ты позволил ей увидеть меня в игре? Может быть за это я убью тебя последним.

Затем его внимание обратилось на меня.

- Не волнуйся, Императрица, Matto помнит свои долги. Он покажет тебе, какой я хороший. — Его акцент был восточно-европейским или, может быть русским? — Теперь я стану наблюдать все твои бои, чтобы узнать все твои трюки. После этого вечера, я буду шептать в твоей голове громче чем все остальные.

Я молчала, все еще зачаровано смотря на его лицо. Казалось, моя реакция застала его врасплох.

- Ты слаба? Наша игра не будет веселой, если ты слаба. Или ты слабонервная и у тебя не хватает смелости?

Мэтью сжал мою руку, что побудило меня проквкать: — Нет. — Прозвучавшее как вопрос.

Смерть сузил свои сверкающие глаза.

- Я ждал бесконечные годы, чтобы биться с тобой снова. Неужели ты не встретишься со мной в бою?

Я не могла отвести от него взгляд. Что он сказал? Я должна была «биться» с ним? За ним на фоне лунного пейзажа вырисовывались растущие на поле растения. Должна ли я атаковать рыцаря моими, подобными шипам, когтями? Как он однажды мне сказал, в моей крови была жизнь. Но даже если бы у меня было время, чтобы вырастить растения, они всё равно бы не устояли против его мечей. Сколько крови потребуется, чтобы вырастить из желудка грозного союзника?

— Запомни, Императрица, Смерть всегда побеждает жизнь. Это может занять время, но я всегда буду побеждать. — Когда он вскочил на могучего коня, то приковал меня своим гипнотическим взглядом. — Когда твоя кровь омоет мой меч, я буду пить ее и издеваться над тобой...

Я задыхаясь проснулась, Мы были опять в особняке. Мэтью смотрел на меня своим затуманенным взглядом, стараясь отойти от своего видения.

— Что за черт, малыш?! — мы были не только свидетелями убийства, мы разговаривали с убийцей! — Проснись. — Я сжала его плечо. Казалось, пока спал, он исчерпал в сто раз больше сил.

— Почему Смерть ждёт что я приду к нему?

Он провел рукой по лбу.

- В древних сражениях нужно бороться, метки должны работать, плохие карты победили.

Мои чувства были в состоянии повышенной готовности и терпение было на исходе после этого тревожного видения. Пытаясь говорить спокойным тоном, я спросила: — Почему они должны с нами бороться? Может быть, у нас есть что-то — ой, я не знаю, — у нас достаточно способностей после Вспышки!

— Битвы начинаются в Конце. — Сказал он еще раз.

— Вспышка положила начало? — Голоса зазвучали громче словно апокалипсис

разбудил Арканы? Я сглотнула. Или наоборот? — Что стало причиной вспышки, Мэтью?

— Солнце.

Я выдохнула с облегчением. Солнечная вспышка имела смысл. Потом я вспомнила...

— Это не Карта Солнце?

Он пожал плечами. Терпение, Эви.

— Солнце это хорошая или плохая карта?

— Солнце это звезда.

И не было ли там карты Звезда тоже? Двигаемся дальше...

— Как может Смерть видеть нас?

— Старый. Знает мой взгляд.

— Сколько ему лет?

— Достаточно.

— Мэтью! — вскочив, я стала ходить.

— Двадцать один век или около того.

— Двадцать один! Он бессмертен?

Опять пожатие плечами.

— Просто не был убит в то время.

Я ходила взад и вперед.

- Но он знает тебя. Ты... его ровесник?

Глаза Мэтью округлились, он сказал:

- Мне шестнадцать.

Терпение! — тогда скажи мне, когда ты с ним встретился.

— Двадцать один век назад.

Я потерла переносицу.

— Ты убиваешь меня, малыш.

Он вскочил на ноги, сжимая мои плечи.

— Я никогда не убью тебя!

— Это просто фигура речи, Мэтью. — Я освободилась от его объятий.

— О. — Он опустил на кровать. — Я видел игры, в прошлом. Я видел Смерть. В некотором смысле, я мудрый. — Сказал он, глядя в пространство.

Как сумасшедшая лиса. — Пробормотала я. — Хорошо, что у меня есть, чтобы бороться в сверхъестественной древней битве. Какова цель? Что мы получим, если выиграем?

Мои мысли мчались вперёд, я пыталась представить себе какова может быть награда, равная этому риску. Может быть, был защищенный рай на Земле, где до сих пор были дожди и зелень? Смерть был каким-то потусторонним рыцарем, и обладал где-нибудь нетронутой крепостью? Потом я вспомнила своё видение, чёрная, обугленная бесконечность, заваленная руинами. Это точно, не то место где я выбрала бы жить. Может быть, есть какой-то способ, чтобы вернуться назад во времени и остановить апокалипсис! Если бы я поверила бабушке, могла бы я спасти мир? Мне нужно знать, что на кону... Мое сердце упало, когда Мэтью сказал:

— Если ты выиграешь, ты получишь... жизнь.

— Так что нет никакого способа улучшить нашу судьбу? Просто больше опасности и беспокойства легло на мои плечи?

— Опасайся! И беспокойся!

— Нет. Я отказываюсь от этого. Я не подписывалась на это дерьмо! Я никогда не

выбирала, но я уверена, что от ада можно отказаться.

— Нет выбора. Ты Аркан. Узнай свои силы. Используй их.

— Ну э-э-э, я девушка которая ничего не смыслит в этой борьбе, — заверила я его. — Я подниму белый флаг, буду стремиться к перемирию. Ты можешь помочь мне со Смертью, кажется ты его знаешь.

— Я у него в кармане, он в моих глазах.

— А это что значит?

Мэтью кивнул.

— Нет перемирия. Нет мира. Он — Смерть. Он умеет только одно — убивать.

— Тогда я убегу. — Это то, во что теперь превратится моя жизнь? Спасаться от бронированного серийного убийцы, всегда оглядываться через плечо, боясь его увидеть? Как долго я смогу выдержать это?

С дрожью, я подумала о хвалебной речи Мэтью о Каланте. Она не боится его больше...

ДЕНЬ 242 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

НА ГРАНИЦЕ ТЕННЕСИ И АЛАБАМЫ

— Не нравится мне это чувство. — Пробормотал Джексон, сжимая руль фургона, шурясь, чтобы видеть дорогу, сквозь непроглядный шторм пепла. Нас окутывал туман. Пограничные горы были едва различимы. Я никогда не видела такой туман до апокалипсиса. К сожалению, это было не единственное изменение погоды, с которым нам пришлось бороться... За последние шесть дней, после того, как мы спасли Мэтью, температура упала почти до нуля. Бури стали редкими, но когда начинались, были очень жестокими. Жалящий ветер в южных областях в мае? Наше дыхание превращалось в пар. Мы догадывались, что вся земля вот-вот замерзнет и начнётся новый ледниковый период. У меня была только моя толстовка, у Джексона тонкая кожаная куртка, а у Мэтью? Спальный мешок. Селена, конечно, была в своей всепогодной одежде. Отложив ружье, она изучала нашу карту:

— Мы выбрали правильный путь, Джей Ди. Может туман сбивает тебя.

Каждый день, Джексон и Селена садились на передние сидения, я придерживала Мэтью, а мне в спину упирались мотоциклы и багаж. Мэтью в настоящее время лежал на спальном мешке на полу, насвистывая песню из Звездных Войн, совершенно не замечая нашего беспокойства.

— Эта трасса похожа на трассу E — сказал Джексон. — На карте не видно всей округи. Здесь должна быть деревня.

— Карта старая. — Сказала Селена. — Впереди должен быть торговый центр. И я гарантирую, что мы найдем там больше топлива, чем находили в местах, которые уже прошли.

После спасения Мэтью, мы решили ехать на север, в штат Теннесси, перед тем как отправиться на восток до Северной Каролины. Отступить на юг по той же пустыне и по возможным свободным шоссе в Алабаме не вариант. У нас осталось только несколько энергетических батончиков. Вода заканчивалась. Хотя мы отклонились от основной дороги, по которой должна была идти большая армия, мы до сих пор не нашли никакой еды в этой области. Что мы нашли? Ещё больше Бэгменов. Мы видели их ползающими по обочине дорог, протягивающих руки в сторону нашего фургона.

— Мы всегда можем использовать топливо из мотоциклов. — Предложила Селена.

Джексон покачал головой.

— Этого не хватит и на 10 миль. Кроме того, мы должны сохранить эти запасы.

Я отметила как напряглись плечи, сжались его челюсти. Он был отягощен такой большой ответственностью. Мне хотелось как-то помочь. Я не могла, но Мэтью мог. Пока Джексон и Селена обсуждали маршруты, я переставила нашу коробку с оружием и пустые канистры для горючего за спину, чтобы разложить свой спальный мешок рядом с Мэтью. Я легла рядом с ним, свернувшись калачиком, чтобы согреться. В задней части фургона были сквозняки. Мы лежали друг против друга и перешептывались.

— Мэтью, поговори со мной, — пробормотала я. — Мы идем правильным путем? Сможем ли мы найти пищу в ближайшее время? Дай мне какую-нибудь информацию,

которой мы можем воспользоваться.

Джексон и Селена понятия не имели, каким ресурсом они обладали, и по-прежнему относились к нему, как идиоту. Как к... дураку. Мэтью взглянул.

— Они не заслуживают этого, — пробурчал он себе под нос, сейчас он был больше похож на шестнадцатилетнего мальчика, чем на провидца. Потом он перестал насвистывать мелодию из Звездных Войн. И начал свистеть. Селена увеличила громкость игравшего в кабине ее любимого рока. Он засвистел громче, чем довел ее почти до белого каления. Если напряженность в этом фургоне еще немного увеличится, он взорвется. Вся наша четверка была на пределе.

У Джексона появилась мгновенная неприязнь к Мэтью, он хмурился, если парень брал меня за руку, когда мы шли, называя его *Вон а Rien* — никчемный, при каждой возможности. Селена научилась полностью игнорировать Мэтью, но, когда думала, что никто не видит, изучала мальчика с тревожной интенсивностью. Мэтью посылал мне другие, бросающие в озноб видения. Но он, похоже, не боялся ее, чем заставил меня чувствовать себя лучше. А я заставила себя прекратить беспокоиться и ревновать Джексона к Селене, уделяя свое внимание Мэтью. Я полагала, что он остался один в первый раз в своей жизни. Большую часть времени, он, казалось, находился не в нашей реальности. Он разговаривал сам с собой, смеясь. Он спал урывками, без сомнения, эти видения захлестывали его. Он показал мне одну битву. Я никогда не просила повторения.

Каждый раз, когда мы могли поговорить без Джексона и Селены, я расспрашивала все об Арканах. Я узнала, что Дурак мог видеть не только будущее других, а и их прошлое и настоящее. Я узнала, что было много таких детей, как мы. Но не это было нашей целью. Если мы все были в некотором роде в состоянии войны с другими альянсами, тогда что начнет бой? Я знала, что он был на смерть — я видела как обезглавили Каланте, — но погибли ли остальные дети? Выжили ли Джоуль и Габриель той ночью? В основном, Мэтью раскрывал мне столько информации, что мне хотелось выдрать себе волосы. Наш типичный разговор:

— Сколько Арканов существует?

— Карт?

— Да, карт.

Твердый кивок:

— Тайна.

— Ладно, идем дальше. Что было первым — дети или карты?

Его ответ:

- Бог.

Я могла предположить, что он делает это нарочно, чтобы позлить меня, если бы не он не злился вместе со мной — словно он пытался научить меня новому языку, а я забыла, как произносится “the”.

(Прим. пер. “the” — элементарный артикль в английском языке, употребляется перед существительными. Аналогов в русском языке не существует.)

Я дотронулась до его лба, приглаживая копну волос.

- Мэтью, давай немного приглушим свист.

Он глубоко вдохнул с вызывающим выражением лица.

— Очень тебя прошу?

Он сердито посмотрел, но засвистел тише.

Облегчение. В идеале, я хотела, чтобы было так тихо, чтобы Джексон и Селена забыли о

нас.

— Императрица боится, что Ди-ви-о и Луна прогонят меня.

— Что? Никогда, — я немного заволновалась, когда подслушала, как Джексон говорил с Селеной:

«Этот малый не может драться, охотиться, стоять на страже, или просто заткнуться. Он поглотитель ресурсов. — Тоже, что он говорил мне, — Он постоянно голоден. Мы как будто сжигаем любую еду, которую находим».

Селена встряла:

«Но Эви он так нравится, Джей Ди. Конечно, ты и сам видишь, как сильно она заботится о нем». Моя привязанность к Мэтью не была похожа на обычную — и она знала об этом, но я не возражала ей из-за риска выдать, что я подслушивала. Затем Селена добавила:

«Почему бы тебе не сказать ей, что мы оставим его, только если она согласится вернуться ко мне. В противном случае, сбросим мертвый груз».

Селена, ты змея в пепле. На что Джексон только ответил: «Я подумаю об этом».

Насколько она могла влиять на него? Решив, что у них нет никаких шансов услышать нас сквозь музыку, я прошептала:

— Мэтью, может ли Селена буквально нести сомнения?

— Она Луна, — он начал рассматривать свою руку, поворачивая туда-сюда, казалось изучая каждую линию. Что обычно означало, что он хотел закрыть тему. Я спросила его, было ли что-то между Джексоном и Селеной — и получила тот же ответ. Я все еще не могла сказать, было ли что-то. Вдвоем они смотрелись великолепно, но никогда не показывали других отношений, кроме деловых. В конце концов, Джексон не демонстрировал ничего такого. Селена тоже не касалась этой темы. Может не одна она. Если бы я была уверена, что он хочет большего и не спал со своей постоянной компаньонкой по путешествиям, я бы сказала ему, что запала на него... Теперь Мэтью бросил на меня разочарованный взгляд.

— Императрица лжет о том, что они не хотели меня бросать.

Я взорвалась.

— Я никогда не позволю случиться чему-нибудь с тобой. Если они вышвырнут тебя, я уйду с тобой.

Я рассказала Джексону слишком много. Большая ошибка. Вчера, в один из тех редких моментов, когда Мэтью и вцепившаяся в него Селена были вне пределов слышимости, Джексон хрипло пробормотал:

— Думаешь, парень способен позаботиться о тебе? Защитить тебя в дороге?

Я в замешательстве моргнула:

— Зачем ему это? — затем я засомневалась. — Ооо я поняла, о чем ты, слышала как ты и Селена собираетесь сбросить мертвый груз. Надеюсь перед этим ты известишь меня, чтобы мы были готовы?

Джексон откинул голову назад, его желваки вздулись:

— Ты веришь, что я брошу тебя?

— Я случайно подслушала ваш разговор с Селеной. Вы назвали Мэтью поглотителем ресурсов, ты сказал, что он словно сжигает всю пищу. — Может Джексон смотрел на Мэтью сквозь призму? Особенно под влиянием Селены и сомнений?

— Это факт, — ответил Джексон, — кое-что я должен учитывать при принятии решений.

- Как, например, решения, бросить его ли его?

— И что ты сделаешь, если решу сделать это?

— Пойду вместе с ним, — ответила я без колебаний.

— Ты выберешь уйти с ним, а не со мной? — На одно мгновение я увидела нечто притягательно жестокое и хладнокровное в его взгляде, а потом... Оно пропало. Его выражение снова стало непроницаемым. Он язвительно произнес:

— Возможно, именно это я и сделаю! Идите своим собственным путем, один бесполезнее другого. Если бы я не был так уверен, что посылаю тебя в могилу, я бы поддался искушению тотчас же!

Затем он ураганом вылетел прочь, оставив меня потрясённой.

Теперь мы говорили друг другу не больше нескольких слов, хотя я часто ловила его взгляд в зеркале заднего вида. Сейчас я сказала Мэтью:

— Я не хочу, чтобы ты волновался об этом, хорошо? Обещай мне.

— Мы не нуждаемся в них, — ответил он, — ты нуждаешься в своих союзниках.

— Ладно, я играю. Кто они?

— Арсенал!

- Шшш, малыш. — Хоть я и чувствовала себя старшей сестрой и лучшим другом для Мэтью, он злил меня, как никто другой. Я думала, что именно так это происходит с родственниками в дальней дороге. Спокойным тоном он произнес:

— Ты должна практиковаться в своей силе. Фитоманипуляции.

Это что-то новое!

— Это означает контроль растений?

— Я голоден.

Терпение.

— Мэтью, если я приступлю к практике, ты будешь меня тренировать?

— Да, — сказал он, сияя, — согни свои острые когти.

Осознав, что другой человек знал о них, я сжала кулаки.

— Я не могу просто заставить их появиться. — В последний раз они появились, когда я находилась в доме Селены. — Или могу?

Он многострадальчески вздохнул. Я сосредоточила свое внимание на ногтях, представляя их изменение. Ничего не произошло. Я сосредоточилась снова. Тот же результат. Так что я сдалась.

— Ты сказал, что у меня есть и другие способности? — возможно ими управлять легче. — Какие? Какой позывной моего Аркана?

— Я не вижу твои когти. — Он посмотрел на мои руки, потом начал изучать свои. Тема закрыта.

— О, я поняла. Мы начали использовать новую систему вознаграждения. — Я легла на спину, в гнев, глядя на крышу фургона. Может быть, я должна оставить все как есть, просто пусть все разворачивается само по себе. Мы могли добраться до бабушки менее чем через две недели. Я могу подождать до тех пор, а уж потом она бы ответила на все мои вопросы. Кто я? Почему я оказалась на этом пути? Какова моя цель? Может ли мир быть... спасён? Вдруг Мэтью резко сел.

— Смерть посылает привет.

Селена сразу, отвлеклась от музыки. Я видела в зеркало заднего вида как глаза Джексона сузились.

— Почему ты не готовилась к появлению Смерти, Эви? Мы говорили с тобой о том, что принесет будущее. — Спросил Мэтью.

О, нет, нет. Нашего загадочного обмена репликами было достаточно, чтобы посчитать меня сумасшедшей, Мэтью тоже любил говорить о своих видениях Смерти. Много. Что держало меня на самом краю с Джексоном. А Джексон даже не знал, что Мэтью называет смертью настоящего мужчину, психопатического рыцаря, который поклялся выпить мою кровь. Сегодня утром Джексон сказал Мэтью: «Если ты упомянешь смерть еще один раз, я выбью тебе мозги. Comprends — понял?»

«Уже был там». — Ответил Мэтью. Он повернулся ко мне:

— Ты должна быть готова к приходу Смерти, Эви.

— Я тебя предупреждал, соо-уон! — сказал Джексон.

Селена коснулась его предплечья, бросая ему умоляющий, будь-терпелив-к-Эви-взгляд.

Ее личность невероятно сильно нервировала меня. Но я, как всегда, была полна сомнений рядом с ней. Словно примеряясь. Я не чувствовала, что могу доверять ей, но я чувствовала, что могу... зависеть от нее?

Мэтью спросил меня:

— На этот раз будет по-другому, не так ли?

Хотя я понятия не имела, о чем он говорил, я пообещала:

— Да, Мэтью. Давай просто полежим.

— Ты не убьешь меня?

Джексон бросил на меня взгляд в зеркало.

— Я никогда не наврежу тебе! — сказала я на одном дыхании.

— Смерть не будет ждать вечно. — Он уверенно кивнул, добавив — Бей первым или будь тем кого ударили.

Когда Джексон сжал руль сильнее, я сказала:

— Эй, давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты когда-нибудь видел космический шаттл во Флориде?

— Нет.

— А что насчет тех мошенников Эвоки*, а?

(*Прим. редактора: Эвоки — вымышленная раса существ из фантастической саги «Звёздные войны». Впервые предстают перед зрителями в фильме «Звёздные войны. Эпизод VI: Возвращение джедая» (1983). Также фигурируют в фильмах «Караван смельчаков. Приключения эвоков», «Эвоки. Битва за Эндор» и мультсериале «Эвоки», а ещё в различных книгах и играх Расширенной вселенной.)

— Я в кармане Смерти, так что он в моих глазах, — сказал Мэтью снова. — Он видит тебя даже сейчас. Ты встретишь Смерть очень скоро.

— C'est sa соо-уон! — Джексон сломался. — Это все! Хватит с меня ваших сумасшедших в задницу разговоров!

Двигатель заревел. Шипение. Глухой звук. Остановился. Все замолчали, когда Джексон увел фургон на обочину, будто собирался пропустить другую машину. Когда первый шок прошёл, мы все молчали, даже Мэтью.

Без горячего, нам придётся идти пешком. По сырой, холодной и туманной дороге. В поле зрения был только один дом, скромное кирпичное здание, которое, несомненно, уже было разгромлено. Я почувствовала себя так же, как за несколько дней до гибели моей мамы, мы были в дерьме, и я чувствовала необходимость снова убежать в сарай и дико

вопить от разочарования. Селена поджала губу, убрала волосы с лица.

— Что мы теперь будем делать, Джей Ди?

— Не так давно мы проезжали лагерь в долине. У них должно быть горючее.

Я ничего не заметила. Конечно, я ведь пыталась заставить Мэтью сидеть тихо.

— Откуда ты знаешь, чей это лагерь?

— Несколько больших костров. Я видел их даже в тумане. Они не боятся, что другие могут их обнаружить, что означает, это армейские группы. — Он вылез из фургона, сразу застёгивая куртку до подбородка. Я последовала за ним, шокировано вдыхая морозный воздух. Температура упала еще ниже, чем в прошлое утро.

— Ненавижу холод. — Пробормотал он.

Хотя никто из нас не привык к такой температуре, я по крайней мере каталась на лыжах с Мэл и ее семьей каждые зимние каникулы. Джексон никогда не знал такого холода, как этот, он никогда не был за пределами штата Луизиана. Когда Селена спросила его, какой его любимый горнолыжный курорт, он весело взглянул на меня в зеркало заднего вида. «Я не узнаю снег, даже если он ударит меня в лицо» — сказал он.

Он был мальчиком с болот, где родился и вырос...

Как только Селена и Мэтью вылезли, Джексон сказал:

- Мы остановимся в этом доме на ночь, набег на лагерь сделаем утром.

— Как мы собираемся, украсть у них горючее? — спросила я.

— Мы? — Джексон поднял брови. — Ты не сможешь ничего сделать. Ты можешь, только сидеть где-нибудь в безопасности до рассвета, пока не спрячутся Бэгмены, Селена и я сможем подъехать туда на мотоциклах.

Она просияла. Я смотрела, чувствуя, что бесполезна, как и прежде, смущенная своей неумелостью, особенно по сравнению с ней. Всякий раз, когда Джексон называл Мэтью *Wop a Ripen*, — никчемный, — он только напоминал мне, что назвал меня так же.

Никчемная маленькая кукла без зубов.

У меня перехватило дыхание от нового кошмара. Когда я моргнула, открывая глаза, мои когти были выпущены, поблескивая в тусклом лунном свете, который пробивался через грязное окно. Рядом со мной спали Селена и Мэтью. Мы втроём положили спальные мешки вокруг холодного очага, так как не осмелились развести огонь, на ужин просто разделили энергетические батончики. Пока мы пытались заснуть, Джексон занял пост в соседней комнате.

Сейчас я смотрела на свои когти, вспоминая свой сон. Ведьма была окружена призрачными фигурами, сгорая в агрессии, она хотела убить их. Она закружилась на месте, ее усыпанные листьями красные волосы начали развеиваться над головой, испуская нечто в воздух. Споры? Как только она остановилась на месте, она заверила своих жертв: «Такой, как я, не стыдно сдать».

Я ожидала, что жители начнут задыхаться, корчась, как ее молодые поклонники. Даже спящая, я приготовилась к ужасному зрелищу, которое появится в моей голове. Вместо этого, ее жертвы упали на землю со счастливыми вздохами, свернувшись калачиком на травянистом поле, согретом солнцем. Где переломанные кости? Разорванная плоть? Крики? Люди просто заснули. И они никогда не проснутся. Это видение для меня было едва ли не худшим, чем самые ужасные из них. Ее коварный замысел поразил меня. Не было ни одного крика, потому что ни одна душа не была достаточно сильна, чтобы бороться за свою жизнь...

Когда мои когти начали уменьшаться, я пошевелила пальцами, наблюдая за игрой света на них, словно на шипах. Я поняла, что стала привыкать к ним. Зрелище не шокировало меня больше. На самом деле, я чувствовала... онемение. Я постепенно становилась все более похожей на нее. Способности, которые я когда-то считала даром, теперь больше походили на проклятие. Как только мои ногти вернулись к норме, я поднялась, ища Джексона. Ища комфорта. Мне просто нужно быть рядом с ним, я знала, что он заставит меня чувствовать себя лучше.

В соседней комнате я остановилась, найдя его спящим на своём посту, сидящим в мягком кресле возле окна. Одна его длинная нога была согнута, его арбалет опасно балансировал на колене, другую ногу он вытянул перед собой. Он прижался головой к окну. Видела ли я когда-нибудь его спящим?

Нет, потому что он наблюдал за мной каждую ночь. Ну, за исключением той ночи у Селены. Я еще не была уверена, где он спал тогда. У него были темные круги под глазами и лоб был сморщен от беспокойства. Так много ответственности. Я почувствовала острую боль. Неудивительно, что он так много пил. Я забралась на кресло, стоя на коленях перед ним, и погладила его по щеке. Тем не менее он не проснулся. Он должно быть совсем измотан. Я почувствовала необыкновенную нежность к этому парню — мое проклятие, сильно пьющий, защитник дам. Я вздохнула. Он был моим защитником? Возможно, он предпочитает *Wonne Rien a* (никчемной) — безупречную Селену? Как бы мне не хотелось в этом признаться, она подходит ему лучше. На самом деле, я не знала никого, кто мог удовлетворить его лучше, чем она. Если бы я узнала, что они занимались сексом, я бы по-прежнему хотела его? Так много вопросов между нами, так много тайн.

Я была вовлечена в какую-то битву, которой не хотела и не понимала, я была хорошей целью, потому что свои способности никогда не просила и не знала как ими управлять, и

Джексон был единственной вещью в моей жизни, которая заставляла меня чувствовать себя в здравом уме, заставляла бороться за будущее. Наклонив голову, я дотронулась большим пальцем до его нижней губы, вспоминая наш поцелуй. Я хотела бы вернуться в ту ночь, чтобы объяснить ему мои страхи, и попросить его действовать медленнее.

— Эй, — вдруг пробормотал он. Его глаза были закрыты, на губах появилась ленивая улыбка. — Это то, как мне нравится просыпаться, реекон.

Счастливо улыбающийся взгляд сонного Джексона тронул мое сердце. Он поставил около себя арбалет, затем обвил руки вокруг меня, чтобы прижать меня к груди. Когда я расслабилась на нём, он передвинул свои колени по обе стороны от меня.

— Жимолость. Тебе сейчас нравится старина Джек? — прохрипел он в мои волосы.

— Да. — Ответила я честно, нежась в его теплых, сильных руках обвивающих меня. Я хотела прижаться к нему еще ближе.

— Ах, bebe, у меня такое чувство, как будто я не видел тебя неделю.

— Я знаю, у меня тоже.

Он обхватил мое лицо, встречая мой взгляд.

- Если бы я знал, что так проснусь, пошел бы спать раньше. — Затем он напрягся. — Подожди. Почему я спал? — он вскочил на ноги, и я начала падать, прежде чем он схватил меня за руку и поставил на кресло.

— Черт! Я заснул на вахте?

Селена заворочалась в соседней комнате, но не проснулась.

— Джексон, ты не отдыхал в течение нескольких дней, даже недель. Ты был в полуобморочном состоянии.

— Ты оправдываешь меня? — он схватил свой арбалет, выглянул в окно. Местность, должно быть, была пустынной, потому что он опустил оружие. — Нас могли окружить. Я не знаю, что случилось. Такого никогда не было.

— Никто не может идти так долго, не отдыхая.

— Я раньше мог. — Он опустил в кресло глядя на меня. — Я делаю прекрасную работу, заботясь о тебе.

— Да делаешь! Своей жизнью я обязана тебе.

— Как долго я смогу держать тебя в безопасности? Ситуация становится все хуже и хуже. Мы направляемся в место, где люди живут охотой, где нет магазинов с рядами консервов на каждом углу. Они будут отчаявшимися и голодными, Эви. — Новая пищевая цепь... — Я ни за что не возьму тебя туда где опасность. Ты, должно быть, интересуешься, жива ли твоя бабушка.

— Она жива.

— Почему ты говоришь так уверенно? У тебя были ещё видения, не так ли? Черт побери, почему ты не сказала мне? — угрюмым тоном, он добавил — Спорим, ты рассказала это ему. — Как ответить на это? — Вы двое говорите о том, чего я не могу понять. — Он выдохнул.

— Я должен это признать. — Затем его брови сошлись вместе. — Почему мальчик всегда говорит о будущем? Ты сказала, что он говорил раньше с тобой, почему бы ему не говорить телепатически с тобой сейчас? — я начала делать новую дыру в моих джинсах. — Он... такой же как ты? Он может видеть будущее?

Хотя я не могла рассказать Джексону все мои тревожные секреты, я также не могла ему больше лгать.

— У меня нет видений будущего, Джексон. Я не экстрасенс. — Но я также не могла рассказать о тайнах Мэтью.

Джексон посмотрел на меня разочарованным взглядом.

- Я видел твои рисунки. Я видел, как у тебя кровь идет из носа.

Я закусила нижнюю губу, глядя через стекло. Когда я оглянулась, он разглядывал меня. Ой-ой.

— В тот день когда мы спасли мальчика, ты сказала, что ты не думаешь, что проживёшь долго без его помощи. Он не обычный? — когда я в конце концов покачала головой, Джексон добавил, бормоча: — я бы на твоём месте надеялся, чтобы так и было.

— Он просто... другой.

— Когда ты наконец будешь честна со мной? Кто он для тебя?

— Я начала видеть его непосредственно перед Вспышкой. Мы общались по-разному. Он один из голосов которые я слышу.

— Хе. С тех пор, как мы подобрали его, у тебя еще не было ни одного кровотечения из носа.

Я сглотнула, то, что происходило, было не просто.

— Это как те пазлы в школе. Если некоторые вещи истинны, а некоторые ложны, ты можешь найти решение. Если ты не лгала мне тем вечером...

— Я этого не делала!

— Тогда я могу найти и выяснить истину другим путем. Первое. Ты сказала, что ты не можешь видеть будущее, но ты не ответила, когда я спросил, может ли видеть его соо-уоп. Второе. По какой-то причине, ты думаешь, что с его помощью можешь спасти свою жизнь. Третье. Ты как-то сказала мне, что чувствуешь видения так, словно их затолкали в твою голову. Может быть, потому что так и есть?

Хитрый, проницательный Джексон. Его лицо светилось пониманием:

— Ты выращиваешь растения из ничего, а он видит будущее? Это имеет смысл.

Я просто смотрела на него.

— Он отправлял тебе эти видения, чтобы защитить?

Зачем отрицать это?

— Он пытался заставить меня подготовиться к Вспышке. Я почти не слушала его.

Джексон напрягся.

— Тогда почему он продолжает говорить о твоей смерти, Эванджелин?

Ох, Джексон.

— Когда он говорит о том, что я встречу смерть, это означает не то, что ты думаешь. Скорее, я должна быть готова столкнуться с кем-то большим и плохим или что-то в этом роде. Я знаю, это звучит странно, но он считает Смерть будет... человеком. Который может быть побежден. — Напряжение спало с плеч Джексона. Реальный противник это — то, с чем он может справиться.

— Так вы оба получили дар. — Затем его лицо осунулось. — Так вот почему вы так сильно нравитесь друг другу.

— Ты ошибаешься насчет Мэтью и меня. Он не видит меня в таком свете.

— Он шестнадцатилетний парень, Эви. Он видит тебя только в одном свете! Поверь мне, cher.

— Ну, а я смотрю на него как на брата.

— Как я с Клотиль? — спросил он, и я увидела, что он затаил дыхание.

— Именно так. Он младший брат для меня.

Джексон закрыл глаза. В память о Клотилье? Или от того, что мои слова принесли ему облегчение? Или по обеим причинам? А если бы он действительно поверил, что я заинтересовалась Мэтью? Я могу только представить, что Селена говорила ему, когда меня не было рядом. Нагнетающая сомнения сучка. Джексон встретил мой взгляд.

- У меня есть кое-что для тебя. — Он потянулся за сумкой, затем достал из нее бутылку Спрайта.

Мои губы растянулись в улыбке, когда он передал его мне.

— Ты знаешь, что он был моим любимым? — он, словно, подарил мне кусочек бесценного украшения. Так же, как со жвачкой, каждый раз, когда мы пили содовую или ели конфеты, на одно удовольствие в этом мире становилось меньше, ведь оно никогда не восполнится.

— Конечно. Я видел тебя в столовой во время обеда. Я его сохранил, чтобы ты могла наслаждаться им одна.

Я отвинтила крышку, протягивая ему бутылку.

— Мы поделимся.

— О, ты будешь пить после меня?

Мои щеки вспыхнули.

— Иногда я могу совершать необдуманные поступки, Джексон. Я знаю, не всегда легко быть терпеливым со мной.

Когда мы поставили бутылку между нами, он снова стал серьезным.

— Я не могу двигаться вперед вслепую. И существует гораздо больше странных вещей, чем те, о которых ты мне говоришь. Почему ты не можешь мне доверять? Это из-за того, что я сделал еще в школе?

Аркины означает «тайны».

- Дело не в тебе, Джексон, а во мне.

Он хмуро посмотрел, но расспрашивать меня больше не стал, солнце уже вставало.

— Я должен приниматься за дело — сказал он. — Я бы оставил Селену здесь в качестве охранника, но она лучше стреляет из арбалета издалека, и мне нужно чтобы она прикрывала. Я не могу пойти в лагерь, полный солдат, без нее.

— Я понимаю.

— Ты можешь не беспокоиться о Бэгменах сегодня. И, черт побери, соо-уоп, вероятно, может увидеть любую угрозу, да?

— Не беспокойся обо мне. Только, пожалуйста, будь осторожен. — Хотя я знала, что он был смелым и находчивым, я не хотела, чтобы шел, он собирался лезть туда, где опасно. — Я хочу, чтобы ты вернулся обратно, хорошо?

— Я мог бы подумать, что ты действительно беспокоишься обо мне.

— Я действительно беспокоюсь!

— Как о телохранителе, который защищает тебя.

— Ты намного больше для меня. — Сказала я спокойно. — И ты прекрасно это знаешь, но продолжаешь себя так вести, почему?

— Тогда докажи это. — Он придвинулся ближе, между нашими лицами осталось не больше дюйма.

— Расскажи мне свои секреты.

Боже, как я любила когда он так на меня смотрел, глазами такими напряжёнными и...

ласковыми?

— Доверься мне, Ma Belle. Можешь ли ты это сделать?

Ma Belle означало "красавица", но и "моя девушка". Итак, Джексон серьезно? Именно тогда, пронзительные лучи солнечного света осветили нас через окно, словно зимний источник радости.

Волшебство между нами исчезло. Джексон отодвинулся назад, и сосредоточился на предстоящей задаче.

- Подумай об этом, Эви. Мы поговорим, когда я вернусь.

Мы разбудили Селену и Мэтью, они оба были как будто пьяные, и в дерьмовом настроении. Я была слишком возбуждена, чтобы о чём то беспокоиться. Джексон считал дом слишком легкой мишенью, поэтому мы с Мэтью остались в замаскированном фургоне. Перед тем как уйти с Селеной, Джексон схватил за плечо Мэтью, сказав ему стальным тоном:

— Ты остаешься здесь чтобы следить и защищать Эви. Заработай свое пропитание хотя бы раз. У тебя есть шанс убить или умереть за нее сегодня.

Пока Мэтью просто смотрел на него, Джексон достал мачете, протягивая мальчику. Мэтью засмеялся и бросил его. Кулаки Джексона сжались, он был готов взорваться. Но Селена быстро сказала:

- Они будут спрятаны здесь, Джей Ди. С ними все будет в порядке.

Джексон повернулся ко мне.

— O Parle Quand j'reviens. — Мы поговорим, когда я вернусь.

— Prends soin de toi — ответила я. Счастливо.

Селене совершенно не нравилось наше общение.

— Эй, красавчик, мы не должны держать мотоциклы заведёнными. Горючее расходуется впустую.

Когда Джексон пожал плечами, выражая согласие, Селена повесила свой лук на плечо и вскочила на мотоцикл за его спиной. С преувеличенным удовольствием, она обняла его торс, прижимая свои длинные ноги к его... Она села на моё место. Оно всегда мне принадлежало. Мои когти стали медленно угрожающе расти и я почувствовала себя лучше. Я спрятала их в ладонях так, чтобы никто не мог видеть, но Мэтью усмехнулся позади меня.

Через плечо, Селена бросила на меня торжествующий взгляд. И когда она положила голову ему на спину, я была уверена, что он мог почувствовать ее улыбку на своей спине.

— Ты уверен, что с Джексоном все будет в порядке там? — спросила я Мэтью, когда мы ждали в машине, в наших спальных мешках. Туман пробирал меня до костей.

— Ты увидишь его снова. — Когда я выдохнула с облегчением, он сказал: — ты слишком много о нем думаешь.

Скажи мне то, чего я не знаю, Matto. И что произошло между нами до того, как Джексон назвал меня Ma Belle. Быть девушкой Джексона Дево... Я извелась от неизвестности, и была слишком напугана, чтобы надеяться. Я начала кусать губы, из-за закравшихся сомнений. Война Арканов, Селена, Смерть, красная ведьма?

— Когда Ди-ви-о помогает, он причиняет боль.

— Ты говорил мне это и раньше, но что это значит. — Нет ответа. — Он спас наши жизни. Он защитил нас. Он научил меня защищаться от Бэгменов и искать необходимые вещи. — Ничего. — Мэтью, я чувствую себя сильнее, когда он рядом.

— Практикуйся с когтями, — сказал он. — Это позволит тебе чувствовать себя сильнее.

— Я не знаю, как сделать это, потому что кто-то не рассказывает мне. — Сейчас их появление было связано с неконтролируемыми эмоциями.

— Как красная ведьма выпускает свои когти?

Я посмотрела на него.

— И говоря об отвратительных вещах, которые отталкивают меня: как долго я буду страдать от этих кошмаров? Можешь ли ты посмотреть в будущее? Почему я вижу ее?

Хотя я не была заинтересована в столкновении со Смертью, я испытывала почти искушение встретиться с ведьмой. Тогда кошмары бы закончились. — Мэтью? — он посмотрел на свою руку. Тема закрыта. Так что я задала тот же вопрос, который занимал меня несколько дней подряд.

— Пожалуйста, просто скажи мне, был ли Джексон с Селеной?

— Ты узнаешь достаточно скоро. — Вспыльчиво ответил он.

Непонятный ответ от короля загадок!

— Ты думаешь о нем, и даже не слышишь карты. — Сказал Мэтью.

— Какие карты? — спросила я, начиная готовить наш обед. Другими словами, я вытащила сплюснутый энергетический батончик из кармана разделив его на двоих. Мой желудок уже урчал.

— Поблизости. Не смотри на эту руку. Но ты не можешь услышать их, потому что Ди-ви-о рядом.

— Почему я должна хотеть слышать голоса? Я не знаю, кто эти новые карты, я не чувствую привязанности к ним, как к тебе Я ненавижу голоса.

— Тогда ты умрешь, слыша их злорадный шепот.

— Мэтью, это... жестоко. — И жутко. В этот момент я поняла, как мало знаю об этом мальчике.

— Смерть ждет тебя — сказал он в сотый раз.

— Тогда ему придется долго ждать! — отрезала я. В ответ на простое упоминание, что рыцарь найдет меня. — Смерть обучал те, другие Арканы, и они были сильны, едины. Даже преданны друг другу.

Я вспомнила вой Джоуля на поле.

— Я никогда не встречу с ним. Выкинь его из головы, потому что этого никогда не произойдет. Никогда.

Молчание, холод стал просачиваться в фургон. Испытывая сожаление из-за того, каким тоном говорила с ним, я слегка успокоила свое раздражение и сменила тему.

— Если стало холодно и появился туман, как по заказу, в ответ на мои пожелания, может быть, скоро пойдет дождь.

Мэтью резко вскочил, его глаза стали дикими.

— Нет, нет, нет! Никогда не говори этого! Возьми свои слова обратно! — он обнял мои плечи, сильно сжимая.

— Беру свои слова обратно! Ты делаешь мне больно!

— Ты не хочешь дождь! — его взгляд метнулся, выражая ужас. — Дождь хуже.

— Как это может быть?

Он закричал

— ХУЖЕ! — его голос прогремел за пределами фургона. — Для тебя. Для нас! Тогда его не остановить, хотя... — Он отпустил меня, его лицо побелело. — Почему бы тебе не надеяться на ад, Эви?

— Прошу прощения. — Это был первый раз, когда он пугал меня. Я все время думала о нем, как о ребёнке, и он был им в некотором смысле. Но он был изменчивым и таким же сильным, как взрослый человек. — Что сделает дождь, Мэтью? — если бы осадков стало больше? Конечно, если это туман...

— Изменения игры. Не в нашу пользу. — Прошептал он. — Мы слишком слабы. Они становятся сильнее.

— Кто?

— Все наши противники смеются сейчас. Но что будет как только скроется солнце? Ты никогда не знала настоящего ужаса, но узнаешь когда пойдут дожди.

Я задрожала от холода и страха.

— Мне нужно больше объяснений, Мэтью, я хочу, чтобы ты прояснил всё это.

— Ты не готова. Ты плохо слушаешь. Мы сидим в фургоне, потому что ты плохо слушаешь! Мы отстаём, и дождь уже показался на горизонте.

— Ладно, ладно, но я готова лучше слушать. Скажи мне, что мы должны делать. Что как ты думаешь, мы должны делать? Я хочу знать.

— Слишком поздно. Нас в ближайшее время захватят.

— 3-захватят?

— Нам нужны остальные карты из колоды.

Взглянув через лобовое стекло, я спросила:

— О чем ты говоришь... — Я замолчала, мое сердце упало. Сквозь туман неслась группа ополченцев, вооруженная до зубов. Как на охоту.

— Мэтью, ты пойдёшь сейчас за мной. — Прошептала я, взяла свою сумку и поползла к задней двери фургона. — Возьми мачете. Мы должны выскочить незаметно. — Когда я приоткрывала дверь, петли застонали и я сморщилась. Три ружья были направлены мне в лицо.

— Посмотрите- ка, что мы нашли. — Объявил лидер наших похитителей, он толкнул Мэтью и меня в толпу ополченцев.

Пока мы шли я заметила, что у него не хватало зубов и от него воняло. Видимо, здесь был его лагерь. Эти солдаты были теми, кого Джексон называл красношеими. Потому что у

них и правда были... красные шеи.

Во время нашего захвата, Мэтью не боролся вообще. Когда они связывали наши запястья пластиковыми стяжками, он сложил руки за спину, что бы им легче было связать его. Я не хотела, чтобы при сопротивлении ему был причинён ущерб, но, возможно, он мог хотя бы проявить недовольство? Нас похитили, наш фургон и мою сумку разграбили. Лидер украл все мои драгоценности и бутылки с виски, бросив остальное.

Теперь, лидер красношеих вёл нас через лагерь. Я искала глазами Джексона и Селену, и старалась не обращать внимания, на мужчин смотревших на меня похотливыми глазами, когда я проходила мимо.

Они все, казалось, были готовы к зимним холодам, хотя многие из их курток были с чем-то вроде пулевых отверстий. Я нахмурилась. На многих из них на спине была кровь. Мои губы сжались. Пулевые отверстия в тех местах, куда они стреляли в своих жертв, а затем забирали их одежду.

— Она пахнет достаточно хорошо, чтобы её съесть. — Сказал какой-то мужик и мне очень захотелось схватить его за промежность. Я вздрогнула от отвращения, соблазн попробовать мои когти был велик. Они могли бы легко прорезать одежду. Мэтью однажды сказал мне, что они могли разрезать даже металл. Но что потом? У этих людей было оружие. Я медленно бегала, и кроме того, никогда бы не бросила Мэтью. Меня, в конечном итоге обязательно поймают. И что я буду делать, если мертвая земля под моими каплями крови прорастет зеленой травой?

Красношеи провели нас к многочисленным внедорожникам с жужжащими генераторами, здесь стояли десятки палаток, и всевозможные транспортные средства. Костров было очень много, мужчины сами жарили мясо каких-то животных, напоминающих мелких млекопитающих. Несмотря на обстоятельства, запах жареного мяса наполнил мой рот слюной. Я также заметила пластиковые контейнеры с горючим, повсюду. Я поняла, что у этих солдат было много топлива, даже прежде чем увидела настоящий танкер. Они установили его в центр лагеря, как золотой идол. И это было еще не все. Рядом с танкером лежала на боку цистерна, с её железного покрытия капала вода. Она была полностью заполнена водой.

Красношеи остановились перед импровизированной тюремной камерой — клеткой из деревянных ящиков, сбитых вместе. Там был только один мальчик. По крайней мере, Джексона и Селена оставались на свободе. Сунув Мэтью и меня внутрь, красношеи закрыли нас на висячий замок и поставили трёх охранников. — Не покидайте это место, — приказал им главарь — ни по какой причине.

Другой заключенный был примерно нашего возраста, с веснушками на носу и подбородке и длинными грязными светлыми волосами. Был ли этот мальчик картой из колоды, слышала ли я его раньше? Был ли он тем, которого мы должны были найти? Он казался таким обыкновенным.

— Как вы? — спросил он мягко, когда мы сели на холодную, пыльную землю. — Меня зовут Финнеас. Но вы зовите меня Финн. — Он замолчал, глядя на меня, а потом на Мэтью.

Он видел наши карты; я знала это, потому что увидела его. На долю секунды, Финн оказался одет в красный халат, держа палочку направленную в небо, указывая на землю другой рукой. На столе перед ним лежали пентаграммы, чаша, меч, и трость. Ложе из роз и лилий выросло у ног, и виноград на заднем плане.

— Не смотри на эту руку, смотри на другую. — Когда смолк его позывной, я подумала:

а слышал ли он нас раньше в своей голове? И был ли этот парень как то связан с растениями? На карте Мэтью также были цветы, белые розы! Конечно, на карте Смерти тоже была эмблема — черный флаг. Пока я моргала, пытаюсь сфокусироваться, Финн сказал:

— Ух ты. Я словно наяву увидел воспоминания. — Он разговаривал так, как будто лежал на пляже в Кали.

— Я-я Эви. Это Мэтью. — Я кивнула на Мэтью.

Мэтью встретил его взгляд и сказал: — Карта. Арканы. Тайны. Карта.

— По любому, чувак.

— Гм, Финн, я не могла не заметить, что ты кажешься слишком спокойным.

Мэтью тоже выглядел так, будто его не волновало наше затруднительное положение. Он начал изучать полоски на одной из досок.

— Я спокоен, блондиночка.

— Даже если эти люди, работоторговцы или людоеды?

— Нет, это ассоциация домовладельцев решила переквалифицироваться.

Я нахмурилась от легкомысленности его тона.

— Чего они хотят от нас?

— Они собираются использовать меня и вас, мои странные соседи, как цистерны с жидкостью.

— Я не понимаю.

— Приманки для Бэгменов. В здешних лесах полно Бэгменов. В сумерках они приходят к этой цистерне и бьют по ней пока не появляются пробоины, через которые выплёскивается вода, если же они видят проходящее мимо мясо, это их отвлекает. Тогда они убивают его. Ну, мы в это время будем бежать спасая свою жизнь, а ты будешь типа замужем, за этими солдатами.

Дрожь охватила меня от испуга за себя и Мэтью.

— С-сколько там солдат?

— Сотни.

— Сотни? — даже если Джексону удастся выяснить, что с нами случилось, я не была уверена, что мы могли быть спасены.

— Они только и ждут наступления темноты. Тогда они заберут тебя, сестренка. Во всем этом лагере есть только ещё одна тёлка. Но она дочь вождя, поэтому они считают ее запрещённой для использования, выдохнул он, ухмыляясь, глядя на крышу клетки. — Из-за курения она не досчитывается нескольких зубов. Тем не менее, я бы сделал ее с флагом на лице.

— Прости?

Мэтью усмехнулся. — Сделай ее, за свою страну.

— Мэтью! — воскликнула я, хмуро глядя на него. Я думала о нем, как о... невинном.

Финн рассмеялся вместе с ним, эти двое по-видимому станут друзьями. Тьфу. Мальчишки-подростки! Джексон сказал, что я не понимаю их. Теперь я поняла, что вероятно никогда и не пойму.

— Вы два шутника, не беспокоитесь вообще ни о чем.

— Ко мне в клетку попала горячая блондинка, получится горяченький сценарий со мной в главной роли. — Финн пошевелил бровями. — Грудастая блондинка со всеми зубами. До вспышки мой кузен говаривал: «Я счастлив, как свинья в дерьме.»

Связан он с растениями или нет, этот ухмыляющийся мальчик с большим самомнением,

начинал действовать мне на нервы. Когда он облокотился спиной на клетку, я сказала: — ты, наверное знаешь, что кто-то придет, чтобы спасти тебя?

— Я могу выйти отсюда в любое время.

— Правда?

— Я позволил им захватить себя, чтобы я мог сблизиться с его дочерью. Я горячий волшебник. Всегда есть выход из того во что я ввязываюсь.

— Маг. — Сказал Мэтью.

Финн надул грудь.

— Чертовски верно, чувак.

Если он был Арканом, то у него были какие-то способности. Тем не менее, я не могла купиться на полное отсутствие беспокойства.

— Ну, у нас есть друзья, которые придут за нами. — Сказала я ему, мои слова были полны уверенности. — Нас скоро спасут.

Но время шло. Один час. Другой. Для дневных развлечений солдаты создали тир, три Бэгмена стонали насаженные на колья. Один бедняга выглядел так как будто недавно лишился ног, а у других не было рук. Солдаты начали стрелять и Бэгмены стали корчиться и булькать. Куски слизистой кожи полетели в разные стороны, некоторые, упав рядом с клеткой, источали ужасную вонь. Я зажала уши руками, чтобы заглушить выстрелы, стоны... К концу дня, я поймала себя на мысли: зачем Джексону и Селене рисковать своими шеями, имея чрезвычайно дерьмовые шансы спасти парочку иждивенцев? Насколько сильным было влияние Селены на Джексона? Как бы я хотела верить в наше спасение, но мое затруднительное положение заморозило мой оптимизм, и я, голодная, забилась поглубже в клетку. Надеюсь что в будущем у меня будет гораздо меньше таких затруднений. И Мэтью не говорил ничего, чтобы помочь. Разве он не понимает, что должно было случиться с нами?

К закату, меня захлестывали сомнения. Почему бы Джексону и Селене просто не бежать вместе и быть счастливыми, без нервотрепки и опасностей? Сколько раз Джексон говорил, что я это постоянные неприятности? Я удивлялась, как же я смогу выжить, если он оставит меня здесь. Я подумала, как бы я себя чувствовала, если бы он погиб, пытаюсь спасти меня от этих невежественных ополченцев. Мои глаза наполнились слезами. В этот момент настал мой предел страха и замешательства и... и людей. Они осточертели мне! Мне надоела опасность, скрывающаяся за каждым углом.

— Неужели все они зло? — пробормотала я, ни кому не обращаясь.

У меня было странное желание засунуть пальцы в грязь и почувствовать её... пустить корни. Что делать, если бы я могла использовать землю и привлечь внимание солдат? Мне бы даже не нужно было быть девушкой, а только частью чего-то намного большего. Если бы я сдалась, не было бы больше заботы Джексона, и опасения перед красной ведьмой или страха перед Смертью. Такие соблазнительные мысли... Такие заманчивые, как спелые ягоды. Я с замиранием вглядывалась в закопченную землю. Мне стало стыдно. Что бы мама подумала обо мне сейчас? Женщина, которая решила никогда не сдаваться Бэгменам.

— Да, все вокруг совершенно точно зло. — Сказал Финн, отрывая меня от моих мыслей. — Ты что, забыла? Насколько я понял на собственном опыте, таких — большинство. Все зло, всегда. Но не я. — Тонем великого конференсье, он прошептал — Я озорной...

Я повернулась к Мэтью.

— В очередной раз спрашиваю: ты чувствуешь что кто-то нас спасёт, ответь

пожалуйста? Мы должны выяснить это,

Он обаятельно кивнул. — Карты.

— Да, Мэтью, но на самом деле тебе нужно... — вопль прозвучал из выжженного леса. Я выпрямилась. — Что это было?

— Бэгмены у ворот, детка — сказал Финн, волнение промелькнуло в его карих глазах. — Это почти Представление. Я раньше видел это только с расстояния.

Вдруг земля содрогнулась, от взрыва лагерь закачало. Я закричала. Оглушительный взрыв был настолько сильным, что мои зубы застучали. Обломки деревьев посыпались через планки клетки. Дым валил. Мужчины кричали со всех сторон, костры были потушены. Мэтью зевнул, когда последовал еще больший взрыв. Мы слышали свист и поняли, что гигантская цистерна опрокидывается, я встретилась с ошеломленным взглядом Финна. Бэгмены переворачивали цистерну с водой.

— Мы станем расходным материалом — сказал он. — Довольно напористое отвлечение. Это ваши люди устроили погром?

Хаос разразился среди ополченцев.

— Да. Наши люди.

Дым и туман висели в воздухе, мы едва могли видеть на пять метров вперёд. Но мы могли слышать бегающих в панике вокруг нас солдат, которые боролись за сохранение своего лагеря. Потом мы услышали сдавленный крик: «Баррикады разрушены!».

Они прошли сквозь защиту ополчения. Залп оружия, крик мужчин и вой Бэгменов, роившихся в лагере. Трио охранников перед нами нервно сжимали оружие.

— ЭВИ!!! — Джексон?

— Я здесь! — он пришел за мной!

Вдруг одного охранника пронзило стрелой. Я с трудом проглотила крик, когда он подергиваясь, рухнул на землю. Стрелы Джексона. Два оставшихся охранника выглядели напуганными, вскинув винтовки наперевес, но они не видели своих врагов, и не могли бороться. Стрела пробила шею второго охранника, он повернулся к нам, хватаясь за свое горло в недоумении, прежде чем упал в свою собственную кровь. Третий охранник мудро сбежал.

Тогда я, сквозь дым, заметила Джексона, который как одержимый, шел в сторону нашей клетки. Он отталкивал солдат с пути, убивая их своим арбалетом.

Он резко остановился прямо передо мной, и осмотрев меня на наличие травм спросил:

— Вебе, ты в порядке?

Я молча кивнула.

— Я заберу тебя отсюда.

— Джексон на двери висячий замок.

— Putain. — Но это не остановило его. Он размахнулся своим большим кулаком и ударил по доскам, снова и снова, сдирая кожу с рук, чтобы добраться до меня. Вокруг летали осколки и кровь. Я оглянулась и увидела, что третий охранник возвращается. Когда я собиралась закричать, Джексон крикнул:

— Селена, прикрой меня!

Кончик стрелы показался из груди охранника. Селена прибежала. Мое видение сбылось. Конечно же, она спасла кого-то, кого я... любила.

— Давай, Джей Ди! — закричала она. — Сейчас будет взрыв!

Что должно было взорваться? Что-то большее, чем прошлый эпохальный взрыв? Когда Джексон освободил меня и Мэтью, Финнеас уставился на Селену, потому что она была настолько чертовски великолепна в любой ситуации.

— Еще одна цыпа? Привет, горяченькая. — Хотя вокруг нас шел бой, Финн принялся клеить её.

— Чувак, мне нужно охладиться от вида горячих задниц. Да фиг с этой беззубой дочкой, я иду с вами парни.

Связывающие его веревки упали. Конечно же, он собирался сбежать от них. Джексон схватил меня за плечо, и мы начали пробираться обратно в сторону фургона. Когда мы побегали мимо худшей драки, которую я когда-либо видела, я заметила несколько горящих стрел, торчащих из танкера с горючим. Бомба замедленного действия.

— Давай, Эви! — Джексон тащил меня за собой, а остальные из нашей группы уже бежали далеко впереди. — Ты должна двигаться быстрее!

— Я пытаюсь!

Он замедлился, вероятно, чтобы перебросить меня через плечо, когда из дыма вышел солдат с винтовкой, направленной в лицо Джексона. Это был предводитель отряда красношейх, тот, кто схватил меня. Он был на расстоянии в несколько футов, и держал Джексона на мушке.

— Просто будь паинькой и отойди от нее, и тогда мы тебя отпустим, все очень легко и просто.

— Этого не будет.

— Мы хотим только девушку.

— Ну, вот это уже проблема, потому что я только что забрал ее себе. — Прорычал Джексон.

Солдат пожал плечами.

— Как хочешь. — Его пальцы сжались на спусковом крючке.

О Боже, он собирался стрелять и Джексон не мог остановить его, я ничего не могла сделать.

Человек нажал на курок. Нажал. Ничего. Нажал. Ничего. Холостые? Красношейх уставился на винтовку, потом на Джексона, на лице которого было пугающее выражение.

Тот взгляд, который я видела, той ночью в его доме, обещающий боль, только теперь, казалось, он был умножен на тысячу. Я видела, что Джексон собирался наслаждаться его болью как и пообещал. Красношейх хныкнул, когда Джексон бросился вперед, один из его кулаков встретился с челюстью человека. Мужчина попытался хромя уйти, но Джексон потащил его обратно, продолжая избивать в бессмысленной ярости.

— Я только хочу девочку?! — еще один удар разбил нос солдата.

— Худшая вещь, которую ты мог сказать!

— Джексон! — ныла я. — Пожалуйста, пойдём!

Лицо человека стало неузнаваемым, бесформенным, но Джексон продолжал его бить. Я не была свидетелем драки, или спасения. Я видела наказание. Приговор.

Когда Мэтью подбежал ко мне, ловя мою руку, Джексон закричал:

— Убери ее отсюда! Я прямо за вами.

— Пойдем с нами, пожалуйста! — я закричала, когда Мэтью заставил меня идти прочь. — Неет, Мэтью! Забери его!

Мэтью усмехнулся на это и толкнул меня вперед. — Уходим! Уходим!

Он просто продолжал идти, толкая меня через минное поле, взрывы, драки и Бэгменов, помогая мне обходить препятствия. Один раз, когда он дернул меня к своей груди, прямо передо мной просвистела пуля, меня от неё отделяли миллиметры. Через несколько секунд, он ладонью прикрыл мне голову, толкая меня на колени, и я услышала какой-то свист осколков прямо надо мной. Я поняла, что он видит настоящее и будущее, сеть происходящего, видимую только ему.

Как будто он был самой судьбой... Тем не менее я просила его вернуться за Джексоном пока не увидела солдат, преследующих нас. К тому времени, когда мы заметили Селену на краю обугленного леса, десятки ополченцев бежали по нашим следам, призывая своих товарищей "Получить девушку!" Селена схватила две винтовки, спрятанные возле неё. Она стреляла в них, позволяя Мэтью и мне нырнуть в ближайшую канаву в поисках укрытия. Несколько выстрелов просвистели над нашими головами, а затем тишина. Послышались их крики, казалось, наши преследователи поняли, что Селена была одна, и приказали ей прекратить огонь. Селена не последовала приказу. Когда они заняли позиции в овраге

напротив нас, она выпустила в них все патроны. Потом упала в канаву с нами.

Пока солдаты решали, что делать, ведь они не могли рисковать двумя самками, Селена прошипела:

— Где, черт возьми, Джей Ди? Черт, был только один человек, которого я хотела видеть выходящим из лагеря. И это не один из вас.

— Он не пошёл с нами! — крикнула я.

— И вы просто взяли и оставили его там одного? Я бы заставила его пойти со мной! Ты не достаточно хороша... — Она замолчала, ее внимание было захвачено чем-то за пределами нашего импровизированного бункера. Я повернулась, и увидела Финна прогуливающегося мимо, он прыгнул к нам вниз.

— Йоу.

— Ты просто... прошел мимо них? — я пришла в себя первая.

Выдохнув, он повел одним плечом, другим.

— Я же говорил, я волшебник. — Затем Селене, он сказал:

— Меня зовут Финн. Запиши себе в блокнот. Ты только скажи мне, когда это станет патовой ситуацией? Потому что я могу это изменить.

Селена не казалась столь же потрясённой, как я. Она лишь похлопала рукой по своему луку и сказала:

— Как и я.

— Ты думаешь, что можешь больше, чем я? — издевался Финн.

Должна ли я указать на очевидное?

— Малыш, у тебя нет оружия. — Он кивнул мне.

— Не волнуйся, сладкая, я учел это.

Закатив глаза Селена подняла лук и натянула тетиву. Финн обернулся, и начал... шептать красношеим? Звук стрельбы из лука Селены был жутким. В дыму и путанице, я посмотрела вверх над хребтом и увидела как ее стрелы летят с невероятной скоростью. Сверхъестественной скоростью. Ее кожа сияла кровавым оттенком, как кровавая луна. Рядом с ней, Финн поднял руки и тихо запел на языке, которого я никогда не слышала. Его дыхание казалось жгучим, как будто он заставлял воздух нагреваться. Я чувствовала силу, и он направлял ее на наших противников. Он обращал солдат друг против друга, я чувствовала это, солдаты теперь напоминали Бэгменов. Они начали убивать своих товарищей. Как-то Финн делал этих людей похожими на своих врагов. И его способность казалась самой естественной вещью в мире. Я должна была увидеть это, должна была запомнить это чувство на грани открытия.

Когда Селена добивала оставшихся, она подмигнула Финну, он улыбнулся в ответ. Они приняли свои возможности, и осознали способности друг друга.

— Арканы. — Прошептал Мэтью мне на ухо.

— Да. — Выдохнула я. — Это реальность? Не другое видение?

— Реальность.

Я обладала способностями. Эти трое детей мастерски ими управляли. Мэтью предвидением, Селена могла бегать и стрелять, как богиня охоты, Финнеас мог создавать иллюзии. А я? Я почувствовала свой собственный аромат розы, расплывающийся по воздуху, такой прекрасный, почти опьяняющий. Я взглянула вниз, чтобы увидеть мои когти и вспыхнула. Мэтью бросил на меня взгляд с облегчением.

— Шипы.

— Я могу пойти помочь Джексону, сразиться с ним!

Он решительно покачал головой.

— Ты не атакуешь. Ты ждешь, ты заманиваешь.

— Заманиваю?

— Подойди, тронь, но заплатишь свою цену. — Я вспомнила одурманенного поклонника ведьмы. Она заманивала его. Восхитительное коварство шиповника? Это была моя хитрость? Я услышала, хруст веток позади и обернулась.

Мэтью смотрел на дуло винтовки, ствол был всего в нескольких дюймах от его лица. Я посмотрела на солдата, который пускал слюни. Я не смела надеяться, что у него тоже закончились патроны. Он собирался захватить меня и убить Мэтью. Я должна была остановить его.

— Помани, Императрица, — прошептал Мэтью.

И потом... Я это сделала. Я ощутила дрожь, подняла свою нежную человеческую руку, ладонью вверх. Хрупкий лотос расцвел прямо на моей коже, прямо перед его прикованным взглядом. Я послала ему воздушный поцелуй поверх лепестков и винтовка упала. Потому что солдат стал сжимать руками шею, лицо пошло ярко-красными пятнами от спор, закрывших его горло и не пропускающих воздух в легкие. Он бился на земле, беспомощный; лотос исчез, мои когти росли, заостряясь, но теперь с них капало, как с игл для подкожных инъекций.

— Яд. — Мэтью улыбнулся. — Смертельный.

Я разинула рот. Десять шипов работают как десять игл?

— Уколи его.

На одно мгновение я подумала, как мне станет хорошо, когда я воткну их в его плоть. Нет!

— Я не могу Мэтью! Я никогда не смогу быть похожей на нее.

— Ты борешься с ней, но она придет за тобой, ты должна посмотреть ей в лицо.

Стать такой же как она? Я боялась, это буквально стало моим худшим кошмаром, потерять себя навсегда.

— Мэтью, что, если я не смогу вернуться...?

Селена, все еще сияя, подбежала и проткнула стрелой широкую спину солдата, не веря глазам.

Танкер взорвался, сотрясая мир, как атомный взрыв.

Когда мы поняли, что Джексон не появился там, где он должен был встретиться с Селеной, Мэтью пришлось держать меня в вертикальном положении. Он не может быть мертв, не может быть мертв. Но если он был в лагере во время взрыва, как он мог выжить? Я подавила рыдание, когда Финн спросил:

— Так что же нам теперь делать?

— Мы ждем Джексона. — Сказала я быстро. — Или мы вернемся за ним.

— Это твоя вина! — Селена набросилась на меня. — Боже, ты можешь отключить этот запах?

— Заткнись и дай мне подумать!

С прикрытыми веками, Финн сказал:

— Я не знаю. Мне очень нравится, как она пахнет. — Когда он поднял прядь моих волос и вдохнул, Селена закатила глаза.

— Так что же случилось с вами, ребята? — спросил он, все еще нюхая меня. — Вы, как супер друзья?

Мэтью сказал:

— Карты. Карты! Карты. Карты.

— Прекратите пожалуйста. — Я отшатнулась от обоих парней. — Просто дайте мне подумать! Финн, ты можешь вернуться в лагерь, или как-то замаскировать меня?

— Они почувствуют твой запах, маленькая шкатулка ужасов. — Издевалась Селена. — Я все еще не могу поверить, что ты оставила его там!

Я и сама не могла поверить в это. — Почему бы нам не оставить вину на потом, сейчас нам нужно найти Джека!

— Эви?

Я обернулась.

Выходя из дыма, Джексон шел прямо на нас, покрытый песком и пеплом, его одежда была забрызгана кровью. Одна его нога была сильно обожжена. Я вскрикнула от облегчения и подбежала к нему, желая помочь ему, но его яростный взгляд заставил меня остановиться.

— Джексон?

Все еще дрожащий после борьбы, он поднял палец, предупреждая меня. Такой изменчивый. Неужели он только что убил человека голыми руками? Финн разрядил напряженность.

— Хорошо, теперь, когда вся банда в сборе, давайте делать ноги ко мне, в мое супербезопасное место.

Через час мы узнали, что Джексон не согласен с Финном о безопасности его места. Это был уединенный дом, в темноте леса, с таким видом, на то, что когда-то было озером, что его хотелось зарисовать. Но Финн поклялся, что никто не побеспокоит нас, так же, как никто не встретится, пока мы будем добираться до этого места. Селена, Мэтью, и я знали, что Финн маскировал нас. Джексон не имел об этом понятия. Он хромал, держа арбалет на изготовке и внимательно наблюдая. Никто, даже Селена, не осмеливался приблизиться к нему. Мы сдерживались, согласившись не обсуждать наши новые открытия при Джексоне...

У входной двери, он сказал:

— Ты что не мог заколотить окна, мальчик? — он осторожно вошел, жестом показывая

мне следовать за ним. Мэтью уцепился за мной.

Внутри, я не обращала внимания на окна потому что оказалась в магазине товаров для дома Клуб Сэма*. Да, ополченцы была богаты, по-видимому, Финн в полной мере пользовался своими способностями.

(*Прим. редактора: Клуб Сэма — американская сеть розничных магазинов и складов, торгующих товарами для дома. Принадлежит и управляется компанией Walmart Stores, Inc, основанна в 1983 году и названа в честь основателя Walmart Сэма Уолтона.)

От пола до потолка лежали вещи: батарейки, коробки с шоколадными батончиками, фонари Колеман*, ящики с бутилированной водой, крупы.

(* Прим. редактора: Компания, основанная более 100 лет назад в городке Уичито, Канзас (США) начинала свою деятельность с производства фонариков. Свое название фирма получила благодаря своему директору W.C. Coleman, который в 1901 году изобрел первую лампу, работающую на жидком топливе. Одноименное изобретение было запатентовано, а конструкторское решение стало успешно использоваться в дальнейшем производстве. Во время Второй мировой войны продукция Coleman стала известна и в России благодаря поставляемым примусам Coleman.)

Селена ехидно заметила:

— Отчасти похоже на старый дом твоей мамы, Мэтт.

Мэтью сжал мое плечо, сдерживая, чтобы я не накричала или не ввязалась с ней в драку. Даже Джексон нахмурился.

— Нет необходимости заколачивать окна. — Сказал Финн Джексону, потом приволок три журнала из возвышающейся неподалеку кучи. Он бросил их в камин с очагом из неотесанного камня.

Джексон удивлённо посмотрел на него. — И никто не сможет увидеть дым?

— Серьезно, кайджан-парень. Мы замаскированы здесь. Я жил в этом домике в течение недель, воровал у ополчения.

Когда затопили камин, он сразу разогнал холод внутри дома, а мы совершили набег на запасы Финна, притащили фруктовые салаты, кукурузные чипсы доритос, и банки шеф-повар Boyardee*, и расставили все это перед очагом.

(*Прим. редактора: шеф-повар Boyardee (Chef Boyardee) — торговая марка, под которой выпускаются консервы (паста с различными соусами)).

Но не Джексон. До сих пор в пятнах пепла и крови, он рылся, пока он не нашел пятую часть галлона виски. (Прим. редактора: примерно 750 мл).

Привязав арбалет на спине и сжав бутылку, он захромал к скамейке перед огнем, опустившись вниз, он сидел, облокотившись на колено, глядя на пламя, и пил, пока мы не закончили есть.

Я выбрала еду и для него, но он отказался, резко покачав головой, поднимая вместо этого бутылку. Затем он уставился налитыми кровью глазами на Финна.

— Как ты входил и выходил с этими вещами?

Финн пожал плечами.

— Это цветочки, малыш. Я даже ездил туда, на одном из своих грузовиков. Он на заднем дворе. — Когда Джексон посмотрел недоверчиво, Финн сказал:

— Что я могу сказать? Я хитрый. У меня был топливный генератор. Так, что я мог жить как в Кали. Но было так просто воровать у красношеих, что я думаю, я обленился. Кроме того, я люблю играть, устраивая для них розыгрыши. Не говоря уже, о безумной идее с

беззубой дочкой вождя. Бросив многозначительный взгляд на Селену, он добавил:

— Я больше никогда не опущу планку так низко.

Казалось никак не обеспокоенный колоритной личностью Финна, Джексон отхлебнул из бутылки:

— Кто-нибудь хочет объяснить мне, почему солдаты начали стрелять друг в друга?

Джексон увидел и это? Я взглянула на Финнеаса, считая, что у него есть готовый ответ.

Он вежливо проговорил:

— Инбридинг*?

(* Прим. Редактора: Инбри?динг (англ. inbreeding, от in — «внутри» и breeding — «разведение») — скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции организмов (животных или растений). Инцест является ярко выраженной формой инбридинга, когда скрещивание происходит между особями, связанными прямым родством. В результате инбридинга у людей, высока вероятность того, что гибриды будут с генетическими дефектами.)

Господи, эта ночь, должно быть, была ужасной для Джексона. Наверное, для него ничего не имело смысла, как разлетевшийся пазл, и мы прятали от него все кусочки.

— Ты бывал к северу отсюда, мальчик?

— Бывал. Я объездил всю Каролину. И я не вернусь обратно.

— Это место, куда мы направляемся, — Джексон, должно было, говорил сквозь зубы, потому, что его акцент был очень заметен. — В Аутер Бэнкс.

— Плохая идея, кайджан. Отсюда туда можно попасть тремя путями, и один хуже другого. Вы можете перестать дышать и пройти через зачумленные колонии, проскользнуть через Славервиль, или пойти через горы. — Что-то промелькнуло на его лице, что-то мрачное и абсолютно неуместное на таком энергичном лице. — Это там, где очень нравится прятаться каннибалам.

— Ты видел их? — спросила я.

— О, да. И это действительно намного хуже, чем ты можешь себе представить. Их постоянная диета из жаренных ното sapiens действительно выворачивает им мозги. А горные каннибалы в Северной Каролине? Они еще хуже! Чувак. Они даже не жарят.

Селена проговорила:

— Аутер Бэнкс выглядит все менее привлекательным в качестве моего будущего.

— Мы будем скучать по тебе, Селена. — Ответила я, сахарным фальшивым голосом.

Когда Джексон пошатываясь, поднялся, перенося вес на здоровую ногу, я поднялась, чтобы помочь ему.

— Мы должны перевязать твою рану. — Никакой реакции, — Джексон? Пожалуйста, поешь. — Он ответил сердитым взглядом. — Что с тобой не так?

— Мне тоже интересно, что. — Ничего не добавив, он взял свою бутылку и арбалет, и хромя, вышел на крыльцо. Ему хотелось побыть одному. Решив отпустить его пока, я вернулась и села вместе с остальными. Когда остались только четыре Аркана, Финн спросил:

— И как давно, ребята, вы узнали, что другие?

Легкомысленным тоном, Селена ответила:

— Практически только что.

Мэтью переспросил:

— Другие?

Я откликнулась:

— Ммм, только что. — Никто из нас не решался продолжить, все держались настороже.

— Итак, что я действительно хочу знать, это: как. И почему. — Финн переводил взгляд от одного к другому. — Дерьмо. Я надеялся, что вы, ребята, могли бы сказать мне что-нибудь. Селена покачала головой.

— Я ничего не знаю. Спроси Мэтью. То, как он уклонялся от пуль, явно делает его ясновидящим.

— Убить плохие Карты. — Сказал Мэтью.

Он сказал «плохие Карты», неужели их много? Может быть, войны Арканов были просто битвой добра против зла. Посмотрев на нашу компанию, я подумала, может быть, мы должны объединиться, как рука держащая карты, играя на наших сильных способностях и прикрывая наши слабости. Я была тому свидетелем в сражении Арканов. Мэтью сказал, что мне суждено сразиться со Смертью. Но я клялась никогда не сталкиваться с ним, возможно сейчас, имея другую альтернативу, я бы пересмотрела этот вопрос? Ад. Нет. Но Смерть и Огена? Возможно вместе, мы смогли бы победить их. Я заметила, что все взгляды были устремлены на меня.

— Я знаю, не больше, чем вы, ребята. Но я знаю, что мы, в некотором роде, связаны с Таро. — Я спросила Финна:

— Ты когда-нибудь видел колоду Таро?

— Да. Их дал мне Уиггинс. Я посмотрел на них и положил обратно.

Я кивнула, зная это чувство. Ну, за исключением того, что я, по-видимому, любила поглазеть на карту Смерти, когда была маленькой.

— Козырные карты — это Старшие Арканы, большие боссы. Они представляют нас. Я думаю. Я — Императрица, Селена — Луна, Мэтью — Дурак. А ты — Маг. Есть и другие дети.

— Охренеть. — Пробормотал Финн. И пустился в поток вопросов.

— Как вышло, что мы получили наши способности, что нам с ними делать, как мы можем найти других детей?

— Хотела бы я знать. — Сказала я, выразительно посмотрев на Мэтью. — Но я не знаю. Я думаю, что моя бабушка знает.

— Тарасова. — Сказал Мэтью с благоговением. — Хозяйка Таро, мудрая женщина, летописец.

Как он однажды сказал мне? «Остерегайся старых родословных, у других семей тоже есть летопись. Они знают, кто ты!». Если у моей семьи была хроника, означает ли это, что бабушка все знала? Селена посмотрела на меня.

— Поэтому ты настаивала ехать к бабушке! Ты хотела получить ответы для всех нас. Почему ты думаешь, что бабушка что-то знает? — и опять я почувствовала, что она точно знала, почему моей бабушке все известно.

— Я не хотела, чтобы ты копалась в этом Селена! Я хочу выяснить каковы мои способности, моя жизнь, мир. — Мне больше, чем когда-либо, было необходимо добраться до бабушки. Я вспомнила про тревожный импульс в клетке ополчения: не быть девушкой вообще... Мои способности были против решения, просто сдать и уснуть, испугано и обидчиво, и тогда они показали мне, что я способна сделать с тем солдатом с помощью лотоса.

— Ну и что? У нас есть способности. — Сказала Селена пренебрежительно. — Почему

ты думаешь, что этому были причины, так же как были причины этой Вспышки?

Я склонила голову.

— Ты... Ты шутишь? Ты должна чувствовать, что какая-то сила ставит нас друг у друга на пути. Разве ты не чувствуешь, что это только начинается? Мэтью взял фруктовый салат и вручил его мне, как награду. — Эви получает печенье.

— И в чём именно твои способности? — спросила Селена. — Все, что я видела, были уродливые, деформированные бесполезные когти! Ох, и ты хорошо пахнешь. Ценный актив! Те, красношеи, возможно, нашли вас по твоему аромату.

Я ненавидела ее! Мои когти зачесались, так хотели дотянуться до ее глазных яблок. Мэтью встал между мной и Селеной.

— Ты полна силы сегодня вечером. — Сказал он мне. — Это не было бы справедливо.

— Это её право. — Ухмыльнулась Селена.

— Несправедливо по отношению к тебе, — сказал Мэтью, заставив ее замолчать. — Лук на близком расстоянии против яда?

— Она ядовитая? — воскликнула Селена в ужасе.

Поддельный ужас. Все мои инстинкты кричали, что Селена уже знала, это обо мне, и знает обо мне то, чего я ещё сама не знаю.

А что если Селена имела, кого-то вроде путеводителя, свою Тарасову, собственную мудрую женщину, которая не была заперта в психушке? Селена могла иметь полный контроль над своими способностями и практиковаться всю свою жизнь. Ее мастерству стрельбы из лука не было равных. Какими еще способностями она обладает? Я вспомнила странное поведение Джексона, когда мы подъехали к дому Селены, как ярко светила луна, казалось она своим сиянием звала нас. Остерегайся приманок. Может быть, Селена может манипулировать лунным светом, как я растениями. Использовала бы она его, чтобы заманить меня к себе в ту первую ночь, не будь я с Джексонем? «Я не ожидала встретить парня. Здесь. С тобой... Я просто никогда не ожидала его».

— Сказала она мне в тот вечер.

— Ядовитая? — Финн отшатнулся от меня, и взволнованно сказал, — на самом деле?

— Мои, гм, когти. — Когда он поднял брови, я показала им, все десять смертельных шипов.

— Это круто, блондиночка! Эй, мы должны придумать себе имена как у супергероев. Подумайте об этой идее, переварите ее немного и дайте мне знать. — Сказал он. — Эй, ребята вы когда-нибудь слышали... голоса?

Я застонала.

— Все время. Я думала, что схожу с ума.

— Чууувак. — Сказал он в знак согласия. — Еще до Вспышки, все виды причудливого дерьма происходили со мной. Я начал говорить на странном языке. Происходило и другое дерьмо, но только я один мог это видеть. Я видел свою кошку ходящую по потолку, видел лаву вытекающую из крана. Худшее? Я делал девушку, и вдруг, она стала выглядеть, как мой учитель физкультуры! — Он вздрогнул.

И я думала, что у меня все было плохо. Оказывается Мэтью и Финн тоже пострадали.

— Что думали твои родители? — спросила я, интересно, Финн тоже получил «специализированную» помощь?

— Папа не мог больше справляться с моим "странным поведением", поэтому он переложил меня на маму. Тот же результат. Они как раз собирались, одеть на меня

смирительную рубашку или, что еще хуже, отдать в военное училище, когда ей пришла блестящая идея отправить меня из Малибу в Северную Каролину к грубому жлобу-кузену.

Так Мэтью и я были не единственными кого считали "психами". Это имело смысл. Я подумала, а какая история была у Селены?

— Да, мама полагала, что это утвердило бы меня умственно — сказал Финн. — Я не мог даже про себя делать это дерьмо. Психическое здоровье — через пыhtение, труд на земле, погони за горячими задницами селянок, охоту на уток и проматывание денег.

По крайней мере, Финн был общительным. Хотя парень был резким, эй, он называл меня «грудастой»? Он вырос в моих глазах. Особенно по сравнению с Селеной. Я как раз собиралась спросить его, про призыв моего Аркана, когда Селена сказала:

— Я не слышу голоса, вы двое сумасшедшие.

После того как я несколько дней пыталась ужиться с этой девушкой-душкой, мое терпение достигло своего конца.

— Если ты собираешься лгать, я не буду больше ничего рассказывать тебе.

— Я никогда не слышала голоса. — Усмехнулась она, худшая отговорка, которую я когда-либо слышала.

Я стояла ошестинившись:

— Ты лжешь, Селена. Но это то, что ты лучше всего умеешь делать, не так ли?

Она вскочила на ноги, как страж.

— Что ты говоришь?

— Когда мы впервые встретились, ты вела себя так, будто ты ничего не знала обо мне, но я думаю, что ты точно знала, кто я и кем была все это время. Если ты стремишься действовать так скрытно, это означает, что ты знаешь, обо всем и намного больше, чем ты позволяешь нам узнать. Знаешь ли ты, каковы наши силы? Может быть, у тебя были какие-то учителя или книги. Может быть, ты уже знаешь все, что мы только надеемся узнать.

Она агрессивно наклонилась.

— Докажи это.

— Сейчас, сейчас, дамы, вы обе знаете правила. — Финн поднялся, подняв руки как судья. — Не бороться за пределами круга с желе.

Я подвигала своими когтистыми пальцами перед ее лицом, и в конце концов она отступила.

— Так расскажите мне его историю. — Финн дернул подбородком в направлении Джексона. — Он не один из нас?

После последнего угрожающего взгляда на Селену, я сказала:

— Я так не думаю. Я не видела у него ничего сверхъестественного.

Селена откинула волосы через плечо.

— Потому что ты не испытала его в нужной ситуации, дорогая. — В ее тоне слышались инсинуации.

Было ли это доказательством, которого я ждала? Или еще одна ложь? Может быть, они были вместе, только одну ночь, когда мы останавливались у нее дома? А, возможно, больше. Хотя я верила, что опять интересовала Джексона, я не знаю, могла бы я простить ему это. Сквозь зубы, я сказала:

— Тогда скажи, какая он карта, Селена.

Она вздохнула.

— Мой Джек червей.

Когти начали болеть. — Портовая проститутка. — Огрызнулась я.

Финн застонал. — Этого не может быть! Так вы обе, запали на кайджанского чувака?

Вы обе? Ну же, киски, это просто неправильно! Такое богатство нужно делить.

— С тобой? — Селена подняла брови.

— Точно. Я твой парень, Лучница. Ты и я. — Он подмигнул. — Подумай об этом.

Она посмотрела на него, как на надоедливое насекомое.

Невозмутимый, он спросил:

— В любом случае, мы продолжаем держать наше дерьмо в секрете от кайджана?

— Тайна. — Прошипел Мэтью.

— Правильно, чувак. Угадай ответы...

К тому времени как через час мы начали готовиться ко сну, я была опустошена. Хотя были три комнаты с кроватями, я расстелила одеяла для Мэтью и себя возле камина. Я хотела остаться рядом с Джексоном. Он оставался снаружи на крыльце, еще пил. Когда я пошла к нему он поднял палец: — Хочу побыть один.

Дрожа, я залезла под одеяло, события дня догнали меня. Тем не менее, я решила дождаться его. Если он не даст мне правильно обработать его травмы, они могли инфицироваться. Кроме того, я очень хотела поговорить с ним, выяснить, что происходит в его таинственной голове. Выяснить, что будет завтра. Еще я хотела остаться, потому, что чувствовала себя на грани, после ссоры с Селеной. Она положила свои одеяла с другой стороны очага. Несмотря на то, что у Финна была кровать, он развернул свой спальный мешок рядом с ней. К ее неудовольствию. Он неоднократно пытался уговорить ее пойти к нему в спальню. Бедный парень, должно быть, использовал весь свой репертуар, но она отказала ему. Селена строила глазки только Джексону...

Мэтью зашевелился рядом со мной, заспанный и милый. Мы лежали лицом друг к другу так, чтобы периферийным зрением, я видела входную дверь, на случай если войдет Джексон.

Я сказала Мэтью:

— Спи, малыш.

— Большая ночь. — Прошептал он.

Да, это было так. Он протянул свою руку, чтобы взять мою. И мои глаза закрылись.

Жители деревни насмеялись над красной ведьмой с борта судна. Они бросили якорь недалеко от берега, вне досягаемости любого дерева, винограда, или шипов. Штиль на воде был неблагоприятным для ее спор. Пока она наблюдала за ними с берега, они называли ее "Соломенная графиня" и "Королева голода". Как будто неурожай были делом ее рук. Ослепительно голубая вода была неподвижной, как зеркало под солнцем. Когда она сдёрнула капюшон, свет отразился на ее бодром лице. Славный день для возмездия. И все же они знали, что, если она не сможет идти по воде, не будет никакой мести, которой все боялись.

Смерть подъехал к берегу, наблюдая за ней, как всегда очарованный проделками Императрицы. Верхом на жеребце, он остановился на песчаном берегу, снял шлем, выглядя как Бог.

— И что вы сделаете теперь, существа? — прокричал он. Солнечный свет любовно выделил его безупречные черты лица и длинные светлые волосы. — Море — ее владение — не ваше. Ведьма подперла подбородок пальцами с когтями-шипами, напоминая себе, что еще не время для столкновения со Смертью. Она обратила свое внимание на моряков, последние, оставшиеся в живых, жители деревни, которую она извела спорами и бурей с шипами. Теперь моряки стали более смелыми, более отчаянными. Они дразнили ее, непристойно выставляя свои гениталии.

Горящие глаза Смерти остановились на ее лице, он самый бдительный её противник. Он действительно наслаждался шоу.

— Это не в моем стиле... но если они не подходят ко мне, что ж, я вынуждена подойти к ним сама. Она шла к ним по пляжу. У кромки моря она не замедлилась, просто ступила на поверхность воды, беспечно шагая по ее глади. Экипаж замолчал. Слышались только случайные вздохи и вскрипы. Она посмотрела на Смерть через плечо. Выражение его лица было бесстрастным, лучистые глаза безразличны. Морские растения поднимающиеся из глубин держали ее на плаву.

Моряки наконец-то встряхнулись, и начали действовать, но их слабые паруса не могли поймать даже малейший ветерок. Они отчаянно гребли, но ее подводные союзники держали судно в ловушке. Тогда мужчины начали страстно взывать с просьбами к богам, старым и новым. Но было слишком поздно.

Как только она приблизилась достаточно, чтобы видеть их лица, она взмахнула татуированной рукой. И сразу на поверхность из бездны вырвались гигантские канаты слизких морских растений. Когда мужчины закричали, она улыбнулась посмотрев на Смерть.

— Нет, море не мое владение. — Ее власть над океаном бледнела, по сравнению с некоторыми другими Арканами. — Но я могу властвовать им.

Растения, танцевали над судами, вода дождем кружила вокруг них. Взрослые мужчины молили "леди" о пощаде. Она откинула голову и засмеялась от удовольствия.

— Я дам вам столько же милосердия, сколько вы дали мне. — Сельские жители привязали ее к деревянным кольям и подожгли, она чувствовала как языки пламени стали лизать её, прежде чем она смогла освободиться, возродив жизнь в дереве. Она отмерила возмездие большинству из них, всем кроме моряков. Вспомнив запах своей горячей плоти,

она махнула рукой еще раз. Зеленые канаты растений тараном ударили по палубам, дробя мачты и мужчин. Их кровь смешиваясь, растекалась на палубах, переливаясь через борта судов. Море вспенилось каскадом малиново-розовых пузырей. Когда растения обвили корабли, как гигантские щупальца, палубы судов треснули и моряки погрузились в воду. Легионы ее союзников ждали их, скользя вокруг их лодыжек, дергая их вниз. Ведьма мучала мужчин, то окуная их под воду, то давая им вдохнуть, почувствовать изысканный вкус кислорода и возможность закричать, они тянулись к солнцу, равнодушному к их смерти в глубинах. Она не остановилась, пока все не были убиты. К этому времени, окрашенное красным море уже успокоилось.

Когда ведьма вернулась на берег, Смерть по-царски склонил голову, а затем оставил её, направив бледного коня в горы. Она повернулась, чтобы посмотреть на проделанную работу. В идеальной тишине крови, окрасившей море, ведьма увидела свое отражение. Глядя на ее отражение я увидела... Себя. Задыхаясь я проснулась. Это было мое отражение. Мое!

Дрожа, я осмотрела комнату. Просто сон, просто кошмар. Я не была там. Это не я уничтожила целую деревню. Мэтью дремал рядом со мной. Селена и Финн спали в другом конце комнаты. Одна рука Финна покоилась на пряди ее волос. Джексона здесь не было. Он все еще снаружи? Я откинула одеяло, затем увидела освещенную фонарем ванную.

Я не могла понять большую часть этих видений! Они походили на фильмы ужасов закольцованные в моем мозгу. И в этом видении, разговаривая со Смертью, ведьма вела себя как Императрица. Стану ли я теперь видеть кошмары о них обоих? Я вспомнила, как выглядело его прекрасное лицо на солнце и вздрогнула. Почему бы не Селене иметь дело с этим дерьмом? Еще одна причина ненавидеть ее.

В ванной я потянулась к затемненному фонарю, приподнимая плафон. Во что вымазана моя рука? Я потеряла кожу, но пятно не исчезало. Игра света, тени? Оно шло вдоль моего запястья? Я закатала рукав. Подобная плющ, татуировка тянулась во всю длину руки. Задыхаясь, я обернулась к пыльным зеркалам над раковиной, лихорадочно проводя рукой по стеклу. Шатаясь на ногах, я взглянула на свое отражение. Красная ведьма смотрела на меня. Мои глаза были... зелеными. Мои волосы? Глянцево-красные, с переплетенными в них листьями. Светящиеся символы бежали по моей бледной коже.

На грани гипервентиляции, я раскачивалась все ближе к зеркалу. Нет, я не похожа на ведьму, это точно. Это все еще я, только с чертами, подобными ее. Мои мысли мчались. Ведьма, должно быть, была... она, должно быть, была другой Императрицей, родившейся в прошлом. Суда, которые она уничтожила, были похожи на галеоны. Мэтью сказал мне, что были древние сражения — и он никогда не говорил, что я была первой Императрицей.

Красная ведьма и Императрица были одним и тем же. В глубине души я знала, должна была знать. Но Мэтью сказал мне, что ведьма придет, она придет за мной, что я боролась с ней. Я думаю, что боролась с ней все это время, сопротивляясь реальности. Действительно, она пришла ко мне. Теперь я чувствовала, что она появилась — во мне. Возможно, Мэтью посылал мне те кошмары? Или они были включены в пакет Императрицы? Когда я всмотрелась в изумрудные глаза, я вспомнила другие детали карты Императрицы.

Холмистая местность простиралась позади нее, но теперь я поняла, что ее империя была в зеленом и красном цветах — растения и кровь. Ее волосы были усыпаны цветами, увиты виноградом — словно пронизаны красными нитями. Ее руки были подняты и раскинуты, словно маня. Тем не менее, ее взгляд был смертельным, ее глаза говорили: "Подойди, тронь... но заплатишь свою цену". Знание поразило меня. Это моя карта, мой

Аркан.

Символы начали двигаться, переплетаясь на моей коже, мерцая от золотого до зеленого и обратно. Завораживая. Смотря на это, я признала, что мне было еще далеко до власти которую я испытала в этом сне, просто воспоминания ведьмы вызвали во мне всплеск агрессии. Сокрушить целый флот? На самом деле, когда я думала обо всех этих кошмарах, я ничего не испытывала кроме, разве что, почти восхищения над чисто проделанной работой. Ее жертвы пытались ее сжечь. Конечно, она ответила.

Нет, нет! О чем я думаю? Она уничтожила целую деревню. У них наверное, были причины, чтобы сжечь ее!

Я почувствовала что что-то щекочет мне руку и посмотрела вниз. Тонкий плющ поднимался от одного из глифов. Когда он, извиваясь на поверхности моей кожи, поднялся над ней, я вскрикнула и отскочила, споткнувшись о коврик. Вращая руками, я накренилась к ванной, падая на занавеску. Когда я упала с ногами в ванну и растянулась в ней, недоуменно тяжело дыша, я услышала тяжелые шаги в коридоре. О, Боже, Джексон!

— Эви, ты в порядке? — спросил он за дверью.

— Всё, хорошо. Просто споткнулась из-за плохого освещения! — я, напрягаясь из последних сил, встала на ноги, а затем посмотрела в зеркало. — Я буду через минуту. Хорошо?

Когда эта неестественная агрессия стала проходить, я испытала отвращение. Я... красная ведьма. Я опустила голову на руки, находясь на грани срыва. То, что я видела, ее поступки... Что делать, когда Джексон узнает это обо мне? Нет, я бы отрицала это! Так же, как я отказывалась от проблемы со Смертью, я бы отрицала это проклятие. Я никогда этого не просила. Я считала это болезнью, которая ворвалась, уничтожая мою личность. Неужели я обречена быть либо трусливой девушкой, которую сегодня заперли в клетке, либо монстром, который убивает? Да. Я чувствовала, что если мне не помогут, то у меня не так много времени, прежде чем я окажусь в ловушке, разрываясь в выборе между одним и другим.

— Вебе,пусти меня. — Джексон еще снаружи?

Я уставилась на дверь, на свое отражение, на дверь. — У-уйди! — всхлипывая, я срывала листья с волос и пыталась спрятать их в белье, прерывисто дыша в панике. Так Эви, дыши.

— Что с тобой случилось?

— Ничего! — постепенно мои волосы и глаза стали возвращаться, символы выщвели.

Скорей, скорей!

— Впусти меня! — он ударился о дверь. — Или я войду сам.

— Я... Я... просто подожди!

— Отойди от двери.

— Нет, Джексон.

Дверь рухнула. Осколки от дверной рамы разлетелись в воздухе. Мои губы беззвучно шевелились. Наконец, мне удалось сказать:

— Что с тобой? — я бросила взгляд в зеркало... Я пришла в норму.

— Я думал, что услышал твой крик! — он наклонился поднять свою бутылку с пола в коридоре, хотя она была почти пуста. — Испугался, черт меня возьми.

Он все еще был грязным. Его арбалет был криво привязан к спине. Я протиснулась мимо него в коридор. Остальные уже проснулись и любопытством уставились на нас. Я с

трудом смотрела на Мэтью. Он знал то, кем я была все это время, знал, что я пойму это сегодня вечером. «Большая ночь» сказал он. Усмехаясь от уха до уха, он подал мне знак: большой палец, поднятый вверх. Мой пристальный взгляд остановился на нем.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал мне Джексон.

— Что? Хорошо. — Сказала я бесцветным голосом. Мое тело было в синяках, а мой разум онемел. Была ли всегда во мне эта затаенная злоба, только и ждущая освобождения? Если бы я убивала как ведьма, смогла бы я избавиться от неё? Может быть, я должна сделать это сегодня.

— Поговорить с тобой наедине. — Строго повторил Джексон, как будто я могла спорить с ним, или кто-то другой смог бы.

Селене это явно не понравилось, но она промолчала. Финн облокотившийся рядом с ней, предложил ей Сникерс в утешение. Она лишь закатила глаза. Джексон захватил в ванной фонарь, а затем повел меня в одну из дальних спален, закрывая за нами дверь.

Он хмуро посмотрел на неукрепленные окна, протягивая мне фонарь и бутылку. Затем он сдернул матрас с кровати, закрывая им деревянную раму окна. Крюком от вешалки из шкафа, он закрепил его на месте. Удовлетворенный, он взял у меня свою бутылку и начал ходить из стороны в сторону.

— Пожалуйста, дай мне взглянуть на твою ногу, Джексон. — Разве мой голос прозвучал так глухо? — и руки тоже. — Я повесила фонарь на крючок для одежды, готовая осмотреть его травмы. Меня по-прежнему беспокоили инфекции. Кроме того, делать что-то полезное, поможет мне отвлечься.

Я — красная ведьма.

— У тебя наверное занозы в пальцах. — Возможно ему не будет лишним, большое количество выпитого, когда я буду их вытаскивать. — Ты можешь говорить, пока я работаю.

Он тяжело покачал головой.

— Non. Есть то, что я должен сказать.

Я никогда не видела его таким задумчивым. — Продолжай, я слушаю.

— Когда ты попала в плен, я не знал... — Он замолчал и допил залпом виски, прежде чем продолжить. — Это было похоже на...

— На что?

— Как это было с Клотиль.

— О, Джексон, нет. Все в порядке. Я цела.

— Я не знал, что бы произошло если бы я пришёл слишком поздно. — Сказал он с содроганием. Он подошел ко мне, мы стояли лицом к лицу.

— Эви, если тебя когда-нибудь заберут от меня снова, тебе лучше знать, что я всегда буду приходить за тобой. — Он обхватил мое лицо окровавленной рукой. — Черт, ты должна жить! Ты не должна поступить как Клотиль, ты не должна считать, что её поступок — выход из положения. Ты и я, сможем решить любую проблему, просто дай мне шанс, — его голос понизился, — просто дай мне шанс, чтобы добраться до тебя. — Он зарылся лицом в мои волосы, глубоко вдыхая. — Нет ничего, что может случиться с тобой, через что мы не сможем пройти.

Ничего? Я мучительно смотрела в потолок. Если бы это было правдой. Но как он мог принять эти изменения во мне, когда я сама не могла? Я так резко менялась, я могла даже выглядеть по-другому. Или растения. Я подавила истерический смех. В целом, квалифицировать можно по-разному. Какой парень хотел бы девушку с когтями? Эй,

Джексон, теперь, вероятно, ты не захочешь пить после меня. Тем не менее я не могла удержаться от вопроса:

— Когда ты говоришь о нас...?

Он отстранился, пристально глядя на меня, его глаза сверкали.

— Я сделаю всё для тебя. Я говорил себе много раз, что не должен, но я не могу изменить того, что происходит в моём сердце.

— Я не буду смеяться. Я слушаю.

— Эви, я захотел тебя, увидев в первый раз. Даже, когда я ненавидел тебя, я хотел тебя. — Он запустил пальцы в волосы. — У меня это плохо получается.

Мне казалось, что мое сердце остановилось, чтобы лучше слышать его.

— Долгое время, когда ты смотрела на меня снизу вверх, я жаждал тебя, как никого до этого.

— Я не смотрела на тебя свысока! Я была слишком поглощена, рассматривая тебя. — Он, казалось, был поражен моими словами. — Это правда?

— Да!

Уголки его губ изогнулись на мгновение, прежде чем он снова стал серьезным.

— Ты спрашивала, когда у меня был тот телефон с фотографиями, я смотрел на них? Да, черт возьми, я смотрел! Я видел, как ты играла с собакой на пляже и делала сумасшедшие сальто с вышки, сверкая задницей, и корчила рожи перед камерой. Я узнал тебя настоящую, — его голос стал хриплым — и я захотел тебя ещё сильнее. Хотел видеть тебя каждый день.

С невеселой усмешкой, он признался:

— После Вспышки, я постоянно искал способ зарядить тот проклятый телефон, но не для звонка.

— Я не знаю... Я не могу быть уверена. — Пробормотала я

— Ты моя, реекон.

Мое лицо вытянулось. Колючка. Он мог что-то чувствовать ко мне, но это не значит, что он этого хотел. И он даже не знал о моем мерзком alter ego. Как это могло случиться? Почему я должна была обнаружить, что была, убийственной психопаткой, той же ночью, что я узнала о его чувствах? Я подавила рыдание.

— М-мы оба знаем, что твоя жизнь была бы намного проще, без меня! Я просто заноза в лапе.

Он легко кивнул.

— И это напоминает мне о тебе, с каждым моим шагом, я думаю о тебе.

Мои губы приоткрылись. Опять я поняла, что он был единственным в моей жизни, кто заставлял меня чувствовать себя в здравом уме, мне вдруг захотелось бороться за будущее.

— Эванджелин, я должен чувствовать тебя с каждым моим шагом. — Дрожащие руки сомкнулись на моем затылке, сжимая. — Или я сойду с ума.

Несмотря ни на что, я почувствовала надежду. Джексон хотел меня. Хотела ли я чтобы он был всем, что имеет для меня значение? Он никогда не должен узнать, чем я была. Бабушка могла бы научить меня, как избавиться от этого проклятия навсегда, или похоронить его, не обращаясь трусливо в другую сторону. Под ее руководством у меня возможно появится выбор. Я смогу научиться снова быть нормальной! И мы были всего нескольких недель от Северной Каролины. Еще было время. Оптимизм наполнил меня... Пока я не вспомнила про еще один барьер между нами.

— А как насчет Селены? Разве ты не с ней вместе?

Он покачал головой.

— Она классная, и если бы я никогда не повстречал тебя, я, возможно, уже дважды был бы с ней. Но я только флиртовал, чтобы заставить тебя ревновать. Чтобы убедиться, что ты чувствуешь ко мне то же самое.

То же самое? Половина меня хотела поцеловать Джексона, другой хотелось услышать что-нибудь еще, что этот красивый парень хотел мне сказать. Я обняла его за шею, притягивая к себе, безразличная к засохшей крови и грязи. Он сначала напрягся, как будто был удивлен, затем его руки обвились вокруг меня. Со стоном он произнёс:

— Ах, я узнаю, этот запах. Жимолость.

Я чувствовала как смех рвется из меня.

— Да, да. — Я поднялась на пальцы, чтобы погладить губами вдоль его шеи, покрыть поцелуями его гордое, усталое лицо. Его глаза закрылись, его лицо выражало блаженство. Он прохрипел:

— Я буду защищать тебя, bebe.

— Я знаю. Я знаю, что будешь.

— Я никогда не пущу тебя в Северную Каролину. *Jamais* (Никогда).

Я замерла, отступила.

— Что ты говоришь? Я должна найти бабушку.

— Ну же, Эви, мы оба знаем, что она, вероятно, не выжила. Мы не видели ни одной другой женщины на дороге. Я не позволю тебе как сегодня, оказаться в опасности.

Он хотел отменить нашу поездку? Время истекает... Я отстранилась от него, стараясь сохранять спокойствие.

— У меня есть планы для нас. Мы должны вернуться к Селене. Ты можешь взять своего соо-уоп-любимца с собой. Но мы вернёмся на юг. Поближе к теплу, подальше от чумы и каннибалов. Ты сможешь научить меня как ухаживать за тобой. Потому что я не знаю как ухаживать за такой девушкой. Ты можешь быть счастлива, живя со мной. И ты будешь.

Да, я буду. Как только освобожусь от этого проклятия!

— Все это намного больше, чем мне надо, Джексон. Но я должна выяснить... должна понять себя.

— Тогда скажи мне, что происходит. Будь честна на этот раз. Доверь мне свои секреты. Я обнажил перед тобой душу...

Сказать ему, кем я была? Или, дорогой Боже, показать ему?

Селена была великолепна, как Лучница, вся — изящество и скорость, с равновесием богини. Мэтью был мастер судьбы. Таланты Финна были почти немислимы. А мои? У меня вырастали жуткие когти. Я выращивала растения, проливая собственную кровь. Я могла быть ядовита. Когда я контролировала растения, они становились похожи на дрожащих змей. А что сегодня вечером случилось с лотосом? Я говорила, что Селена обманчива. Не была ли я и сама такой? В отличие от меня, другие дети казались возвышенными, как полубоги. Если бы я показала, Джексону как действительно выглядит Императрица, смогла бы спокойно смотреть на его отвращение? Меня замутило только от одной мысли показать ему себя. Что, если он увидит меня и перекрестится?

У него были чувства ко мне, но только потому, что он не знал, кто я на самом деле. Он хотел меня — не ведьму.

— Я хочу тебе сказать, — прошептала я. — Но я не могу. Пока нет. — Просто дай мне

некоторое время.

Его лицо ожесточилось. — Тогда ты пойдешь со мной. Мы поговорим о том, что ты должна "выяснить", когда ты сможешь мне доверять.

Тревога уколола меня шипами. Будет ли он мешать мне уйти? Затащит меня обратно в дом Селены?

— Я собираюсь в Северную Каролину. И я думала, что ты, и другие собирались со мной.

— Это так чертовски легко для тебя, принимать эти решения! Когда ты не делаешь грязную работу!

— Я сильнее, чем ты думаешь. Если понадобится, я могла бы помочь нашей группе.

— Помочь нам? Сделать что? Ты очаруешь Бэгменов до смерти?

— Опять же, я, возможно, удивлю тебя!

— Ты не можешь охотиться, не можешь бороться. Ты слишком хрупкая!

— Ты больше не можешь такого обо мне говорить. Ты не знаешь меня.

— Потому что ты не рассказываешь мне! — он отшвырнул бутылку к стене.

Я почувствовала, будто это я разбилась.

— Д-давай поговорим завтра, когда ты протрезвеешь. Ладно? — дрожа, я повернулась к двери.

— Черт бы тебя побрал, девочка, послушай меня! — я повернулась к нему снова, увидела его дикие глаза.

— Джексон, я сойду с ума, если не узнаю, что я должна сделать! И как спасти себя!

— Я знаю, что ты должна делать. Ты останешься со мной, моей. Мы будем выращивать еду, мы будем жить нашей жизнью. Мы будем строить что-то вместе.

Как же сильно я хотела этого. Мои глаза наполнились слезами, которые собрались и покатались вниз. Гнев покинул его.

— Non, не плачь. — Он накрыл мои плечи ладонями, растирая их своими большими пальцами.

— Это важнее, чем кажется, — настаивала я.

— Тогда расскажи мне, bebe. — Боль в его голосе практически уничтожала меня. Его поразительные серые глаза сверкали... — Доверься мне.

Пока я молчала, тихонько всхлипывая, его руки обнимали меня за плечи. Он запрокинул голову и зарычал, как сумасшедший. Затем поймал мой взгляд.

— Ты скрываешь свои секреты лишь от одного человека, от которого зависишь. — Его голос был грубым и скрипел, — *J'tombe en botte*, Еванджелин! *J'tombe en botte* — Я погибну, — Я не могу сделать это! Ты пойдешь со мной или мы разойдемся утром.

— Давай просто поговорим об этом.

— Поклянись, что ты пойдешь со мной, или я не буду даже думать об этом. Я не могу продолжать бегать за тобой, игнорируя все мои инстинкты, нет. Не могу продолжать желать и ждать. Я знаю, к чему это приведет, я видел это.

— У-у меня нет выбора.

Он отпустил меня, его плечи ссутулились.

— Я так больше не могу. С меня хватит.

— Что это значит?

— С. Меня. Хватит.

Последнее слово все еще эхом стояло между нами, когда он хромя, вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

— Ты знал, что я и есть красная ведьма! — сказала я Мэтью на одном дыхании. Он вошел в спальню сразу после того, как Джексон ушел, и сидел несколько часов молча, пока я не прекратила плакать.

Финн тоже пришел, принес пару одеял и развел огонь в маленьком камине для нас.

— Очевидно, что ты свободна, блонди, — сказал он, — от твоего парня одни проблемы. Так что соберись и подскажи мне самый быстрый способ попасть Селене в трусы. — Как только он понял, что я была не в настроении, он поднял руки.

— Эй, эй, полегче. Не волнуйся, я что-то придумаю. Пожелайте мне удачи.

Потом он подмигнул и исчез. В буквальном смысле. Он стал невидимым.

Теперь я ходила, пока Мэтью сидел на полу, изучая кусок битого стекла при свете огня. — Ты мог сказать мне, что я была ей. — Я все еще не оправилась от всех откровений ночи.

— Ты не она.

— Пока нет? Потому что она сильна и порочна. А я нет, не так ли? — сказала я с болью.

Он склонил голову.

— Однажды ты будешь известна как Принцесса Яда. Королева мая. Леди Лотос. Королева Шипов. Повелительница растений.

— Это как фитоманипулирование?

— Ты можешь также создавать растения. Фитогенез. Без семян.

Это было захватывающим — пока я не вспомнила, что этот талант, скорее всего, предполагал также убийства.

— Ты посылал мне эти кошмары?

Он нахмурился.

— Кошмары? Нет, просто... видения.

— Кем она была? Это была я в другой жизни или что-то другое? — скажи нет, скажи нет.

— Прощлое Императрицы очень, очень давнее. Она не хранит секреты. Она известна всем. А они сжигают все чего боятся, — сказал он, дрейфуя в потоках своих мыслей.

— Мэтью!

— Я обновил виденья о тебе. Поскольку ты не можешь говорить на средневековом английском.

— Но ты можешь? Эти видения сведут меня с ума. Зачем ты заставляешь меня испытывать такое зло?

— Не зло. Арсенал. — Со вздохом повторил он, — Арсенал, поле боя, препятствия и противников.

Значит он показал мне четыре вещи, через виденья или кошмары.

— Арсенал? То, на что я способна? — я неохотно признала, что в этом был смысл. Я бы не создала лотос, если бы не видела ведьму до этого. Поле боя было измученной землей. Противниками были другие Арканы, такие как Смерть. А Бэгмены были препятствиями?

— Одна проблема, Мэтью. Я не убийца. Я не собираюсь использовать арсенал, чтобы навредить другому. Я клянусь, что этого не произойдет.

— Хм, — все, что он сказал.

— Это — проклятие! Я собираюсь избавиться от этого. Поэтому, я оттолкнула Джексона. Я не могу выдержать это, Мэтью. Я так хочу его. Скажи мне, что я должна делать.

— Освой трюки. Метки должны работать.

— Я имею в виду Джексона. Он хочет расстаться со мной не больше, чем я с ним. У него есть ко мне чувства, глубокие чувства. Он желал меня с самого начала. — Он вернулся в Хейвен из-за меня, спас мне жизнь. Он наблюдал за мной, защищал меня. Даже тогда, когда я раздражала его. Он так много сделал, дал мне так много, а я не дала ему даже свое доверие. Разве он не заслужил этого? — Джексон был прав, во всем, — сказала я. — Я должна ему доверять. Я должна рассказать ему свои тайны.

— трусиха, боялась его реакции, но что может быть хуже, чем это? Он страдал. И это было невыносимо! Мои глаза наполнялись слезами, когда я просто думала о его голосе. — Я собираюсь остановить это. Я должна рассказать ему все.

Мэтью повернул осколок, крутя его в руке.

— Тайны. Ты плохо слушаешь.

— После сегодняшнего вечера у меня есть два варианта. Я могу держать эти тайны. Или я могу удержать его. А это значит, что я скажу ему правду, даже если мне придется... показать кто я есть. — Тошнота снова подкатила к горлу. Я напомнила себе, что Джексон говорил, мы можем пройти через все. Он сказал, что нет ничего, чтобы случилось со мной, что мы не сможем преодолеть. Я не просила его ни о чем — конечно, он должен был понять!

— Мэтью, когда я объясню своё замешательство и страхи, он захочет отвезти меня к бабушке. Так что я смогу вылечиться. — Вместе с Джексоном. Мы будем партнерами. Без тайн между нами.

— Я не откажусь от него, — от нас, — и не позволю Селене влезть между нами.

— Я сожалею, что ты хочешь его, — начал Мэтью осторожным тоном, как будто он очень старался объяснить мне очевидную вещь. — Я чувствую твое сердце — оно фактически болит. Мне жаль, Эви. Но ты не можешь быть с ним.

Я посмотрела на него сверху вниз.

— Почему ты так говоришь?

— Ты не хочешь быть Арканом. Но ты им являешься. — Он посмотрел на меня своими проникновенными глазами. — Джек не такой.

— Так вот ты кто — карта-пуританин или что-то вроде этого?

— Он — твоя слабость. Ты используешь его в качестве опоры. Когда он помогает, он причиняет боль.

Как такое может быть? Он заставил меня чувствовать надежду.

— Джексон — быть может единственное, что удерживает меня от превращения в монстра.

Мэтью вскочил на ноги, возвышаясь надо мной.

— Это то, кем тебе предназначено быть!

Я ахнула. — Он действительно препятствует моему перевоплощению!

Взгляд Мэтью скользнул прочь. Джексон успокаивал голоса, а затем выступал в качестве своего рода якоря для меня — еще одна причина, почему я должна быть с ним. Я уже ничего не хотела больше, чем начать жить с ним, а теперь я чувствовала себя обреченной.

Мэтью опустился на кровать, выглядя истощенным.

— Если ты не примешь свои способности, ты не сможешь победить.

— Я не приму их, не буду принимать участие в войне. — Когда Мэтью хотел продолжить спор, я заплакала, — никто не сможет заставить меня драться!

— Ты захочешь, ты должна будешь. В бою станет горячо. Это твоя природа.

— Я попрошу у Джексона помощи... — Не карта. — ...И как только мы получим контроль над этой болезнью, мы сбежим вместе. Ты можешь бежать с нами, Мэтью. Конечно, ты не хочешь идти на войну!

— Джек против Смерти? Кто кого? Ты можешь выжить, я мог бы, Луна может, Финн может.

— Именно поэтому мы будем бежать туда где Смерть не найдет нас.

— Он видит тебя даже теперь. Он слушает каждое твое слово, каждую мысль, которая появляется в твоей голове. Нет никакой возможности избежать его.

— Я не верю, что я заперта в этой ловушке, и не могу ничего сделать.

— Ты не умеешь контролировать свои силы. Леди Лотос заставила нас спать прошлой ночью. Кто следующий? Джек уснет навеки.

— О чем ты говоришь?

Хитрым тоном Мэтью бормотал, — Лотос. Сон на веки вечные.

— Нет, — прошептала я, вспоминая свои кошмары. Селяне ложились, падая без сознания. Когда я просыпалась, Джексон был холодным. Я выпускала какие-то споры во сне?

- Боже, это сделала я? — когда я натолкнулась на Джексона на том сиденье у окна, я подумала — как он красив, а он был на грани смерти из-за меня!

— Тогда почему ты не хочешь помочь мне контролировать мои силы?

— О, ты узнаешь. Скоро.

Я покачала головой.

— Я в долгу перед Джексоном. Я иду, чтобы предупредить его об опасности. Если он все еще хочет быть со мной, я сделаю все возможное, чтобы защитить его от других Арканов. От себя. Но он должен знать.

Это справедливо, рассуждала я, хотя чувствовала, что мои надежды на наше будущее тают.

— Буря на горизонте, — сказал Мэтью зловеще. — И мы уже отстаем. Они смеются над нами. Они должны.

— Тогда пусть они смеются, — отрезала я. — Я вернусь.

Когда я вошла в холл, мне показалось, он пробормотал:

— До свиданья, Эви, — но я продолжала идти.

Проходя мимо комнаты для гостей, я услышала стон. Тяжелое дыхание, возня? Бэгмен вошел? Солдат ополчения? Когти стали острыми, я открыла дверь... И не поверила глазам.

Желчь поднялась в горле. Его сильные, надежные руки плотно сомкнулись вокруг Селены, Джексон целовал ее со всей страстью...

ДЕНЬ 246 ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА РЕКВИЕМ, ТЕННЕСИ

— Что может быть лучше, чем забыться с другой девушкой? — тихо спрашивает Эви, ее глаза блестят от слез. Мы сидим в тишине, я жду когда она успокоится. Я мог бы воспользоваться моментом. Но так много вещей, которые она рассказывала, вызвали у меня недоумение и головную боль. Мое внимание постепенно рассеивалось, пока я слушал как она пыталась возродить свои воспоминания. Такие есть и у меня. Я жажду один из моих эликсиров, хотя еще не время для них.

— Когда я сбежала, я поняла о чём Джексон предупреждал меня.

— Таким образом, он — тот, кто причинил тебе боль.

— Я его не виню. Он просил так мало от меня. И Селена никогда не навредит ему своими неконтролируемыми способностями. Она будет защищать его. Я верю, что она любит его.

Хотя мое терпение иссякает, я хочу услышать о последних двух днях, хочу ответы на некоторые вопросы.

— Что произошло после того, как ты нашла их целующимися?

Она вздрагивает от моих слов. Она не могла винить кайджана, но в глубине души она все еще чувствует себя преданой. Ей придется познать большее предательство.

— Я... я... — она нахмурилась, выглядя удивленной, потеряв нить рассуждения. Точно по расписанию. За десять минут до окончания записи.

— Так я... нацарапала записку Джексону, сказав ему, что обязана продолжать и, что я надеюсь, он будет счастлив с Селеной. Попросила присмотреть за Мэтью, объяснить мальчику, что так безопаснее для всех. По некоторым причинам я была убеждена, что Джексон защитит его.

— Как ты сюда попала? — я повысил голос. Моя голова раскалывается. А ее болтовня о голосах напомнила мне, что пора выпить мой тоник. Я никогда не захочу вернуться в то позорное время, когда другие вещи могли разрушить мою совершенную сосредоточенность. Прежде, чем я безжалостно устранил отвлекающие факторы.

Эви снова прижала ладони к своим глазам, растирая их. Поморгав некоторое время, она продолжила:

— Я украла грузовик Финна, решив, что с его способностями он легко достанет другой. Ехала на нем пока не закончилось топливо, два дня назад. Тогда я просто пошла по дороге, надеясь найти кого-нибудь, кто помог бы мне. Я-я была в ужасном состоянии, Артур. Так запуталась, плакала без остановки. — Ее голос стал глуше, — я никогда в жизни не видела столько доброты, сколько от тебя сегодня. Спасибо тебе.

Нет. Спасибо тебе.

— Я удивлен, что ты не взяла с собой Мэтью.

— Я очень хотела. Но как я могла лишиться его еды и безопасности Финна? Обещания охраны Селены? Джексон был прав — я могла легко навлечь на них беду. Вести Мэтью на север было бы эгоистично.

Я сжал пальцы.

— Но я думал, что у тебя теперь есть способности. Ты могла бы защитить его. Чем-то вроде лотоса?

— Требуется концентрация. Я думаю, Мэтью помог бы мне в этом, помог успокоить меня. Но я не хочу, чтобы его жизнь зависела от этого.

Еще одна сила, которой она не может продемонстрировать. Она снова пытается поставить ногу на стул, но она соскальзывает. Она не повторяет попытку.

— И я не хочу использовать опять эти силы, а то я рискую, превратиться в ведьму.

— Ты действительно думаешь, что выживешь в этом мире самостоятельно?

— Я должна попробовать.

— Армия под руководством семейки садистов почти "завербовала" тебя, заставила сжечь свой дом, с телом матери внутри. Затем мужчины, которые хотели поработить тебя, уничтожили твой автомобиль, рискуя твоей жизнью. Затем ополчение заперло тебя в клетке для использования сотней солдат.

Она бледнеет, бормоча:

— И все же, пройдя все это, мне удалось сохранить мою... мою человечность. Я сохранила баланс до сих пор.

— Ты считаешь, что это все благодаря Джексону. И что же произошло? Твой якорь ушел, убежал в объятия другой.

Ее глаза снова наполнились слезами, но она упрямо вздернула подбородок.

— Моя бабушка будет помогать мне дальше.

— Ты не поддавалась искушению использовать хотя бы чуть-чуть своих — воображаемых, — способностей? Сколько сил можно использовать? — она могла представить любые силы какие хотела, но это не меняло факта что она была побеждена. Она проиграла этот матч часы назад. Эви сказала мне, что, вся концепция мира ее мамы, насильственно получила перегрузку. Эви вот-вот испытает тоже самое. Веселая девушка, которая никогда не жалуется, хочет со всеми дружить, и которая навсегда исчезнет, еще до наступления этой ночи.

— Я не могу принять эти способности, Артур. Я не думаю... не думаю, что хорошее можно отделить от плохого... Риск слишком велик. Я не хочу стать убийцей.

— Почему ты так уверена, ведь ты никогда не пробовала убивать?

— Я... Мне жаль. О чем ты спрашивал? — ее голова упала, но она боролась со сном. Побеждена.

Думая о конце ее свободы, я говорю:

— Ты помнишь ответ на вопрос того доктора? Я хочу знать, почему ты должна была отвергнуть учение своей бабушки.

— Пока нет. Чувствую, что я о-о-очень близко.

Увы, твое время истекло. Теперь я должен принять решение. Мне держать ее в качестве субъекта или компаньона? Пока я пристально смотрю на ее голубые глаза, волны блестящих светлых волос, я снова размышляю о том, что ее место в моей кровати, а не в подzemелье. Хоть она никогда и не покинет этот дом живой, по крайней мере, она бы могла прожить дольше, как ученый.

Джексон хотел, чтобы Эви научила его ухаживать за ней, возможно, она могла научить меня, как не убить ее. Или она была бы слишком большим отвлекающим фактором от моей работы? Я никогда не терпел отвлечения. Пора решить ее судьбу, поиграть в Бога с ее будущим. Я задаю последний вопрос:

— Любишь ли ты Джексона?

Ранее, когда она описала тот поцелуй с ним, я с трудом подавил желание отрезать ей губы. Объект или компаньон, Эви? Она определила свою судьбу, когда прошептала:

— Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу его. Даже после того, что произошло... Джексон до сих пор в моем сердце.

Ярость вскипает во мне.

— Не совсем, дорогая. Но оно будет моим. Я буду сжимать его в руках.

Она едва может держать голову.

— Хм?

— Пора, Эви. — Я поднялся, достал один из скальпелей из своего чемодана. Она косо смотрит на меня, но даже это состояние не регистрируется ее туманным мозгом. Она произносит нечленораздельно:

— Что это?

— Скальпель, которым я воспользуюсь, чтобы разрезать на куски твое красивое лицо, если ты не встанешь сейчас же.

Она задыхается, открывая глаза шире, качая головой, пытаюсь ее прояснить. Я должен признать, что это — мое любимое время с новой игрушкой. Я могу только вообразить тошнотворное чувство озарения. То, выворачивающее желудок, ощущение предательства. Затем леденящий кости ужас.

— Встань. Сейчас же, девочка.

С криком она поднимается на дрожащие ноги, но падает назад на стул, затем пытается снова. Адреналин начинает прокачиваться через ее систему. Чувство тревоги охватило ее, но движения остаются вялыми.

— Артур, ч-что ты делаешь?

Я хватаю ее плечо.

— Идем. Сейчас.

— О Боже, о Боже, куда мы идем? — она шаркает, неуклюже шагая рядом со мной.

— В подzemелье.

— П-подземелье? — Она качнулась, как будто падала в обморок, но я дернул ее, вернув в вертикальное положение. — П-почему ты это делаешь? Что я сделала?

— Ты вошла в мое логово, как будто предлагая себя, для моих исследований, для моих... экспериментов. Твое тело равняется знанию, еще не полученному. Это — твоя единственная ценность.

— Эксперименты? — мне кажется, ее вырвет, но у меня есть порошок в лаборатории, чтобы предотвратить это. Я помню о моих вельветовых штанах.

— Ты была обречена, как только моя дверь закрылась за тобой. Я нуждаюсь в тебе, Эви. Моя работа это — все. Я должен знать все.

— Пожалуйста, не причиняй мне вред, Артур! Ты слышал мою историю, разве я пережила все это, только ради того... чтобы ты обидел меня?

— Ты лжешь мне. Все вранье! Снова и снова, я был на грани того, чтобы наказать тебя. Ты не можешь подтвердить свою историю!

Когда я отпираю дверь подвала, она кричит:

— Что там внизу?

— Вниз. Сейчас же! — я подтолкнул ее вниз по лестнице. Она поскользнулась, и почти упала пока я ее не поймал.

Когда мы спустились в лабораторию со всеми моими кипящими зельями, я наслаждаюсь ее испуганным взглядом. Тогда я тяну ее мимо пластикового занавеса в подzemелье.

— Твой новый дом.

Круглыми глазами она уставилась на других девушек, съёжившихся у стены.

— Ты... выкрал их? — затем она замечает останки.

Эви наклоняет голову в сторону разложившегося тела, как будто не может смириться с увиденным. Вот оно, озарение... Ее глаза стали пустыми, дрожащая рука прижалась ко рту. Поняла, что случится в один прекрасный день?

— Ну, Эви, давай поселимся. — Я толкаю ее в угол к подопытной, указывая на разлагающуюся грудю останков. — Доставай свой новый ошейник из той кучи мусора.

Она отшатнулась.

— Ч-что?

— Прими свою судьбу, и ты будешь жить какое-то время.

— Ты не хочешь сделать это со мной, Артур.

— Достань ошейник СЕЙЧАС ЖЕ! — закричал я, брызгая слюной. Другие девушки свернулись в своих гнездах, открыто плача. Но не Эви. Она задыхается от одного слова:

— Нет.

Другие девушки захныкали, самая младшая начала звать свою мать, как обычно.

— Нет? — легкий удар запястьем и мой скальпель поместит новый объект под мою власть. — За эти слова я должен был вырезать тебе язык и бросить его в кувшин, чтобы ты каждый день видела его. — Я начал подходить к ней, ярость затуманила мой взгляд.

Про себя она шепчет:

— Ах, Боже. Я потеряна.

— Совершенно потеряна! Это в последний раз, когда ты не подчинилась мне. — Я тянусь к ней рукой, держа скальпель в другой.

— Ну же, Артур, — я смутно слышу ее шепот. — Тронь...

Что это значит? Она говорила эти слова раньше, робким девичьим голосом, но этот страстный тон смутил меня. Она заканчивает:

— ...но ты заплатишь свою цену.

Размытое движение между нами. Как только я ощутил ее неотразимый аромат роз, четыре параллельные раны перечеркнули мой торс. Я посмотрел вниз и выронил скальпель. Горячая кровь вытекала из меня. Моя плоть обмякла, твердым остался лишь исследовательский взгляд:

— К-как?

Эви выпрямляется, несмотря на действие наркотиков. Ее глаза внимательны и они ярко...зеленые. Виноградная лоза появляется на ее щеке и опускается вниз к ее шее, сверкая сквозь ее бледную кожу как пылающая зеленая метка. Локоны ее волос покраснели. Кончик каждого пальца превратился в бритвенно-острый шип, с которого капала моя кровь. Она не галлюцинация. Эванджелин наполнена властью, упивается ей.

Я прижимаю ладони к своим ранам; кровь брызжет сквозь мои пальцы.

— Т-ты заставила меня поверить, в то, что ты лжешь или бредишь!

— Я говорила, что не все в моем рассказе правда. Например, я опустила ту часть, где было про тебя.

— Меня?

— Я не хочу обижать тебя, Артур. Но ты не оставил мне выбора! — она заметно дрожит и возбуждена, после того, как ударила меня.

— Как сказал Джексон, с меня ХВАТИТ!

Дом начал трястись, посыпался дождь штукатурки с потолка.

— Меня тошнит от этого мира, тошнит от нападений и похищений!

От потери крови, мне становится холодно — как она и говорила.

— Все, что я хотела — это быть нормальной. Но сегодня я поняла, что это невозможно. Даже без Смерти и Арканов, я знаю, что нет надежды на это. Как только я увидела этих девушек прикованных здесь, это поразило меня — я не такая. Я не нормальная. Я не могу оказаться в ловушке. Я просто должна стать порочной Императрицей, я была рождена для этого. И как ты правильно отметил, единственный, кто меня сдерживал, — Джексон — ушел.

Она подступает ближе. Я отступаю назад к лаборатории. У меня есть тоники, чтобы излечить меня. Это еще не конец!

— На протяжении последних двух дней, у меня было достаточно времени, чтобы обдумать свой выбор. Я думала о своей напористой матери. Она бы воспользовалась этими силами. Я подумала о Клотиль — о том, как они были нужны ей в последние моменты жизни! И затем, рассказывая тебе свою историю, укрепила в своих чувствах.

Я почти у пластиковых штор. Если я смогу достичь своего рабочего места...

— Мне стыдно, что я когда-то думала о том, чтобы сдать, похоронив себя в землю, чтобы спрятаться от таких людей, как ты. Но только не теперь. Императрица не позволит держать себя в клетке или пытаться. Она искусно заманивает и наказывает. Я наказываю.

Ярость Эви начинает угасать, дом перестает трястись.

— Я не злюсь на тебя за то, что ты пытался меня отравить. Но за это придется расплачиваться.

— Как... как ты узнала?

Она издала смешок.

— Добавку растительных токсинов в шоколаде? Я чувствовала их запах, чувствовала, что они делают. Помнишь мой титул? Я не могу отравиться, я отравляю. Я Принцесса всего этого.

Листья теперь запутались в ее рыжих волосах, завораживающие глифы плелись по ее рукам. Она побледнела, ужасная богиня.

— Я вылила кружку, когда ты уносил поднос. Хотя наверное, это не подействовало бы на меня. А на тебя? Ты точно отравлен моими когтями. И прямо сейчас ты умираешь.

— Нет. Невозможно. — Я пытаюсь сопротивляться, хотя уже чувствую, как бежит ее невидимый яд по моим венам. Сейчас я чувствую предательство и ужас, какие только мог вообразить. — Почему ты пришла ко мне? Зачем ты пришла сюда?

— Пока я ехала на север, я услышала новый голос. Твой. — Она прикоснулась своим зловещим когтем к подбородку, продолжая, — я, кажется, забыла упомянуть эту маленькую деталь. В любом случае, твой голос становился все громче, громче всех, громче даже Смерти — который стал довольно разговорчив, когда я осталась одна. — Она нахмурилась, пожав плечами. — Но твой голос слышался совсем рядом. «Мудрец в облике мальчика». Это звучит знакомо?

Я издал сдавленный звук:

— Ты не могла слышать меня.

— Ты один из Арканов, Артур. Долгое время я не могла понять, какой именно, не могла вспомнить бабушкины карты достаточно хорошо, чтобы найти соответствующую тебе. Нет, пока я не увидела твои эксперименты здесь, в твоём жутком маленьком логове. Ты Отшельник. Старик держащий фонарь.

— Один из вас? — я искривляю губы. — Никогда!

— Ты отрицаешь это, точно так же, как и я до этого. Неудивительно, что Мэтью был настолько разочарован во мне.

— Если ты считаешь, что я один из вас, то ты пришла сюда, намереваясь сделать мне плохо!

— Нет, я искала тебя, надеясь, что ты знал свою судьбу — быть Арканом, и сможешь объяснить мне мою, надеясь, что на самом деле ты хороший, в отличие от тех, с кем я до сих пор сталкивалась. Но я была готова защищаться, если бы это было не так.

Одна моя нога подгибается и я хватаюсь за операционный стол. Я ловлю свое отражение в нержавеющей стали. Я... изменился. Я вижу старика, держащего фонарь в темноте. Моя собственная Карта? Затем, моя внешность возвращается к нормальной.

— Артур, ты Отшельник, также известный как алхимик.

— Алхимик? — унылый рев начинается в моей голове. Алхимик. Это — все, чем я когда-либо хотел быть! Да. Вот кем я всегда был. Это еще никогда не было более очевидным для меня. Конечно, Эви показалась мне особенной, когда я сначала столкнулся с ней — потому что я видел ее карту. Я не хотел затащить ее в постель с распростертыми объятиями; я видел карту Императрицы и это меня притягивало.

— Я намекала тебе, ждала, что ты узнаешь некоторые стороны моей истории, выдашь себя. — Она наклонила голову, перекинув свои длинные шелковистые волосы через плечо, утопив меня в своем сочном аромате роз, угрожая подчинить меня даже сейчас.

— Мое предположение? Ты витал так далеко со своими чокнутыми замыслами, что не слышал голоса. — Она наклоняется и говорит доверительным тоном, — накачивался наркотиками, пока твой мозг не превратится в суп? Я была там, приятель.

— Далеко? Я хотел сосредоточиться! — окровавленная слюна брызгает из моего рта. — Голоса... — Вдруг я припомнил, что ненавижу какофонию бесполезных повторов. — Они сводили меня с ума!

— Как Мэтью и говорил. Если не слушать голоса, тогда ты умрешь, слыша их злорадный шепот.

Раз другие Арканы обладают сверхъестественными способностями, то и я тоже. Вспомнив о силах, которыми я обладаю, я повернулся в сторону лаборатории. Позади меня девочки умоляли Эви освободить их, хотя они боялись ее так же, как когда-то меня.

Пока Эви глупо оказывала им милость, я согнулся над своим рабочим местом, хватая каждый флакон, до которого мог дотянуться. Я жадно выпивал их разноцветное содержимое, один за другим. Черный — противоядие ее яду. Синий — чтобы сделать меня сильнее, агрессивнее, быстрее. Красный — исцелит мои раны. Я недооценил ее; но она сделала то же самое со мной. Если я сумею попасть наверх, то достану оружие, стратегически спрятанное всюду в моем доме. Я превращу ее в зловонную лужу, как Отца.

Хотя она должна слышать как я пью микстуры, она не боится, терпеливо говоря моим подопытным — моим, — что она собирается порвать их цепи своими когтями.

— Не бойтесь, — она уверяет их. — Вы почти свободны.

Три разреза и девочки выбираются из темницы, освобождая мне пространство, борясь

друг с другом, чтобы быстрее забраться вверх по лестнице. Я тоже направился к лестнице, ползя по полу, выигрывая время, чтобы эликсиры подействовали.

— На чем мы остановились? — спрашивает Эви, поскольку она появляется из-за пластикового занавеса. Она встряхивает руками, будто только что их вымыла. У основания лестницы я повернулся, чтобы держать ее в поле зрения.

— Зачем играешь со мной? — она должна продолжать говорить. Я уже почувствовал, как одно зелье нейтрализовало ее токсин. Под моей прижатой рукой тело начало залечиваться. — Зачем ведешь себя, словно яд уже взял меня?

— Как я уже говорила, иногда я играю роли. Я притворялась беззаботной сиделкой, когда моя мать умирала; я притворялась равнодушной к Джексону с Селеной, хотя сходила с ума от ревности. Я притворилась накачанной наркотиками, и ты показал, что собирался делать со мной. И то, что у тебя в подвале.

— Зачем рассказала мне свою историю?

— Ты что меня не слушал? — просила она со вздохом, — я сама в ожидании, помнишь? Заманиваю. Ты должен был сделать первый шаг. — Пока я сражаюсь со ступеньками, она невозмутимо следует за мной. — И мне потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что ты пытался опоить меня, поэтому только один из нас покинет этот дом живым. Кроме того, мне нужно было время восстановиться после напряженного дня... садоводства.

— Садоводства? — я нахмурился, не поняв смысла ее слов.

— Затем ты ударил. Склонил чашу весов.

Наконец-то сила начала наполнять меня, мои мускулы увеличились.

— Это не конец. Я снова ударю. Я зарежу тебя, девочка.

— Правда? — выражение ее лица было жестоким, зеленые глаза лишены жалости. — Разве ты не видишь, Артур? Джексон ошибался. Это может быть и не в моем стиле, но я могу охотиться. Я охочусь на тебя.

Артур медленно движется вверх по лестнице, хрипя и по-прежнему угрожая мне, обнажая свои кровавые зубы. Могла ли я себе представить, что дойду до такого? Я пришла сюда в эмоциональном беспорядке, не отойдя от двухдневных рыданий. Маленькое чудо. Я никогда не была в таком одиночестве, без друзей и семьи. Меня раньше никогда не предавал парень. Да, я пришла сюда в поисках ответов от Артура, но больше всего хотелось сочувствующего объятия, похлопывания по плечу, любого проявления доброты. И что еще хуже, я все же ждала этого.

Я была добра к людям в прошлом и даже после Вспышки — после всех тех попыток меня обидеть, я все еще лелеяла эту наивную веру, что люди могли быть хорошими по отношению ко мне. Когда я впервые взглянула на Артура с его скромностью, лже-скорлупой, я подумала: новый друг. Как просто. Господи, как же сильно я нуждалась в друге. Вместо этого, я нашла психопата.

Даже сейчас, три девушки наверху звали на помощь, не в силах выбраться из этого логова. Я слышала, как младшая кричала, зовя свою мать. Я могла только догадываться, как долго он пытал их. Сегодня Артур изменил меня навсегда. Он подтолкнул меня к краю, заставляя делать то, что когда-то было моим худшим кошмаром. Я изменилась. До Артура. И после. И нет пути обратно.

Я ненавидела его за это.

Когда мы достигли верхней ступеньки, он медленно переваливается через порог, с ворчанием смотря на свой вспоротый живот, и начинает как краб ползти по полу, он смотрит то на меня, то на входную дверь, до которой он хочет добраться. Когда он приближается ко входу, девушки кричат и забиваются в угол. У двери он поднимается на колени и пытается дотянуться до дверной ручки, которой нет.

— Оказался в собственной ловушке? Ты пресмыкающийся, грязный демон.

Стремительный взгляд на меня через плечо, и он лезет в задний карман брюк, вытаскивая пару плоскогубцев.

Я продолжаю приближаться, из-за чего он все больше и больше нервничает. Эта власть пьянит. Неудивительно, что красная ведьма так много смеется. Я начинаю видеть эту привлекательность.

— Я следила за тобой в городе, прежде чем прийти сюда, но ты знал об этом, не так ли? Ты не знал, что мы оба готовились к этой встрече.

Мэтью предупредил меня относительно приманок; Алхимик использовал несколько, чтобы заманить меня в его логово, и я была осторожна. Яркий фонарь на его доме — свет во тьме. Тушеное мясо пахло и было как пир, а я была так голодна. Но позже он разжёл во мне огонь предвкушения, он оставил мне много времени, чтобы прибегнуть к моему особому виду защиты.

Я чувствовала как становлюсь красной ведьмой. Своей кровью, я оживляла мертвые растения, и они чувствовали кровь которая вернула их к жизни. Затем практиковалась с ними. Арсенал. Сейчас розы, виноград, и дубы ждали снаружи, чтобы пойти на штурм владений Алхимика. Торнадо шипов с верхних сучьев.

— Ты думал, что я была такой бледной и слабой, — говорю я ему. — Это только потому, что я выздоравливала от потери крови. Спасибо за предоставленную мне

ВОЗМОЖНОСТЬ.

Он поднял свои плоскогубцы вверх... вверх, на несколько футов от земли. В панике он хватается металлический стержень — все, что осталось от внутренней части дверной ручки, крутит изо всех сил. Кровь начинает капать с его ладоней.

— Спроси себя, Алхимик, ты действительно хочешь выйти через эту дверь?

Через плечо он усмехается:

— Ты аберрация*, урод! Вот почему твой драгоценный Джексон выбрал другую, потому что он чувствовал, что ты неправильная! Он отверг тебя.

(* Прим. Редактора: Аберрация — отклонение от нормы, ошибка.)

Я не отрицаю этого. Честно-честно. Черт, это может быть правдой, но откуда мне знать? По-видимому я действительно ничего не знаю о парнях. Даже увидев как Джексон целует Селену, я до сих пор скучаю по нему. Интересно, эта боль когда-нибудь пройдет?

Артур начинает подниматься на ноги. Это... удивительно. Я слышала, как он пил что-то вниз, но я не знала что, возможно противоядие. Когда он встал, я поняла, что его туловище заживает со скоростью, соответствующей моей собственной регенерации.

— Я не без талантов, Эви. — На моих глазах, его мышцы растут, натягивая его одежду. Он бросает мне такую триумфальную ухмылку, что мне становится интересно, может ли он быть вооружен лучше, чем я?

— Ты никогда бы не подумала, насколько сильным я могу быть. — Он вырывает дверь из рамы, как лист бумаги. Поднимает ее над головой и бросает в меня, я кричу, когда она ударяет меня в плечо, отбрасывая к стене. Моё зрение рассеялось, мне кажется, что я слышу вдалеке эхо голоса Джексона.

— Эванджелин!

Я дышу через боль, борюсь с весом двери, отчаянно извиваюсь, чтобы выбраться из-под неё. Я все еще так слаба телом, тощая маленькая девочка!

— Эви! Ответь мне черт побери! — Джексон здесь? Как он нашел этот город?

— Где ты? — я слышала тоску в его громком голосе, его отчаянье, когда он пытался докричаться до меня. Зачем он приехал? Он ведь покончил со мной.

Затем он прокричал кому-то:

— Скажи мне точно, где она, мальчик, или я выпущу тебе кишки, клянусь Богом!

Мэтью тоже здесь?

Артур бросается с порога в дальний конец комнаты. Вместо того, чтобы бежать, он бросается к своему кабинету, я смотрю в недоумении, как он пытается дотянуться над столом к закупоренным флаконам.

К этому времени, я уже освободилась и могу встать на ноги? Он бросает флаконы в меня. Они разбиваются, обрызгивая мою кожу своим содержимым. Кислота. Боль. Парализующая. Дурманящая. Я кричу. Кожу на моем предплечье и бедре начинает разъедать. Я падаю на колени. Сознание тускнеет. Мучительный рев.

— Эванджелин! — голос Джексона, как маяк, заставляет меня сфокусироваться.

Артур подкрался ближе, обещая:

— Я заставлю тебя растаять, дюйм за дюймом, как сделал это с отцом.

Я изо всех сил держусь, игнорируя шипение и горение моей плоти, пока она начинает заживать.

Когда Алхимик увидел мою регенерирующую кожу, он пробормотал:

— Невозможно.

— Ты продолжаешь говорить, о... о вещах, которые... уже происходят. — Сказала я задыхаясь. Он не видел даже части моих сил. Эта мысль заставляет меня самодовольно гордиться собой. Я пошатываясь встаю на ноги.

Наконец я готова и призываю моих солдат, вводя их в бой. Они таранят своими телами крыльцо и обвивают лианами окна, как змеи вползая в каждую комнату. Когда-то Мэтью сказал, что в бою становится горячо, и я чувствую, как моя кровь бежит по венам. Славно! Я кричу и мои солдаты нападают. Колючие стебли как драпировка дома. Позади меня зеленая стена растений, вьющейся массы. Когда они начинают ползти вперед, Артур замирает с ужасом в глазах. Прежде чем добраться до него, они наблюдают как он оббегает вокруг, и пытается бежать к выходу. Он не делает и двух шагов, как перед ним пробиваются стебли побегов, преграждая ему путь наружу. Лиана летит на него с крыльца, извиваясь, наматываясь вокруг его тела, ее концы стали медленно прорастать в его кожу.

— Нееет! Прекрати это, ты, урод!

Стебель розы ползет по потолку, будто нитка бус извивается в воде. Он скользая опускается на его шею.

— Твой новый ошейник, Артур — пробормотала я, когда он попытался удержать стебель.

Остальные стебли связывают его ноги, двигаясь к рукам, как если бы он был опорой, вырывая пронзительный крик из его легких. Затягиваясь, как колючая проволока, врезаясь своими шипами-клыками глубже, глубже, пока его легкие уже не могут расшириться достаточно для второго крика.

Он смотрит на меня через плечо, и в его глазах мольба. Сколько девушек умоляло его не делать им больно? Скольких он облил кислотой? Скольких искалечил? Он планировал сделать это со мной.

Вдруг он начинает биться с безумной силой, и освобождает одну руку. Из кармана, он вырывает последний флакон с кислотой. Прежде, чем он успевает кинуть, я машу рукой — приказ к исполнению. Виноградные лозы удерживая его тело, расходятся в разные стороны, и рвут его пополам. Превращая в брызги крови и расколотые кости, Алхимика больше нет. Две отдельных половины. Брошенные на противоположных концах крыльца. И лужа малинового по середине. Я одержала победу, но победа негативно сказалась на мне.

Когда я, шатаясь, вставала на ноги, мои солдаты держали мою спину, помогая мне встать. Я видела в видениях, что делала красная ведьма, и повторила — я погрузила свои когти в стебель розы — однажды подарив жизнь, теперь я забирала её обратно, в свое тело, ускоряя свое исцеление.

— Эванджелин! — Джексон приближался.

Зачем ты пришел? Зачем, зачем? Скрываться от него не вариант. Я не буду больше прятаться.

— Вебе ответь мне! Пожалуйста!

Я видела как он бежал по улице, Мэтью за ним. Они были не одни. Финн и Селена шли следом. Когда они приблизились к передней части дома, части шиповника раскрылись и показали меня, стоящую посреди двора. Половины моей рваной кровавой футболки и джинсов расплзлись, обнажив мою регенерирующую кожу и светящиеся символы на ней. Мои рыжие волосы сбились от торнадо шипов. Лоза ласково свернулась на моей шее. Я провела рукой по своей щеке, мои ядовитые когти сверкали. Позади меня, тернистой колючей проволокой, лоза стискивала и таранила дом, дубы все еще ждут моей команды.

Они будут давить каждый открытый участок логова алхимика, пока дом не станет бесформенной кучей обломков.

Я посмотрела вниз на других Арканов. Мэтью гордится. Селена фатально спокойна. И не удивлена. Как я и подозревала она знает все о нас. Обо мне. Финнеас ошеломлен, и виноват?

Он пробормотал:

— Никогда не думал, что ты уйдешь.

В стороне, я вижу приоткрытые губы и широкие глаза — это Джексон.

Уйду...? Именно тогда, три девушки начинают пробиваться мимо виноградных лоз в передних дверях. Еще раз махнув рукой, я позволила им пройти. Они бегут из дома Артура, крича.

Но вдруг что-то в низу резко отвлекает мое внимание, я опускаю глаза. На моей руке появляется татуировка, не один из моих символов, а небольшая иллюстрация. Это символ Алхимика, светящийся фонарь, манящий свою жертву. Так странно видеть его на своей коже, которая не кажется больше моей. Мэтью однажды сказал мне, что сражения нужны чтобы бороться и получать новые знаки. Соверши убийство; заработай трофей-татуировку. Я сглатываю, пытаюсь выглядеть легкомысленно, поскольку память захлестывает меня. Наконец, я вспоминаю ответ на тот пугающий вопрос. Доктор спрашивал: «Ты понимаешь, почему ты должна отвергнуть учение своей бабушки?» — Я кивнула, глотая слова: «Потому, что она хочет, чтобы я делала плохие вещи с другими детьми.»

Появилась другая сцена в моем сознании, поездка на машине бабушки с цветами, они были свежие, как в день, когда были сорваны. Когда полицейские сирены гремели позади нас, она сказала мне:

— Раз в несколько веков, начинается новая игра жизни и смерти. Ты должна превзойти двадцать один другой Аркан, Эви. Только это поможет тебе выжить.

— Что это значит, бабушка? — спросила я, запаниковав.

— В конце игры, твои руки будут покрыты их символами. — Съезжая на обочину дороги, она нежно обхватила мой подбородок, я встретилась взглядом, с ее мерцающими карими глазами. — Это значит, что ты собираешься убить их всех...

Убить их всех. Это то, что я есть. В глубине души я знала, что мне, возможно, придется убить Артура? Алхимика, который был обречен в момент когда «запер» меня. Теперь я ношу его символ, навсегда. Я вошла в игру, хочу я того или нет. Неудивительно, что Мэтью спросил меня, не собираюсь ли я убить его. А Селена? Собирала ли она нас вокруг себя специально, планируя убить нас во сне? Может быть, она ждет, чтобы привлечь больше Арканов, как Финна. Интересно, может быть Лучница выжидает правильное время, чтобы было легче убить нас.

Я поворачиваюсь к Джексону, встречая ошеломленный взгляд его серых глаз. Это то, чем я действительно являюсь...

Я замечаю, пропитанную кровью повязку, плотно обтянутую вокруг его руки. Он поранился? Я присматриваюсь. Не повязка. В его руке была... моя красная лента. Ленту он забрал у меня ещё до Вспышки. Он не стоял возле Селены, и он приехал сюда из-за меня. Верю ли я в то, что прямо передо мной — или в моей памяти — они целовались? Что делать, если я неправильно всё поняла?

О, Боже. Финн. А если я вошла к Селене, когда Маг был с ней в одежде Джексона? Смею ли я хвататься за соломинку, потому что я все еще так сильно хочу Джексона? Вполне

возможно, что он никогда не прикасался к ней, не так ли?

В этот головокружительный момент, что я думаю, у нас с Джексоном все еще есть будущее. Я переживаю за него. Он может вернуть меня обратно. Он может спасти меня.

Дом стонет под тяжестью моей лозы, и растений, происходит замыкание. Фундамент дрожит. Хотя я и практиковалась с моими новыми способностями, они еще не полностью под контролем. Моя слабость делает меня неуклюжей с ними. Я начинаю убирать моих солдат, они уползают как змеи, но прежде чем они могут отступить, и опять заснуть, они разрушают весь дом, как треснутое яйцо.

Челюсти Джексона слабеют. Его взгляд стреляет от одной половины дома к другой, а потом косится на что-то в стороне. Ох. Часть алхимика. Ну что кайджан, ты получил маленькую зубастую куклу. Что он скажет? Сделает?

Я нервно провела пальцем по своим когтям, с которых ещё капает кровь. Он сказал мне, что мы могли бы пройти через что угодно. Могу ли я доверять ему? Спаси меня, Джек... Он пятится назад и крестится. Так, как я когда-то предсказала. Одним этим жестом, он полностью разбил мое сердце.

— И все же я не могу не гордиться тобой, Императрица. — Обольстительно прошептал Смерть в моей голове. Я слышала его так ясно, он должен быть где-то близко. Теперь мне нечего терять, больше нет причин жить в страхе перед ним.

— Следи за своими шестерками, Жнец, я вышла на охоту.

Грубый смешок.

— Твоя Смерть ждет.

Я начинаю смеяться, и я не могу остановиться.

Джексон бледнеет еще больше. Я надеюсь, что он покинет меня сейчас и заберёт других с собой, вне зоны моей досягаемости. Потому что иначе, Императрица может просто убить их всех.

Влага скатилась по лицу. Слеза?

Дождь.

Джексон и я смотрим друг на друга, и только капли падают между нами...

Больше книг на сайте - Knigolub.net